KISS

ПОЛ СТЭНЛИ

ЛИЦОМ К МУЗЫКЕ СРЫВАЯ МАСКУ

MUSIC LEGENDS&IDOLS

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хорошо известный благодаря своему сценическому образу Звёздного Мальчика, Пол Стэнли написал мемуары, которые пленяют своей захватывающей смесью личных откровений, историй взлётов и падений, а также отношений и раздоров — и в группе KISS и вне её. Родившись с патологией «микротия», из-за которой он глух на правое ухо, Стэнли пережил нелегкое детство, но именно оно подвигло его искать успеха в наименее вероятной для него сфере деятельности: музыке. Содержит нецензурную лексику

- Пол Стэнли
  -
  - Пролог
  - Часть I. Негде спрятаться, детка, некуда бежать
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
  - Часть II. На улицу за заработком
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- 27
- Часть III. Со мною всякое бывало
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
- Часть IV. Под дулом пистолета
  - 41
  - 42
  - 43
  - 44
  - 45
  - 46
  - 47
  - 48
  - 49
  - 50
- Часть V. Автострада боли
  - 51
  - 52
  - 53
  - 54
  - 55
  - 56
  - 57
  - 58
  - 59
- Часть VI. Навеки
  - 60
  - 61
  - 62
  - 63
  - 64
  - 65
- Об авторе

- О соавторе
- Благодарности
- Иллюстрации

Пол Стэнли
Kiss. Лицом к музыке: срывая маску

Посвящается моей семье

Paul Stanley
Face the Music

Пролог

Аделаида, Австралия, 3 марта 2013 года

Сидя сейчас перед зеркалом, я на секунду останавливаю взгляд на глазах, что смотрят на меня. По периметру этого зеркала — яркие лампочки, как в театральных гримерках, а на столике перед зеркалом — небольшая коробка с гримом. Нам часа через три выходить на сцену, то есть мне уже надо начинать ритуал, являющийся неотъемлемой частью моей профессиональной жизни вот уже сорок лет.

Первым делом я протираю лицо средством, закрывающим по́ры. Затем беру баночку с «белым клоунским» — это жирное средство для макияжа на кремовой основе. Набираю на пальцы эту вязкую жидкость, наношу на все лицо, только вокруг правого глаза оставляю островок, где будет примерно грубый контур звезды.

В свое время этот мой грим служил мне защитной маской, за которой скрывалось лицо одинокого ребенка, чья жизнь в то время была невыносимой. Я родился без правого уха — я еще и глухой на эту сторону. Мое самое душераздирающее воспоминание о детстве — это как детишки дразнят меня «Стэнли-монстр-одноухий!». Причем зачастую я этих детишек вообще не знал. Зато они знали меня, того самого парня, у которого вместо уха бородавка. В обществе людей я чувствовал себя обнаженным. С болью я осознавал, что меня все время пристально рассматривают. Когда же я возвращался домой, моя семья ничего не делала, чтобы мне помочь.

Белый грим наложен, я беру расческу визажиста, и тем ее концом, на котором металлическая точка, прорисовываю контур звезды вокруг правого глаза. На белом гриме появляется дорожка, внутри контура я удаляю грим ватной палочкой для ушей, также я очищаю контур губ.

Персонаж, изображение которого появляется на моем лице, изначально родился как защита, которая защищала меня настоящего. Долгие годы, накладывая этот грим, я чувствовал, как возникает другая личность. Грим постепенно закрашивал неуверенного дефективного ребенка, со всеми его сомнениями и внутренними конфликтами, и появлялся другой парень, тот, которого я создал, чтобы показать всем, что им стоит относиться ко мне лучше, что со мной стоит дружить, что вообще я — особенный. Я создал парня, который *уложит* девушку. Те, кто знал меня в детстве и юности, очень удивились моему успеху с KISS. И я понимаю, почему. Они же не знали, что происходит у

меня внутри. Не знали, почему я был таким, каким был, и к чему стремился. Ни о чем таком они не были в курсе совершенно. Для них я был просто какой-то раздолбай или уродец. Если не чудище.

Я встаю и иду в другую комнату — обычно к гримерке примыкает ванная. Там я, задержав дыхание, обсыпаю лицо белой пудрой. Она фиксирует белизну на моем лице и пропускает пот во время концерта. Сейчас я могу потрогать пальцем лицо, и палец не окрасится в белый цвет. Эту часть процесса я открыл для себя путем проб и ошибок, а пока не открыл, грим, смываемый по́том, слепил меня.

Ребенком я часто мечтал: вот вырасту — стану борцом с преступностью, в маске. Хотел быть Одиноким Рейнджером. Хотел быть Зорро. Хотел быть тем парнем на коне на холме, с маской на лице — это образ из телевизора и кино. Одинокий ребенок хотел стать таким, и он таким и стал. Я создал свою собственную реальность. Созданный мною персонаж, Звездный Мальчик, выходя на сцену, и был *тем самым парнем*, супергероем, полной противоположностью тому, кем я был тогда.

Быть *тем парнем* — я просто балдел от этого.

Но рано или поздно приходилось спускаться по лестнице вниз. А спустившись — сталкиваешься лицом к лицу со своей реальной жизнью во всей ее полноте. Многие годы, когда я уходил со сцены, у меня в голове крутилась только одна мысль: *и что теперь*? Дом тогда был чем-то вроде чистилища. В те короткие периоды, что KISS не были в туре, я сидел на диване в своей нью-йоркской квартире и думал о том, что никто бы ни за что не поверил, что вот я — дома, и пойти мне, блин, больше некуда. Группа была для меня системой жизнеобеспечения, но она же и отторгала все те отношения, что составляют реальную жизнь. У себя дома я не чувствовал ничего, кроме голода: отсутствовало нечто очень важное, и оно ничем не восполнялось. В каком-то смысле я всегда оставался сам с собой отдаленным, недоступным. При этом оставаться наедине с самим собой для меня было невыносимо.

Со временем граница между человеком и персонажем плавно стиралась. Часть образа *того парня* я уносил с собой со сцены. *Того парня* хотели девушки. Люди-то думали, *тот парень* — это и есть настоящий я. Но я-то понимал, что это совсем не так. На сцене я мог создавать такую реальность, но сохранять ее я не мог. Очень трудно жить весь день Звездным Мальчиком, когда сам в это не веришь. Я знал, кто я такой на самом деле. Я знал правду.

К тому же я занимал оборонительную позицию. Когда окружающие подкалывали друг друга, я мог в этом поучаствовать,

но сам принять в этом участие не мог. Я понимал, что гораздо лучше было бы уметь смеяться над своими недостатками и странностями, но дойти до этого самостоятельно не получалось. Побороть же инстинктивную реакцию на то, что ребенком тебя рассматривали и высмеивали, не получалось. Я все еще оставался очень застенчивым и неуверенным в себе. Хотя я сам того не осознавал, меня все еще преследовали горести моего прошлого. Я подпускал в свои шутки злобы за счет других людей.

Ударишь меня — получишь вдвое.

Со сжатыми ладонями жить проще. Но кулаками не добиться того, чего не добиться и сотней других способов с разжатой ладонью. К сожалению, я этого не понимал долго, очень долго. И все то время внутри меня шла борьба, а я ощущал неудовлетворенность, неполноценность и глубочайшее одиночество.

Закрепив белый грим пудрой, я возвращаюсь в гримерку, снова сажусь к зеркалу, вычищаю пудру внутри контура звезды на глазу. Затем я обрисовываю контур звезды черным карандашом для бровей. Наношу на кисточку черный грим, который пожирнее белого клоунского, и рисую звезду. Снова иду в другую комнату, там фиксирую наведенную звезду детской присыпкой на основе талька. Она более матовая, чем пудра на остальной части лица. Возвращаюсь в гримерку, обрисовываю черным водостойким карандашом для глаз контур звезды. Пока все сохнет — смотрюсь в зеркало.

В ранние годы жизни тот, кого я вижу в зеркале, мне не особо нравился. Но я старался — старался стать совсем другим, не строя иллюзий насчет того, какой я есть. Проблема заключалась в том, что как бы я ни старался, цель, как мне казалось, оставалась все так же далека. По мере того, как KISS переживали взлеты и падения, я постепенно осознавал, что все пути, ведущие к тому, что, как мне казалось, меня удовлетворит — или уж во всяком случае примирит с самим собою, — абсолютно ложные. Я думал, что придет слава, и все встанет на свои места. Воображал, что, когда у меня появятся деньги, все наладится. Думал, что когда тебя все хотят — то тут вообще все в порядке. А все это сбылось к 1967 году — тогда KISS прославились альбомом *Alive!*. Но тут оказалось, что когда я кичусь своей славой, то сам от этого не получаю ни малейшего удовольствия. И, хотя к концу 70-х мы заработали миллионы долларов, оказалось, что деньги — а также шмотки, машины и коллекционные гитары, что я скупал, — счастливее меня не делают. Насчет того, что «все тебя хотят». Тут так: с момента выхода нашего первого альбома, секс стал мне доступен в любое время и… да вообще все время. Но тут

выяснилось, что можно лежать с кем-то — и все равно быть одиноким! Кто-то сказал, что невозможно быть более одиноким, чем в постели с не *той*. Чистая правда. Есть, безусловно, положения, в которых страдаешь сильнее, чем в постели с моделью «Плейбоя» или «Пентхауса», но все равно удовольствие тут довольно скоротечное. Нет, все это, конечно, очень сильно радует, но вот только недолго. Короче говоря, я понял, что в душе у меня пустота, и ничто из вышеперечисленного заполнить ее не может.

Когда в 1983 году KISS наконец решили выступать без грима, то оказалось, что без маски я еще больше Звездный Мальчик. Точнее, Звездный Мальчик захватил мою личность. Мое настоящее лицо стало лицом Мальчика. Да, того застенчивого обороняющегося нелюбимого ребенка я до какой-то степени задавил, запретил, загнал внутрь, но я никак его не изменил, не перестроил, никем другим не заменил. Я был чем-то типа раковины или пустой лодки. Я все еще искал идеал личности, которой хотел бы стать, а Звездный Мальчик, хоть теперь и без звезды вокруг глаза, оставался тем образом-посредником, через который я общался с миром. Но я все еще считал — или, во всяком случае, *верил* — в то, что людей проще держать на расстоянии вытянутой руки, чем принимать их близко к сердцу. В конце концов, ведь для того, чтобы тебе было хорошо с людьми, тебе должно быть хорошо с самим собой в первую очередь, а мне-то с собой хорошо все еще не было. Посему и в жизни моей все продолжало идти совсем не так, как надо. Где моя семья? Где мои друзья? Дом мой — что это, где оно?

От той основополагающей истины, что мне до сих пор некомфортно в моей собственной шкуре, никуда было не деться. А если ты не можешь уйти от правды, то у тебя два варианта: либо онеметь — оглохнуть — перестать чувствовать. Либо постараться что-то починить. Вот именно так просто, и никак иначе. А я так нарисован — простите двусмысленность — что для меня выход — это починить себя, а не обдолбаться до бесчувствия. Вот даже в самые тяжкие жизненные периоды — когда моя группа распадалась, когда близкие люди откидывались из-за наркотиков, когда я в отчаянии корчился на полу после развода с первой женой — чувство самосохранения и сильная потребность улучшить себя превосходили все остальные импульсы.

Для некоторых людей опыт близкой смерти становится прозрением. На самом деле, прочтите полку автобиографий рок-музыкантов, и вы увидите, что близость того света для многих из них стала поворотной точкой жизни.

Но у меня вообще не было попыток суицида. Я не злоупотреблял ни наркотиками, ни алкоголем, так что не приходил в себя в реанимационной палате, где мог бы обдумать, как жить дальше. Тем не менее со смертью встречался, и, конечно, такие серьезные моменты заставляли задуматься о душе. Но скажу честно: ничто из этого не оказало на меня столь сильного влияния, как одно событие, которое трудно назвать очень рок-н-ролльным. Откровение явилось мне не тогда, когда я совал ствол пистолета в рот или лежал на больничной койке с дефибриллятором. Оно явилось благодаря участию в одном Бродвейском мюзикле.

В 1999 году я получил главную роль в «Призраке оперы» Эндрю Ллойда-Уэббера, который поставили в Торонто. Заглавный персонаж спектакля — композитор, который носит маску, чтобы скрыть обезображенное лицо. Ну и главную роль играю я, родившийся без уха чудище Стэнли, который всю жизнь пел на сцене, закрасив лицо гримом. Одна сцена в мюзикле психологически очень сильно на меня подействовала. Это тот эпизод, где Призрак, в своем плаще и маске, выглядит очень элегантным, хоть и опасным. Незадолго до того, как похитить и спрятать в своем логове Кристину — певицу, в которую он влюблен, он наклоняется к ней, а она снимает его маску и обнаруживает страшное лицо. Именно этот момент близости, когда Кристина трогает его лицо без маски, сильно задел меня за живое.

Так вот однажды, в то время, когда я играл Призрака, в театр пришло письмо на мое имя. Написала его зрительница, недавно посмотревшая наш спектакль. «Вы так вживаетесь в образ, что прямо становитесь персонажем, — писала она, — я ни у одного другого актера такого не видела». А далее она написала, что работает в организации под названием AboutFace, которая помогает детям, у которых деформировано лицо. «Могло бы вас заинтересовать сотрудничество с нами?»

Ого! Как это она так все просекла?

Про ухо мое я никогда ничего не говорил. Я еще подростком, как только разрешили, отрастил длинные волосы — закрыл ими ухо, а про свою частичную глухоту не упоминал нигде и никогда. Эти секреты я хранил строго. Слишком личное, слишком болезненное. Я решил позвонить этой даме, не зная, чего ожидать и что сказать. Но я открылся ей — и мне сразу полегчало. А вскоре я уже сотрудничал с ее организацией. Я общался с детьми и их родителями, рассказывал про свою проблему, как я ее переживал, выслушивал их рассказы, в общем, делился опытом. Эффект для меня был совершенно удивительным.

Разговаривая про то болезненное, что я хранил в тайне так много лет, я почувствовал невероятное облегчение. Меня освободила правда, правда и «Призрак оперы». Каким-то образом маска Призрака помогла мне раскрыть себя. В 2000 году я принял на себя роль спикера организации AboutFace. Оказалось, что когда я помогаю другим, то и сам выздоравливаю. В жизни моей воцарилось неведомое до того спокойствие. Я ведь все время искал каких-то внешние зацепки, которые помогут мне выбраться из бездны, тогда как вся проблема скрывалась только внутри меня.

> Невозможно взять кого-то за руку, пока твоя ладонь сжата в кулак.
> Красоту вокруг себя не разглядишь, если не видишь ее у себя внутри.
> И если сам погряз в собственном ничтожестве, то и других людей не оценишь.

Я осознал, что не те люди слабы, которые показывают свои эмоции, а те, которые их прячут. Мне пришлось пересмотреть свое представление о том, что такое «сильный». Быть действительно «настоящим мужчиной» — это значит быть сильным: настолько сильным, чтобы плакать, настолько сильным, чтобы быть добрым, сочувствующим, пропускающим других вперед себя, боящимся, но все же ищущим свой путь, прощающим и просящим прощения.

Чем больше я примирялся с собой, тем больше мог отдавать. И чем больше я дарил себя другим, тем больше я обнаруживал того, что должен отдать.

И вскоре после этой перемены во мне я познакомился с Эрин Саттон, умной уверенной адвокатессой. Мы с самого начала были совершенно честны друг с другом, полностью открыты друг другу; ноль драмы вообще. Она все понимала, заботилась обо мне, во всем меня поддерживала, и, что самое главное, вела себя уверенно, последовательно и стойко. Мы не ринулись в отношения сразу, но несколько лет спустя поняли, что не можем даже представить себя отдельно друг от друга. «Я и не надеялся, что у меня когда-нибудь будут такие отношения, — признавался я ей. — Потому что я вообще не знал, что такое бывает».

> Такой жизни я искал.
> Это плата.
> Вот что чувствуешь, когда ты… целостен.

И именно некий поиск, постоянное стремление к тому, что я должен, как мне казалось, иметь — не только в материальном плане, но и в смысле того, кем мне следует быть, — дали мне возможность достичь этой точки. Поиск этот начался с постановки цели стать рок-звездой, а закончился чем-то совершенно иным.

Вот о чем, собственно, эта книга. Также я хочу, чтобы в один прекрасный день ее прочитали мои дети, несмотря на тот факт, что избранный мной путь оказался долгим, тяжким и петляющим по разным диким местам и временам. Я хочу, чтоб дети поняли, какова была моя жизнь — со всеми ее бородавками и всем прочим. Я хочу, чтоб они поняли, что на самом деле все всегда зависит от нас, и что любой может сделать свою жизнь прекрасной. Да, возможно, будет тяжело. Наверное, займет больше времени, чем ты думаешь. Но это возможно. Для каждого.

Я собираюсь с мыслями и снова бросаю взгляд на зеркало. На меня смотрит знакомая белая физиономия с черной звездой. Осталось пшикнуть на волосы одним-двумя баллончиками лака, чтоб стояли до потолка. Ну и конечно, накрасить губы красной помадой. Сейчас, разумеется, я не могу носить такое лицо с серьезным видом — улыбаюсь от уха до уха. Сейчас уже хочется вместе со Звездным Мальчиком праздновать и веселиться — он же старый друг, а не альтер эго, за которым прячешься.

Там, за дверьми, сорок пять тысяч людей в ожидании. Запечатлеваю выход на сцену.

Ты хотел лучшего, ты получил лучшее, самую крутую группу в мире…

Я даю отсчет в «Detroit Rock City» — и понеслась: черный занавес падает, я, Джин Симмонс и Томми Тейер вылетаем на сцену из стручка, подвешенного в сорока футах, а за нами Эрик Сингер уже бьет в барабаны. Фейерверки, огни! Первый вздох толпы бьет тебя — ты это ощущаешь прямо физически. *Ба-бах!* Такой драйв! Ничего круче представить невозможно. Со сцены я люблю смотреть, как люди прыгают, танцуют, целуются, радуются — и все в состоянии экстаза. Я просто балдею от этого. Прямо сборище племени. KISS давно стали традицией, ритуалом, передающимся от поколения к поколению. Вообще, это удивительный дар — уметь общаться с людьми на таком уровне, получать столько от них от всех, от всех нас, и продолжается это уже десятилетия спустя после того, как мы начали играть. На протяжении всего концерта улыбка не сойдет с моего лица.

Но что самое лучшее — улыбка останется на губах, даже когда я сойду со сцены и вернусь в мою реальную жизнь. Во всей ее красе.

Есть люди, которые не хотят возвращаться домой, — они вообще *никогда* не хотят идти домой. Я сам когда-то был таким. А сейчас я просто обожаю возвращаться домой. Потому что где-то на этом длинном пути я наконец понял, как создать свой дом, настоящий дом, тот самый, в котором лучше, чем в самых хороших гостях.

Часть I. Негде спрятаться, детка, некуда бежать

1

Вообще, «дом» — это очень интересное понятие. Вот для большинства людей дом — надежное убежище. Мой первый дом был для меня чем угодно, только не убежищем.

Я родился 20 января 1952 года. При рождении мне было дано имя Стэнли Берт Айзен. Нью-йоркская квартира, в которую родители привезли меня, располагалась на пересечении 211-й улицы и Бродвея, это самый северный край Манхэттена. Я родился с врожденным дефектом, который называется микротия. Это когда ушная раковина не смогла развиться, и вместо уха — бесформенная масса, размер которой зависит от тяжести состояния. У меня на правой части головы нарост — не крупнее бородавки. К тому же ушной канал оказался перекрыт, так что на правую сторону я не слышал. Из-за этого я не мог определять положение источника звука, также мне было ужасно сложно понимать людей, если есть хоть какой-нибудь фоновый шум или разговор. Из-за этих проблем я стал инстинктивно избегать любых ситуаций, где нужно было общаться. Мое самое раннее воспоминание: мама, папа и я в нашей гостиной, где шторы закрыты, как будто наш разговор должен остаться строго между нами. «Если кто-нибудь когда-нибудь тебя спросит, что случилось с твоим ухом, — наставляют меня родители, — Скажи им, что таким родился».

Вначале… был Звездный Мальчик

Моя сестра, папа и я в парке Инвуд-Хилл недалеко от нашего дома в Верхнем Манхэттене, 1952 год

Мы с мамой и папой на озере Мохеган-Лейк в Нью-Йорке

Если мы игнорируем это — так, похоже, полагали мои родители, — *то этого не существует.* Эта философия определяла и порядок в нашем доме, и большую часть моего детства. Для сложнейших ситуаций я получал простейшие ответы. Но вопреки тому, что родители проблему мою игнорировали, все остальные ее замечали.

Дети явно отделяют личность от уродства, поэтому я стал восприниматься не как маленький ребенок, а как объект. Но пялились-то на меня не только дети, но и взрослые, что значительно хуже. Однажды в магазине на 207-й улице, недалеко от нашего дома, я вдруг почувствовал, что какой-то взрослый человек в очереди уставился на меня, причем разглядывает меня как некую диковинную штуковину. Такой взгляд не ограничивается тобой и глазеющим на тебя. Напротив, он привлекает всеобщее внимание. А стать центром внимания — это жуть. Я понял, что такое вот пристальное изучение и постоянное внимание к твоей персоне — мука похлеще любых насмешек.

В то время друзей у меня, что и говорить, было немного.

Когда мама впервые отвела меня в детский сад, я очень хотел, чтоб она тут же у дверей развернулась и ушла. Она явно чувствовала гордость, и я хотел, чтоб она ушла поскорее не по той причине, по какой она думала. Она-то думала, что я самостоятельный и уверенный в себе. А я просто не хотел, чтоб она увидела, как на меня сейчас все уставятся. Не хотел, чтоб она видела, что ко мне можно относиться по-другому. Я же в тот

момент попал к незнакомым детям, и терпеть все это у нее на глазах я не хотел. Тот факт, что она мною гордилась, выявило то, что она вообще ничего про меня не знала и не понимала, — все мои страхи прошли мимо нее.

Однажды я прибежал домой в слезах: «Мне плюнули в лицо!». Я пришел в родной дом за поддержкой и материнским утешением. Думал, что она спросит, кто это сделал, пойдет к родителям моего обидчика и объяснит, что подобное поведение их ребенка недопустимо. А в ответ услышал: «Стэнли, не прибегай ко мне в слезах, сражайся за себя сам».

Сражаться за себя? Да мне пять лет от роду!

Я вообще никому не хочу больно делать. Пусть меня просто оставят в покое, и больше я ничего не хочу.

Я пошел обратно на улицу и нашел мальчика, который в меня плюнул. И засадил ему в глаз. А он, похоже, уже все забыл и не понял, в чем дело.

Но после этого стало совершенно ясно одно: дом мой — не то место, где мне помогут. Бьют меня, издеваются или что-то еще — придется справляться со всем этим самому.

Жили мы практически дверь в дверь с моей начальной государственной школой PS 98. Территория школы разделялась на три зоны, отделенные друг от друга забором из сетки-рабицы. Там, за забором, иногда появлялся какой-то мальчик, чьего имени-фамилии я не знал, а он знал, как зовут меня. Завидев меня, он с безопасного расстояния кричал: «Стэнли-монстр-одноухий! Стэнли-монстр-одноухий!»

Верхний ряд, третий слева: в первом классе, в позе бейсболиста. P.S. 98, 1958 год

Я понятия не имел, откуда он узнал мое имя, но меня это и не интересовало, я ломал голову только над одним: ну зачем ты это делаешь, зачем? Мне же больно!

На самом деле больно.

Пареньком он был ничем не примечательным, трудно описать даже. Примерно мой ровесник, волосы темно-русые, невысокий, некрупный. То есть я его легко бы побил. Если бы поймал. Но он всегда держался вдали, за забором к тому же, и если б я за ним погнался, он бы успел спрятаться в здании.

Только б мне его поймать.

И поймал-таки. В один прекрасный день, когда он снова завел свою шарманку: «Стэнли-монстр-одноухий!», я привычно сжался. В голове моей звучала мольба: ну перестань, люди же слышат, люди же смотрят на меня!

Ну и как обычно — от взглядов нигде не спрятаться.

Но именно в этот раз я успел догнать его и схватить. Он вдруг жутко испугался, заревел: «Не бей меня!». В этот момент он был похож на испуганного.

«Прекрати так делать, понял? — я тряхнул его. — Прекрати!»

Бить я его не стал. Расхотелось, глядя на него такого. Я понадеялся, что не ударю — и он надо мной смилостивится. Отпустил. А он даже тридцати ярдов не отбежал, как повернулся и заорал: «Стэнли-монстр-одноухий!».

Ну почему?

За что ты так со мною?

За что?

Я не мог ничего сформулировать, но чувствовал себя крайне уязвимым, совершенно обнаженным. Никак не мог себя защитить от взглядов и насмешек, которые, казалось, присутствовали всегда и везде. Так что я еще маленьким выработал взрывной характер.

Родители же, вместо того чтобы понять, что такой темперамент — признак поиска защиты и помощи, принялись решать эту проблему путем запугивания меня. «Не будешь себя контролировать, — шипели они угрожающе, — отведем к психиатру». Я тогда знать не знал, что такое этот психиатр, но словечко это явно ничего хорошего не предвещало. Звучало как какое-то дьявольское наказание: я так и видел, как в больничной палате меня кто-то мучает.

Ну и в любом случае я и дома чувствовал себя не очень безопасно. Родители вечерами частенько уходили, а нас с сестрой

Джулией, которая всего на два года старше, оставляли одних дома. «Никому не открывать!» — только это они и говорили, оставляя шестилетнего с восьмилетней одних. Мы так боялись, что, ложась спать, клали под подушки ножи и молотки. Утром просыпались пораньше, чтоб потихоньку положить оружие на место, а то родители наорут.

Мы с Джулией делили на двоих маленькую комнату. Родители спали на выдвижной софе в гостиной. У Джулии очень рано начались проблемы с психикой. Мать говорит, что она всегда «отличалась», даже в младенчестве: буйная, склонная к насилию. Сестра меня пугала. И по мере того как мои проблемы усиливались, я все больше и больше волновался, что кончу *как она*.

Меня родители не особо поддерживали, но, надо сказать, они и друг другу опорой не были. Ева, мама моя, доминировала. Папа, Уильям, подчинялся. Мама себя считала сильной, папу — мягким. Еще она себя считала очень умной. А на самом деле это отец был умным и начитанным. Он окончил школу в шестнадцать, в других обстоятельствах поступил бы в колледж, но его семья настояла на том, чтобы он пошел работать и помог оплачивать счета, и он послушался. К моменту моего появления он работал с девяти до пяти продавцом офисной мебели. С работой этой, которую когда-то выбрал от нужды, он со временем смирился. Но не полюбил.

Мать, пока я был маленьким, сидела дома. Но до того она работала медсестрой и помощником учителя в школе для детей с ограниченными возможностями. Потом она снова вышла на работу, но уже в приемный пункт, куда людей отправляли забирать всякий мерчендайзинг после того, как они собрали в специальную книжку комплект марок по разным программам покупательской лояльности, распространенных в супермаркетах в 50-е.

Семья моей мамы когда-то бежала от нацистов из Берлина в Амстердам. В Берлине они оставили все, а мамина мама даже развелась с мужем, что в то время было большой редкостью. После того, как бабушка снова вышла замуж, они все уехали в Нью-Йорк. Члены маминой семьи к другим людям относились снисходительно, и им совершенно незазорно было высмеивать мою прическу и одежду. Я не сразу понял, что для их надменности и непоколебимого чувства собственной правоты не было никаких оснований. Никакого успеха они ни в чем не добились, просто привыкли всех «опускать». Если я в чем-то не соглашался с моей матерью, то в ответ слышал только «ой, перестань», произнесенное так презрительно, что ты понимал:

твое мнение вообще ничего не стоит.

Родители отца — из Польши. Он самый младший из четверых детей. Папа рассказывал мне, что самый старший, Джек, был игроком и алкоголиком. Другой брат, Джо, всю жизнь страдал от резких перемен настроения. А их сестра Моника, явно поддавшись на давление со стороны родителей не покидать родное гнездо, так и не вышла замуж. Я даже маленьким понимал, насколько со стороны бабушки это было манипулятивно и жестоко. Папа рассказывал про трудное несчастливое детство. Отца своего он презирал. Дед умер еще до моего рождения.

Родители мои не были счастливы. Я не знаю, что вообще служило основой их брака, кроме того, чему позднее придумали термин «созависимость». Никакой радости они друг другу не дарили. Не было в нашем доме ни любви, ни нежности. Худшим днем недели обычно была пятница. Отец обычно бывал взволнован из-за чего-нибудь, родители ссорились и потом все выходные друг с другом не разговаривали. Так себя вести час — это ребячество. Видеть, что твои взрослые родители так себя ведут целыми днями, — безумие.

Вдобавок к проблемам друг с другом родителям еще постоянно приходилось заниматься моей сестрой, которая постоянно попадала в неприятности, наживала проблем и в конце концов стала проводить очень много времени в различных психиатрических клиниках. А поскольку на меня все время смотрели как на хорошего ребенка, то и внимания мне дома уделяли все меньше и меньше. В моем случае хороший — это не тот, которого хвалят, а тот, которого игнорируют. В результате я получил зеленый свет примерно на все. Но чувства безопасности мне это не прибавило. Безопасность — это когда есть границы, ограничения, а в их отсутствие я чувствовал себя потерянным, незащищенным и уязвимым, выставленным на всеобщее обозрение. Я не желал свободы, я ею и не наслаждался. Как раз наоборот: меня чуть не парализовало от страха, потому что никто из близких не сказал мне, что я в безопасности.

Очень много времени проводил я в одиночестве. Каждый день начинался с какого-то дурного предчувствия, ощущения отсутствия защиты. Каждый новый день — неопределенность, незащищенность. Наступает новый день — значит снова иметь дело с окружающим миром, на что у меня не было ни сил, ни умений, значит снова дома расшифровывать молчаливые послания.

Убежище я обрел в музыке.

Музыка — один из больших подарков, что я получил от родителей. За что я вечно буду им благодарен. Конечно, они меня

предоставили самому себе, отправили в свободное плавание, но, сами не зная того, указали мне дорогу жизни. Никогда не забуду, как впервые услышал Концерт для фортепиано с оркестром № 5 Ми-бемоль мажор Бетховена, «Император», как его называют. Мне тогда было пять, и мне конкретно снесло крышу.

Для родителей культура и искусство были просто естественной частью жизни. Благоговение перед классической музыкой ощущалось отчетливо. У родителей была здоровая радиола Harman Kardon, на которой они слушали Сибелиуса, Шумана и Моцарта. Но именно Бетховен заставил меня онеметь.

По выходным мы вместе с мамой слушали «Концерты из Мета» по WQXR — эта традиция у нас, кстати, сохранилась, даже когда я подрос. А начав слушать радио, я открыл для себя рок-н-ролл. Кто бы эту музыку ни играл, будь то Эдди Кокрен, Литтл Ричард или Dion&Belmonts, это всегда воспринималось как чистое волшебство. Они ведь пели о столь славной жизни подростков, о которой я сам вскоре стал мечтать. Все эти воспевания идиллической юности меня очень трогали, мне самому хотелось стать тинейджером. Я как будто переносился в волшебную страну, страну, где жизненное беспокойство касалось романтических отношений и *любви*. Ох, братцы, эти молодые люди жили просто-таки идеальной жизнью!

Как-то раз днем мы с бабушкой пошли на прогулку. Перешли мост на 207-й улице, оказались в Бронксе, направились к Фордем-роуд. А там, на дальнем краю улицы, находился магазин грампластинок. Мы зашли туда, и бабушка мне разрешила выбрать мою самую первую пластинку. Это был сингл на 78 оборотов из шеллака «All I Have to Do Is Dream» Everly Brothers.

«Когда хочу твоих объятий крепких…»

Да если бы.

Пока все нормальные детишки с района носились по улице, играя в ковбоев и индейцев, я сидел дома и как сумасшедший без конца слушал вещи типа «A Teenager in Love» и «Why Do Fools Fall in Love». В то время множество «стандартов» уже переделали в песни в стиле ду-воп, и я все время раздражался, когда моя мама напевала эти песни в оригинальных версиях. «Мам, ну там же не так! Там так вот поют…» И тут я запевал, например, «дип-да-дип-дип-дип» из классической «Blue Moon» 1930 года в версии The Marcels. Иногда мама относилась к современным штучкам пренебрежительно, но в основном, похоже, они ее забавляли.

А потом я *увидел* некоторых из тех певцов и групп, что я любил.

Всем известный рок-н-ролльный диджей Алан Фрид начал появляться в телеэфире примерно в то же время, когда состоялся

национальный дебют программы *American Bandstand* Дика Кларка. Безумие и опасность людей типа Джерри Ли Льюиса, который пинком откидывал табуретку и тряс волосами, от меня не ускользнула. А что ускользнуло — так это сексуальность их музыки, что не удивительно, если учитывать, что я видел у себя дома. Моя романтическая фантазия была чиста и стерильна, и даже повзрослев, я сохранял такой взгляд на жизнь. Немало лет должно было пройти, чтоб я понял, наконец, о чем на самом деле песни типа «Will You Still Love Me Tomorrow» The Shirelles («Будешь ли ты любить меня завтра» — песня Джерри Гоффина и Кэрол Кинг о случайной связи. — Прим. пер.).

Но люди эти были круты, безусловно. А крутыми они были потому, что пели. И крутыми они были потому, что люди смотрели на них и им кричали. И вот с такой публикой у тех музыкантов было все, о чем я ребенком страстно мечтал.

Обожание. Ух ты!

В том Верхнем Манхэттене, где мы жили, проживало еще несколько семей еврейских иммигрантов вроде нас, но остальные в основном ирландцы. В соседнем доме проживали две приятные пожилые сестры-католички, Мэри и Хелен Хант, незамужние. Они мне стали как тетушки или даже бабушки. По мере того как мое желание выступать, как мои кумиры, совсем меня захватило, я стал захаживать к тетушкам в гости, чтоб им спеть и станцевать. Как только я выучивал какую-нибудь, *любую*, песню, я стучал к ним в дверь, пел, приплясывал два притопа, прыгая с одной ноги на другую.

Когда я запевал, мои сомнения и боль мгновенно отступали.

И жизнь налаживалась.

2

Мне исполнилось восемь лет, я уже должен был идти в третий класс, когда наша семья переехала из Верхнего Манхэттена в рабочий еврейский район на краю Куинса. Ничего подобного я до того не видал: квартал ограничивали линии деревьев, что росли прям из тротуаров, а через улицу напротив нашего дома располагались заводские ясли, занимавшие целый квартал. А я все высматривал лесничих. Или Лесси.

Большинство местных взрослых на работу ездили в Манхэттен, но сам район жил как маленький городок, затерянный бог знает где. Через три отграниченных деревьями квартала располагалась библиотека, почта, лавка мясника, пекаря, магазин обуви, бакалея A&P, магазин игрушек, магазин скобяных изделий, пиццерия и лавка с мороженым. Я сразу заметил, что одного магазина здесь нет: магазина грампластинок.

Большинство домов в том районе двухэтажные. Некоторые разделялись пополам, чтобы образовать ряд смежных домов; другие, как наш, делились на четыре квартиры, две наверху и две внизу, с двориком у фасада. Мы с сестрой Джулией все еще жили в одной комнате на двоих, но у родителей была теперь своя, отдельная. Детворы в нашем районе было очень много.

Я пошел в школу PS 164. Там не было индивидуальных парт и стульев, на каждого, парты были рассчитаны на двоих. Я молился, чтоб учителя посадили меня на правую сторону — так сосед по парте будет видеть только мое левое, то есть нормальное, ухо. Не хотел я, чтоб кто-то смотрел на ту мою сторону, которую я считал плохой. Не говоря уже о том, что я б не всегда мог расслышать, что мне говорят в мою глухую часть головы.

И в первый же день учительница по фамилии миссис Сондайк велела подойти к ее столу. Я вышел, встал перед всем классом.

Боже, не делай этого.

«Покажи-ка ухо», — сказала она.

Нет, нет, нет!

Она принялась разглядывать меня как научный образец. А это было моим худшим кошмаром. Я остолбенел. Совершенно убитый.

И что мне было делать?

Мне отчаянно хотелось открыть рот и крикнуть: «Не надо!». Но я молчал. Глубоко вздохнув, ждал, когда все закончится.

Если ты это игнорируешь, то его не существует.

Не показывай, что тебе больно!

Вскоре после этого случая мы с отцом шли гуляли, и я его

спросил: «Пап, а я красивый?» Отец такого вопроса не ожидал. Остановился, поглядел под ноги, и сказал: «Ну, ты не страшный».

Благодарю.

Папе — десять баллов. Вот именно это и нужно закрытому, безнадежно стеснительному ребенку. К сожалению, такое станет моделью поведения моих родителей.

И я стал окружать себя невидимой стеной. Превентивно отталкивать других детей. Я принял роль эдакого говнюка-умника или клоуна, занимая такое место в пространстве, рядом с которым никто не хотел находиться. Мне не хотелось все время быть одному, но в то же время я делал все, чтоб люди ко мне не приближались. Меня мучал внутренний конфликт. Я чувствовал себя беспомощным.

Многие дети района ходили вместе в еврейскую школу, что усиливало их дружбу, сложившуюся в PS 164, и рождало новые внешкольные дружбы. В моей семье зажигали свечи и как-то более или менее отмечали еврейские праздники, но религиозными нас назвать было нельзя. Я, например, бар-мицву так и не прошел. Но это все не имеет никакого отношения к тому, почему я не пошел в еврейскую школу. Я просто сказал родителям: не пойду, и все. Чего я не сказал, так это *почему*. Конечно, я ощущал себя евреем, но я очень не хотел лишний раз оказаться среди людей. Жизнь и так была мрачной, так что не стоило попадать в ситуацию, где будешь дрожать от страха унижения.

ОК, занятия в школе заканчиваются в три часа? Ну, а как насчет того же самого с половины четвертого, с другой шайкой детишек?

Отлично.

А в PS 164 был хоровой клуб, и вот он-то меня сильно интересовал. Это ж возможность петь! В клубе каждый год ставили мюзикл, и прослушивали всех желающих сыграть в нем. Я в первый же год решил поучаствовать в отборе. Когда пришла моя очередь, я вышел на сцену, встал перед людьми и открыл рот, ожидая, что сейчас запою. Но издал лишь вялый писк. Короче, оказался я матросом в хоре в спектакле типа «Корабль Ее Величества „Пинафор“, или Возлюбленная матроса». После этого каждый год — в четвертом, пятом и шестом классах — я пытался получить роль в какой-нибудь постановке. Но всякий раз на прослушивании зажимался, и каждый раз пищал этим жидким голоском. И каждый раз вновь оказывался в хоре, хотя, отсмотрев все прослушивание целиком, я убеждался, что легко перепою любого, кто получил главную роль.

PS 164 еще служила базой скаутов. Когда я увидел

однокашников в их синих формах, то сразу подумал, что хорошо бы к ним присоединиться. Когда мой новый друг Хэролд Шифф пришел в своей униформе, я взял с него слово привести меня на ближайший сбор. Хэролд в основном дружил с заметными популярными ребятами, но и с несколькими одиночками вроде меня тоже общался. С некоторыми парнями из отряда он крепко дружил. Например, с Эриком Лондоном, который играл в школьном оркестре с Хэролдом, и Джеем Зингером, игравшим на фортепиано. Я пересекался с Эриком и Джеем в хоровом клубе, но их дружба с Хэролдом основывалась на совместном посещении еврейской школы. Я-то по большей части довольствовался компанией самого себя. А когда к чему-то присоединялся, то находился на периферии.

Я понял, что мне лучше владеть командой, чем играть в ней

Каждый скаут стремился получить наградной значок — за то,

что умел вязать узлы или помогал бабушкам переходить дорогу, — но мне лично на это было наплевать. Единственное, что привлекало меня, — поход и лагерь. Мы, конечно, несколько выходных провели в лагере, но у меня возникала проблема с ориентированием: когда мы шли, я терял из виду остальных. Тогда-то я впервые понял, что если ты глухой на одно ухо, ты не чувствуешь направление. Помню, стоял я на поляне и слушал, как мне кричат: «Мы тууууут!», но я совершенно не представлял, с какой стороны голос: без способности локализовать сигнал это совершенно невозможно. Я чувствовал себя уязвимым, потому что не знал, где я, — вот как еще я не мог определить себя.

Инстинктивно я все еще тянулся к родителям. Но всякий раз, когда после такой ситуации я приходил домой, желая чувствовать себя в безопасности, они не оправдывали моих надежд. «Просто не обращай внимания, само пройдет» — это стало нашей домашней мантрой. Опять двадцать пять. Я бы хотел побольше поддержки и поменьше тычков, но это была несбыточная мечта. Мои родители стойко отказывались признавать мои проблемы, несмотря на всю их очевидность. Ночами я, например, бродил во сне. Иногда ночью я вдруг осознавал, что я в гостиной. Иногда я даже понимал, что родители разворачивали меня и направляли обратно в кровать. Все они знали. Просто не признавали. Или не хотели разобраться в том, что случилось.

Еще у меня было два повторяющихся ночных кошмара. В одном я в кромешной тьме посреди океана на каком-то понтоне. Берегов не видно, я один и зову на помощь.

Ночь за ночью.

Я один на плоту в открытом океане, вокруг темнота…

Я вскакивал с криком.

Второй кошмар. Я в автомобиле на водительском сиденье несусь по пустому темному шоссе. У машины нет руля. Я пытаюсь управлять, раскачиваясь из стороны в сторону, но ничего никак не могу контролировать.

Ночь за ночью я резко просыпался от этих кошмаров — крича, смущенный, напуганный до смерти.

С сестрой вообще все было плохо. Когда я был в старших классах, она уже все глубже погружалась в саморазрушение. Родители периодически убеждали ее лечь в государственную психиатрическую клинику. После того как она то ложилась в госбольницу, то выскакивала из нее, родители тратили целое состояние — по их тогдашним меркам — на дорогую частную психбольницу. Когда Джулия была дома, она то и дело сбегала, и родители иной раз разыскивали ее целыми днями. Иногда, проснувшись утром, я видел, что родители вновь провели всю

ночь без сна, и думал: *Это все убьет их?*

Джулия тусовалась в Ист-Виллидж, где забуривалась в квартиры и закидывалась наркотиками. Однажды она стащила из дома ящичек с серебряными долларами, которые коллекционировала мама, продала их и купила наркоты. Теперь я знаю, что такие действия потом стали называть «самолечением», но в те годы я это все не особо анализировал. Когда она отсутствовала дома — она отсутствовала. А когда была дома — я дрожал от страха.

Мне двенадцать лет, моей сестре — четырнадцать. У нашего дома на 75-й улице… одетые как для съемок в «Клане Сопрано»

Однажды днем родители привезли домой Джулию, только что забрав из некой клиники, где она прошла сеансы электросудорожной терапии, и оставили нас одних. Ну, просто привели домой и оставили на меня буйную, всего пару часов назад лежавшую в психушке сумасшедшую, которая, так уж вышло, моя сестра. Пока их не было, Джулия на что-то дико

разозлилась и погналась за мной с молотком. Я в ужасе забежал в спальню и заперся. Сидел у двери, слушал, с усилием сглатывая слюну, молясь, чтоб родители вернулись.

О, Боже, ну вернитесь же скорей.

Услыхал треск — Джулия бешено долбила дверь молотком.

Бум! Бум! Бум!

Била со всей дури, и деревянная дверь уже пошла трещинами, щепки отлетали, молоток пробивал насквозь.

Затем она резко прекратила. Молоток — в деревяшке, все тихо. Я сжался, считал минуты, потом часы.

Вернутся ли, пока она снова не начала?

Вернулись.

Сестра явно пребывала в возбужденном состоянии. «Что случилось?» — спросили они. Я рассказал им, что Джулия гонялась за мной с молотком. Но они набросились на *меня,* как будто это *я* виноват. На меня орали. А потом ударили. Я был так испуган, что в голове вообще все смешалось.

Вы меня с ней оставили! Вы сами так решили, не я!

Она попыталась УБИТЬ меня!

В школе по-прежнему было все тяжело и трудно. В средних классах я попытался пойти по пути «одаренных и талантливых». В начальном классе средней школы меня снова поместили в класс одаренных детей. На основании оценок я туда бы не попал никогда — учился я неважно. Но брали туда по некому тесту на интеллект. По IQ я явно проходил, но в классе был одним из худших. Я был из тех, из-за кого долго чешут в затылке, — полагаю, они просто думали, что я не хочу учиться. Чего они не понимали, так это того, что отсутствие уха ставило меня в ужасно невыгодное положение. Я просто не слышал многое из того, что говорилось в классе. А если я пропускал одну фразу, то терялся. А когда терялся — то сдавался. Складывал руки, потому что терял нить.

На родительских собраниях учителя говорили моим одно и то же: «Он умный, но не занимается», или: «Он умный, но работает не на том уровне, на который способен». Ни один учитель ни разу не сказал им: «Он умный, просто не понимает того, что я говорю». В то время дети, которым по объективным причинам трудно учиться, не получали за это преимуществ.

Но мои-то родители *знали,* что я глухой на одно ухо. И тем не менее после каждого родительского собрания дома они меня наставляли-увещевали: «Бог дал тебе такой прекрасный ум, а ты его не используешь».

Я плакал, чувствуя себя виноватым. Каждый раз я клялся: «Завтра я начну с нового листа».

Все это было, конечно, прекрасно и замечательно до тех пор, пока я не приходил на следующее утро в школу, где опять половину не слышал, так что снова не мог следить за речью учителя. Ну и снова чувствовал себя лодырем.

Я понимал, что если чего-то не предприму, то все кончится плохо. Что это значило — провалюсь? Покончу жизнь самоубийством? Этого я не мог определить точно. Жить ничтожеством, жить по лжи, отыгрываться на других — я понимал, что это все очень плохо. И я понимал, что это неприемлемо. Я не знал, чем все кончится, знал только, что конец будет плохим.

Ситуация была кошмарной, и я ее переваривал ночами. В дополнение к ночным кошмарам и хождению во сне я стал настоящим ипохондриком, причем в крайней степени: мне казалось, что я вот-вот умру. Я лежал без сна, боясь, что не проснусь, если засну. В конце концов, конечно, дремал, не в силах без конца держать глаза открытыми. Так продолжалось каждую ночь.

Ты умираешь. Ты в беде.

А потом, о чудо, у меня появился транзистор. Мой первый радиоприемник открыл мне другой мир, отдельный, в который я удалялся, вдевая наушник в мое здоровое левое ухо. Снова музыка стала для меня убежищем, она, по крайней мере, давала мне мимолетное чувство безопасности и приятного одиночества.

А в феврале 1964 года, через пару недель после моего двенадцатого дня рождения, в «Шоу Эда Салливана» я увидел The Beatles. Пока я смотрел, как они поют, меня вдруг осенило: *это же мой билет в свободу*. Вот путь, которым я сбегу из ничтожества жизни и стану знаменитым, тем, на кого смотрят, кого хотят, кого любят, кем восхищаются, кому завидуют.

И безо всякой на то рациональной причины я убедил себя: *я смогу это сделать. Я затрону этот нерв.* Я в жизни до того не играл на гитаре, и, конечно, ни одной песни еще не написал. И все-таки… таков был мой путь к свободе.

Я просто это знал.

Я тут же начал отращивать волосы — желая отрастить «шапку», как у битлов. Отчасти мне хотелось такую прическу ради стиля, но ясно же, почему такой стиль мне нравился: из-за волос не видна бородавка на месте правого уха. Почему-то родители это не просекли: когда волосы отросли, он меня просто изводили угрозами отстричь их.

Как-то днем, вскоре после появления битлов у Эда Салливана, я пересекся с пареньком из нашего района, неким Мэттом Раэлом. Он мне сказал, что-де есть у него гитара и

музыку он играет. Он учился на класс младше меня, но меня это очень впечатлило. Все, что мне теперь нужно, — электрогитара, и я бы тоже заиграл музыку. Как мне казалось, я знал, как получить гитару. Следующие одиннадцать месяцев, на протяжении которых шло Британское вторжение, которое принесло нам не только битлов, но и The Dave Clark Five, The Kinks, The Rolling Stones, The Searchers, Манфреда Манна, Gerry and the Pacemakers и The Animals, в общем, список бесконечен, — я клянчил у родаков электрогитару в подарок к тринадцатому дню рождения.

«Для меня это важнее всего на свете», — повторял я им.

3

Утром 20 января 1965 года я проснулся в радостном возбуждении. Наконец-то день рождения! Наконец-то у меня будет электрогитара! «Загляни под кровать», — сказала мне мама. Я, радостный, полез смотреть под кровать. Увидал там большую картонную коробку с рисунком шкуры крокодила. Это была *акустическая* гитара.

Мое сердце оборвалось.

Я вытащил коробку. Открыл. Конечно же, неновая японская акустика с нейлоновыми струнами. Сверху плохо заделанная трещина. Я был совершенно раздавлен. Закрыл коробку, загнал ее обратно под диван. На такой мне играть не хотелось.

Мои родители из таких семей, где нормальным считалось детей несколько принижать, и уж ни в коем случае не возвышать. Они считали, что детей надо воспитывать именно так. Они и раньше что-то доказывали, давая мне не то, чего я хотел. Наверное, просто не хотели, чтоб я зазнался и возомнил о себе.

Когда я отказался от дареной гитары, они стали вселять в меня чувство вины, так и не признав, что сами страшно меня разочаровали.

Мой друг-скаут Хэролд Шифф получил электрогитару на свой день рождения несколькими неделями позже — небесно-голубой Fender Mustang с накладкой из перламутра. Он тут же собрал группу. И позвал меня петь!

Вскоре к нам присоединились друзья Хэролда Эрик Лондон и Джей Зингер, которых я знал по хоровому клубу и скаутам. Эрик играл на контрабасе в школьном оркестре и просто щипал тот же самый инструмент, как вертикальный бас. Джей, который уже умел играть на фортепиано, недавно раздобыл электрические клавиши, орган Farfisa. Барабанщиком Хэролд пригласил Арвина Мироу, парня, с которым общался в еврейской школе. Оказалось, что я его тоже знаю — по хоровому клубу. Затем я подкинул идею переговорить с Мэттом Раэлом, который жил по соседству от Эрика. Так Мэтт стал нашим соло-гитаристом. Мы с Мэттом были единственными в группе ребятами, чьи родители не были врачами того или иного профиля.

Хэролд и Мэтт жили не в квартирах, а в домах, и в этих домах им принадлежали подвалы. Старший брат Мэтта уже играл в группе, и его родители спокойно относились к их шуму. Мама Хэролда тоже не обращала внимания на шум, и мы получили подвал Шиффа, где и начали репетировать. Подвал Хэролда был отремонтирован — стены обшиты сучковатой сосной, пол

выстелен линолеумом, имелись так же окошко и дверь на задворки, располагавшиеся ниже уровня улицы.

Хэролд и Мэтт включали свои гитары в один усилок, а мой голос шел через другой, в который также включались клавиши Джея Зингера. Часто во время пения я подыгрывал на тамбурине — видел, что певцы по телевизору так делают. Ну а Эрику оставалось дергать басовые струны как можно сильнее. Мы погоняли «Satisfaction» роллингов и другие песни групп Британского вторжения, типа Kinks и Yardbirds. А чтоб Farisa Джея не простаивала просто так, разучили «Liar, Liar» группы The Castaways.

Я в это дело влюбился сразу. Хотя все детишки тогда мечтали стать рок-звездами — учитывая весь психоз вокруг битлов и «стоунз» — их родители планировали им жизнь по-другому. Родители считали, что дети должны были пойти по их стопам, стать дантистами или оптометристами, а играть в группе — ну это так, прикол, чем бы дитя ни тешилось…

А я все твердил им: «Я обязательно стану рок-звездой».

Мы с Мэттом Раэлом стали часами зависать у него дома. Мало того что репетировали сами, еще и слушали репетиции группы Джона, его брата. Мы с Мэттом так много занимались музыкой в его доме, что его мать наконец предложила нам бизнес-сделку: мы подремонтируем старую книжную полку, которую она купила на севере города, и за это можем считать подвал своей репетиционной базой вполне официально. Так что мы с этой полки отодрали всю белую краску и спокойно репетировали дальше.

Родители Мэтта были эдакими прото-хиппи. Его мама, между прочим, пела на первых пластинках группы Weavers и дружила с Питом Сигером. Она сидела с детьми Вуди Гатри. К тому времени, когда я познакомился с родителями Мэтта, она все еще устраивала знаменитым фолк- и блюз-музыкантам — Сонни Терри, Брауни МакГи, Лед Белли, и самому Сигеру — концерты на всяких тусовках в Манхэттене.

Я бесконечно слушал радио и знал все современные поп-хиты, но дома у Мэтта познакомился с другой музыкой благодаря совершенно изумительной родительской коллекции фолк-пластинок. Тонны кантри-блюза, всякого старья и много современного, вроде Боба Дилана, Эрика Андерсена, Тома Раша, Фила Оукса, Баффи Сент Мэри и Джуди Коллинз. В итоге я вытащил свою акустическую гитару из-под кровати, а Мэтт показал мне несколько аккордов. Потом я еще взял пару уроков у одной дамы, которую нашел по объявлению в местной газете. Первая песня, которую я выучил, — «Down in the Valley». А вскоре

у меня на шее уже прикреплена была губная гармошка — я пытался изображать ту фолк-музыку, что слышал дома у Мэтта.

А группа продолжала репетировать, и летом 1965 года случился наш первый концерт. В тот год проходили выборы мэра, и в нашем районе дислоцировался местный штаб агитаторов за Джона Линдзи. Сидели за витриной — открытое помещение, ярко освещенное. Хэролд устроился к ним волонтером — раздавал агитматериалы. Думаю, он считал, что это круто и по-взрослому. Однажды в штабе один ответственный работник, обсуждая съезд или вечеринку, упомянул, что неплохо бы организовать что-то подобное. Хэролд, хотя разговаривали совершенно не с ним, встрял в беседу: «Это, у меня группа есть!»

Ну, они и пригласили нас сыграть на том мероприятии. Думаю, Демократическая партия решила, что наберет здесь дополнительных очков, если для них будут играть детишки из этого района. Плату нам никакую не выделили, да и народу не много собралось, но, как бы там ни было, это был концерт. Мой первый концерт!

Иногда на репетиции я просил Хэролда показать мне на его «фендере» аккорды с баррэ. Все эти азбучные штуки казались совершенно элементарными, но если б я знал тогда, как долго мне придется трудиться, чтобы хотя бы приблизится к уровню более или менее умелого гитариста, я бы тут же на все это забил. А в то время меня это, наоборот, заводило и толкало дальше. Нет, конечно, торчать в подвале — это здорово, но я хотел заиметь свою электрогитару и заниматься серьезно. В любое свободное время я стал ездить на метро в Манхэттен и прочесывать музыкальные магазины на 48-й улице в поисках гитары, доступной мне по средствам.

Для меня эти поездки стали настоящим паломничеством. Между Шестой и Седьмой авеню независимые музыкальные магазины стояли по обе стороны 48-й улицы. А на квартал вверх, на 49-й улице и Седьмой авеню, находился магазин сэндвичей под названием Blimpie's. Я покупал там сэндвич или техасский чили-дог — покрытый клейким желтым сырным соусом, чили и луком — в Orange Julius, и затем бродил по музыкальным магазинам. В те годы ничего руками трогать не разрешалось. Если ты хотел поиграть на инструменте, то тебя спрашивали: «Вы это купите сегодня?» А если ты выглядел не как потенциальный покупатель — как я, например — говорили: «Позволь мне увидеть, что у тебя действительно есть на это деньги».

Так что смысл этих путешествий по 48-й улице заключался не в том, чтобы играть, а в том, чтобы плавать среди причиндалов рок-н-ролла: барабанных установок, гитар, бас-гитар. И когда я

замечал музыканта, которого до того видел по телевизору или в музыкальном журнале, я тут же собирался. Я уносился на небеса.

В старших классах я стал все чаще прогуливать уроки. Утром запрыгивал в автобус и ехал на 48-ю улицу. Приезжал я туда рано, когда магазины еще не открылись, так что еврейский мальчик сидел на скамье в Кафедральном соборе Святого Патрика на пересечении 49-й улицы и Пятой авеню и ждал. А еще в квартале от собора я нашел магазин пластинок под названием Record Hunter («Охотник за пластинками») — там разрешали слушать пластинки. У них там стояли столики с вертушками и наушниками, и можно было попросить открыть любую пластинку и прослушать. Вот таким, в моем представлении, выглядел идеальный день — ждешь в соборе открытия магазина пластинок, слушаешь музыку, съедаешь чили-дог, любуешься гитарами.

Изучая окрестности возле дома, я обнаружил, что если сесть на автобус Q44, идущий от моего дома на юг, и доехать до конечной в Джамайку и Куинс, то попадешь в гигантский двухэтажный магазин пластинок под названием Triboro Records. И вот у них были тысячи альбомов. И поскольку район тот по преимуществу был черным, то я там узнал музыку, с которой нигде больше не мог до того познакомиться: Джеймс Браун, Джо Текс, Отис Реддинг, а также чернокожие комедианты, например, Редд Фокс, Пигмит Маркхэм и Момс Мэбли. Не всегда у меня были деньги на покупки, но просто держать в руках пластинку и глядеть на конверт — это уже ценно.

Я год копил деньги, и прибавив к ним те, что получил на четырнадцатый день рождения, я в один прекрасный день вошел в музыкальный магазин Manny's на 48-й улице. Остановив взгляд на одной из гитар, я попросил: «Простите, могу ли я попробовать эту?»

«Сегодня купишь?» — ответили мне.

«Да».

«Деньги покажи».

Я вывалил все свои деньги, и мужик за прилавком протянул мне гитару, которую я собирался купить: размер три четверти, два стратокастеровских звукоснимателя — копия, сделанная Vox. Гитара не супер, мягко говоря, но я мог себе позволить себе только такую — она стоила дешевле всех, потому что была не полноразмерной. И кроме того, я ведь о гитарах ничего не знал, да и играть почти не умел.

Тем не менее наконец я купил свой *настоящий* билет в свободу.

4

Как только я обзавелся электрогитарой, я тут же стал пробовать сочинять песни. Казалось, что играть на инструменте и писать песни — совершенно естественное сочетание, одно и то же практически. И каждый раз, когда мне нравилась песня, я пытался состряпать что-то подобное. Одна из моих первых попыток — оммаж песне «The Kids Are Alright» группы The Who.

Я также изучал структуры песен, которые писали композиторы и поэты из «Брилл-Билдинг» (офисное здание в Нью-Йорке, в котором располагались компании, занимавшиеся шоу-бизнесом. — Прим. пер.) — Барри Манн и Синтия Уэйл, Джерри Гоффин и Кэрол Кинг, Джефф Берри и Элли Гринвич. Песни с куплетом, припевом, бриджем и крутейшим «хуком» — ударной фразой. Это такие цепляющие песни, что при первом прослушивании ко второму припеву тебе уже кажется, что знаешь их всю жизнь. Песни с красивыми мелодиями, рассказывающие историю.

Группа из подвала Хэролда Шиффа заглохла, но Мэтт Раэл и я, у которого теперь была гитара, стали джемовать вдвоем. Иногда к нам присоединялся барабанщик, паренек по имени Нил Тиман. Мы назвались Uncle Joe и не переставали расширять свой репертуар. У Мэтта тем временем зрели свои проблемы, и в конце концов родители отправили его в частную школу в Манхэттене.

Волосы мои к тому времени отросли уже очень прилично, но они сильно вились. Кудряшки я тогда ненавидел, потому что стилем того времени были прямые волосы. Так что я купил крем-релаксатор Perma-Strate, который продавался в любом негритянском квартале. Perma-Strate этот попахивал аммиаком и всякими тяжелыми химикатами и жег кожу на голове как хрен знает что. Надо было наносить его на волосы, зачесывать назад, дать отстояться, а потом расчесывать наперед. Однажды я передержал — и на коже головы проступила кровь. Я, кстати, волосы и утюгом распрямлял, было дело. Что угодно, лишь бы выпрямить. Выглядел я так, что мать одного моего нового дружка Дэвида Ана называла меня «Принц Вэлиант» (герой комикса о рыцарях. — Прим. пер.). А отец мой взял в привычку обращаться ко мне «Стэнли Толстожопый».

С Дэвидом Аном я познакомился в начальных классах средней школы Parsons. Семья у него, как и у Мэтта, была дружной и артистичной. Отец — художник, мама — учительница. Дэвид, как и я, ходил с длинными волосами. Иногда, когда я забивал на школу и ехал на Манхэттен бродить по Сорок восьмой,

он присоединялся ко мне. Он тоже был большим фанатом музыки. Мы Дэвидом старались изо всех сил проникнуть в многообещающую контркультуру.

Однажды, идя по Мэйн-стрит в нашем районе, я увидал новый магазинчик с вывеской Middle Earth. Лавочка торговала всякими причиндалами для употребления наркотиков: кальяны, стеклянные трубки и все такое прочее. А за прилавком стояли длинноволосые.

Может быть, я здесь придусь ко двору?

Ко двору нормальных людей я не приходился, это было очевидно, но вот здесь, прямо в моем районе, нашлась альтернатива. Я стал там тусоваться, болтать с продавцами, с покупателями. Дело было не в наркотиках — хотя я и стал время от времени покуривать кальянчик — я старался, чтоб меня приняли. Отверженный или тот, кто находился в добровольном изгнании, в Middle Earth чувствовал себя комфортно. Дошло до того, что я стал приходить туда с моей акустической гитарой и наигрывать.

На «Акции» в Центральном парке в пятнадцать лет… с небольшой помощью испытываю полнейшее блаженство

В школе одна девочка, Эллен Ментин, относилась ко мне с невероятным пониманием и терпением. Я ей доверял настолько, что попробовал рассказать про моих внутренних демонов, но все

эти намеки на мои проблемы мое беспокойство не уменьшили. Эллен хотела, чтоб мы стали такой нормальной парочкой старшеклассников, в кино там ходили вместе и все такое, но я был неспособен находиться с ней на публике. Мне такое казалось слишком рискованным, слишком удушающим и клаустрофобским.

Что если, когда мы вместе, кто-нибудь станет надо мной смеяться?

А еще я не мог понять, почему она хочет быть с кем-то вроде меня, ведь я хоть теперь и длинноволосый, но все равно ж чудик. Я ее даже спросил прямо: «За что я тебе нравлюсь-то? Почему ты хочешь быть со мной?» Я совершенно ничего не понимал.

Мы с Эллен остались просто друзьями, но быть с кем-то, кто так сильно заботится о тебе, было почти невыносимо. С нею даже поездка на автобусе в кино была риском, на который я не мог решиться.

Однажды отец решил мне рассказать про пестики-тычинки в своей версии. Ни с того ни с сего на прогулке он вдруг заявил: «Кого-нибудь обрюхатишь — будешь решать все это сам».

Это что значит, в четырнадцать лет меня на улицу выкинут?

Отлично.

Я толком и не знал, как именно кого-то «брюхатят», но теперь понял, что это билет в никуда в один конец.

Как будто сейчас я не сам по себе.

Я кучу времени проводил *сам по себе,* дома, в своей комнате, от всего отключившись и погрузившись в музыку. Я слушал свой транзистор, играл на гитаре, читал музыкальные журналы. Мама моя, чувствуя вину за то, что проблемы сестры занимала все ее время, купила мне стереосистему.

Я стал преданным слушателем радиопрограммы Скотта Муни *The English Power Hour* («Час английской силы»). Это была одна из ранних FM-программ, в которой представляли все новейшие звуки Соединенного Королевства. Весной 1967 года в английских чартах и на концертных площадках безраздельно царил Джими Хендрикс. Музыка этого американца, перебравшегося в Британию, стала проникать обратно в Штаты через программы вроде той, которую готовил Муни. Когда, наконец, первый альбом Хендрикса прибыл, он потряс меня, как взрыв атомной бомбы.

Я обожал делать так: поставить альбом Jimi Hendrix Experience, лечь и приставить колонки к голове. Хотя правая сторона у меня глухая, но если прижать динамик к голове, то звук проходит через кости черепа. А еще я выкрасил комнату в пурпурный цвет и повесил на потолке новогодние гирлянды с

мигающими лампочками. Я играл на гитаре и глядел в зеркало, где отражался в мерцающем свете, стараясь повторять прыжки и «мельницу» Пита Таушенда из The Who.

Но, наверное, самое большое влияние Хендрикс оказал на прическу. Его прическа — это пышная шапка, Джимми Пейдж и Эрик Клептон потом тоже такое носить стали. Это стало стильным «луком» внезапно. Помню тот первый раз, когда я взбил так свои волосы. Нет, никакую Perma-Strate использовать больше не буду. Когда я вышел из своей комнаты, собираясь уже на улицу, с этим «взрывом» на голове, мама спросила: «Ты же *так* не покажешься на людях, да?»

«Почему же. До скорого!»

Пришло время гордо реять моему причудливому флагу.

Когда уже замаячило окончание средних классов школы, я решил попробовать поступить в старшие классы в Школу музыки и искусств — это такая альтернативная школа в Манхэттене на перекрестке западной 135-й улицы и Ковент-авеню. А я в своих средних классах считался чуть ли не лучшим художником, рисование — это правда моя «фишка». Но, что столь же важно, я надеялся, что в этой новой, специальной школе обстановка будет более приятной, чем в тех мясорубках, в которые я до того попадал. Мне уже удалось уйти от взглядов на ухо, которое от меня никак не зависит, к тем, кто пялился на мое рукотворное: странные прическу и одежду. В то время в большинстве школ еще бытовал дресс-код, но в этой Школе искусств придерживались другой философии: неважно, в чем ученик пришел, главное — что пришел.

Я это видел так: из школьных чудаков я перейду в школу для чудаков.

5

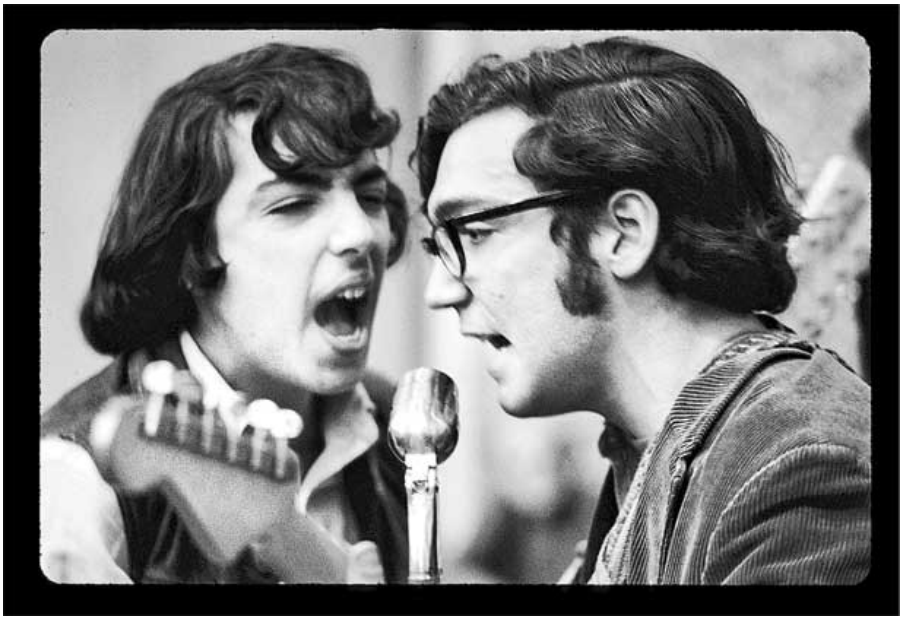
Хотя рисование и стало моим входным билетом в Школу, но всерьез о карьере в сфере изобразительного искусства я не думал. И слава богу: появившись в Школе осенью 1967 года, я увидал не только множество учеников, столь же способных, как и я, но и тех, кто явно был намного, намного лучше. Это сильно отрезвило.

Искусством я занялся в основном потому, что школ для подростков, желающих выучиться на рок-звезд, просто не существовало. А искусство я считал запасным вариантом. Но нет, я тут же перестал рассчитывать на этот вариант. Я теперь точно знал: либо музыка, либо хана. Но даже при этом я ходил в школу каждый день, а мои музыкальные устремления оставались дома, в пурпурной комнате. Хотя одноклассникам я ничего не говорил про мои музыкальные планы и даже не пытался перейти на программу обучения музыке. Я, конечно, был в курсе, что ученики Школы добились успехов в музыке. Причем не только на Бродвее и в оркестрах. Вот у группы под названием Left Banke появился в ту пору большой хит «Walk Away Renee» — эти музыканты недавно окончили Школу. То же и с Лорой Нироу. Дженис Йен, которая недавно выпустила хит «Society's Child», еще училась, когда меня туда взяли.

Однажды старший брат Мэтта Раэла, Джон, зашел пообщаться со мной. Он к тому моменту уже поиграл не в одной группе, так что мы все смотрели на него снизу вверх. На его первую группу повлияли The Ventures — серф-рок то есть — но именно в тот момент Джон возглавлял группу Post War Baby Boom, которая по звучанию напоминала что-то такое из Сан-Франциско. То есть хипповский вариант фолка, блюза и шумов джаг-бэнда. У них была певица, которая в некоторых песнях пела главную партию, — вот это напоминало первую группу Грейс Слик (прославившейся в группе Jefferson Airplane. — Прим. пер.), The Great Society. И Post War Baby Boom давали настоящие всамделишные концерты.

И вот ни с того ни с сего этот Джон приглашает меня в группу: им ритм-гитарист понадобился. У меня в голове колесики быстро закружились: так, а чего это они не пригласили Мэтта, который сейчас играет гораздо лучше меня? Может быть потому, что я в старших классах, а Мэтту до них еще год? И Мэтт не обидится ли?

Черт подери, да ведь настоящая группа! Это дико круто!



Выступаю с The Baby Boom в Томпкинс-сквер-парке в Ист-Виллидж. Я слева, мне пятнадцать. Джон Раэл — справа

И я ни секунды не колебался. Я сказал да. И вот мы уже репетируем в том самом подвале, где до того занимались мы с Мэттом. Мы сделали ускоренную версию «Summertime» Джорджа Гершвина. А я еще разобрал «Born in Chicago», версию Paul Butterfield Blues Band, и даже спел в ней лидирующий вокал.

В группе все были старше меня на два года как минимум, а в том возрасте это кажется значительной разницей. Но я не додумал, что школу они окончат уже в этом учебном году. Тем не менее на какое-то время я был с ними. «Наш» новый состав дал несколько концертов, и тут я предложил попробовать получить контракт на выпуск пластинки. Я сказал, что нам нужна фотосессия, причем я знал, кто ее сделает. Летом 1967 года я провел две несчастных недели в летнем лагере близ гор Катскилл. Точнее, предполагалось, что там будет летний лагерь. На деле, все оказалось мошенничеством чистой воды, просто один мужик собрал с нескольких родителей деньги за то, что их дети приедут к нему на ферму, там поживут, и, как оказалось, заодно снесут его старый сарай. Он это дело назвал рабочим лагерем, имея в виду, что, согласно его программе, городские ребятишки поработают на земле. Вообще там были, конечно, свои прикольные моменты, и там же я подружился с одним из наставников — их тоже обдурили, как и нас. Звали его Мори Энгландер, и работал он на знаменитого фотографа с Манхэттена.

Мори имел доступ в студию того фотографа в любые часы простоя студии, и в этом заключался один из бонусов этой работы, поскольку Мори сам стремился стать фотографом, и на самом деле меньше чем через год действительно стал сотрудничать с журналами уровня Newsweek. В общем, я ему позвонил, и мы договорились в уик-энд зайти в студию, чтоб Мори нас там поснимал. Мори еще и в политкампаниях участвовал, так что фотосессию мы превратили в концерты для антивоенных организаций. Тогда, в начале 1968 года, протесты против войны во Вьетнаме уже набирали обороты.

С клубными концертами все было гораздо сложнее. Там все еще требовались в основном группы из верхних сорока строчек хит-парада. А мы играли свои песни, а если и делали каверы, то не тех песен, что торчат в хит-парадах. Я все-таки договорился, чтоб нас прослушали в заведении под названием Night Owl («Ночная сова»). Я просто прочитал где-то, что там играла группа Lovin' Spoonful, а джаг-бэндовские корни и радостный саунд этой команды были не так уж далеки от того, что наша Post War Baby Boom пыталась делать. Но на прослушивании дядька, который принимал решения, встал и вышел, не дослушав нас. Не дали нам там концерт сыграть.

Хотя все шло очень медленно, я очень хотел добиться успеха и работал неустанно. В конце концов мне удалось передать наш материал одному инсайдеру CBS Records, и мне оттуда перезвонили. «Парни, вот если вы играете настолько же круто, насколько выглядите, то вас ждет успех», — сказал этот человек, менеджер, имея в виду одно из фото группы, которую Мори Энгландер сделал в студии.

Менеджер этот еще до того, как с нами встретился и послушал, организовал нам демозапись на CBS. Я написал песню «Never Loving, Never Living», но стеснялся ее сыграть группе до того дня, как мы должны были идти в студию. А наша певица накануне решила искупаться в фонтане в Вашингтон-Сквер-парк в Гринвич-Виллидж, из-за чего простудилась и лишилась голоса. На следующий день мы пришли в студию — я тогда впервые оказался в настоящей студии — а она петь не в состоянии.

Ну и вишенка на торте: этот менеджер CBS заявил, что переименует нас в The Living Abortions. Демо мы так и не закончили.

Тем временем, несмотря на мою закрытость, я охотно ходил в Школу каждый день: там благодаря отсутствию школьной формы можно было видеть девочек в футболках и лифчиках. Но вскоре опять оказалось, что я не в ладах с собою и с окружающими. Из-за шмоток и волос я казался круче и хипповее, чем был на самом

деле. Но волосы мои были взбиты по одной очень специфической причине, и я робел перед ребятами, которых считал крутыми на самом деле. Постепенно пришло осознание: то, что я прикрыл ухо волосами, ничего не решало. Как и всегда в жизни, дело не в том, что видели люди, а в том, что я сам знаю и как я чувствую.

Однажды в школе меня подозвала одна из крутейших девчонок — Виктория — фигуристая блондинка с обезоруживающими голубыми глазами. Все знали, что у нее и друзья крутейшие — как в школе, так по жизни. А я тогда носил кожаную куртку с бахромой, что тогда выглядело просто суперстильно и модно, к тому же не каждый такое носил, даже в нашей Школе искусств. «Эй, бахрома!» — крикнула она.

Я подошел к ней, мы разговорились, и я как-то так расхрабрился, что даже пригласил ее куда-нибудь со мной сходить. Это вот прямо был опыт полного отстранения: кто-то говорил, и этот кто-то — я, но я к нему не имел никакого отношения, потому что зашел на неизвестную территорию. А она согласилась, и я ушел — радостный и встревоженный.

Сходили мы не куда-нибудь, а на концерт в Fillmore East (легендарный концертный зал, где проходили исторические концерты групп психоделической эры — от Grateful Dead и Эрика Клептона до Майлса Дейвиса. — Прим. пер.). Правда, когда мы туда зашли, Виктория тут же встретила там тысячу знакомых. Короче, сидели с ее друзьями. Я тут же задрожал, потому что они-то и вправду крутые и клевые, а я-то кто — взвинченный мальчик из Куинса. Они стали передавать косячок по кругу. Я тоже затягивался в свой черед. Короче, обдолбался я хорошо, начал говорить что-то без умолку. Виктория удивилась: «Блин, че ты гонишь?»

Я закрыл варежку до конца концерта.

После концерта мы пошли к ней домой. А меня все еще не отпустило, плюс я боялся, что Виктория нашла трещину в моей броне и теперь сомневается в том, крут ли я. Я в конце концов стал что-то говорить ее отцу, причем нес околесицу еще долго, уже когда она ушла к себе в комнату и легла спать. Я наконец выскользнул из этого дома, чувствуя себя полным мудаком.

Ну и с тех пор она, когда меня видела в школе, хихикала. Скорее всего, не от злости, конечно, но ведь она *не со мной* смеялась.

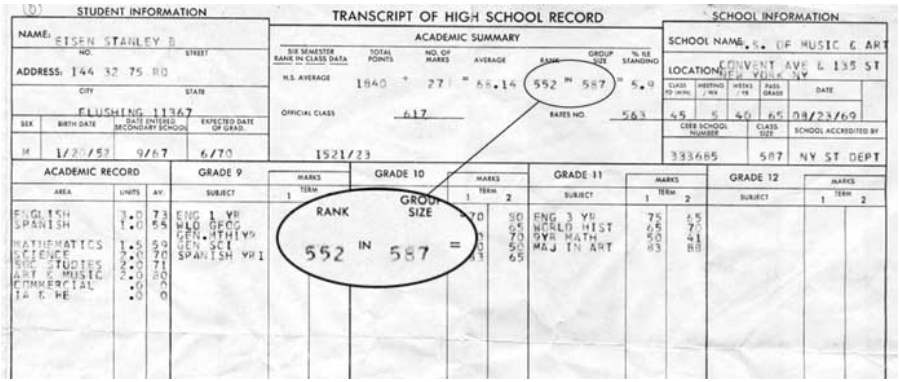
Еще одна девочка, с которой я встречался короткое время, жила на Статен-Айленде. Она была наполовину норвежкой наполовину итальянкой, жила в итальянском районе. Она сидела на «спидах», аппетит у нее часто пропадал, а я был упитанным и коренастым, так что частенько съедал ее ланч, который ее мама

заботливо готовила, не догадываясь, кто именно его будет смаковать. Когда ее мама меня впервые увидела, я ей вроде бы понравился. Но в следующий раз, когда я зашел за подругой, меня не пустили на порог.

«Мне что, войти нельзя?» — спросил я девушку.

«Нет: мама думала, что ты итальянец, а потом узнала, что ты еврей».

Так я познакомился с чудесным миром антисемитизма.


(D)

STUDENT INFORMATION

NAME: EISEN STANLEY B

ADDRESS: 144 32 75 RD

FLUSHING 11367

SEX M | BIRTH DATE 1/20/52 | DATE ENTERED SECONDARY SCHOOL 9/67 | EXPECTED DATE OF GRAD. 6/70

TRANSCRIPT OF HIGH SCHOOL RECORD

ACADEMIC SUMMARY

	SIR SEMESTER RANK IN CLASS DATA	TOTAL POINTS	NO. OF MARKS	AVERAGE	RANK	GROUP SIZE	% ILE STANDING
H.S. AVERAGE		1840	27	68.14	552	587	5.9
OFFICIAL CLASS		617			RATES NO.	563	

SCHOOL INFORMATION

SCHOOL NAME: H. S. OF MUSIC & ART

LOCATION: CONVENT AVE & 135 ST NEW YORK NY

CLASS PD (MIN)	MEETING / WK	WEEKS / YR	PASS. GRADE	DATE
45	5	40	65	08/23/69

CEEB SCHOOL NUMBER	CLASS SIZE	SCHOOL ACCREDITED BY
333685	587	NY ST DEPT

1521/23

ACADEMIC RECORD AREA	UNITS	AV.	GRADE 9 SUBJECT	MARKS 1	MARKS 2	GRADE 10 SUBJECT	MARKS 1	MARKS 2	GRADE 11 SUBJECT	MARKS 1	MARKS 2	GRADE 12 SUBJECT	MARKS 1	MARKS 2
ENGLISH	3.0	73	ENG 1 YR				70	90	ENG 3 YR	75	65			
SPANISH	1.0	65	WLD GEOG				65	65	WORLD HIST	65	70			
			GEN.MTHTYS				70	70	9YR MATH	50	41			
MATHEMATICS	1.5	59	GEN SCI				50	50	MAJ IN ART	83	80			
SCIENCE	2.0	70	SPANISH YR1				73	65						
SOC STUDIES	2.0	71												
ART & MUSIC	2.0	80												
COMMERCIAL	.0	0												
PA & HE	.0	0												

RANK 552 IN 587 = GROUP SIZE

Я на 552 месте из 587 учащихся. Если вы не сможете окончить учебу в первых рядах, отличитесь, окончив ее на самом дне. В любом случае, чудо, что меня вообще выпустили

Через какое-то время моя двойная проблема — неуверенность в себе и глухота на одно ухо — привели к тому же, к чему и в школе: я терял нить, расстраивался, закрывался и в конце концов стал прогуливать школу настолько часто, насколько вообще это допускалось. Я знал, сколько дней могу отсутствовать, сколько уроков пропустить, сколько раз опоздать, и весь этот запас использовал по полной. Более всего меня интересовала вот эта вот школьная статистика.

Я стал призраком: в школе почти не появляюсь, а когда присутствую на уроках, то меня почти не видно. Садился на последнюю парту и ни с кем почти не разговаривал. И снова из-за своей оборонительной позиции и страха перед обществом я отправил себя в добровольное изгнание. Я снова начал закрываться. Жизнь стала ядовитой и одинокой. Вернулись проблемы со сном. Мне вновь снились знакомые кошмары, от которых я просыпался с криком, уверенный, что умираю.

Я один на плоту в открытом океане, вокруг темнота…

6

Однажды, когда моя мама впервые поехала в Германию, отец заявился домой поздно и попахивал бухлом. И говорит мне: «Мы все иногда делаем что-то, чего делать не должны».

Боже мой.

«Но все ж нормально, да?»

Я твой ребенок. Ты от меня ждешь отпущения грехов? От меня? Хочешь, чтоб я снял с тебя чувство вины за что-то, что ты только что натворил?

Я уже давно и хорошо усвоил, что от родителей не стоит ждать ни поддержки, ни одобрения. Но я совершенно не ожидал того, что теперь они будут переваливать свои проблемы на меня.

Я вдруг вспомнил один случай, который произошел несколько лет назад. Однажды вечером раздался звонок, отец взял трубку и, выслушав звонившего, явно занервничал. Он что-то прошептал маме, и они вызвали полицию. Полицейские приехали, допросили отца о том, что он услышал по телефону, и он рассказал, что некий мужчина на том конце провода пригрозил, что если отец не перестанет встречаться с какой-то женщиной, то огребет от него по полной. «Сказал — яйца отрежу», — добавила мама. Мы решили, что звонящий просто номером ошибся, но тут мне стало интересно, что же тут на самом деле.

После того случая дом наш стал казаться самым опасным местом вообще. Только десятилетия спустя я узнаю, что на самом деле происходило, но уже тогда я точно знал, что наш дом давно стал смертельным водоворотом.

Я тону.

Видеть себя в машине без руля на полной скорости или на понтоне вдали от берега в темноте — это уже довольно скверно, а теперь понтон этот, к тому же, еще и тонет.

Что бы ни происходило с моей сестрой, родители это только усугубляли. Что бы ни происходило со мной, родители это только усугубляли. В доме моем ощущалась такая же опасность, как и в школе и вообще во всех общественных местах. Я никуда не мог деться от всепроникающего чувства страха. Мне было всего пятнадцать лет, а я уже его ощущал. И поговорить об этом не с кем.

Не с кем. Совсем один. Подавлен.

Что мне делать?

Я чувствовал, что если все так и дальше идти будет, то все закончится очень плохо.

Я покончу жизнь самоубийством? Рехнусь, как сестричка?

Джулия со своими серьезнейшими проблемами боролась путем саморазрушения и доведения себя до бесчувствия. Это, конечно, был путь к самоуничтожению. Как я разбирался со своими проблемами — это всегда было делом сугубо личным. Я, понятно, сам по себе, но и у меня был выбор. Ничего не делать — это тоже выбор, последствия которого, как я понимал, будут жесткие.

Отказываюсь быть жертвой.

Я хотел починить себя. Закатать рукава и дерьмо разгрести. Хотел, чтобы все встало на свои места, хотел жить в том мире, который мне нравится.

Но как?

Решение пришло внезапно, когда я ехал на велике. Эта мысль ударила меня, как молот, когда я делал поворот близ нашего дома.

Шестнадцатилетний я вместе с родителями в нашей квартире на 75-й улице

Нужно найти помощь.

Я внезапно осознал, что в противном случае ничего просто не получится, сам я не справлюсь. В противном случае я так и буду каждый раз делать неправильный выбор. Или не делать выбора. Просто буду нестись дальше вниз по спирали.

Делай что-нибудь.

А однажды вечером я случайно подслушал, как один друг сестры рассказывает ей про психиатрическую амбулаторию в госпитале Mount Sinai на Манхэттене. Вот это вот уже что-то конкретное. Место, куда можно пойти. Название и адрес у меня есть, я посмотрел телефон в справочнике. Дождался дня, когда никого дома не было, позвонил и записался.

В назначенный день я ехал в клинику на метро с пересадкой и на автобусе. Вошел, одинокий, сказал: «Мне нужна помощь». Попросили расписаться. К счастью, согласия родителей не понадобилось. Стоил прием всего три доллара.

Меня отвели к врачу — настоящему, в белом халате поверх обычной одежды. Я про терапию ничего не знал, просто надеялся, что сейчас меня научат жить как надо. К моему удивлению, наша первая беседа состояла сплошь из вопросов врача, а не ответов. Как будто местами поменялись. Я хотел, чтобы доктор сказал мне, что делать, а он, в общем, мои же вопросы мне и задавал. Должно было пройти какое-то время, прежде чем я понял, что это-то и есть основа терапии, суть которой совсем не в том, чтобы кто-то взял тебя за ручку и повел по жизни.

Доктор этот, человек мне совершенно незнакомый, пока я говорил, хмурил брови, глядя в сторону.

Я псих в его глазах?

После этого первого сеанса я не понимал, какая мне от этого польза. Но решил попробовать еще раз. Чего бы оно ни стоило.

Закатай рукава.

Но все же в следующий свой визит я попросился к другому доктору. К счастью, мне пошли навстречу. Другого доктора звали Джесс Хилсен, и его я не стеснялся. Он не смотрел на меня как на психа и очень быстро внушил мне, что мое отношение «весь мир — нормальные люди, один я такой» не имеет ничего общего с истиной. И у других людей проблем выше крыши. В этом я не одинок. Я не один из миллиона, у которого мир рушится, кто чувствует, что сейчас взорвется. Слава тебе, Господи. Это уже прогресс.

Я все еще жаждал поддержки и ободрения дома, так что рассказал отцу, что начал ходить к психотерапевту. Отец к этому отнесся не очень хорошо. Нахмурился: «Да ты просто хочешь быть

другим, отличаться от всех».

А потом он вообще разозлился, крикнул: «Ты чо, думаешь, у тебя у одного проблемы?»

Да нет, я знал, что не у меня у одного. Вот у сестры проблемы, например. Подозреваю, что и у отца тоже, хотя кто знает, о чем он там говорил в тот вечер, когда просил у меня прощения. Но я не собирался пасть жертвой моих проблем или сдаться им. Я собирался разобраться с ними. Я настроился на борьбу.

Я начал ходить на прием к доктору Хилсену каждую среду после школы. Я заходил в гастроном у госпиталя, покупал там сэндвич с индейкой и русской приправой («русский соус», обычно в его составе майонез, кетчуп и корнишоны. *Прим. ред.*), потом присаживался на скамейку в Центральном парке, съедал его и шел на прием. И каждый раз, выходя из кабинета, я уже ждал следующей недели. Разговоры с доктором Хилсеном оказались той самой спасительной веревкой, за которую я ухватился.

Я наконец-то что-то делал, а именно взял ответственность за свою судьбу и улучшал себя. Я поднимался до уровня такой сложной задачи.

7

В начале 1968 года, вскоре после того, как мне исполнилось шестнадцать, в программе Скотта Муни *English Power Hour* прозвучал новый хит из британских чартов — «Fire Brigade» группы The Move. Песня о девушке, которая была настолько горяча, что пришлось звонить девять-один-один и вызывать пожарную бригаду.

Я уже к тому моменту стал законченным англофилом, а The Move была вообще одной из моих самых любимых групп. Как я тогда писал песни? Вдохновлялся тем, что запомнил, слушая по радио. Концепция «Fire Brigade» мне очень понравилась, и я принялся стряпать что-то свое, основываясь на той же идее. Песню я слушал мало, недостаточно для того, чтоб всю ее скопировать, но ухватил то, что мне очень понравилось, и припев у меня получился таким:

> Вызовите пожарную бригаду,
> Потому что она зажгла мое сердце.

Песню я назвал «Firehouse», и она свидетельствовала о настоящем прогрессе. С каждой написанной песней усиливалось мое чувство понимания цели. Да, никакой особой общественной жизни у меня не было, зато были музыка и мечта.

Столько людей несчастны. Они хотят, чтобы их кто-то развлекал. Так почему бы не я?

Однажды в школе учитель отвел меня в сторонку. «Ты почему на уроках не работаешь? Почему себя не проявляешь?»

«Потому что я готовлюсь стать рок-звездой», — ответил я.

Мужик этот посмотрел на меня таким взглядом, который выдавал его мысли: *вот ты дурачок несчастный.* Потом он выдавил полуулыбку и сказал: «Очень многие хотят быть рок-звездами».

«Ага, хотят, — согласился я. — Но я-то *буду*».

Помимо группы Post War Baby Boom у меня в жизни ничего больше не было, только гитара, стереосистема, и все чаще и чаще — концерты. Я завидовал ребятам, у которых есть друзья, есть круг общения, тусовки по выходным — у меня ничего этого не было. Я не умел к кому-то примыкать. Так что на концерты ходил один. Это удовлетворяло.

В 1968 году я сходил на Джими Хендрикса в маленький зал в Hunter College в Верхнем Ист-Сайде на Манхэттене. Я сходил на

The Who, The Yardbirds и Traffic. Слушал живьем Отиса Реддинга и Соломона Берка. Второй раз сходил на Хендрикса. Почти каждые выходные в Fillmore East или в Village Theater проходили концерты нескольких групп с билетами по три-четыре доллара. То есть я купался в музыке каждые выходные.

Британским группам присущ был какой-то такой развратный шик: вот у них и прически крутые, и шмотки из бархата и атласа, и цепляет в них не только музыкальный стиль, но и внешний вид, и сами их личности. У каждого музыканта — свой образ, свое «я», они дополняли друг друга так, что у группы тоже получался свой законченный образ. А еще они источали сексуальность, которой американские группы в то время совершенно не обладали.

Я, конечно, видел и кучу американских групп, Jefferson Airplane, Grateful Dead, Moby Grape, Quicksilver Messenger Service и им подобных. Большинство музыкантов выглядели как бродяги, которые только что вылезли из койки. Мне лично не нравилось смотреть на какого-то толстого мужика с хвостиками. Когда я видел группу с бородатым музыкантом, я думал: *а что в этой рок-группе делает Зигмунд Фрейд?*

Мне кажется, все их световое шоу было сделано для того, чтобы люди смотрели на все это переливающееся разноцветное масло, а не на группку неказистых дядек, одетых так, как будто только что на улице попрошайничали. Вообще, большинство американских групп похожи были на коммуну, а меня это совсем не впечатляло. А если к их внешнему виду прибавить то, как они звучали, то вообще неудивительно, что народ на их концертах закидывался кислотой.

Я, кстати, сразу понял, что кислота — не моя тема. На концертах я много раз видел, как народ, закинувшись, отчебучивает черт-те что. Видел, что совершил с собой один парень из моего района. Я сообразил, что я сразу вытащу билет в один конец. Лучше уж себя контролировать. Слишком многое меня жрало и запутывало, плюс я наблюдал, что наркотики сделали с сестрой, так что твердо верил в то, что потеря контроля из-за наркотиков поведет меня вниз по очень и очень скверной дорожке.

Британские группы стали для меня как бы частью шаблона того, что я собирался делать дальше. И шаблон этот в том году и чуть позже все дополнялся и дополнялся. Я сходил на Humble Pie, Slade и Grand Funk Railroad, которые создавали прям церковную атмосферу, а с аудиторией устанавливали просто-таки религиозную связь. Фронтмены вроде Стива Мерриотта из Humble Pie — они своей пастве проповедуют благую весть рок-н-ролла.

Верую!

Поскольку музыка кипела в моей крови, мне, разумеется, нужны были деньги на билеты, гитарные струны и импортные английские журналы вроде Melody Maker, New Music Express и Sounds, которые я покупал в специальных киосках, доехав до Гринвич-Виллидж на метро и автобусе. Но найти подработки было трудно. Поэтому, когда кузен моей матери, владевший бензоколонкой Sinclair рядом с Пелисейдс-Парквей, предложил мне у него поработать, я сразу же согласился. Первое, что я сделал, — купил у него немного убитый Rambler, чтоб ездить после школы на работу. Ездить мне приходилось из Гарлема, где располагалась наша Школа искусств, через мост Джорджа Вашингтона в ньюйоркский Оранжбург, где и располагалась бензоколонка. Там я отрабатывал смену и ехал домой в Куинс. И так несколько раз в неделю.

Работа была тяжелой, отчасти из-за того, сколько надо было до нее ездить, но еще и потому, что я не знал о машинах абсолютно ничего. И был самым неловким и нерукастым. В один из первых дней на работе водитель одной машины велел мне «проверить масло». Я открыл капот, вытащил показатель уровня — это я умел, даже понимал, сколько масла.

«Кварту израсходовали», — сказал я.

— Окей, — сказал он. — Давай, долей кварту.

— Легко, — говорю. И пошел доливать.

Через несколько минут водитель меня окликнул:

— Эй, парень, чего так долго-то?

А я просто воронку поставил в дырку от уровня, и капал туда. Просто не знал, что масло заливается в другое место. Но, несмотря на такие вот первые трудности, некоторое время я считал это хорошей работой. У нас там даже была одна привлекательная работница, чей форменный комбинезон расстегивался с той же скоростью, что и мой.

Потом в один уик-энд одна местная газета — пять центов за экземпляр — поместила рекламу с купоном на бензин на один доллар. Читатель мог предъявить этот купон на станции и получить бензина на бакс. Потом управляющие бензоколонкой отправляли купон в Sinclair и получали доллар обратно. Так вот, кузен моей мамочки велел мне купить столько экземпляров газеты, сколько смогу, и привезти их к нему на бензоколонку в арендованном «пикапе» и вырезать все купоны. Дядя собирался получить из офиса Sinclair’s эти самые доллары, никого на эти купоны не заправив. Мне он обещал возместить стоимость всех этих пятицентовых газет и отрезать кусок от тех денег, что он получит от компании за купоны. Газеты я привозил машинами, и дядя сделал на этом несколько тысяч долларов, но не возместил

мне ни стоимость газет, ни долю от того, что он получил от компании. Родственник меня просто надул. Так что я ушел.

После этого я устроился на работу в Charles and Company, высококлассный продуктовый магазин. Там продавали всякую гурманскую снедь: холодную нарезку, сыры, а также консервы, филиалы магазина были разбросаны по всему Нью-Йорку. Мне приходилось прятать мои волосы под парик. Парик сильно жал, голова болела, но, поскольку я работал за прилавком, готовя сэндвичи и накладывая в банки салаты и спреды, носить я его должен был обязательно.

Однажды в магазин явился менеджер районной сети, который после того, как решил там свои бизнес-вопросы, подошел ко мне и сказал: «Знаешь, когда-нибудь ты сможешь дорасти до менеджера одного из наших магазинов». Наверное, он считал это мотивирующей речью, но на меня она произвела ровно противоположное действие. Я понимал, что мое место не здесь. Господи, где угодно, но только не здесь.

Осенью 1968 года, вскоре после того, как я пошел в предпоследний класс школы, я узнал, что мое место и не в группе Post War Baby Boom. Ну, они, по крайней мере, так думали. Джон Раэл и другие участники группы поступили в колледж — в основном в Bard и SUNY New Paltz — на севере штата, но не на краю ж земли! Я решил, что мы будем играть на каникулах и, может быть, я смогу к ним приезжать на выходные. Они же спланировали по-другому. Они не сказали мне, что больше я не в группе, — я это понял, когда в один из уик-эндов они приехали домой с каким-то парнем, который и стал гитаристом.

В колледже они продолжали играть, а этот новый парень просто тусовался с ними. Я это воспринял болезненно, особенно потому, что мне они ничего не сказали. Я рассмотрел ситуацию с разных сторон и задумался о том, что мне делать.

Вырасту как гитарист.

Но столь же важно: *буду дальше писать песни.*

Да нет, не все, главное: *используй по максимуму то, что у тебя есть. Не надо ждать какую-нибудь очередную группу.*

Ну, вот не будет у меня группы — и что? У меня есть песни, я пишу все больше. К тому моменту я обзавелся катушечным магнитофоном, на который их записывал. В моем случае первой рождалась музыка, мелодия, потом я заполнял остальное, включая текст.

Может быть, мои песни станут записывать другие люди?

Некоторые журналы, которые я покупал, например, Hit Parader и Song Hits, печатали тексты песен. А внизу страницы указывались авторы и паблишер, издательство.

Так, если я автор песен и мне нужно их кому-то сбывать — а группы у меня нет — то мне, наверное, нужен контракт с издательством.

Я был таким одиночкой, что самостоятельная карьера в музыке казалась мне идеальным решением. Так что внушительную часть моего предпоследнего учебного года я провел, обзванивая издательства с целью договорить о встрече, чтобы показать свой материал. Лучше всего я запомнил Brill Building, потому что это место я считал легендарным. Пришел туда с гитарой, в офисе сел напротив того человека, который согласился пообщаться со мной, и ему, совершенному незнакомцу, спел и сыграл свои песни.

Такая выяснилась странность: группе я показывал песни с большой осторожностью, колеблясь, а вот незнакомым пою и играю спокойно. Но, хотя некоторые из тех людей, с кем на встречи я ходил, отнеслись ко мне хорошо, ободряли, никто не подписал со мной контракт.

Мне предстояло еще многому научиться в плане мастерства.

8

Я тусовался в магазине Middle Earth, том самом, с приспособлениями для наркоты, и частенько навещал супружескую пару, жившую в доме рядом. Мы тусили, чесали языками, я поигрывал на своей акустике. В том же доме жил их знакомый, который тоже играл на гитаре. Иногда я к нему приходил, и мы джемовали. Заранее я никогда не звонил — просто заявлялся, и все.

Я иногда покуривал трубочку, и, в общем-то, казалось забавным сидеть на полу, раздумывая обо всяких смехотворных вещах, вдруг превращаясь в гения, который философствует о жизни на других планетах или коре деревьев. Но дело это непродуктивное, и я решил, что если я хочу писать песни, то не должен тратить время только «дуя» и поедая сэндвичи. У меня все еще была цель.

Тем не менее общение со старшими для меня стало отдушиной. С ними я не чувствовал того же невроза, что с ровесниками. И тут я сам делал свой выбор, а не соглашался с тем, что я вижу этих взрослых в школе каждый день. Примерно в то же время я познакомился с женщиной по имени Сэнди, жившей по соседству. Она была замужем за парнем по имени Стивен, растила троих детей, ей было примерно 25 лет. Я стал тусоваться с ней и ее мужем, ну как с той парой из Middle Earth, проводя с ними много времени… Здорово, что не надо было все время сидеть дома.

Однажды, когда я разговаривал с Сэнди наедине, она вдруг сказала:

— Мне надо тебе кое-что сообщить.

Окей…

— Стивен ушел от меня.

— Ужас! — сказал я и сжал ее в объятиях. И вот мы на софе в обнимку. А потом… она ведет меня в спальню.

Ой, что тут происходит?

Да это ж сказка!

Сексуальная техника у меня была на нуле, но Сэнди явно оценила мой энтузиазм: я оказался прямо отбойным молотком. Или пистолетом любви («Love Gun» — хит группы KISS 1977 года. — Прим. пер.). В том возрасте для меня снять штаны — уже было возбуждением. Если кто-то рядом есть — это приятный бонус. Вплоть до того момента, когда я переспал с Сэнди, секс казался чем-то неизведанным. Но после все изменилось радикально. Мне повезло: Стивен не передумал, ушел от нее, так

что я стал заваливаться к Сэнди все чаще и чаще. Ее дверь, которая находилась всего в нескольких шагах от моей, отныне стала входом в парк сексуальных развлечений с неведомой мне ранее захватывающей гонкой.

Рандеву наши проходили довольно поздно — ждали, когда дети уснут. Однажды я звоню от Сэнди домой, говорю маме, что снова буду поздно.

— Стэн, — сказала мама. — Скажи честно: что происходит?

— Мам, у нее тут куча всяких проблем.

Моя мама знала, что эта пара разошлась, и, кажется, подозревала о нашей связи, но на самом деле правду знать не хотела.

Как только я понял, что как юноша очень привлекаю взрослых женщин, моя ситуация изменилась радикально. Единственное, что отец мне говорил про секс, это то, что если от меня кто-нибудь забеременеет, то я буду сам по себе. Мне вдалбливали, что секс — это нечто нечистое и вообще извращенское. Но, братцы, как же я его хотел! А когда получил — братцы, мне так понравилось. И теперь, когда я занимался сексом с такими женщинами, мне не надо было касаться всякого личного, внутреннего, от чего никуда не деться, когда «разводишь» на секс ровесницу. С таким я не справлялся. Не вариант. Интим в моем тогдашнем представлении — некий захват, вторжение за психологическую крепостную стену, которую я выстроил вокруг себя. Я не хотел, чтобы ко мне лезли в душу. Я не хотел близости ни с кем. Но с взрослыми женщинами, как я быстро понял, ты просто наслаждаешься самим актом и сразу уходишь.

Сделал дело — слезай с тела.

Их это устраивало точно так же, как и меня. Так распахнулись шлюзы.

А вскоре другая женщина из нашего района увидела на улице меня с гитарой, и спросила, не знаю ли я кого-нибудь, кто дал бы ее сыну уроки гитары. Кстати, она была разведенной. Ну, говорю, я могу научить его. И вот свой тридцать девятый день рождения она провела в постели со мной. Мне было семнадцать.

Мои инстинкты и гормоны стали постоянно приводить меня в подобные ситуации. Отныне я имел доступ к чему-то волшебному, но без того, чтобы снимать свою защиту и ввязываться в какие-то многозначительные отношения или настоящий интим любого вида. Мне вообще не приходилось беспокоиться о том, что кто-то хочет от меня какой-то большей эмоциональной вовлеченности.

Я не видел никаких правил. Никогда не думал, насколько этично такое мое поведение. Если со мной хочет спать чья-то

жена — эй, это ж здорово, потому что она сама этого хочет. Тот факт, что часто есть кто-то третий, для меня не значил ничего. Это *их* дело, сейчас или позже. Если женщина предлагает себя — мне этого достаточно.

Муж из той супружеской пары, которая владела магазином Middle Earth, запал на одну девушку, которая часто захаживала в магазин. Однажды на вечеринке в квартире этой самой пары муж начал подкатывать к этой девушке. Мне кажется, пара эта и так уже шла к открытым отношениям, но именно этой ночью жена явно расстроилась, что ее муж уединился с другой. Так что я оказался в другой спальне с его женой и немецкой овчаркой, которая заинтересовалась мною, как и жена.

Эй, а ведь это все взрослые.

Девушку заводить я не хотел. Отношений я не хотел, они пугали. При том что то, чего я страстно желал, я получал безо всяких эмоций и привязанности. А если кому-то подобные ситуации кажутся пугающими — в конце концов, был же реальный шанс, что чей-то муж захочет мне отрезать яйца, как тот тип моему отцу, или даже убить меня, — то мне это вообще казалось идеальным.

Я никому не доверял. По-прежнему существовал в моем маленьком закрытом мирке. Но теперь одной из движущих сил для меня стал секс. Не важно, с кем и где. Помню, без приглашения пришел на вечеринку в соседний дом. Просто взял и вошел. А там в одной спальне устроили гардероб — гости свои пальто побросали на кровать. Ну и я вскоре туда затащил какую-то бабу, и там ее тырил на этих по́льтах. Люди заходили куртку забрать — и офигевали, что мы там чикаемся. Но мне плевать было. Границы приемлемого для меня попросту не существовали. Там, где недавно я был наедине только с моей музыкой, поселился еще и секс. *Секс!* Во мне просто зверь проснулся.

В другой раз у нас дома осталась ночевать подруга сестры. Я залез в ее койку. Она меня оттуда вытолкнула. На следующий день сестра донесла об этом мамочке. Мне это показалось забавным. То, что родителей взбесило такое мое поведение, — приятный бонус. Мне это стало нравиться еще больше.

Музыку я тоже теперь видел по-другому. В августе 1969 года я пошел на Led Zeppelin в Corona Park в районе Куинс, и на этом концерте, где было меньше двух тысяч человек, сексуальность того, что делают цеппелины, ощущалась просто физически. Сам концерт проходил в павильоне «Штат Нью-Йорк», выстроенном в 1964 году к Всемирной выставке. Это такое странное сооружение — наполовину открытое, на полу мозаичное изображение карты штата, крыша — из разноцветного плексигласа, рядом —

летающая тарелка на колоннах. Звучание гитары Джимми Пейджа поразило меня так же сильно, как в детстве Бетховен. Пейдж показался не просто отличным гитаристом, но — визионером, который сочинял и составлял разные фрагменты в звуковое совершенство. Led Zeppelin взяли уже известную музыкальную форму — рок на блюзовой основе — и превратили ее в нечто новое, совершенно свое.

Роберт Плант пел как сирена — я и не подозревал, что так вообще возможно! Я уже слушал живьем Терри Рейда и Стива Марриотта — в определенном плане предшественников Планта — но Плант точно был лучше, мощней, притягательней, совершенней. Он просто создал стиль, которого ранее не существовало. И при всех его исключительных вокальных данных он не был просто певцом. Роберт Плант был воплощением рок-божества. Никто так не *выглядел*. Он был таким создающимся архетипом. Помню, потом я пошел на The Who, и увидел, что фронтмен Роджер Долтри сменил свою пышную прическу — отрастил кудрявые локоны. Ага, подумал я, хочешь на Планта быть похожим. Все хотели внешне походить на Планта и петь как Плант.

На той летней сцене все происходившее изумляло. Тот концерт — мое переживание, самое близкое к религиозному.

На концерт мы пошли с Дэвидом Аном, с которым мы продолжали общаться время от времени, и по окончании я его просто попросил: «Давай не будем говорить об этом. Не будем о концерте — ведь что бы мы ни сказали, это просто все обесценит».

Я никогда, вообще никогда в жизни не увижу и не услышу подобного совершенства.

Я понимал, что для меня музыка — все еще спасение и главное решение проблемы глубокой внутренней неуверенности. Я хотел реального подтверждения, которое я чувствовал, играя перед публикой. Хотя Post War Baby Boom не зарабатывали ни пенса, мы давали концерты в местах вроде Beehive; а мне самому нравилось петь свои песни под гитару менеджерам паблишинговых компаний. Так что я снова начал поигрывать с Мэттом Раэлом, младшим братом Джона из Post War Baby Boom. Несколько лет назад мы с Мэттом очень много играли вместе, и теперь снова врубили наши черные фендеровские комбики, и принялись экспериментировать. Иногда к нам присоединялся барабанщик Нил Тиман. Часто мы выворачивали все ручки усилителей до конца — тембры, громкость — и создавали тройную стену шума.

Нам удалось сделать себе несколько концертов в одном

хипповском месте в Бруклине под названием «Bank». В самом здании располагался «штаб» некой коммуны, члены которой там же и жили — на нескольких этажах заброшенного банковского здания. На одном этаже пол усыпали сеном — там дети катались на осликах. Мы играли на другом этаже, наваливая стену шума — гитары наши скрежетали жутко. Мэтт даже не стоял лицом к аудитории на большинстве концертов.

Здорово было снова начать играть, но эта группа явно не имела для меня будущего, а мысли о будущем больше и больше глодали меня по мере приближения выпускного. Я уже в выпускном классе, надо думать о дальнейших шагах. Давление, которое я испытывал, не имело отношения к деньгам как таковым. Меня беспокоило то, что другие создавали задел для обеспеченного будущего. Они планировали поступить в колледж и получить профессию. А я — нет.

Насколько я верил в себя — настолько же не было никакой гарантии того, что я сделаю карьеру в музыке. В нашем районе дети шли по стопам родителей, становились врачами или юристами. А у меня, отчаянно желающего стать рок-божеством, волосы уже отросли до лопаток. Я понимал, что статистика тут совсем не в мою пользу. Много ночей я провел с тревожной мыслью: *что же, черт возьми, я делаю?* Неважно, насколько ты уверен в себе, все равно время от времени возникает тень сомнений. Вера в себя ставится под вопрос — даже если она не исчезает.

Лежу в постели, думаю. У меня есть план. Ну, типа плана. Скорее цель, чем план, если серьезно. Я стремлюсь к определенной цели, я работаю над этим, иногда, правда, просто ставлю на карту все. Но на этом пути нет никаких пунктов, где надо отмечаться, это же не то же самое, что учиться на оптометриста.

А что, если? Что, если у меня ничего не получится?

Вот такие страхи приходили ко мне ночью.

В конце концов я придумал план на крайний случай: буду работать на телефонную компанию. Тогда это была хорошо оплачиваемая работа, профсоюз, бонусы. Вот если я смогу устроиться мастером установки телефонов — а объявления об этой вакансии появлялись регулярно — я буду работать на себя, в стороне от людей, от любых боссов. Я буду ездить такой на микроавтобусе и устанавливать телефоны. Сам по себе.

9

У нас с Мэттом на репетициях стали возникать споры. Я считал, что мы просто месим фигню всякую, а не творим и не движемся вперед. Также я полагал, что во время концерта ему лучше стоять лицом к аудитории, а не к своему усилителю. Кризис случился на очередной репетиции, когда мы с Нилом попросили Мэтта немного убавить громкость усилителя.

«Сделай тише!» — заорали мы.

«Нет!» — заорал Мэтт, продолжая играть на полной громкости.

Так что мы с Нилом решили, что хватит. Вышли на улицу, и группа распалась. Я и Мэтт — мы остались друзьями — даже как-то работали вместе в такси, но, мне кажется, что когда он перестал с нами играть, то это принесло ему какое-то облегчение.

Я, конечно, хотел играть и дальше, и поскольку в паблишинговых компаниях меня заворачивали, я решил, что группа — верное решение. Нил, тогда работавший на полставки в студии звукозаписи, узнал от одного своего друга, что есть такой парень — Стив Коронел, который играет на соло-гитаре. Мы связались с этим Стивом, встретились, поиграли каверы, несколько моих песен и стали договариваться о концертах.

У нас с Мэттом в группе басиста не было никогда, а Стив хотел, чтоб он был. «Знаю тут одного парня», — заявил он.

Этого парня звали Джин Кляйн, подростками они со Стивом играли в группе The Long Island Sounds. Джин, по словам Стива, живет где-то в пригороде. И он старше меня на несколько лет, колледж закончил уже. Мне лично было все равно, живет ли этот Джин в округе Салливан или в Статен-Айленде, — если будет возможность создать настоящую группу, то я обеими руками за.

Однажды я пришел в квартиру Стива в Вашингтон-Хайтс — я жил в детстве неподалеку. Комната Стива была выкрашена в черный. И в комнате этой сидел крупный жирноватый парень. «Стэн, — сказал Стив, — это Джин Кляйн».

Джин носил длинные волосы и бороду на двойном подбородке. У него явно был серьезный лишний вес. Я сам был довольно упитанным тогда, но этот парень казался прямо немереным. Он носил комбинезон, сандалии, и в таком виде напоминал персонажа недавно запустившегося тв-канала с музыкой кантри *Hee Haw*.

Джин сразу дал понять, что в музыкальном плане мы ему не ровня. Он сыграл нам пару песен, которые мне показались глуповатыми. Потом мне предложил спеть мое. Я исполнил некую

вещичку под названием «Sunday Driver», которую позже переименовал в «Let Me Know». Его явно поразило, что на белом свете кто-то еще, помимо Джона Леннона, Пола Маккартни и Джина Кляйна, умеет писать песни. Момент прозрения: вот еще один незнаменитый парень, который на самом деле может написать песню. Это его ошеломило. Он пробормотал: «Хмммм».

Меня немного разозлило то, что он считал, что с его уровня можно судить меня, как будто только его одобрение и имело смысл. Особенно из-за того, что я остался не очень высокого мнения о его песнях, сам факт, что он надменно и снисходительно оценивает меня, вообще — анекдот. Он ясно дал понять, что он судит с более высокой колокольни, но мне это очень не понравилось. Джин, разумеется, ничего не знал про мое ухо — оно ж было прикрыто волосами — но я уже был запрограммирован ненавидеть, когда меня разглядывают и судят. Я был уверен, что это, мягко говоря, не очень хорошее дело, так что с парнем этим работать я не рвался.

В другой вечер мы со Стивом и басистом по имени Марти Коэн играли бесплатный концерт в кофешопе Forlini's Third Phase, на углу Бродвея и 111-й улицы. Помещение обшито пенопластом. Мы играли через гору усилителей наши песен и несколько каверов, включая «Mississippi Queen» группы Mountain. Публика купилась. Джин тоже пришел на этот концерт — Стив одолжил у него кое-что из аппаратуры — и явно получил приятное впечатление.

После этого я в какой-то момент позвонил по объявлению «Ищем гитариста» в альтернативном еженедельнике *Village Voice*. Я позвонил человеку по имени Брук Острандер, который дал это объявление, — он был клавишником группы, искавшей соло-гитариста, как оказалось, а не ритм-гитариста вроде меня. На этом все и закончилось.

Но вскоре после мне позвонил Джин и спросил, не могу ли я подъехать в Нью-Джерси и сыграть для демокассеты, которую он со своей группой пытается закончить. Предлагал приехать на день-два. Я согласился. По иронии судьбы группа эта играла дома у клавишника Брука Острандера, и именно для этой группы Брук искал гитариста через объявление. Брук был аж учителем музыки в школе. Джин, кстати, тоже хвастался какой-то своей беловоротничковой работой, за которую платили пять долларов в час — это по тем временам состояние. Дома у них стоял некий аппарат для записи на кассеты, аппарат не студийного уровня, но мы проработали весь день. К концу вечера мы с Бруком покурили травки через большой кальян в форме рыбки. Я вообще отключился, и поскольку рабочий день уже окончился, мы

слушали Pink Floyd и Jethro Tull, и тут я понял, что мне негде ночевать.

«Пошли в спальню», — сказал Брук.

Оооо…

Одна из самых долгих моих прогулок. Я не знал, что делать. Но открылись двери спальни, и я увидел там две кровати.

Уф! Слава тебе, господи!

Так вот, работая с Джином, я понял, что у нас много общего. Его семья выжила в Холокосте. Сам он был умным и серьезным. Хотя они с Бруком работал в Нью-Джерси, жил он всего минутах в пятнадцати от меня в Куинсе. Еще оказалось, что в колледже на севере штата у него была группа, и они дали довольно много концертов. То есть он мог много чего предложить. Он хорошо пел и хорошо играл на басу. Песни умел писать. И, что, наверное, самое важное — Джин был сконцентрирован.

К тому моменту я понял одну вещь: талант, как и все остальное — это точка старта. Имеет значение только то, что ты с ним сделал. Я прекрасно понимал, что я не самый талантливый гитарист, певец или автор песен, но я все это умел, и у меня было законченное *представление* о том, что делать, чтобы добиться успеха, и в представление это включалась работа, работа и еще раз работа.

Джин писал много очень странных песен. Может быть потому, что он родился в другой стране? Я не знал. Но вот одна песня у него называлась «Стэнли-попугай», а другая — «Мой дядя — это плот». А одна так вообще: «Моя мать — самая красивая женщина на земле».

Ну, знаете, странновато это как-то.

И тем не менее чем больше мы играли, тем лучше получалось. Наши с Джином музыкальные вкусы совпадали, и голоса наши отлично сочетались. Я решил с ним работать. Я теперь видел гораздо более крупную картинку, и, несмотря на некоторые особенности характера Джина — у него, единственного ребенка в семье, не очень было развито чувство командного игрока, мы оба были достаточно умны для того, чтобы придумать, как выехать на амбициях. И, в конце концов, убивать дракона легче с помощником.

По мере того как мы репетировали вместе, к нам пришел Стив Коронел — так мы понемногу стали превращаться в настоящую группу.

10

В июне 1970-го я получил аттестат Средней школы музыки и искусства. По оценкам ниже меня располагалась всего пара десятков человек, а учеников в классе было очень много. Вообще-то меня приятно удивил сам факт, что я получил диплом, учитывая, что я почти все время прогуливал.

Окончание школы — не благословение в чистом виде. Радостно, что школа позади, но я до жути боялся армии. Война во Вьетнаме шла полным ходом, и менее всего мне хотелось бы туда попасть. Вьетнам мне был «нужен» так же, как кислота.

За годы все нарастающего страха я собрал кучу справок о своих разных проблемах со здоровьем — спина болит и так далее, с подобным к врачам ходил. И однажды я отправился с повесткой на Уайтхолл-стрит в Нижнем Манхэттене. Они быстренько проглядели мои документы и тут же признали меня негодным к службе. То есть все эти годы я боялся Вьетнама совершенно зря. Дома я рассказал эту прекрасную новость родителям, а они так ошарашенно переглянулись и спросили:

— А ты что, не знал, что ты негоден к службе?

— Почему это? — спросил я.

— Ты же глухой на одно ухо.

Оба-на.

Мне, совершенно обалдевшему от такого, припомнились все моменты, когда я, учась в старших классах, поднимал вопрос с призывом в армию. Каждый мужчина, у которого приближается призывной возраст, в курсе, что его ждет. И много раз я рассказывал родителям о своих страхах. И конкретно от этого страха они могли меня легко избавить, если б просто сообщили, что я негоден к армии.

— Чего ж вы мне не сказали-то? — удивился я.

Они повернулись друг к другу, потом снова поглядели на меня, пожали плечами. Еще десять очков родителям моим.

Да, правда, что я одним ухом я не мог определять местоположение звука, но я никогда не складывал два и два.

И никто для меня два плюс два не сложил.

В то время штат Нью-Йорк решил сделать обучение в колледже доступным любому гражданину штата, и я решил, что при всем моем отважном решении делать карьеру в музыке, лучше бы мне подать документы в городскую систему колледжей. Я уже и так себе изрядно навредил, так что, вероятно, эта станет новой возможностью, моей страховочной сеткой, которая мне, скорее всего, еще понадобится.

Поскольку предварительных тестов я не сдавал, а аттестат у меня двоечный, то меня взяли в Bronx Community College. Я получил студенческий заем и тут же купил подержанный синий Plymouth Fury, поскольку Rambler мой совсем уж разваливался.

В первую неделю занятий я недоумевал: эти люди совершенно не похожи на тот «материал колледжа», каким я себе его представлял. Они, наверное, думали то же самое обо мне.

Место учебы у меня изменилось, но суть осталась: в колледже было все то же самое, что я ненавидел в школе. Моя главная проблема никуда не делась: я плохо слышал и терял нить. А на занятиях надо было присутствовать не час в день, а обязательно целый день. А потом еще домашние задания. Когда я думал о том, сколько времени я должен буду посвящать колледжу, я понимал, что он станет серьезным препятствием. Я хотел как можно больше времени посвящать достижению моей цели, а учеба мне в этом никак помочь не могла. Даже делала всю затею невозможной. И ради чего? Учеником блестящим я никогда не буду. Таким образом, колледж представлялся пустой тратой времени, при том что время, как я считал, было моей самой большой ценностью.

То же самое. Я тут чужой.

Это не для меня.

Я думал о моей новой группе, о том, что я теперь больше не кустарь-одиночка. Я думал об идеях, которые мы с Джином обсуждали, — например о том, что надо найти постоянную репетиционную базу. Джин, понятно, рос в семье один, мама ему говорила, что он прямо подарок Господа этому миру, а Джин верил. У него, понятно, были свои закидоны. Но, опять-таки, между нами возникла пресловутая химия — вдвоем мы были гораздо сильнее, чем каждый поодиночке. И у нас был военный план.

Это не для меня.

Да, не оставить себе плана Б, запасного варианта, — это очень опасно. Но ходить в колледж для меня значило потерять фокус. А для группы успех — это фокусировка. Мне нужно было жить группой двадцать четыре часа в сутки, а не вечером и по выходным. Терять время в Bronx Community College значило саботировать то, что я пытаюсь довести до конца. Теперь у меня был «плимут», а это означало, что я в любое время мог ездить на репетиции и обратно.

Это не для меня.

Проучившись в колледже неделю, я больше там не появился.

Часть II. На улицу за заработком

11

Джин Кляйн жил в Бейсайде, в Куинсе, со своей матерью и ее мужем. Меня она называла «этот бомж». Их дом был трехэтажным, на первом квартиру снимал жилец, наверху — Джин с семьей. Однажды я стоял и разговаривал с Джином, который свесился из окна. Тут высунулась его мать и сказала мне со своим сильным венгерским акцентом: «Стэн, пожалуйста, это тихий район».

Другими словами, я — из района за железной дорогой, что называется, то есть из бедного, рабочего, и не знал, что здесь, у приличных людей, все по-другому.

Мать Джина считала, что ее сынок не может сделать ничего неправильного. Когда я звонил, а он был в санузле, она так мне сообщала об этом: «Король на троне». Она верила, что он даже на толчке производит шедевры. Я, напротив, от родителей не услышал бы комплимента, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Они очень старались *не* похвалить меня, наверное, думая, что так меня закаляют. Джин не мог сделать ничего неправильно; я не мог сделать ничего правильно.

Конечно, учитывая мои обстоятельства, ничего удивительного, что мама Джина считала меня бомжом.

Тем временем моя сестра со своим парнем разъезжала по округе в вэне, продавая наркоту, сами они ежедневно закидывались кислотой, нюхали клей и вообще занимались черт знает чем. Сестра в конце концов забеременела, но к родам они с этим парнем уже разбежались. Когда в роддоме появилась на свет моя племянница Эрика, мы с моими родителями были там.

Сестра моя была совершенно непригодна к тому, чтобы растить ребенка. Она все еще страдала от психического заболевания и все еще употребляла наркотики. Однажды в выходной мы с отцом арендовали вэн, приехали в Бостон — она там жила в своего рода коммуне — погрузили все детские вещи и отвезли в дом к моим родителям. А ребенок уже и так жил с ними.

С этого момента общение с Джулией почти полностью прекратилось. Конечно, возникали опасения, неуверенность: а что, если она заберет Эрику и начнет судиться с нашими родителями за опеку? Однажды Джулия действительно заявилась к нам, будучи явно не в себе. Она носила Эрику на ручках, и вдруг я услыхал, как распахнулась входная дверь, и увидел Джулию, бегущую с ребенком по улице. Пришлось нам мчаться за ней и отнимать Эрику. Ужас.

Согласно философии моих родителей не замечать проблем, племянница моя, пока росла, называла мою маму — то есть свою бабушку — «мама». А поскольку моему папе было неловко выбирать, как его называть, он по умолчанию стал «дорогой». Ну, просто мама моя так его называла.

В то время как Джин получил диплом колледжа и зарабатывал неплохие деньги как клерк или ассистент учителя — в первые годы нашего знакомства он сменил несколько работ — я перескочил из бензозаправки в гастроном и бросил колледж. Теперь я готовился сдать экзамен на водителя, чтоб стать таксистом на полставки. Пока ребята из нашего района учились, чтоб получить дипломы для долгих успешных карьер, я не оставил себе никакого варианта, кроме как добиться успеха в музыке. У меня не было никакого выбора, кроме как двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю придумывать, как этого достичь. Я считал, что все дело в работе. Ты можешь измерить, насколько важно для тебя что-то, по тому, сколько ты готов работать, чтобы добиться этого.

К моему счастью Джин, вопреки мнению его мамы, тоже считал, что вместе мы гораздо сильнее, чем поодиночке. Хотя, мне кажется, в то время наше партнерство для меня было куда важнее. Получив капельку одобрения и человека, с которым можно тусоваться, я в конце концов перестал ходить к психиатру доктору Хилсену. С другой стороны, в жизни Джина происходило много чего, в отличие от моей — девочки, работа, вообще все. На первый взгляд казалось, что он более удовлетворен, эдакий шалопай-счастливчик. Я же рассматривал Джина как важную часть плана — а кроме плана у меня ничего не было. После отказов паблишинговых компаний я понял, что могу продвинуть свой материал только с группой. Мне одному не хватало по крайней мере троих для нужной мне команды. Джин, я чувствовал, тоже был ключевым членом команды.

К тому времени я уже повидал немало людей, которые хотели быть музыкантами и говорили, что станут звездами, но подавляющему большинству из них не хватало дисциплины, они не хотели полностью отдаваться работе. Талант — это все хорошо и нужно, но победителями становились те, кто работал тяжелее всех. Так вот, к этой работе Джин относился так же, как и я.

Получив место таксиста в компании под названием Metro, расположенной близ Queens Plaza, я стал зарабатывать, сколько мне было нужно на тот момент, и при этом практически свободно мог распоряжаться своим временем. Водил я большой Dodge-седан с хлипкой перегородкой между мной и задними сидениями. Бизнес такси тогда претерпевал изменения: классических

таксистов становилось все меньше, на смену привычным пожилым мужикам с сигарами стали приходить люди вроде меня — актеры и музыканты — те, кому нужен был и заработок, и свобода. Я очень быстро понял, какая минимальная выручка за смену требуется компании, так что когда я хотел я работал по минимуму — мой заработок зависел от того, сколько я соберу с клиентов. Я также нашел проводки от табло «for hire» («свободен») и научился отсоединять их, не глядя под приборный щиток. Таким образом, я мог забирать все, что набежало по счетчику, не рискуя быть замеченным такси-инспектором: нельзя возить пассажиров с включенным табло «свободен», при котором счетчик не включен.

Мы с Джином сняли репетиционное помещение на Хестер-стрит в Чайнатауне, в нижнем Манхэттене, рядом с Кэнел-стрит. Здание это строили из того, что мы называли «деревяшка нежная»: чиркни спичкой — оно все сгорит. Но все равно, был большой плюс: там мы могли хранить нашу аппаратуру, а не таскаться с ней туда-сюда постоянно. В этом месте наша группа полным составом — я, Джин, Стив Коронел, Брук Острандер и барабанщик Тони Зарелла — репетировала три раза в неделю. Но мы с Джином проводили там гораздо больше времени.

Поначалу меня песни Джина не очень впечатлили, но когда мы притерлись друг к другу, то вместе начали сочинять очень эффективно. Было так здорово иметь творческого и умного соавтора, с которым постоянно перекидываешься идеями. Соавтор песен! Все, я больше не чувствовал себя одиноким.

Джин к тому же был потрясающим басистом. Он мог играть хитрую, интересную партию, и в то же время петь, а такое умеет далеко не каждый. Его талант придумывать мелодичные партии, дополнявшие аккорды стал огромным плюсом. И тем не менее, хотя я очень ценил наше сотрудничество, мне не очень нравилось, как он ведет себя в определенных обстоятельствах. Например, он много раз опаздывал на репетиции, при этом ни разу не извинился. Нередко мне приходилось ждать его в метро по часу, чтобы ехать на базу. Но он думал только о себе.

Это, конечно, бесило, но иногда я ему мстил. Частенько мы ходили есть в дешевый китайский ресторан на Кэнел-стрит — там за 1 доллар 25 центов на тарелку риса или лапши тебе накладывали любое блюдо из меню. Однажды в обеденное время мы с Джином пришли, заказали по тарелке еды и банке колы, сели. Мы — единственные посетители. Джин пошел руки помыть, я взял бутылку острой горчицы и выдавил чуть ли не половину ему в колу. Он вернулся, поднес трубочку к губам, глубоко втянул. А я ничего, сижу, молчу, жду. Тут вдруг у него глаза

полезли из орбит, слезы потекли, он заорал: «Боже!». Джин на три года старше меня, и я его подкалывал как надоедливый младший брат.

Бюджеты наши в то время ограничивались в основном несколькими долларами. Однажды во время репетиции нам захотелось поесть, но денег не оказалось вообще. Тогда мы взяли гитары и вышли на Хестер-стрит, и у фасада лофта стали играть песни The Beatles. Ведерко для сбора денег очень быстро наполнилось, и мы уже могли идти за едой. В тот день мы столько заработали, что решили продолжить. Но на следующий день мы, не успев начать играть, были схвачены копами. Так закончилась наша карьера уличных музыкантов, так разбилась мечта о неиссякаемых порциях курицы му-шу.

Я довольно рано понял, что Джин приучен ценить деньги, и иногда я делал добро — например, частенько отдавал ему мою старую обувь. Но иногда я валял дурака: бросал мелочь на улице в Чайнатауне, зная, что он за ней ринется. Просто вставал на бордюр и швырял монеты. А он и в сточную канаву за ними лез.

Несмотря на то, что жизни наших семей отличались, все же мы с Джином нашли общее. Оба из иммигрантских еврейских семей, оба жили в Куинсе, но главным, как мне кажется, стало отношение к работе. И он, и я отдавались ей на сто процентов. Остальных участников группы двигало, мне кажется, не это. Тони-барабанщик играл в группе по одной-единственной причине: он был точной копией Гизера Батлера из Black Sabbath. Барабанщиком он был не очень умелым, мягко говоря, но сидел за своей гигантской установкой фирмы Ludwig и выглядел соответствующе. Себя он считал эдаким интеллектуалом. Однажды он принес на репетицию некий свой рисунок, который, по его мнению, станет идеальной обложкой нашего когда-нибудь-грядущего альбома. А картина такая: Земля и цветок в космосе, плачут. Он мне:

— Ну чего, понял?

— Нет, — говорю.

— Да понял ты!

— Вообще без понятия, что это такое. Цветок плачет на Земле? Ну ладно, нормально.

Поскольку Брук Острандер играл помимо фортепиано и на флейте, мы «сняли» новейший на тот момент хит группы Jethro Tull «Locomotive Breath». Но у Брука иногда возникала проблема при пении — когда слюна попадала не в то горло, и его скручивал кашель. Иногда он поет, а в следующую секунду отключается. Я поворачиваюсь и вижу, что он задыхается.

А с соло-гитаристом Стивом Коронелом я не очень ладил.

Как-то в очередном споре он стал на меня орать:

— Ты что думаешь, ты особенный?

— Ну, вообще-то да, — говорю, — особенный. Аура у меня есть.

Стив такую гримасу скорчил, будто я только что его маму застрелил.

— Это у тебя-то *аура*? — Стив взбесился окончательно.

И тут Джин сказал свое веское слово:

— Он прав, Стив. Есть у него аура.

12

В начале 1971 года мы дали концерт, взяв название Rainbow. В общественном колледже на Статен-Айленде, где я впервые в жизни подхватил мандавошек.

Нет, вшами этими можно заразиться через постель. Можно напрямую от человека. А я вот подхватил их не через постельное белье и не от человека, а со стульчака в этом колледже. Чесаться я начал вскоре после того концерта, но прошло какое-то время, прежде чем я сложил два и два. Я наконец понял, что у меня лобковые вши, только когда обнаружил в трусах нечто, похожее на хлебные крошки. Приглядевшись к ним повнимательнее, увидел, что крошки эти ползают. И их сотня! Тошнило от мысли, что они жили на мне и жрали мое тело. Обнаружилось все поздней ночью, я разбудил родителей и сказал, что вызываю «скорую». Не хотел ждать ни секунды, а аптек круглосуточных тогда не было.

Моя мама испугалась, что я весь дом ими заражу. «Скажи честно, Стэн, ты с какими собаками спишь?»

Как только я пересилил отвращение к этим зверушкам, мне все это дело стало казаться жутко забавным. А то, что отвращение у моих родителей вызывает мой стиль жизни, — для меня отдельный источник радости. Ни похвалы, ни поддержки я от них не получил ни разу в жизни — так, блин, хоть взбешу их, что ли.

В апреле 1971 года группа дала еще один концерт в Катскиллс — это примерно в двух часах езды на север от Нью-Йорка — на сей раз с новым названием Wicked Lester. Сыграли меньше каверов, больше наших с Джином песен.

Дома, в Куинсе, я однажды заскочил в Middle Earth — просто повидаться. Но владелец вытащил из реестра некую бумажку и протянул мне: «Тут парень из Electric Lady заходил, мы у него телефончик попросили». Electric Lady — под этим имелась в виду студия с таким названием. Ее построил Джими Хендрикс на 8-й улице Манхэттена. Для музыканта она — как Израиль для еврея. Просто Святая земля.

Я внимательно изучил бумажку. На ней стояло имя «Рон» и телефонный номер. Я не мог поверить, что ребята из магазина добыли для меня такой контакт.

Я позвонил:

— Можно Рона?

— Какого? Шимона или Джонсена?

Ну, Рон Джонсен более многообещающим показался.

— Минуту.

Рон Джонсен был в этой студии продюсером, меня соединили с его секретарем. Я попросил передать ему сообщение про мою группу, рассказал, что он-де оставил телефон в Middle Earth, в общем нахвастался.

На следующий день я перезвонил, но старая история: Рон не может взять трубку. Я звонил и звонил, каждый день, много дней подряд, и наконец заявил секретарю: «Передайте ему, что из-за таких людей, как он, распадаются такие группы, как моя». И это-то подвигло его взять трубку. И он даже согласился послушать нас на нашей базе.

Я только потом узнал, что Рон, который оставил телефон в Middle Earth, — это другой Рон, Рон Шимон, и в Electric Lady он начальник техобслуживания.

Рон приехал на базу, послушал нас, и ему понравилось. «Парни, вы будете круты как Three Dog Night». В таком сравнении если и была крупица правды, то уж очень мелкая. Дело в том, что мы играли полную мешанину стилей, и одна песня, наверное, могла звучать похоже на группу Three Dog Night, но следующая уже была совсем другой. Честно говоря, у Wicked Lester не было конкретного стиля, на котором она бы по-настоящему сфокусировалась.

Тем не менее Рон Джонсен сказал, что сделает нам запись, а потом разошлет кассеты с целью получить контракт с лейблом. И познакомил нас с такой штукой, как продюсерское соглашение.

Тут вдруг все завертелось.

Я показал контракт отцу Мэтта Раэла, бизнесмену. А семье этой я доверял. Он сказал: «Это односторонний контракт, и он совершенно не в вашу пользу».

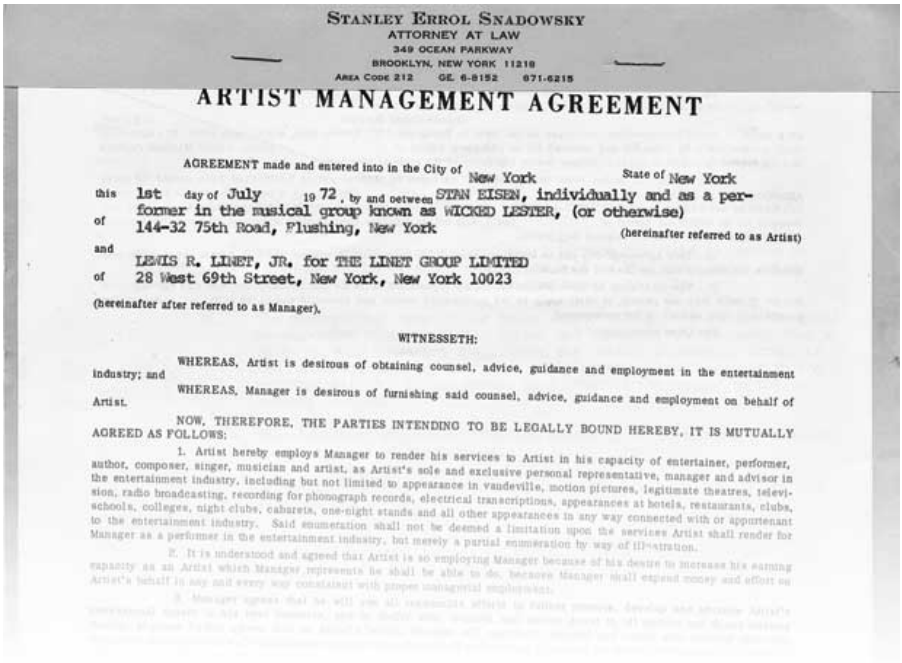
Но мы его все равно подписали: он давал шанс получить контракт на запись альбома, записаться в Electric Lady, выпустить альбом. Такую возможность мы прощелкать не хотели.

И как только мы с Роном Джонсеном подписали контракт на продюсирование и начали записывать наши песни, он стал организовывать прослушивания в рекорд-лейблах. Одно из них — в новом лейбле под названием Metromedia. После него Рон нам сказал: «Они прошли». Мы заулыбались, показываем большие пальцы, ага, мы прошли! «Нет, — уточнил Рон сухо, — *они* прошли».

В конце концов Epic Records согласились подписать Wicked Lester, но на одном условии: выгнать Стива Коронела. Первый поворотный момент: делаем выбор в пользу дружбы или мы хотим стать успешными? Мы решили выгнать Стива. Сказать ему об этом выпало Джину.

Вместо Стива Epic Records предоставили на запись нам

студийного чувака по имени Рон Лиджек и заключили с нами контракт на выпуск альбома. Мы выпустим альбом! На мейджор-лейбле! Нам даже аванс выдали, скромный, но аванс. Я на свою долю купил в родительский дом стиралку и сушилку. Ну, я же дома с ними жил, в конце-то концов.



STANLEY ERROL SNADOWSKY
ATTORNEY AT LAW
349 OCEAN PARKWAY
BROOKLYN, NEW YORK 11218
AREA CODE 212 GE. 6-8152 871-6215

ARTIST MANAGEMENT AGREEMENT

AGREEMENT made and entered into in the City of New York State of New York this 1st day of July 19 72, by and between STAN EISEN, individually and as a performer in the musical group known as WICKED LESTER, (or otherwise) of 144-32 75th Road, Flushing, New York (hereinafter referred to as Artist) and LEWIS R. LINET, JR. for THE LINET GROUP LIMITED of 28 West 69th Street, New York, New York 10023 (hereinafter after referred to as Manager),

WITNESSETH:

WHEREAS, Artist is desirous of obtaining counsel, advice, guidance and employment in the entertainment industry; and

WHEREAS, Manager is desirous of furnishing said counsel, advice, guidance and employment on behalf of Artist.

NOW, THEREFORE, THE PARTIES INTENDING TO BE LEGALLY BOUND HEREBY, IT IS MUTUALLY AGREED AS FOLLOWS:

1. Artist hereby employs Manager to render his services to Artist in his capacity of entertainer, performer, author, composer, singer, musician and artist, as Artist's sole and exclusive personal representative, manager and advisor in the entertainment industry, including but not limited to appearance in vaudeville, motion pictures, legitimate theatres, television, radio broadcasting, recording for phonograph records, electrical transcriptions, appearances at hotels, restaurants, clubs, schools, colleges, night clubs, cabarets, one-night stands and all other appearances in any way connected with or appurtenant to the entertainment industry. Said enumeration shall not be deemed a limitation upon the services Artist shall render for Manager as a performer in the entertainment industry, but merely a partial enumeration by way of illustration.

2. It is understood and agreed that Artist is so employing Manager because of his desire to increase his earning capacity as an Artist which Manager represents he shall be able to do, because Manager shall expend money and effort on Artist's behalf in any and every way consistent with proper managerial employment.

Изначальный контракт на менеджмент группы Wicked Lester с Лью Лайнетом от 1972 года

Рон устроил нам запись подешевле, используя невостребованное время в Electric Lady. Если очередная группа заканчивала работу в полдень, а другая появлялась только ближе к вечеру, то мы записывались. Часто мы ждали до ночи в надежде, что другая группа закончит к часу-двум, и у нас будет время поработать. Это всегда напоминало игру в кости: иногда мы целый день сидели-ждали, но урывали только пару часов.

Именно во время этих сессий я впервые увидел кокаин. Одна суперпопулярная группа работала в студии A ночью, а мы — в студии B. Мне каким-то образом удалось уболтать их и посидеть с ними, пока они пишутся. Вдруг один из них со словами «Мне нужен свежий воздух» достал флакон «Эксцедрина» (продающееся без рецепта обезболивающее, смесь парацетамола, аспирина и кофеина. — Прим. пер.), высыпал из него немного порошка и носом втянул его.

Чуть позже этот парень заглянул к нам в студию послушать

вокал, который мы только что записали для одной композиции. Поскольку его группа как раз славилась очень крутым многоголосьем, я понадеялся, что он даст совет, потому что в нашей песне голоса явно требовали доработки. А он пришел с этой своей баночкой. Послушав песню, сказал: «Чувак, здорово звучит». Я себя каким-то дураком почувствовал: я ж знаю, что это *не* здорово звучит. Может, он просто нанюхался и болтал. Не знаю.

А потом зашел его товарищ по группе и спросил, не может ли кто из нас свести его с какой-нибудь девчонкой. Я ушам своим поверить не мог: они же реальные звезды, при этом один просит случайных людей в студии подогнать ему девочку, другой все время нюхает из флакончика и не может понять, говно песня или нет… неужели такова жизнь рок-звезд?

Когда мы стали записываться — хоть и так вот хаотично — наша база в Чайнатауне стала уже нужна не так часто. Но однажды днем мы высадились в нашем лофте. «Ой, а где журавль микрофонный? — удивился я. — И где усилки? А барабаны куда делись? Черт подери, нас ограбили!»

Мы знали, конечно, что в здание заходят люди. К нам на репетицию как-то раз завалился беглый пациент местной психушки — в зеленом больничном халате, босиком. Но мы совершенно не ожидали, что кто-нибудь взломает окно, выходящее на пожарную лестницу. Окно было защищено стальным листом и навесным замком. Ну или мы думали, что защищено.

Комната лишилась воздуха. Не знаю, о чем подумали ребята, меня интересовало одно: как мы все это переживем?

Отбросит это нас назад? Разумеется. Но я всегда смотрел на вещи шире.

Нам на самом деле все это уже не нужно, мы же записываем альбом в студии Electric Lady! Как нам повезло!

Понадобятся гитары — одолжим. Нет барабанов — сыграем на картонных ящиках. В любом случае, репетировать нам сейчас не нужно. Все время мы проводили в студии и пользовались тамошним оборудованием.

Но определенно мне требовалось больше денег, чтобы купить новое оборудование. Мы с Джином также хотели купить усилители, чтобы играть концерты на наших условиях. Так что я стал чаще выезжать на линию. Один из моих излюбленных маршрутов — до Мэдисон-сквер-гарден, легендарного концертного зала в центре Манхэттена. Пока Wicked Lester скатывался вниз, Элвис в июне 1972 года давал там четыре концерта. В один из тех вечеров я посадил нескольких

пассажиров.

— Куда?

— Мэдисон-сквер-гарден.

Я улыбнулся.

Никогда не забуду тот вечер, когда я остановился у тротуара напротив Мэдисона. Потому что во всей неразберихе, пока все это множество народа шло смотреть на Короля во всех его роскошных блестках, у меня в голове билась одна мысль: *в один прекрасный день я буду выступать тут, и люди будут брать такси до моего концерта.*

13

Альбом группы Wicked Records был закончен к финалу 1972 года. Мы записали несколько наших песен, но при этом еще и довольно много чужих — тех, которые Рон взял в паблишинговых компаниях. Некоторым песням добавили эффект «вау-вау», другим — духовую секцию. Мы, в общем, делали то, что нам велели, в результате получился ужас-ужас.

Нас с Джином от получившегося альбома тошнило. Мы посидели вдвоем, подумали, поговорили и пришли к выводу, что этот альбом мы выпускать не хотим. На самом деле мы в этой группе играть больше не хотели. Все получалось не так, как мы надеялись. Так что мы решили альбом похерить, а с ребятами разойтись в разные стороны. Легко сказать — трудно сделать, как оказалось. Тони, барабанщик, сказал, что от своей части контракта не откажется. Так что из группы ушли мы с Джином.

На тот момент у нас не осталось ни группы, ни лейбла, ни почти ничего из оборудования. Но то, из-за чего мы с Джином сработались, сейчас засияло в полную силу. Просто у нас один ответ на все преграды и неприятности.

Нет группы, лейбла, аппарата?

Нет проблем.

Первым делом нам с Джином требовалась новая репетиционная база. Мы не собирались хранить свое новое оборудование на базе, пока его не сопрут. Мы нашли некое помещение в доме номер 10 на восточной 23-й улице, называвшееся Jams. Сначала снимали помещение на верхнем этаже по часам. Все равно у нас все еще не было аппарата, который нужно было бы там хранить, а носить все время акустические гитары — ну, это не проблема. Вскоре нижнее помещение освободилось для месячной аренды, и мы его сняли.

Окна этого помещения были, опять-таки, защищены стальными листами. Сама комната — большая и пустая. Стены и потолок мы обшили выброшенными картонными коробками из-под яиц, надеясь таким образом усилить звукоизоляцию. Джин туда притащил матрас, на случай если придется ночевать на базе. А еще у нас там была пара шатких стульев. Общая атмосфера слегка навевала клаустрофобию, частично оттого, что мы там проводили очень много времени.

Мы с Джином обсуждали, куда двигаться, и очень скоро выяснили, что оба хотим породить нового зверя — причем такого, у которого и звук, и внешний вид — все едино. Ну, то есть почти во всем полную противоположность группе Wicked Lester. Та

группа играла все и не пойми что, а мы хотели сузить стиль. А что касается внешнего вида — то в Wicked Lester могли бы играть любые парни с улицы.

Мы понимали, что нам нужно сформулировать нашу миссию, чтобы придумать адекватное сочетание звучания и имиджа. Я дал Джину послушать концептуальный альбом *S.F. Sorrow* группы The Pretty Things, а также записи Move и Slade. Изначально я хотел в группе двух барабанщиков, двух басистов и двух гитаристов — чтоб получился такой типа рок-оркестр, в колее Роя Вуда (Move) после того, как он ушел из Electric Light Orchestra и собрал Wizard — то есть построить эдакую большую стену звука. Но при этом мне хотелось, чтоб все было плотно и собранно. Вот как бы я ни любил Led Zeppelin, я понимал, что джем-бэндом (группа, в которой все музыканты импровизируют подолгу. — Прим. пер.) мы никогда не будем. Ну не умеем мы растягивать песенки на 15 минут. Для этого нужен музыкальный «словарь» для продвинутого уровня, а мы им просто не обладали, так что заниматься подобным нам было бы и бесполезно, и скучно.

Бóльшую часть времени мы с Джином сидели в тех старых деревянных креслах, лицом друг к другу, с акустическими гитарами на ручках. Среди первых песен, над которыми мы работали — «100 000 Years», «Deuce» и «Strutter». Аккорды для «Strutter», кстати, перешли из старой песни Джина «Stanley the Parrot» («Попугай Стэнли»). Хотя оригинальная песня казалось странноватой, аккорды эти мне всегда очень нравились. Мы попробовали переделать их в духе The Rolling Stones.

А слова ко мне пришли как будто сами собой:

> She wears her satins like a lady,
> She gets her way just like a child.
> You take her home and she says, “Maybe baby”.
> She takes you down and drives you wild.

(«Она, как леди, носит атлас и требовательна, как дитя. Ты приводишь ее домой, и она говорит: “Может быть, детка”. Она увлекает тебя и сводит с ума».)

Весь глиттер-рок — это стиль одежды. Девочки в этом стиле выглядели фантастически круто. Конечно, я все еще не очень активно общался с людьми — почти все время репетировал или водил такси, а не тусовался в клубах. Бог свидетель, не было у меня девушки в сетчатых колготках или атласе. Но я видел крутых модных женщин в Виллидже, и я видел другие группы и их подружек. То есть пел я о своем идеале. Я воспевал то, к чему

сам отношения не имел. Но, блин, тот же Брайан Уилсон вон вообще на серфе ни разу не катался, и ничего.

Я сочинял песни от аккордов, отчасти потому, что мое умение играть риффы оставляло желать лучшего. Поэтому Джин часто дополнял мои песни риффами. Он лучше понимал, как играть отдельные ноты и партии. Например, в песне «Black Diamond» он добавил рифф, который играется как бы за аккордами. А текст «Black Diamond» — еще один пример эдакого романтического представления о жизни в городе. В том смысле что о проститутках я знал примерно столько же, сколько о лилипутах.

Мы с Джином подпитывали друг друга в плане музыки и текстов. Помню, как слова песни «100 000 Years» снизошли на меня на 23-й улице: *Прости, что я так долго / сучье время, наверное, без меня.* В «Deuce» гитарная фраза, которая открывает песню, а потом повторяется после соло, — моя. Даже если под какой-то конкретной песней не стоят оба наших имени, мы оставили отпечатки пальцев друг у друга в песнях.

Еще мы с Джином одаривали друг друга названиями песен. Я как-то начал писать песню под названием «Christine Sixteen», но Джин ухватился за это название, и именно он придумал эту отличную песню. А «Black Diamond» — это его название, но мое произведение. Между нами никогда не возникало никакой злобы или обиды, потому что мы работали ради общей цели. У нас у каждого были старые песни в законченном виде, их просто надо было отреставрировать, чтобы они вписались в репертуар. Так, «She» — это из загашника Джина. «Firehouse» и «Let Me Know» — из моего.

Мы вместе обдуманно создавали песни так, чтобы они вписались в концепцию группы, а не просто записывали все, что в голову придет. Я был в ударе. Мы же делали то, что каждый из нас по отдельности бы не сделал. И теперь мы заложили фундамент будущего успеха: рок-н-ролльный манифест в виде набора сильных и связанных между собою песен.

Параллельно с нашим музыкальным развитием мы сами изменяли себя под тех, кем нам надо *быть*.

Я знал, что впервые работаю с человеком, чье ви́дение так же широко, как и мое. Я, конечно, и раньше играл с разными ребятами, которые владели инструментами, но Джин представлял себе весь набор целиком, зная, что твоя музыка и твои музыкальные таланты — только часть для того, чтобы стать заметным музыкантом. Он, как и я, осознавал важность маркетинга себя, но не в том смысле, как это понимают на Мэдисон-авеню, а в том смысле, чтобы нравиться людям,

привлекать их, продвигать себя. Успех не придет по чистой случайности, он придет по плану.

С этой целью мы приняли решение… похудеть. Джин стал одеваться помоднее. Мы оба взяли псевдонимы. Джин уже менял имя и фамилию, из Хаима Вейца став Джином Кляйном. Еще одна смена фамилии, с Кляйна на Симмонса, для него проблемы не составляла. Я лично с детства ненавидел, как меня зовут, так родителям и говорил — сменю. Они сказали: вырастешь — сменишь. Разве они могли знать, что я сделаю это почти сразу, как только буду иметь на это право по закону?

Шансы стать рок-звездой по имени Стэнли Айзен представлялись довольно низкими. Ну не звучит это как Роджер Долтри или Элвис Пресли. Звезды — всегда особенные, выше всякого мирского и обыденного. Почему не существует никакого Арчибальда Лича? Потому что Кери Грант звучит лучше. Ринго Старр — лучше, чем Ричард Старки. Дело было не в том, чтобы скрыть, кто я по национальности, просто я б лучше был Полом Маккартни, чем Шломо Гинзбергом. Но дурацкого имени вроде Рок Фери («рок-ярость») совсем не хотелось. Я хотел такое имя, как у тех, кем хотел быть, имя легко узнаваемое и запоминающееся. Вопрос только, какого плана имя? Псевдоним Оззи Осборна вырос из его фамилии. То есть я Айззи Айзен? Неа. А потом меня как ударило: Пол. Удобное имя. Был, понятно, Пол Маккартни, а также Пол Роджерс из Free, группы, которая мне тоже очень нравилась. Я не хотел целиком и полностью отказываться от того, кем я был, так что, когда я придумывал фамилию, то, к счастью, набрел на Долтри, Пресли… Стэнли!

Пол Стэнли.

Я не стал сразу менять имя и фамилию официально — хотел вернуться к ним, когда наша карьера пойдет в гору. В те годы карьеры групп не длились долго, по десять лет никто не выступал, хотя некоторые — The Who, The Rolling Stones — к этому приближались. Я рассчитывал на пять лет.

14

Теперь, когда у нас были песни и идея для имиджа, нам нужна была группа, мы не были Саймоном и Гарфанкелом; мы не были дуэт Everly Brothers; мы не были Джен и Дин. Наши песни были заточены под рок.

Первой целью мы поставили найти себе соло-гитариста. Я никогда не желал играть соло. Честно говоря, не был уверен, что вообще способен на это. Когда я слышал, как кто-то поет, я понимал, что и сам могу спеть похоже. Но я не слышал ни одного гитарного соло, про которое я бы подумал: *что-то подобное я могу сыграть*. Только если играли очень медленно. Как-то раз я услышал соло Пола Коссофа из группы Free и подумал, что это мог бы разучить, но я совершенно не был скоростным блистательным гитаристом. Да еще и чутье мне подсказывало, что в этой сфере мои труды не окупятся, что я, возможно, достигну только очень посредственного результата вне зависимости от того, сколько времени на это положу.

К счастью, на место соло-гитариста у Джина был идеальный кандидат. К несчастью, идеальный кандидат на эту должность жил на севере штата, а где именно, Джин не знал. И кто именно этот парень — Джин этого тоже не знал. Просто когда он там жил, он с кем-то познакомился, но эта личность — кем бы она ни была — стала нашей первой целью. Так что осенью 1972 года мы поехали автостопом в Катскиллс искать мифического соло-гитариста, который, скорее всего, играл там на танцах в дешевых заведениях. Так мы с поднятыми большими пальцами стояли на обочине Major Deegan Expressway, я — в зеленых ботинках на высоких каблуках, он — в винтажной женской шубе.

Нам пришлось отправиться в дорогу, не имея места, где остановиться. Однажды ночью мы познакомились с людьми из коммуны близ одного городка, и они нас «вписали» к себе. Оказалось, что это сарай, и мы спали в курятнике с курами. Просто наши знакомые оказались собирателями яиц — такая у них была роль в коммуне. Они угостили нас горячей едой, но само здание было такой развалюхой, что мне там и есть не захотелось. Глубокой ночью я проснулся с чувством дикого голода. Пошел на кухню посмотреть, не осталось ли чего в печи. Открыл печь — оттуда выскочила мышь.

А в другой раз нас подобрали какие-то две девчонки на «фольксвагене» — отвезли к себе домой на вершину горы. Минут десять ехали по извивающейся дороге. Дом их выглядел то ли недостроенным, то ли заброшенным. Они предложили нам лечь

прямо на пол, где лежали их собаки. Когда мы легли и стали уже засыпать, одна из девушек прошла через комнату совершенно голой. Джин приоткрыл глаза. Я увидел, что он пошел за нею. Я прекрасно знал, что Джин всегда старается трахнуть все, что движется. Он себя таким и видел, в том числе: человеком, одержимым писечкой.

«Ты сейчас к ней подвалишь, — прошептал я в отчаянии, — она обидится и выкинет нас отсюда фиг знает куда, и мы замерзнем нахер на этой горе».

Он вернулся. Но на следующее утро к ней подкатил — успешно. Он мне потом рассказал, что она, оказывается, носила слуховой аппарат, и когда Джин к ней прижимался, то слышал фидбэк.

В другие выходные мы вечером оказались в городе, который уже ложился спать. Мы стояли на пустынной улице, пока не дождались машины. Подняли пальцы. Машина остановилась. Внутри — четыре чернокожих парня, по виду крутые ребята.

— Вам куда? — спросил водитель.

— Кому, нам? Да не, никуда…

Водитель разозлился:

— А чо пальцы подняли? Куда вам?

Мы признались, что в Grossinger's, курорт в Борщовом поясе. Джин там просто знал кого-то, кто нам интересен.

— Залезай, — прозвучал скорей приказ, чем приглашение.

И вот мы уже катимся по грязной темной дороге, и мне уже страшновато. И тут я вижу, как впереди на обочине останавливается другая машина.

Нас ждут, отлично. Сейчас им подадут двух жидов на шампуре.

Мы остановились. Из той машины вышла группка тоже крутых чернокожих. Перед моим взором пронеслась вся моя жизнь. Но они просто хотели поболтать и выпить по глотку. Когда они вернулись в машину, мы сказали: «Парни, вы ж не обязаны нас везти», на что водитель раздраженно-угрожающе прошипел: «Сказал отвезу — значит отвезу».

И правда довез — до самого Grossinger's.

Гитариста того мы так и не выследили, но те поездки только подтвердили нашу твердую преданность делу. Ну кто еще, кроме Джина, стал бы так кататься, автостопом, в нашей одежде, без определенного ночлега, ночуя на полу, с грошами в кармане. Нормальные люди уже давно бы просто объявление в газету дали.

В итоге мы так и сделали. Потом. Вообще мы в основном просматривали объявления. Только не гитаристов, а барабанщиков. Решили, что начнем с барабанщика. Нам попалась

интересная объява в *Rolling Stone*, мы позвонили. Задали наш главный вопрос:

— Ты готов ради успеха пойти на все?

— Ну, — ответил парень на том конце провода.

— Платье наденешь?

— Ну.

Мы с ним договорились встретиться на 8-й улице, напротив студии Electric Lady. Оценили, что одет он круто — круче нас. Выглядел чуть старше нас, имен имел штук пять: Джордж Питер Джон Крискуола, трали-вали, короче — Питер Крисс, и нормально. Пошли в пиццерию, взяли по треугольнику пиццы, сидим, едим минут пять молча. Тут Питер и ляпнул:

— А у меня член девять дюймов (почти 23 см. — Прим. пер.).

Я не знал, что ответить.

Передайте, пожалуйста, сыр?

Парень этот от нас сильно отличался. Писать и читать Питер умел плоховато, и мудрецом его не назовешь. Но мы согласились посмотреть его на концерте, который у него как раз намечался в каком-то бруклинском баре. Заведение это называлось King's Lounge, а двое парней-музыкантов в группе Криса выглядели, как будто они готовят пиццу или заливают «бетонные башмачки», чтоб топить трупы. Питер — совсем другой, и от него исходила уверенность. Была в нем клевость.

Народу много не набилось, но в выступлении Криса меня приятно поразило то, что он играл в этом баре так, как будто работает на стадионе, забитом под завязку. Он был полностью погружен в процесс. После концерта мы попросили его прийти к нам на базу завтра, чтобы попробовать поиграть.

Когда он впервые заиграл с нами на 23-й улице, звучало все не очень хорошо. Питер плохо разбирался в британской музыке. Знал, конечно, The Beatles. Любил Чарли Уоттса из «стоунз». Возможно, из-за того, что сам полагал, что играет как Чарли Уоттс — то есть основы без выпендрежа. А вот всех других барабанщиков — чьи партии он не мог снять — он ненавидел.

А еще Питер не понимал форму песни. Куплет, припев, бридж — ему эти слова ничего не говорили. Если я просил «подхватить на втором куплете» он просто тупо сидел. Ему приходилось запоминать песню от начала до конца, и если мы останавливались, то он терялся полностью. Возможно, именно в результате этого и играл бешено. Вы можете назвать такой подход неортодоксальным, но это не совсем точно, здесь, скорее, просто дело в беспорядке. Его партия менялась от куплета к куплету. Но при всем недостатке цельности он выигрывал за счет витальности, огня. Такой он был, как из лоскутков.

Мы пригласили его на следующую репетицию.

Следующая репетиция прошла гораздо лучше. Опять-таки в его игре проявлялась его личность и реальная любовь к жизни. У некоторых песен, благодаря ему, появилось совершенно другое настроение, не то, которое мы с Джином представляли, сочиняя. Питер просто не умел играть, как те барабанщики, о которых мы думали. Но то, как он играл, все равно соответствовало нашему «проекту» группы. Сейчас, оглядываясь назад, понимаешь, что, безусловно, тот же Джон Бонэм не подошел бы нашему стилю, хотя, если б у нас с Джином был выбор, мы бы точно пошли в том направлении. А тогда Питер оказался прямо самым подходящим. Барабанил он грубо, нагло, понтово.

Питер инстинктивно играл, слегка убегая вперед. Иногда нам приходилось его догонять. В идеальной ситуации барабанщик — это спинка кресла: ты можешь откинуться назад — она тебя подхватит. Это — основа. Но Питер бежал рядом с нами, как будто другой зверь. И все-таки все срослось. Даже в формате трио мы зазвучали многообещающе. Настолько многообещающе, что мы даже решили снова сыграть для Epic — вдруг они продолжат работать с нами в рамках существующего контракта?

К этому моменту мы с Джином наскребли денег на новое оборудование. Я купил две гитары: Gibson Firebird расцветки «табачный санберст» и кастом-модель, которую мне построил на заказ парень по имени Чарли Лебо. С Чарли я познакомился, когда он работал в маленьком магазинчике на втором этаже на 48-й улице. Это вообще был первый магазин, специализирующийся на винтажных гитарах, в который я попал. А «лес-полы» с санберстом с 1950-х, которые хранил Дэн Армстронг, роскошные инструменты, были мне просто не по карману. Но Чарли, который занимался как раз починкой инструментов, начал свое дело — строить гитары. Я купил у него гитару цвета грецкого ореха с двумя вырезами. Стандартом послужил Gibson Firebird. Мне эта модель нравилась потому, что на ней играл в Cream Эрик Клептон. Я отдал ее отцу, чтоб он попросил парней на работе покрасить ее в черный. Получилась не та черная поверхность, какую ожидаешь увидеть на фортепиано или гитаре, но — черная.

Еще мы купили звуковую систему Peavey с двумя большими динамиками и телескопическими стойками, а также микшерный пульт с гигантскими франкенштейновскими кнопками. Нам он требовался для вокала. На нашей базе и в маленьких клубах, в которых, как нам представлялось, предстоит вскорости играть, микрофоны к комбикам не требовались. Комбики сами по себе давали достаточную громкость.

В конце ноября 1972 в доме номер 10 на восточной 23-й улице собрались несколько менеджеров Epic, включая Дона Эллиса, тогдашнего шефа лейбла. Мы представили себя как новую версию группы Wicked Lester. Разумеется, мы сами понимали, что это совершенно новая, другая группа, но новое имя мы в тот момент не придумали. Мы сыграли наши новые песни, из которых потом в общем и составился дебютный альбом группы KISS. Исполняя «Firehouse», я взял пожарное ведро и «выплеснул» на Дона Эллиса конфетти. Он съежился — думал, что там вода.

Epic решил с группой дела больше не иметь. Отказались от всех законных требований, которые еще могли вытекать из контракта с группой Wicked Lester.

А я в любом случае никогда не представлял себе свою группу в формате пауэр-трио, никогда не хотел даже пробовать, чтоб все держалось только на одной моей гитаре. Так мог делать Джими Хендрикс, Пит Тауншенд, Джимми Пейдж. А я не мог. Кроме того, мне хотелось махать рукой и принимать разные позы, а виртуозной акробатикой пусть занимается другой гитарист.

В общем, снова за парту. Точнее — за газетные объявления. Соло-гитарист нам на самом деле был очень нужен.

15

ТРЕБУЕТСЯ БЛЕСТЯЩИЙ ГИТАРИСТ С ЯЙЦАМИ.

Именно такое объявление дали мы в газету Village Voice. А когда в назначенный день, 23 декабря, открыли дверь нашей базы, то увидели толпу соискателей — больше тридцати. Но, правда, стать рок-звездой подразумевало *выглядеть* как рок-звезда, так что мы установили определенный ценз: никаких лысых голов, бородатых морд, лишнего веса.

Один парень явился в пиджаке а-ля Джавахарлал Неру и с бусами на шее. По-английски он не знал ни слова. С ним пришла жена, которая ему переводила. «Он из Италии», — объяснила она. Другой парень, по имени Боб Калик, оказался действительно отличным музыкантом, но внешность его не соответствовала нашим идеалам. Кастинг напоминал долгое и бесплодное фрик-шоу, но в определенный момент появился парень в разных кроссовках — красном и оранжевом. Примерно моего возраста, но какой-то глуповатый и настороженный. Мы еще разговаривали с Бобом, а этот уже подключил свою гитару и заиграл.

— Эй, чувак, перестань играть, жди своей очереди, — рявкнули мы ему.

Но потом мы и сами подключились к нему, заиграли, и прямо буквально через минуту все преобразилось. Мы вчетвером оказались чем-то во сто крат бóльшим, чем втроем с любым другим гитаристом. Мы не были какими-то очень хорошими музыкантами, но вместе мы запустили мощную химическую реакцию.

Еще минуту назад мы были одной группой, а через минуту игры с этим парнем, которого звали Эйс Фрейли, мы стали чем-то другим, чем-то совершенно бесспорным.

Вот оно.

Убийственное.

То, что надо.

Обладал Эйс «свэгом», крутизной, чего уж там. Его игра напоминала мне моих любимых Джимми Пейджа и Джеффа Бека. Но сам он был, конечно, чудиком полнейшим. Передвигался как долбанутый, почти не разговаривал. Еще и плечами пожимал как заведенный.

Мы очень быстро поняли, что сделали стопроцентно верный выбор. Однажды в рождественское время мы, после второй репетиции с Эйсом, пригласили Лью Линета, занимавшегося менеджментом группы Wicked Lester, чтобы оценить, насколько

мы ему можем быть интересны. Человек он был хороший, но в рок-н-ролле почти совсем не разбирался. Он занимался группой JF Murphy & Salt, иногда выступавшей в Fillmore East, и старым фолкером по имени Оскар Брэнд. То есть Лью, конечно, относился скорее к битникам, чем к рокерам, но согласился прийти на базу послушать группу, которую мы назвали KISS («Поцелуй»). Слава богу, когда я предложил это название, все члены группы его одобрили. Я-то готовился бороться за него, потому что считал, что еще один шаг к успеху — название, всем и всегда понятное, простое и вечное. По-моему, это название несло кучу смыслов: есть же не только страстный поцелуй, но и поцелуй смертельный, например. Его легко узнать. И само слово настолько хорошо знакомо всем вообще, что люди будут реагировать типа: «KISS? А, да, слыхал про них».

Когда пришел Лью, и мы начали играть, он расстроился и грубовато крикнул: «Не сделаете тише — я пошел».

Когда мы сказали, что будем гримироваться, он чуть не взвыл от злости: «А чего б вам не надеть костюмы, как The Raspberries?» The Raspberries действительно носили подходящие друг к другу костюмы. Лью, конечно, идею нашу совсем не понял.

Ну хорошо. Сами будем делать себе концерты. К тому же еще было много над чем работать. Мы хотели быть пауэр-группой с корнями в британском рок-н-ролле, но желали продвинуть это на десять шагов вперед. И мы до сих пор не придумали, как это будет проявляться. Я исписал идеями кучу блокнотов. Я пытался вообразить группу, увидеть ее глазами фэна, и в картинке этой рядом с горой усилителей стояли узнаваемые — как четверка The Beatles — персонажи, чьи образы содраны из фильмов типа «Зорро», «Одинокий рейнджер» и комиксов. Но в тот момент мы, правда, застряли в тренде New York Dolls и прочих местных групп, и выглядели женственными глэм-рокерами в своих сапогах на платформе, красной помаде и густых тенях.

Как только наша четверка сплотилась, мы стали репетировать по семь дней в неделю. Пока другие группы делали себе имя, выступая в Mercedes Arts Center или околачиваясь в Max’s, Канзас-сити, мы скрылись в нашем лофте на 23-й улице и репетировали, репетировали, репетировали. Как люди, музыканты тех групп были гораздо круче нас, гораздо лучше адаптированы в социальном плане и выглядели более подходяще, но никто не работал больше, чем мы. Я иногда даже на маршруте оставлял свою машину на стоянке такси на 23-й улице и Пятой авеню и бежал в наш лофт репетировать.

Сотрудничество с Эйсом Фрейли складывалось совершенно естественно. Нам не пришлось направлять его, как Питера

Крисса. Эйс вписался сразу. Порепетировав с ним примерно с месяц, мы приготовились дать дебютный концерт. Мы забукировали три вечера подряд в зале на Куинс-бульваре, который только что сменил название с Popcorn на Coventry. Там вскоре стали выступать многие модные-клевые нью-йоркские команды, в том числе Dolls, Brats, The Dictators, Television и первая группа Джо Рамона Sniper.

Первый из трех концертов мы дали 30 января 1973 года. Утром того дня я поехал на метро в Лонг-Айленд-Сити, промышленную часть Куинса, расположившуюся непосредственно вдоль пролива Ист-Ривер. Там, у Public Service Rentals, я арендовал вэн, поскольку там была самая дешевая аренда грузового транспорта. На вэне я поехал на 23-ю улицу, и мы загрузили в него загрузили наше оборудование с базы.

Эйс появился поздно и сразу отказался что-либо таскать. Ни одного проводка. Когда мы прибыли в клуб, Эйс и там отказался что-либо переносить. Сидел на заднем сидении, пока мы таскали, а в определенный момент вдруг ни с того ни с сего вытащил свой член и сказал: «Это вот без эрекции».

Что?

Я не понимал, отчего это Эйс с Питером помешались на размере своих членов, но со временем заподозрил, что, возможно, через это они себя определяют, то есть для них размер имеет важное значение.

На наш первый концерт пришло меньше десяти человек. Пространство было рассчитано примерно на пятьсот. А мы все равно играли так, чтоб крышу здания сорвало, потому что понимали: мы запомним этот концерт навсегда. И нам было здорово!

Я хочу это помнить всегда.

В следующие два вечера толпа тоже была небольшая. И после каждого концерта мы ехали на 23-ю улицу, чтоб сгрузить аппаратуру на базу. Эйс неизменно сидел позади и бухал. К его личности мы все еще старались привыкнуть. Концерты подтвердили, что с музыкальной точки зрения он — все, что мы искали в гитаристе. Но они же подтвердили то, что он один из самых ленивых людей, хотя нет, он — *этот самый* самый ленивый человек, который мне когда-либо встречался.

Эти первые концерты мне кое-что прояснили. Я всегда хотел для группы звук большой, мощный, эдакий двухгитарный ледокол. Как у Humble Pie. Его элементы у нас появились. Но нам все равно недоставало веса, солидности, масштаба. И я просто физически чувствовал, как ребята ставят будущее группы на карту — на сцене они вели себя так, как будто мы какая-то

мелочь. Эйс на одном из концертов принялся что-то бормотать в микрофон. Питер сказал: «Хочу сказать моим друзьям с Кенерси — спасибо, что пришли!». Они *не* звучали как музыканты высшей лиги. И это уменьшало тот образ, который я хотел проецировать. Восприятие было реальностью. Я осознавал, что три парня на сцене в Куинсе совершенно не имеют представления о том, как общаться с аудиторией. Хотите быть мелочевкой? Ну, покричите Тони и Гвидо. Хотите быть звездами? Тогда ведите себя так, чтоб было понятно, что вы — большие и успешные, вне зависимости от того, сколько человек перед вами. Общайтесь с аудиторией так, как будто вы уже в Мэдисон-сквер-гарден.

Я твердо решил, что лидером на сцене буду только я. Говорить буду только я. Когда все болтают — это хаос.

И хотя я никогда еще этого не делал, я знал, что могу. Просто *знал*. Инструкция у меня уже была: Стив Марриотт. Одна из причин, почему я любил группу Humble Pie — это как раз Стив Марриотт, вокалист, фронтмен, который всегда как будто не просто пел, а вел церковную службу. Он никогда не разговаривал со сцены — заводил публику пением и призывами. И так доводил народ в зале до экстаза. *Скажи аллилуйя!* Вот и я хотел делать точно так. *Народ, кричи аллилуйя!* Я хотел, чтоб KISS были церковью. *Вот так!* Церковь рок-н-ролла. *Благословите меня!*

Странное желание — для еврея-то.

И еще более странное для застенчивого парня. Но я был абсолютно уверен в том, что на сцене создам некое существо, которое и схватит аудиторию за вымя. Вот, наверное, почему у меня выработался такой странный акцент — между условно-британским произношением и говором проповедника с Юга. Так я хотел сойти за некую экзотику, а не мальчика из Куинса. Этот вот сценический характер скрывал неловкого ребенка с уродливым ухом и несчастливой семьей.

На него, на того, другого, на этот новый образ я спроецирую все свои желания. Я буду ярким и самоуверенным. Притягательным и желанным. Именно тем парнем, с которым все захотят подружиться. Ну а те, кто в прошлом плохо со мною обращался или отверг мою дружбу? Да они локти кусать будут.

Но в действительности я буду Волшебником страны Оз: странный коротышка, управляющий гигантским персонажем.

16

В то время большинство групп нашего города брали за образец The New York Dolls. Я, конечно, ранее слышал о них, но до того момента на концерте их не бывал. Однажды мартовским вечером 1973 года мы с Джином пошли на них, выступавших в танцевальном зале какого-то отеля под названием Diplomat, эдакого грязноватого заведения с проститутками и наркоманами.

Действительно, The New York Dolls были тогда королями рок-сцены Нью-Йорка, и прибыли они по-модному припозднившись. Непростительное опоздание, на самом деле. Выглядели потрясающе. На сцене они — друзья, братство, химия высшего сорта. Качество игры не на такой высоте, правда.

А выглядели все же изумительно совершенно. У всех талии — как мои запястья. Мы с Джином рядом с ними как полузащитники. Мы переглянулись: оба поняли, что по внешнему виду музыкантов KISS не отличишь от пожарных-трансвеститов, или типа того. Да, такие мы никуда не годимся. Не победим мы Dolls в их игре. Забудем о том, чтоб стать лучшими Dolls, нам надо стать лучшими KISS. Нам надо было победить в игре, игравшейся по нашим правилам. Поэтому после того концерта мы решили скинуть все наши разноцветные тряпки и облачиться в зловещее черное.

Я посещал пару бутиков, просто разглядывая там новейшие рок-н-ролльные наряды, особенно шмотки, которые в Лондоне сейчас нарасхват. Однажды мне глянулись штаны в Jumpin' Jack Flash, которые нашему новому стилю подошли бы идеально, но стоили они 35 баксов. Для меня в то время очень большие деньги. Так что я решил купить ткань и сам такое пошить. Швейной машинкой я до того никогда не пользовался, но я распорол мои любимые джинсовые клеша и их использовал как лекало. Мама все твердила, что-де молнию вшить не сумеешь.

Я все сумею.

Это только вопрос приложенных усилий.

Штаны из красивенького атласа цвета «черный металлик» получились отменными, а их себестоимость приближалась к нулю. И молния, кстати, отлично работала. Джину штаны так понравились, что он попросил меня пошить и ему. Пошил. А Эйсу мама сшила рубашку с аппликацией орла.

Потом мы отправились в зоомагазин и купили себе собачьи ошейники. Мне потребовался ошейник для датского дога: тот, который был для пуделя, оказался слишком мал. Так мы добрались аж до садо-мазо-магазина. Никогда не забуду, как

пробирался по лестнице в это заведение, расположенное в квартале мясокомбината, и вошел с широко распахнутыми глазами. Вообще представления не имел, на что я смотрел: кожаный мешок на голову с застежками-молниями на глазах и трубкой во рту — господи боже, что ж вы с этим вытворяете-то? Наконец мы нашли кое-что из наших первых шипованных нарукавников и воротников в другом садо-мазо-магазине, Eagle's Nest в Уэст-Виллидж.

Наши новые одеяния как-то сами собой предполагали белый грим на лице. И мы все вместе в нашем лофте на 23-й улице сели кружком и, глядя в зеркало на двери, стали накладывать грим. Делать это мы не просто не умели, мы даже не имели примерного представления, как надо, и как одержимые мазались гримом, стирали его, пробовали по-разному.

Сперва я попробовал красную помаду. Потом нарисовал круг вокруг глаза, как у собачки Пити из «Маленьких негодяев». Но меня всегда завораживали звезды, а сейчас я, разумеется, намеревался быть фронтменом группы, ее визуальным центром на сцене. Все, я больше никогда не буду чудаковатым мальчиком, изгоем. Я буду — *Звездным Мальчиком*.

И нарисовал звезду вокруг правого глаза. Оказалось, непростая это задача — нарисовать плоский символ на объемном объекте, моем лице, то есть совместить два измерения и три измерения. К тому моменту, как сносная звездочка худо-бедно нарисовалась, я уже устал. Сил на вторую на левом глазу уже не было. Всё, готово.

Очень поучительно было ознакомиться с образами, которые придумали себе ребята. У Эйса картинка неземная, космическая. За то короткое время, что я с ним пообщался, я бы так его и описал: Человек из космоса. Он частенько шутил, что прилетел с планеты Джендал. Он постоянно бросался какими-то странными неправильными фразами вроде «один за один я их убить», вообще болтал на придуманных языках, да и просто бормотал ахинею. Иногда его начинало трясти, как в лихорадке, и он спрашивал: «Что произошло — землетрясение?». А мы отвечали: «Нет, это ты сам, у тебя трясучка».

Грим Питера оказался элементарным, причем не абстрактным, а с прямым смыслом. Он считал, что в жизни несколько раз висел на волоске от гибели, и раз он жив — значит у него девять жизней. Ну, как у кошки, понимаете. Вот Человек-Кот ему и подошел. Питер не относился к тем людям, которых вы называете интеллектуалами.

А у Джина идея раскраски была, бесспорно, самой сильной. Симметрия и дьявольщина. Разврат. Что-то от театра кабуки.

Убийственный образ, а когда Джин еще язык высовывал, то тут все обретало новый смысл. Демон. А потом мы поняли, что его и мой образы — мой улыбающийся, его злой — на сцене просто идеально дополняют друг друга, как свет и тень.

Единственный критерий того, работают ли наши образы, — насколько нам самим в них комфортно. Образы эти усилили реальные черты наших личностей, в этом смысле они не были просто костюмами. Они — внешнее проявление того, что внутри нас. Это имело смысл. И все мы тем или иным образом помогли друг другу найти этих персонажей.

Мы никогда не садились за стол поразмыслить на тему: *почему* такой грим. Мы это *почему* на самом деле и не понимали. Мы просто хотели продвинуться дальше других, стать группой, каких сами никогда не видели. Грим дал нам возможность соединить все качества британских групп — моих кумиров; связный образ, общее чувство, — но при этом персонажи разные.

С этого момента мы стали создавать мир, которым правили, в котором жили. Но поначалу мы, понятно, не находились в центре чего бы то ни было. Не входили в клику нью-йоркских групп. Не были наркоманами. Не тусовались в отеле Chelsea, пытаясь оживить чье-то прошлое. К тому же некоторые из нас могли поддержать хотя бы полуинтеллигентный разговор, что крутым не считалось. Мы были изгоями изгоев. The New York Dolls и другие крутые команды отрывались в клубах с красивыми девушками. У нас не было времени ни на клубы, ни на девушек. Мы все еще были слишком заняты тем, чтобы стать той группой, какой хотели быть.

Как говорится, чтобы узнать, хорош ли пуддинг, надо его попробовать. А мы наш будем жрать как короли.

Мы забукировали еще два концерта, на сей раз в баре под названием Daisy в Амитивилле, Лонг-Айленд. Заведение, в общем, витрина практически, человек сто даже не поместится. И наливали там разбавленное за тридцать пять центов.

Я снова арендовал в Public Service Rentals машину — на сей раз списанный молоковоз. Мы погрузили наше оборудование — под «мы» я тут подразумеваю Джина, Питера и себя, поскольку Эйс, как обычно, отказался помогать, — и отъехали от города примерно миль на двадцать. Персонал там взъерепенился сразу — наверное, по меркам этого пригорода мы выглядели уж слишком странно и женственно. Парень, в тот день назначенный вышибалой, собрался мне навалять. Посему мы закрылись в офисе менеджера, там накладывали грим, а в дверь периодически колотили: «Я вас, суки, поубиваю нах!».

В том, что нам пришлось прятаться в офисе, нашелся свой

плюс — там мы могли отвечать на звонки, приходившие на общий номер заведения. Несколько человек позвонили: «А кто сегодня играет?». «KISS играют, обалденная группа, приходите обязательно!»

Когда мы наконец вышли на сцену, то увидели примерно человек тридцать пять. Эйс взглянул в зеркальную стенку бочки Питера на свой грим, который начал осыпаться.

А все-таки публика приняла нас хорошо, вопреки тому, чего мы ожидали после угроз вышибалы, который, кстати, видел нас еще без костюмов и грима. Некоторые, конечно, фыркали, но в основном людям просто было любопытно. Буквально когда мы вышли, они осознали два момента. Первый: мы это всерьез. Второй: это все великолепно. Да, наверное, техникой мы не блистали, но играли по-настоящему собранно и яростно.

Мой грим служил маской, он создавал дистанцию между мной и публикой. Грим меня защищал, что мне было просто необходимо. Все страхи быть осмеянным — хоть из-за моего обычного облика, хоть из-за косметики — исчезли. Грим — мои доспехи. Он меня защищал.

И еще — освобождал.

Есть люди, у которых это все — врожденное. Я не из них, очевидно. Но теперь у меня это было.

И я осуществлял миссию. Наружу вышла личность, которая сидела у меня в голове. Вышел Джимми Свэгерт и Билли Грэм. Вышел евангелист рок-н-ролла. Я воспевал хвалу рок-н-роллу всемогущему и всему тому, чего я жаждал, когда ходил на концерты любимых групп.

Это мое призвание.

Я знал, конечно, что впереди у меня еще очень много работы — быть фронтменом группы уметь надо — но мне удалось завести толпу. Я был способен общаться с аудиторией, получать от нее ответ. Я проповедовал рок-н-ролл.

«Эй! Ну как вы? Все хорошо?»

В следующий вечер пришло больше народу, и мы снова всем крышу снесли.

После второго вечера нам заплатили. Когда мы вычли из этой суммы аренду машины и другие сопутствующие расходы, то получили по 13 долларов на нос. Именно тогда, впервые после концерта, я остался в плюсе. То есть я реально заработал настоящие деньги, играя рок-н-ролл. Чудесное чувство. Которое, похоже, каждый в группе разделял.

После этих концертов мы уже были уверены в наших песнях. Конечно, нам надо было кое-что еще подрихтовать в нашем имидже и сценическом поведении, но с музыкальной точки

зрения мы спаялись стремительно, так, что наш концертный сет звучал именно так, как мы хотели. Мы решили, что в качестве следующего шага надо записать демо и показать его рекорд-компаниям.

С нами, мной и Джином, на связи оставался Рон Джонсен из студии Electric Lady. Мы даже для его проектов на студии записывали бэк-вокал, и, поскольку за те сессии нам ничего не заплатили, то мы предложили ему такую схему: «Не плати нам деньгами, а лучше приведи нам Эдди Крамера, чтоб он нам записал демо на Electric Lady».

Эдди Крамер — совершенно легендарный звукорежиссер и продюсер. Он работал с Kinks, Small Faces, Джими Хендриксом и Led Zeppelin. Мы видели его в студии, и он нас поразил. Удивительный человек. Порой он гулял по студии в плаще-накидке и с тростью. Вызывал и страх, и восхищение.

Рон все это дело нам устроил. Ну, типа устроил. Эдди наблюдал за сессиями, но саму запись осуществлял Дейв Уитмен. Мы записали демоверсии песен «Black Diamond», «Strutter», «Deuce» и «Watchin' You». А еще одна записанная нами тогда демка — «Cold Gin», песня Эйса, которую он нам предложил, и которую мы с Джином общипали.

Поскольку ни Питер, ни Эйс в плане сочинительства особенных амбиций не выказывали, мы Джином знали, что на нас двоих вся ответственность за песни из репертуара KISS. Я не злился на них за такую ограниченность, но когда Эйс принес скелет песни, я прямо затрясся. В конце концов, мы ж хотели быть как The Beatles — четыре ярких узнаваемых характера. Люди любили The Beatles как группу, но у каждого был свой собственный любимый битл. На каждом битловском альбоме присутствовали одна-две песни Джорджа Харрисона, и даже Ринго иногда пел. Благодаря такому группа — вообще любая группа — становится более интересной. К концу работы Питер спел мою песню «Black Diamond». Мы еще хотели, чтобы «Cold Gin» спел сам Эйс, но он отказался.

Мы сообразили, что чем более полно реализуется каждый участник группы, тем сильнее вся группа. По принципу: больше ингредиентов — вкуснее суп. Я хотел, чтобы KISS были неким клубом, где представлен каждый его член. Я хотел, чтоб группа из четырех сильных личностей обладала множеством измерений. Тот факт, что еще один парень из нашей группы сделал реальный вклад в эту иллюзию — принеся идею песни — стал приятным бонусом.

Получив на руки демоленту, мы почувствовали, что нас не остановит никто и ничто. Встанешь на нашем пути — раздавим.

17

Мне кажется, любая группа в каком-то смысле дисфункциональна. Частично из-за людей: в рок-н-ролл попадают главным образом дисфункциональные люди. Если повезет и найдешь товарищей, будет братство по духу и типа химия — сам факт, что каждый из вас чувствует по-разному, соединит всех вас вместе. И конечно, здорово быть членом клуба отбросов. С поддерживающей системой жить проще.

Я с самого начала с группой KISS ощущал себя частью чего-то. Мы все были странными ребятами — пронырливые, идиосинкратического типа, невротичные — но теперь мы все принадлежали друг другу, у нас были мы. Про других не скажу, потому что не знаю, что их завело и что привлекало в самом начале. Лично мне KISS даровали чувство того, что я наконец-то с кем-то, принадлежу к кому-то: такой менталитет в стиле «мы против мира». Я чувствовал, что я теперь — частичка «мы». И это давало силы, энергию и возможности.

С KISS у меня появилась банда. Я уже не был одинок как раньше.

При всем при этом, несмотря на общее видение цели, каждый из нас считал трех других странными. А мы и *были* странными. И совершенно не обязательно в том смысле, который спаял нас воедино. В KISS у нас у всех была общая цель жизни, но вне группы у нас было мало общего. Поэтому мы общались только в группе и по делам группы, а в обычной жизни — нет. Эйс и Питер имели множество друзей, Питер, кстати, вообще уже был женат. Джин встречался с постоянной девушкой. Я же вне группы по-прежнему оставался довольно изолированным.

Но даже в группе я, так сказать, не снимал охрану. Держался немного в стороне от товарищей. Не рушил защитную стену, из-за которой трудно было узнать меня поближе. Когда ребята подкалывали друг друга — я включался в игру, но вот когда шутили надо мной — я это совсем не воспринимал. Я не признавался, почему я такой чувствительный. Я чертовски точно не собирался давать повода для возможных насмешек, рассказав им, что мое несчастное детство — из-за уха моего и глухоты. Не хотел я поднимать столь болезненную тему с людьми, которые могли бы использовать это против меня.

«Можешь угощать, но есть не можешь», — говаривали ребята. Это правда. Такой была моя инстинктивная реакция. Они не понимали, как я провел свое детство, будучи объектом насмешек и пристального разглядывания. Да, собственно, с чего бы им это

понимать — я ж им ничего не говорил.

Тем не менее, чтобы все время скрывать такую проблему, как у меня, требовалось много усилий, что, конечно, не могло не сказаться на моем поведении. Но справляться с этим любым другим способом мне было очень некомфортно.

Очень скоро выяснилось, что и Питер — человек очень и очень проблемный. Казалось, что он кайфует, когда он создает напряги в группе. Например, однажды после репетиции мы все шли ужинать в китайский ресторан, все тот же, где мы с Джином ели, еще когда Wicked Lester репетировал в Чайнатауне. И там Питер начинает прикалываться над официантом, причем совершенно оскорбительно, по-расистски. Мы обалдели от такого и говорим: «Прекрати, а то из ресторана уйдем сейчас». А он нам: «Уйдете из ресторана — я уйду из группы». Слово сдержал. Мы ушли. И он с нами перестал играть — на несколько дней. Вот такие ненужные драмы он всегда разыгрывал.

Эйс в то время ничего такого не делал, чтобы саботировать группу. Хоть он и был лентяем, но лентяем умным и веселым. Шутки какие-то все время рассказывал. Выпить он любил, но на нашей работе это не отражалось. Поначалу, во всяком случае. Только потом, позже, стал он забывать «соль» своих анекдотов, и спрашивал, какой там финал. В ранние дни, когда мы репетировали или играли концерт, он всегда был крайне собранным.

Как только Питер вернулся, мы забукировали на апрель еще два концерта в Daisy. Народу пришло немного больше, чем месяц назад.

Я все еще учился управлять аудиторией. Чувствовал себя укротителем львов. Единственный способ не быть раздавленным — самому взять на себя всю ответственность. «Круто снова тут играть! — закричал я, якобы мы куда-то в турне уезжали. — Много играли в других местах!»

Ага, на нашей репбазе, обшитой коробками из-под яиц.

На концертах мы расставляли инструменты и микрофоны точно так же, как и когда начинали в Ковентри, и даже на репбазе: два вокальных микрофона по обе стороны от барабанной установки. Я, конечно, мог себя видеть в роли фронтмена, но мне микрофон никогда в центр сцены не ставили. Потому что мы — комбинация из разных элементов, то есть, как The Beatles, не хотели, чтобы кто-то один стоял впереди и по центру. Каждый из нас пел, в зависимости от того, какая песня. Странность тут заключалась в том, что я всегда стоял на левой стороне — то есть на правой по отношению к зрителям — то есть моей глухой стороной к группе, но у меня даже мысли никогда не возникало

перейти на другую сторону.

И до, и после концертов Эйс всегда заявлял: «Не хочу я фигню эту таскать». Выдержка тут нужна колоссальная. Но я осознавал, кто он для группы, и что все вместе мы обладаем чем-то особенным. Мне приходилось взвешивать — что важнее, что менее важно, и расставлять приоритеты. Важнее ли заставить этого парня оторвать задницу от сидения и тащить усилители — «таскай фигню или вали нафиг!» — чем развивать группу? Нет, конечно. Когда я самолично таскал оборудование, я ведь не становился добреньким и помогал ему. Я делал то, что нужно *мне*. Никакой благотворительности для этой ленивой жопы, просто я знал, что в конце мне же будет прибыль. Я вспоминал, что подумал про Джина, только с ним познакомившись. Я смирился со всякой его неприятной ерундой, потому что желал в итоге получить больше, приняв его поведение, чем потерять, послав его.

В мае мы должным образом сыграли наш первый концерт в городе Нью-Йорке — на восьмом этаже фабричного здания на Бликир-стрит. Лофтом этим как репетиционной базой пользовалась новая группа под названием The Brats, чей основатель Рик Риветс до того играл в New York Dolls. Мы видели их дебютный концерт несколько месяцев назад, когда они разогревали Dolls.

Мы договорились, что будем бесплатно играть в их лофте, но предоставим наши усилители другим группам, конкретно самим The Brats и Уэйну Каунти, трансвеститу (потом он вообще сменил пол), фронтмену группы Queen Elizabeth. Когда мы днем разгружали оборудование, музыканты Brats не показались нам слишком приветливыми. Они вообще хотели походить на Yardbirds и, надо сказать, снимали их имидж довольно грамотно. У всех такие типа растрепанные стрижки, а одежда — лучшая рок-н-ролльная: пошитые портным бархатные пиджаки, сатиновые клеша, ботинки на платформе, короче, самые последние лондонские штучки, которые я видел на витрине Jumpin' Jack Flash и Granny Takes a Trip. И имена у них были рок-звездные: кроме Рика Риветса в группе еще играли Кит Амброуз, Спарки Донован и Дэвид Лидс.

Мы включились и заиграли «Deuce». В тот же момент атмосфера изменилась: The Brats превратились в наших хороших приятелей. Вот так в очередной раз мы увидели, как музыка побеждает равнодушие и даже — враждебность.

В тот вечер мы сыграли на разогреве и остались посмотреть Уэйна Каунти. Одетый как трансвестит, он походил на пожилую актрису Филлис Диллер, а играли с ним двое братье-близнецов

ростом не более карликов умпа-лумпов. Уэйн спел свой гимн «It Takes a Man Like Me to Be a Woman Like» («Нужно быть таким мужчиной, как я, чтобы быть такой женщиной, как я»), а гвоздем программы стал момент, где он/она поедал(а) собачий корм из унитаза. Зрелище не из самых прекрасных.

На ту вечеринку пришли все самые модные-клевые люди, которые, уверен, никого из нас не различали. Там же я пообщался с Силвианом Силвианом из Dolls. Они недавно подписали контракт на два альбома с лейблом Mercury и как раз работали в студии. «Послушай-ка, — начал я обхаживать его, — а чего б нашим группам вместе не выступить?»

«Парни, да вы нас просто убьете», — ответил он.

Когда после выступления Brats мы стали собирать нашу аппаратуру, оказалось, что мою гитару, цвета грецкого ореха, построенную Чарли Лебо специально для меня, — украли. Пришлось начать играть на черном «переиздании» Les Paul, пока Чарли не построил мне новую гитару, в форме ассиметричной буквы V, похожую на ту, на которой играл Алберт Кинг. Эта форма гитары потом много лет ассоциировалась со мной, пока я не стал сам придумывать формы для своей именной серии гитар.

В том же лофте на Бликер-стрит мы сыграли через месяц, а потом у нас началась серия концертов в Daisy. К тому моменту люди уже в буквальном смысле окна в Daisy высаживали — полнейший бедлам, в общем. Но когда мы попытались извлечь прибыль из этой, как нам казалось, шумихи, то оказались в «ловушке-22», замкнутом кругу. Мы звонили букинг-агенту и просили забукировать нам больше концертов, на что нам отвечали, что букинг-агента мы можем получить только после того, как подпишем с рекорд-компанией контракт на выпуск альбома. А когда мы отправляли любую демозапись в рекорд-компанию, нам отвечали, что хотят познакомиться с нашим букинг-агентом.

Так что мы решили, что стоит просто продолжать самим устраивать себе концерты и надеяться на лучшее. Но за пределами Daisy мы натыкались на ту же стену. Звоним в клуб, владелец спрашивает:

— Кто ваш менеджер?

— У нас нет менеджера.

— Нам нужно поговорить с менеджером.

— Мы менеджера сможем взять, только играя концерты в вашем клубе.

— Ничего не поделаешь, сожалею.

Где-то нужно было прогнуться. И у нас родилась такая идея. Что насчет отеля Diplomat, где играли Dolls? Это же не клуб, так

что, чтобы нам там сыграть, нам не придется уговаривать букера или менеджера. Надо только выкупить зал на вечер. Так мы, наверное, сможем обойти препятствия, которые встали на нашем пути. И все будет в наших руках.

Я пошел в отель узнавать, сколько стоит аренда танцевального зала. Оказалось — пятьсот баксов. Деньги немалые, но мы решили стиснуть зубы. Понимая, что в одиночку такую площадку не соберем, пригласили Brats в качестве хедлайнера. Согласились заплатить им сотню баксов. Договор даже составили, как заправские концертные промоутеры. Все, теперь мы в этом деле увязли по уши.

Мы поняли, что, чтобы привлечь публику и иметь хоть какой-то шанс возместить затраты, придется давать рекламу. Понадобились «флаера», чтобы раздавать их в городе, и объявление в какой-нибудь местной газете, *Village Voice*, например. Это все, конечно, тоже стоит денег, но мы с Джином еще не поувольнялись с наших обычных работ, а я к тому же пристроил Эйса таксистом в мою компанию.

Надо было еще придумать такое лого, чтоб оно отлично смотрелось на всех постерах и рекламных модулях. Еще для концертов в лофте на Бликер-стрит Эйс набросал некое лого. Художником он был очень неплохим. Его рисунок я взял за основу и нарисовал несколько вариантов лого KISS, пока наконец не пришел к одному — тому, что украшает все, связанное с группой KISS, уже сорок лет. Я очень живо помню, что сижу на софе в комнате родителей, которые куда-то уехали из города, и на плотном белом листе вычерчиваю финальную версию фломастером с помощью линейки. Буквы SS в логотипе на самом деле не равны по толщине, у них вообще разные пропорции, к тому же они не параллельны. Так получилось, потому что я на глазок делал. Придумка Эйса была ближе к эсэсовскому символу. Я, конечно, сразу заподозрил, что именно он вдохновил Эйса, а тот факт, что несколько лет спустя, во время нашего первого европейского турне, он накупил фашистской мемorабилии, только подтвердил мои подозрения. Поскольку я еврей, то эти эсэсовские ассоциации меня сильно задевали, и не надо забывать, что семья Джина бежала от Холокоста. Моему отцу никогда наш логотип не нравился — он считал, что даже моя версия очень близка к эсэсовским молниям, но я этого не видел. Понял только много лет спустя, когда оказалось, что наш логотип запрещен в Германии, потому что там нацистская символика запрещена. Разумеется, когда я рисовал логотип, я никоим образом не собирался вызвать скандал за счет жертв истории. Не хотел, чтобы это было на моей совести.

Разобравшись с рекламными модулями, мы развесили постеры по всему городу. Сами лепили, ночами. Брали два постера, оборачивали их вокруг чего-нибудь — типа указательного столба — и скрепляли по сторонам степлером.

А я еще изготовил футболки с нашим логотипом. Вырезал трафарет из картона, клал его на черную футболку, наносил каучуковый клей, а поверх насыпал блестки. Снимаешь трафарет — получается блестящее металлическое лого KISS на черном фоне. Несколько футболок изготовила также сестра Питера, и все их мы раздали друзьям группы, чтоб они надели их на концерт.

Еще мы на скорую руку собрали некие медиакиты и разослали их людям, чьи имена нашли в журналах и в выходных данных пластинок — то есть менеджерам, продюсерам, букинг-агентам. Вообще, в изданиях типа Billboard можно было найти любую информацию, если внимательно их прочесывать. В каждом ките лежала папочка с биографией, украшенная логотипом, фото восемь на десять и проходки на концерт в Diplomat. В то время никто такую бурную деятельность не развивал. На проходках мы указали время начала именно нашего концерта, а не Brats, хотя они были гораздо большей приманкой. Мы надеялись, что придут какие-нибудь люди из индустрии, увидят полный танцзал и решат, что это мы столько собрали.

У нас еще появились идеи для шоу. В июне я сходил на концерт тура Элиса Купера *Billion Dollar Babies*, театральность которого произвела на меня сильное впечатление. Купер реально открыл мне глаза на то, какие возможности есть у рок-концерта. Хотя там было больше постановочного, чем я бы хотел делать — как будто все движения поставлены хореографом, и чувствовался единый сценарий — но мне очень понравилась сама атмосфера. Я хотел, чтобы KISS делали столь же визуально притягательные вещи, но я хотел, чтобы сама группа была шоу, а не чтобы она играла саундтрек к некому отдельному спектаклю. Я хотел сделать так, чтобы сами KISS привлекали внимание безо всяких подтанцовок и гигантских зубных щеток. Оставался единственный вопрос: *как*?

Придумали не сразу. Но мы сделали вот что: купили целый грузовик пустых ящиков из-под усилителей-«кабинетов» (т. е. очень высоких. — Прим. пер.). Стоили они гроши сущие, а выглядели как мощные «маршалловские» усилители. Мы решили, что на сцене колонны «кабинетов» будут смотреться круто и добавят нашему имиджу. Только надо предупредить осветителя, чтоб он не направлял на них луч, а то все увидят, что ящики пустые.

13 июля 1973 года, в день концерта, я с утра пораньше

арендовал вэн, на котором мы привезли аппаратуру, пока еще никого на площадке не было, и мы по-тихому все выгрузили. Такая уловка — чтобы люди подумали, что у нас есть команда рабочих сцены. Мы хотели, чтобы публика увидела, что все уже готово, а мы просто пройдем на сцену так, как будто тут все уже сделано еще до нашего прибытия. Никто и не догадается, что мы все это таскали на своих горбах. В действительности у нас был всего один парень, друг Эйса по имени Эдди Солон, который рулил звуком.

После того как мы все подготовили в отеле, мы поехали к себе на базу на 23-й улице и стали готовиться к шоу — наносить грим и одеваться. Как раз когда мы собирались сделать шаг вперед, Питер опять принялся за свои фокусы, дескать, сейчас он уйдет из группы. Чтоб его подбодрить, мы с Джином придумали особое угощение: когда мы спустились вниз, чтобы ехать на концерт, перед дверьми стоял лимузин. Все мы, не только Питер, почувствовали нечто особенное от того, что приехали на такой машине. Не могу себе представить, чтоб лимузин когда-либо останавливался в таком месте.

Танцзал оказался почти заполнен. Тут же стало понятно, что все затраты мы возместили — пришло человек четыреста, а при цене в три доллара за билет — мы в прибыли. Мы прошествовали сквозь толпу во всех своих одеяниях и поднялись на сцену. На шоу пришел как минимум один A&R, директор по артистам и репертуару с лейбла, как мы надеялись. Звали его Рич Тотойан, работал он на Windfall Records, на которой выпускалась группа Mountain, несколько лет назад записавшая мощный хит «Mississippi Queen». «Слушайте, парни, — сказал он нам, — вы очень классные, но я совершенно не представляю, что с вами делать».

Мне это не казалось головоломкой: считаешь, что мы хороши на концерте, — так выпусти наш альбом. Я не считал, что людям нужно было думать о том, как нас упаковать и продвигать. Просто издавай. Конечно, не в последний раз смутил наш грим. Но к этому моменту у нас уже была уверенность — даже убежденность — в том, что мы делаем. А поскольку на этом концерте мы не потеряли деньги, мы поняли, что можем делать это снова и снова, привлекая больше зрителей. Может быть, кто-нибудь и поймет, что с нами делать.

«Вот это то, что мы есть, — ответили мы тому парню. — Мы — группа Kiss».

18

Мы решили провести в отеле Diplomat еще один рок-н-ролльный бал в пятницу 10 августа 1973 года, рискнув поставить хедлайнерами самих себя. Мы чувствовали, что наш период в подмастерьях закончился, и что мы готовы к крутейшему выходу на следующий уровень.

И тем не менее KISS все еще оставались нераскрученным товаром. Я как-то случайно встретил одноклассницу, похвастался ей нашей афишей грядущего концерта в Diplomat: «Соберем там человек триста-четыреста!».

«Да ладно тебе? Не соберете!» И она не шутила. Она на самом деле не поверила.

По большому счету KISS на самом деле не существовало. И мы сами понимали, что поклонников у нас мало, действительно — собрать Daisy и даже Diplomat — ну что это такое, если оценивать шансы всерьез? Но, опять-таки, разве у тех же New York Dolls было много фанатов? Да, конечно, они уже подписали контракт на выпуск альбома, но все равно оставались по-прежнему группой с локальной известностью. Кто-нибудь в Портленде или Орегоне слышал их название? Нет! Ну, раз уж на то пошло, те, с кем я рос в Куинсе, знали Dolls? Сильно в этом сомневаюсь.

Чисто для подстраховки мы поставили к себе на разогрев две крутые группы, Street Punk и Luger. Они, как и Brats, выступали с Dolls. Мы, как и в прошлый раз, дали объявления в газету, развесили афиши по городу и разослали медиакиты всем нужным людям в индустрии, кого смогли вычислить.

И, ура, снова удача: полный зал.

Но снова нулевой результат: нет контракта ни с каким букером, менеджером и рекорд-лейблом. Однако после шоу нас поджидал один человек, желавший побеседовать с нами. Звали его Билл Окоин. Он сказал, что работает на какой-то *Flipside*. Это название мне ничего не говорило, я подумал, что, наверное, журнальчик для тинейджеров, типа *Tigerbeat* или *16*. Понятно, Билл не из менеджеров, опыта у него соответствующего не было, но он пришел к нам и стал рассказывать, как именно хотел бы нами заниматься. И казалось, что он просек нашу фишку. И не просто просек — полюбил. Он нас слышал, он нас видел, и, похоже, в нас поверил.

Мы согласились встретиться с ним.

Несколько дней спустя мы с Джином приехали к нему в офис в доме номер 75 на восточной 55-й улице, рядом с Мэдисон-

авеню. Он делил помещение с рекламным агентством, называвшимся Howard Marks Advertising. Там как-то сразу все показалось милым и дружелюбным. «Смотрите, — начал он с места в карьер, — я буду вами заниматься, только если вы хотите стать главной группой мира, все остальное мне не интересно».

Сильное заявление от паренька, который никогда никакой группой не занимался. Но слушая Билла, я четко понимал: вот она, недостающая фигура в пазле. Я чувствовал то же, когда к нам подключился Эйс. Билл оказался родственной душой.

Flipside оказался музыкальной телепрограммой: на ней в студию приглашали музыкантов и зрителей и записывали. А Билл еще трудился оператором-постановщиком на телевизионной спецпрограмме Барбры Стрейзанд. В общем, представлялось закономерным, что необычная «неформатная» группа найдет себе менеджера, который вообще не менеджер. Что важно, Билл обладал контактами, причем такими, которые подняли бы нас на следующий уровень. В рок-клубе мы бы до такого не поднялись, даже если бы наконец заключили контракт с букинг-агентом.

Учитывая телевизионный опыт Билла, неудивительно, что у него появилось множество идей насчет театрализации нашего концерта. Например, он предложил, чтобы никто никогда не видел нас без грима. Я бы сам до такого никогда не додумался. Мы будем существовать только как KISS. Его мысли шли гораздо дальше наших, он видел очень широкую картинку. Определенно, он включился в то, что мы делаем и что мы еще сможем сотворить. Как же он верил в KISS — это нечто! Он не был пресыщенным и равнодушным, наверное, потому что никогда еще не был менеджером.

Билл сделал еще одно важное заявление: «Если вы решите подписать со мной контракт, а я не принесу вам контракт на выпуск альбома через две недели, то наш с вами контракт я разорву, и вы свободны».

Две недели. Ни фига себе.

До того у нас только один контрактик с лейблом был — с тем самым парнем из Windfall. Мы сказали, что подумаем.

Выйдя из офиса, мы с Джином признались друг другу, что Билл нам понравился, так же как и его идеи. Но я должен был задать Джину этот вопрос:

— Ты не против, что у нас будет менеджер-гей?

— А что?

Я заметил, что Билл очень уж утонченный и весь такой ухоженный-переухоженный. И понял, почему: он — гомосексуалист. Но поскольку женственно себя Билл не держал, Джин явно ничего не заметил.

— А то, что этот парень гей, — объяснил я ему.

— С чего ты это взял? — удивился Джин.

— С того, что для гетеросексуала он слишком образован и прямо безупречен. У него все такое правильное — галстучек, пиджачок, стрижечка, даже ботинки. Ни ты, ни я на всем этом никогда б не заморочились.

Джин пожал плечами: гей так гей. Для нас это вообще не проблема.

Потом мы позвонили Питеру: «Познакомились тут с парнем, который должен стать нашим менеджером». Рассказали, что Билл реально прочувствовал и понял KISS, и что именно он предложил для нас сделать. А когда я упомянул, что Билл не станет с нами работать, если у нас нет желания стать самой главой группой на земле, Питеру это не понравилось: «Фигня полная, такую херню все порют постоянно».

«Неа, — возразил я. — Этот парень — реальный чел. Ты только врубись: если он нам не достанет контракт на выпуск альбома в течение двух недель, то мы свободны». И этот довод все решил.

Поговорив и с Эйсом, который тоже проголосовал за Билла, мы перезвонили Биллу и сказали, что хотели бы его в качестве менеджера. «Уточним один последний момент, — сказал он. — Парни, у вас же нет больше ни с кем никаких контрактов, верно?» Мы сказали, что какая-то бумажка есть, подписанная нами и Роном Джонсеном, но это так, ничего особенного, но Билл все равно пожелал увидеть копию соглашения. Копию мы ему принесли.

И тут он нас просто убил: «Парни, мне очень жаль, но я здесь ничего не могу сделать — по контракту вы и поссать не имеете права без разрешения Рона Джонсена. Вы продались с потрохами, и я не могу быть вашим менеджером. Нечего тут “менеджерить”».

Через несколько дней мне ни с того ни с сего позвонил Рон. «Тут есть проблемка небольшая с нашим контрактом. Смысл в том, что он истекает и надо бы нам его продлить». Срок продюсерского контракта, который мы с Джином подписали как члены группы Wicked Lester, истек, но никто этого не заметил.

Вот это точно рука судьбы. Я позвонил всем парням, и мы позвонили Биллу и сказали, что свободны.

Билл Окоин стал нашим менеджером. А вскоре мы уже считали его пятым членом группы KISS.

19

Можно сколько угодно спорить о том, есть ли выбор у нищего, но когда Билл сказал, что с группой KISS хочет подписать контракт на запись альбома Нил Богарт, я подумал, что это наш выстрел. Именно усилиями Нила Buddha Records стала лейблом номер один по синглам в стране. Выпускали там то, что в рок-сообществе считалось спродюсированной туфтой. Вообще он фактически изобрел жанр «бабл-гам», слащавую попсу, группы вроде Ohio Express, 1910 Fruitgum Company и The Lemon Pipers. *Умца-умца, ля-ля-ля.*

Нил в то время уволился из Buddha, чтобы основать свой лейбл, который изначально хотел назвать Emerald City Records, но потом все его узнали как Casablanca. Он, прослушав наше демо и поговорив с несколькими продюсерами, тоже нашел нашу запись очень хорошей и решил подписать с нами контракт. Нил сказал Биллу: «Я ушел из Buddha и хочу, чтоб вы, парни, стали моими первыми артистами».

На тот момент Нил еще не бывал на нашем концерте. А когда он увидал нас на сцене в гриме, то сказал — смойте! Это чуть не погубило сделку, но вскоре Нил, осознав, что грим — наша визитная карточка, «фишка», воплощение нашего менталитета, уступил, и мы стали самыми первым артистами его нового лейбла.

В первых числах сентября 1973 года Нил с Биллом устроили закрытое прослушивание для прессы, для пущего драматизма — в гриме. Там же и подписали контракт. Сейчас, навскидку если, я бы, конечно, подписался с лейблом вроде Atlantic (т. е. с очень крупной компанией. — Прим. пер.). Нил сделал себе карьеру, штампуя синглы. Хотя он утверждал, что хочет запустить лейбл Casablanca релизом достойной рок-группы — что, можно сказать, по определению означало, что упор надо делать на альбомы, меня все же терзали смутные сомненья. В конце концов, синглы продавались тогда, когда звучали на топ-40 радиостанций в диапазоне AM, а рок играли на прогрессивном FM-радио. Но с группой KISS ничто никогда не шло в соответствии с каким бы то ни было планом. Оглядываясь назад, понимаешь, что в этом и заключается вся красота. На протяжении всего своего существования KISS либо намеренно, либо случайно игнорировали все правила. А в данном случае у нас явно не было выбора — другие лейблы не ломились в нашу дверь.

Принявшись за нас, Нил пришел в радостное творческое возбуждение. Он стал подкидывать идеи того, как сделать наше

шоу еще более гигантским. Именно Нил придумал подъемник для барабанной установки. Изначальная идея — использовать обычный грузоподъемник — две «вилки» заходят под площадку с барабанами и поднимают ее. Нил, ясное дело, уловил мысль.

Билл, однако, глядел на нас критично, собираясь отшлифовать этот грубый алмаз. Когда нами был подписан контракт с Casablanca, Билл тут же стал делиться своими идеями. Первым делом он познакомил нас со своим молодым человеком, Шоном Дилени, который унифицировал наш облик, выкрасив нам волосы в иссиня-черный цвет. Мы и так все были темноволосыми от природы, но он хотел, чтоб цвет у всех точно совпадал. Мы пришли в квартиру на углу 1-й улицы и Шестой авеню и опустили головы в ванну, чтоб получилось то, что хотел Шон, — смоль, как у Элвиса и Роя Орбисона.

А еще Билл снял нам новую репетиционную базу — какой-то тесный, засранный крысами подвал в Виллидже. И там установил видеокамеру. Опять таки — я бы до такого не додумался. Таким образом, мы могли на себя смотреть со стороны. Грандиозная идея! Даже группы вроде KISS, которые считают себя визуально привлекательными, редко имеют возможность увидеть, какие они на самом деле. Вместе с Шоном, который, кстати, сам был артистом, певцом и автором песен, Билл собирался проанализировать наши движения. Это, конечно, мышление телевизионщика.

Я полагал, что на сцене я все время перемещаюсь, машу руками и вообще воплощаю такое клише героя рок-гитары. Но посмотрев видеозапись, я понял, насколько это все мелко. Жестов моих было и не разглядеть. То есть, чтобы реально захватить внимание публики, мне надо было полностью изменить свои движения. Шон, как тренер и девочка-чирлидер одновременно, помог мне выработать динамичные эффектные движения.

Как и все в нашей случайно сложившейся компании, Шон очень старался конкретизировать концепцию KISS и помочь нам стать настолько классными, насколько это вообще возможно. Однажды во время репетиции он заметил, что в какую-то секунду мы качнулись одновременно. Он нашел этот момент на видеокассете и показал его нам. «Видите, вот здесь вы двигаетесь одновременно. И это должно стать частью шоу. Стоит из этого сделать ваше фирменное движение».

Думаю, поначалу мы такое сочли некой пошлятинкой. Это что, наши движения хореограф будет ставить? Но решили дать идее Шона шанс, и втроем — Джин, Эйс и я — встали плечом к плечу на краю сцены, махали гитарами и раскачивались. Посмотрев видеозапись, мы поняли, что идея сработала. Шон

оказался совершенно прав. И конечно же, когда мы опробовали трюк на публике, она просто сошла с ума. Движение Шона убило их в хорошем смысле. Мы и не подозревали, что нам нужен некий Шон, пока не обрели нашего Шона. Он из нашей группы реально достал театральный элемент, а позже, кстати, почти с каждым из нас писал песни.

В другой раз Билл позвал нас к себе в офис и представил парню с именем Амейзинг Амазо (примерно «Удивительный Удивит». — Прим. пер.) или еще с какой пошлятиной. Это, говорит, иллюзионист. Парень этот выдул огненный шар, который обжег потолок офиса Билла. «Ну, — сказал Билл, — кто хочет такое сделать на сцене?»

Я пас!

Джин согласился попробовать, а остальное — история.

Мои первые мысли насчет Билла оказались совершенно верными, он еще раз это подтвердил. Его идеи были на сто миль дальше, чем у кого бы то ни было, включая членов группы, да и участников любой группы, раз на то пошло. Билл, как и мы, понимал, что мы не обязаны играть по чьим-то правилам. Он ко всему подходил без готовой концепции. И он энергично делал все, о чем говорил на нашей самой первой встрече.

К концу сентября, почти девять месяцев спустя после нашего первого совместного концерта в Coventry и всего несколько недель после дедлайна, который Билл сам для себя поставил, мы пришли в студию Bell Sound, чтобы записывать наш дебютный альбом. Наш дебютный альбом!

В качестве продюсера мы затребовали Эдди Крамера, поскольку нам очень понравилось демо, записью которого он курировал. Правда, Нил имел что-то против него. Дело в том, что Эдди работал над альбомом группы Stories для лейбла Buddha Records, и альбом этот не дал ни одного хита. Все могло, к тому же, оказаться дороже, чем Нил ожидал. Так что Нил свел нас с Ричи Уайзом и Кенни Кернером, а именно они трудились в студии со Stories после Эдди и сделали «Brother Louie» — большой хит этой группы.

В тот первый день, когда мы открыли дверь на 5-й улице, поднялись по лестнице и вошли в Bell Sound — это одновременно потрясло нас и ужаснуло. Мы включились, техники расставили микрофоны. Я очень боялся, что если что-нибудь тронуть, то результат будет катастрофическим. Я просто достал всех парней своим: «Ничего не трогай! Все точно там, где должно быть!»

Запись первого альбома KISS в 1973 году в студии Bell Sound на 54-й улице

Мы были совсем зелеными. Тем не менее даже эти сессии отличались от работы Wicked Lester в студии как небо и земля. На сей раз с нами были продюсеры, которые направляли нас, объясняли, что делать. Записывались мы в одной комнате, довольно быстро и почти без наложений. Записанные песни почти ничем не отличались от демоверсий, сделанных в марте. Мы ничего не понимали. Ждали просто, когда скажут, что дальше.

Поначалу в студии я держался уверенно: песни-то я знаю хорошо. Но когда закрутились магнитофонные катушки, я вдруг стал разглядывать свои пальцы, хватающие гитару, и скуксился. То, что раньше шло совершенно легко и естественно, вдруг стало каким-то ненастоящим. Препятствием стал микрофон у лица, а не «ухо», в которое разговариваешь с публикой. Все не так, как на сцене, в общем. Надо было заставить себя прекратить думать обо всех этих интерьерах. Я должен был осознать, что вся эта студийная машинерия — путь к публике, а не препятствие.

Не сразу, но у меня это получилось.

Мне еще многому предстояло научиться. Например, как петь в микрофон, когда чуть отстраниться от него. Но вот что, в частности, делает первый альбом настоящим, животрепещущим, так это то, что записывающие его музыканты — щенки слепые по сути своей. Вот в нашем случае это совершенно справедливо. Мне вообще на тот момент только исполнился 21 год.

Когда пришло время прослушивать наши записи, тот факт, что я глух на одно ухо, не имел никакого значения — я же всегда так музыку слушал, и то, что я не воспринимаю стереозвучания, никак не влияло на то, что я думаю или делаю, потому что именно так я всегда все слышал. Я только заметил, что, слушая миксы, я сел примерно на метр ближе к правой стороне. Я просто перескочил — машинально, сам не заметил. Это не значит, что мне вдруг открылось стереозвучание, но точно восстановился баланс. Между стереоколонками я всегда искал место оптимальное для меня; если проверял, где оно, то оно всегда оказывалось ближе к правой стороне.

В обед волшебным образом возникли сэндвичи. Вообще невероятно. Вот это все и плюс бесплатная жратва? Мы, конечно, еще понятия не имели о том, что все эти плюшки и ништяки изначально внесены в счет, который нам выставила студия, а оплату за него мы, в свою очередь, должны рекорд-компании. В этот момент я мог думать только об одном: *мы в студии, мы записываем наши песни, мы как в сказке, а тут нас еще и кормят — ну куда ж лучше-то?*

Во время записи песен мы все время что-то указывали Питеру. Передо мной стоял микрофон, в который я вынужден был говорить всякое странное типа «так, а теперь здесь давай дыж-дыж-дыж», или «тут давай ра-та-та-та-та». Только так получалось.

Я думал, что у наших барабанов не та мощь, которую я в то время слышал на альбомах многих британских групп. Но это по большей части из-за того, как наш альбом спродюсировали. Олдскульные звукоинженеры считали, что нельзя выкручивать ручки до красного — не надо ни дисторшена, ни перегрузки! Кенни и Ричи как инженеры определенно принадлежали именно к этой школе, что и отразилось на записи. Мне бы, конечно, больше понравилось бы, чтоб нас писали люди, которые в курсе того, что происходит в современном мире вообще и в нашем жанре в частности. Но нас записали те, кто записал, поэтому альбом получился немного плоским по звуку. Гитары не ревели, а бренчали, как пианино. Интересные басовые линии Джина — а он не из тех басистов, кто долбит лишь тонику аккорда, — потерялись. Вокал стал каким-то размытым, а общему звучанию

не хватало широты. У тех групп нашего времени, чьи звукоинженеры докручивали ручки пульта до предела, в записи пульсировала современность, а нашей пластинке ее явно не хватало.

Все это еще один пример того, как все идет не по плану. Конечно, саунд у нас получился несколько нафталинный, но не было бы счастья, да несчастье помогло. Если принять во внимание то, как альбом воспринимается до сих пор, думаю, что отсутствие того взрывного бомбящего звука, который, как нам казалось, мы выдавали на концертах, стало незаметным благом. Ну и в любом случае сам факт записи альбома очень сильно перевешивал любую критику, которой я мог подвергнуть его звучание.

Каждый вечер мы уходили из студии с ощущением проделанной большой работы. Мы прощались, — пока, увидимся завтра! — и ехали в родительские дома. Все, кроме Питера, который жил с женой. Довольно скоро мы закончили все девять песен. И вот у нас есть дебютный альбом.

Арт-отдел лейбла Casablanca предложил перерисовать логотип для обложки альбома, чтоб обе S стали одной ширины и идеально параллельными. «Ничего не трогайте, — сказал я. — Мы с таким логотипом вон чего добились!»

Следующий этап — фотосессия для обложки. В те дни люди воспринимали нас неправильно. Даже те люди, которых нанимали работать с нами. Фотограф, который делал съемку для обложки нашего первого альбома, Джоэл Бродски, до этого снимал обложку для конверта пластинки *Strange Days* группы The Doors (там изображены артисты бродячего цирка, в том числе мим с белым гримом на лице. — Прим. пер.). Мы пришли к нему в студию, он сразу показался нам очень дружелюбным и по-настоящему увлеченным предстоящим делом. «Смотрите-ка, что я припас для вас!» — сказал он и принес ящик, полный соломенных шляп и красных резиновых носов.

Что это за хрень?

— Ну, для фоток ваших, — объяснил Джоэл.

— Послушай, — сказали мы ему, — Ты, кажется не понял: у нас ведь это все — *всерьез.* Мы не клоуны. Это — наше дело.

Он остолбенел:

— То есть, парни, вы не должны быть смешными, так, что ли?

— Нет, мы такие на самом деле.

Носы и шляпы себе оставь, понял? Вот так вот многие не понимали, что мы не прикалываемся, не валяем дурака и не играем. Это не какая-то поверхностная ерунда, это — религия. Крестовый поход.

Джоэл сказал, что на фотосессии присутствует гример, но мы сами наносили свой грим. Все, кроме Питера, которому гример нарисовал на лице нечто вроде племенной маски льва. Такого грима мы никогда раньше не видели и были бы счастливы никогда не увидеть снова.

Ну, в общем, наверное, наш альбом не выглядел так, как я ожидал. И звучал, может быть, не так, как я ожидал. Но, боже праведный — мы выпустили альбом! И этот факт убирал все остальные. Я ликовал. У нас теперь был — при всех минусах, что я видел, — был готовый альбом — от обложки до саунда, а это главное условие для всего остального, что мы хотели и собирались делать. Теперь мы были в игре.

Теперь, когда все было готово, Билл объявил нам, что мы будем давать концерты. Я вообще-то совершенно не представлял себе страну, в которой жил, не говоря уж про весь мир. И мысль о том, что мы поедем в другие большие города… да я никакого понятия не имел, какие они и что там. Думал, что каждый большой город — он как Нью-Йорк.

Шоу в обновленном варианте тоже уже почти было готово стартовать. Подъемник с «вилками» возносил Питера за барабанами на семь футов. Джин выдыхал пламя, и мы все втроем научились двигаться одновременно. В плане шоу оставалась одна частичка пазла: пиротехника.

Пиротехника тогда еще не стала наукой. Мы пригласили на «кастинг» нескольких маньяков, которые обожали взрывать все, что под руку подвернется. Мы искали того, кто умеет делать большой взрыв. В конце концов Билл нашел нашего человека. Где — один Бог знает. Я не знаю, существовали ли какие-нибудь рекомендации у ранних пиротехников. Все, что им было нужно, — любовь к огню и взрывам.

Возможно, не одна жизнь и не одно здание были сохранены благодаря тому, что мы наняли этих ребят, и таким образом на улицах стало меньше поджигателей и пироманьяков.

20

31 декабря 1973 года мы мельком увидали будущее.

Билл каким-то образом пристроил нас в новогодний концерт в Музыкальной академии. В афише — Blue Oyster Cult и Игги Поп с The Stooges, мы там — четвертые под местной группой Teenage Lust. Теперь я уже точно знал, что мы всех порвем на тряпки — это только вопрос времени. И в ту ночь мы определенно произвели впечатление.

Когда мы вышли на сцену перед четырьмя тысячами зрителей, я обалдел. Там с тем же успехом могло бы быть *четыреста* тысяч. Вскоре после того, как мы заиграли, я нечаянно оторвал пуговицу моих самодельных штанов и всю оставшуюся часть выступления по-дебильному прижимал гитару к паху, чтоб они не свалились. А потом Джин спалил себе волосы, когда попытался выдохнуть огонь, как его учил Амейзинг Амазо.

Мы были опасные, и в первую очередь для самих себя.

И все-таки еще до конца ночи я понял, что мне не из-за чего расстраиваться. Когда подошло время выступления Stooges, они заиграли без Игги. Роуди тащили Игги по лестнице, поставили у выхода на сцену за кулисами, а потом буквально вытолкнули на сцену. Игги почти не мог стоять, не говоря уж про то, чтобы бегать или прыгать. Я сразу понял, отчего у него такие сумасшедшие судороги. И мне показалось, что, несмотря на весь хайп и всю легенду, эти Stooges ужасны.

Но даже при всем при этом мы поняли, что не готовы быть хедлайнерами. Пока не готовы.

К счастью, перед промотуром в Канаду у нас оставалось еще одно небольшое небольшое «разогревочное» шоу. К сожалению, именно этот момент Нил выбрал, чтоб сказать мне, что его беспокоит мой персонаж Звездный Мальчик.

— Я вот подумал, — начал он, — как-то стоит нам, наверное, немножко подрихтовать твой грим.

— То есть? Зачем это?

— Ну, твой грим, он, гм, немножко такой… женственный. Может, нафиг эту звезду, что-нибудь другое нарисуешь?

Чтоб показаться хорошим парнем, я согласился попробовать маску — нечто вроде Зорро или Одинокого Рейнджера. После этого концерта Нил выдвинул еще одно предложение:

— Может, ты по сцене будешь бродить неуклюже, ну типа как пещерный человек?

Иди нахер.

— Это с какой стати? Это ж не про меня вообще.

Я совершенно не понимал его возражений. Мне нравилось быть Звездным Мальчиком. Я гордился этим персонажем, и я не понимал, каким образом то, что я делаю, имеет хоть какое-то отношение к моей осознанной сексуальности. Уж что-что, а намеки на андрогинность, как мне казалось, демонстрируют как раз то, что я уверен в своей сексуальности, что с ней у меня никаких проблем. Ну и кстати — она людей привлекает, а что они там считывают из образа — на это плевать. Ну, вот такой тогда был мир — люди как огня боялись любого намека на гомосексуализм. Но еще яснее это появилось в последующие годы. В этом смысле Нил правильно опасался за то, как именно моего персонажа могут интерпретировать. В отличие от меня, который плевать на это хотел. Но мы не играли по правилам, и я не собирался идти на поводу у заемной мудрости и иррациональных страхов. Идеальный фронтмен, по-моему, это совсем не неандерталец.

После того единственного концерта в январе 1974 года я вернулся к своей звездочке навсегда.

Жил я все еще в родительском доме, где мои родители растили мою племянницу Эрику. Денег у меня было немного, и, ясен пень, это малое я не собирался тратить на съем квартиры. Я знал, что уже не буду проводить здесь много времени, но я обожал Эрику, наша привязанность друг к другу росла все сильнее. Теперь, когда она умела ходить и говорить, мне нравилось быть для нее старшим братом.

И вот уже мои родители везут нас в аэропорт на рейс в канадский Эдмонтон. Альбом наш еще не вышел, но один не известный мне музыкант, Майк Куатро, чья сестра Сьюзи была очень популярной в Англии, отменил в Канаде несколько своих концертов, и Билл запихнул нас эти даты. Сидя на заднем сидении машины родителей, я испытывал те же чувства, что испытываешь, когда тебя везут в летний детский лагерь. Разве могли мои родители знать, что везут меня на постоянное место жительства в бродячий бордель? И почти сразу после приземления в Канаде я понял, девки хотят спать со мной (хотя сон я не считал приоритетом, он вторичен по отношению к активности в спальне) только из-за одного: потому что я в группе.

Я стал *желанным*, во что мне самому с трудом верилось.

В дополнение к бесконечному легкодоступному сексу надо ж было еще и играть концерты. Выступали мы в кафетериях в колледжах, где, понятно, не все наши сценические трюки могли задействовать. Подъемник для барабанной установки Питера оставили в Нью-Йорке. Джин выдыхал-таки огонь, а по сцене — хоть собиралась она из складных столов — ползал дым от сухого

льда.

У Майка Куатро, очевидно, было сколько-то фанатов, но, наверное, не очень много, раз ему устраивали концерты в таких местах. Но нам, которых никто не знал, и такие залы надо было ухитриться собрать. Публику трудно винить — откуда им знать было, альбом-то наш на тот момент еще не вышел.

В те гастроли мы дали несколько интервью. Делать этого мы совершенно не умели и не могли вместе поддержать связную мысль. С Биллом мы обсуждали только одно — что нельзя фотографироваться без грима. Стратегия эта, прекрасная в теории, несколько разочаровала на практике, когда мы столкнулись с перспективой хоть какой-то крошечной славы, сопутствующей маленькому фото в местной газетке.

И поскольку существовать на сцене и фото мы могли только при полном параде, то общались с журналистами все вчетвером, одетые в сценические костюмы и в гриме. Тут же выяснилось, что мы абсолютно не в состоянии сформулировать ответы на вопросы типа как мы собрались и чего вообще стараемся добиться. Каждый из нас сам для себя-то это не сформулировал, не говоря уж о группе в целом. Мы пытались отвечать увлекательно, интересно, провокационно, но звучали как компашка идиотов. Нас столкнули в глубокую часть бассейна, а мы плавать не умеем!

Одно меня, правда, сильно удивило: то, что для человека с богатым вокабуляром Джин чересчур злоупотреблял местоимением «я». Когда мне задавали вопрос про группу, я совершенно естественно начинал ответ с «мы». А Джин на тот же самый вопрос якал. Мы-то хотели быть единой группой, как битлы, — четверо парней живут в одном доме, гоняют на горных лыжах в фильме *Help!* и все такое прочее. Джин, как единственный ребенок в семье, понятно, не чувствовал, что должен кому-то что-то отвечать или объяснять свои поступки. Меня его поведение разозлило, но я промолчал.

Примерно через неделю после нашего возвращения из Канады Нил сообщил нам, что песню «Nothing to Lose», которую он выпустил синглом, поставят в два часа дня на WNEW, большой FM-рок-станции. Мы с родителями сели около нашей радиолы Harman Kardon и стали ждать. Наконец, Алисон Стил сказала: «А теперь — новая группа под названием KISS и их первая песня». И тут «Nothing to Lose» заиграла у нас в гостиной. Вот этот момент — когда я слушаю мою группу, которая звучит на той же станции, что Led Zeppelin и The Who, — совершенно грандиозный. Ведь на этой самой станции я часами слушал своих кумиров!

Пока у нашего альбома не появились слушатели, он ощущался как нечто нереальное. Даже когда я в офисе Билла

увидел готовый конверт, у меня не возникло чувство того, что альбом реален. Настоящим он стал *теперь*. А на следующей неделе, когда диск начнет продаваться в музыкальных магазинах — возможно, его даже выложат на витрины — и мы сыграем презентацию в Лос-Анджелесе, он будет еще более реальным.

В середине февраля мы вылетели в Лос-Анджелес на нашу презентацию, которую Нил организовал в отеле Plaza. Это была такая вечеринка для того, чтобы представить нас индустрии, в том числе — партнерам Нила из Warner Bros. Records, да и вообще всем знаменитостям, которых лейбл Casablanca сумел туда подтянуть.

Лос-Анджелес я полюбил сразу. Он показался мне просто другой страной, такой, которую я никогда не видел. На бульваре Сансет висели плакаты, рекламирующие группы, а не пиво с сигаретами. Ого! Я стал надеяться, что когда-нибудь увижу там и KISS. Этот город относился к музыке совсем не так, как Нью-Йорк. Казалось, что в Лос-Анджелесе все крутится исключительно вокруг музыки и кино. Еще он дышал здоровьем: меня поразило это сочетание солнечной погоды и горожан, которые ухаживают за собой.

Casablanca поместила нас в Chateau Mormont, а чтобы возить нас по городу, арендовала два «шеви» — «шевроле». Мы забирались в эти машины и гнали в Denny's или McDonald's. Мы с Эйсом делили двухэтажное бунгало в частном секторе. Джин проживал с Питером. У каждого бунгало — два уровня и несколько спален и ванных. В первый день Эйс вышел погулять, а я залез под душ. Пока мылся — почувствовал какой-то отвратный запах. Выглянул из-за шторки и увидал Эйса на толчке. И он на меня глаза поднял. «Ты чо тут?» — заорал я. Здесь в доме другие туалеты и ванные есть! А он только плечами пожал. Странным был этот Эйс.

Когда мы только приехали в Лос-Анджелес, я поинтересовался у нескольких человек, чем они тут занимаются, куда ходят вечером. Одним из первых упомянутых мест был Rainbow, бар и ресторан на бульваре Сансет в Западном Голливуде. До того я про заведение это никогда не слыхал, но как только попал внутрь, то понял, что нашел свою синагогу. Мой новый молельный дом.

Посетители там не искали ничего, кроме приятной ночи. Похоже, там действовала система «друзья с привилегиями», или «чужие с привилегиями», как в случае с новичками вроде меня. В самую первую ночь я там познакомился с красивейшей блондинкой, которая поехала со мной в отель Chateau Marmont только потому, что я пою в группе, у которой есть контракт на

запись альбома. Быть музыкантом и выглядеть соответствующе — а я, как обычно, носил сапоги на платформе и прочий рок-звездный шик — это на бульваре Сансет очень даже ценилось. Могло завести далеко, что мне лично очень нравилось, все так легко и просто. В каком-то смысле и я, и эта блондинка — мы праздновали одно и то же: экзальтацию от рок-н-ролла.

Я тогда только приобрел альбом Led Zeppelin *Houses of the Holy* на кассете, и в отеле включил ее в магнитофоне, который стоял у моей кровати. Этот альбом стал синонимом того, что меня приняли в Rainbow в мою первую вылазку туда.

Когда эта женщина ушла утром, я вдруг понял, что в Лос-Анджелесе не существует фальшивых ожиданий. Никто никого не осуждал, никто ни до кого не снисходил. Мы принимали друг друга целиком и полностью, как бы странно это ни звучало.

Эта ночь — как и все последующие, что я провел в Rainbow, — стала моим обрядом посвящения в рок-н-ролл на том уровне, о существовании которого я даже и не подозревал. Я, конечно, слыхал о рок-н-ролльном образе жизни, но толковых сведений у меня не было, даже особо не пофантазируешь на тему. Опыта же у меня почти никакого не было. Я думал, что наградой мне будет горячая подружка, на самом же деле новая горячая подружка случалась каждый день, а иногда и в день по нескольку. Нечто невероятное. Лос-Анджелес казался страной Оз.

18 февраля 1974 года Casablanca официально презентовала нас; сама вечеринка — нечто среднее между бар-мицвой и сборищем селебрити из списка «С». Нил вышел на сцену, представил нас, и мы заиграли. Еще до конца первой песни все сбежали в туалет. Жаловались, что слишком громко и ярко. Эй, народ, мы не группа Eagles, у нас не может быть ни комфортной громкости, ни песен об отчаявшемся в пустыне. Мы — с Восточного побережья, мы этого не стесняемся, а ко всем вашим ковбойским штучкам с Западного побережья относимся как к приколу. От того, что я напугал всех этих людей, я испытал какую-то странную гордость. Да что нам с того, что они нас не полюбили? Они ж так и так не наша публика.

На презентацию пришел и Элис Купер. Он потом пошутил: «Парни, вам нужен какой-нибудь хитроумный трюк».

Несколько дней спустя мы поехали вечером в Aquarius Theater, тоже на Сансете, чтобы впервые показаться на телевидении. Дик Кларк вышел за пределы программы *American Bandstand* и организовал шоу *In Concert*, в каждом выпуске которого три группы играли по нескольку песен. Этот формат нам подходил — просто взять да сыграть то, что мы обычно играем. Кроме того, это важный этап: шоу в телевизионной сети, ведет

которое сам Дик Кларк, не кто-нибудь. Когда мы готовились к выступлению, Дик пришел к нам в гримерку. Со временем я узнал на собственном опыте, что люди его уровня не всегда бывают такими душевными, как он. Например, когда мы несколько месяцев спустя познакомились с Билли Грэмом — очень уважаемым промоутером, который заправлял всем в Fillmore и Winterland, — он общался с нами как угодно, но только не мило и не приятно. Но Дик — он особенный. Когда мы обменивались рукопожатиями, я думал только *елки, это Дик, мать его, Кларк!* Он много лет вдохновлял меня, ребенка, я думал, что он вообще нереальное существо, вроде Супермена, но нет, оказалось, Дик Кларк — реальный живой человек.

Мы разместились на вращающейся сцене, до нас играла группа под названием Redbone. Потом сцена повернулась, и тусклое освещение сменилось яркими софитами. Мы — перед камерами. Но к тому моменту мы сами уже стали машиной, которая бешено играла, где бы она ни работала. Нашим выступлением мы сами остались довольны. Правда, посмотрели мы его только полтора месяца спустя на дрянном телеке, когда после концерта в Асбери-парке поспешили в мотель.

Выступив на *In Concert*, мы улетели обратно в Нью-Йорк, чтобы перевести дух на пару недель перед нашим первым настоящим турне, запланированным на середину марта. Помню, лежу я в постели, в родительском доме, и ностальгирую по Лос-Анджелесу: женщинам, ресторанам, тв-шоу, шикарным отелям, всей этой роскошной халяве, которая прилагается к успеху.

И молюсь.

Господи боже, пожалуйста, не отнимай у меня всего этого сейчас.

Вот на эту крошечную порцию славы я очень крепко подсел — сам факт, что никому не нужного еще недавно пухлого подростка теперь осаждали женщины, только из-за того, что на него теперь смотрели под другим углом… И теперь мне платили деньги за то, что я и за просто так делал бы охотно. Нет, я знал, что такое существует, но теперь, когда вкусил, не мог даже допустить мысли о том, что этого можно лишиться. До того, как я вкусил пирога, все было нормально. Теперь все изменилось. И я молился, чтоб не убрали пирог, пока я им не нажрался до отвала. Даже крошки этого пирожка радовали нереально. Хотелось большего. И я боялся, что все скоро закончится.

Господи, пока не забирай.

Пожалуйста, Господи, не сейчас, только не сейчас.

21

Теперь, когда наш альбом вышел официально, национальное букинг-агентство ATI отправило нас на гастроли. ATI ставило нас на всякие большие концерты в качестве разогрева и делало нам сольные концерты в клубах. На первом же шоу, 22 марта 1974 года в Пенсильвании, мы снова разогревали Redbone, ту же группу, что месяц назад выступала перед нами на той поворотной сцене в телепрограмме Дика Кларка. Потом мы пару раз отыграли с британской группой Argent, и вот мы на своем пути. В тот год мы открывали концерты ZZ Top, Blue Oyster Cult, группы Манфреда Манна и многих других, даже New York Dolls.

В 1970-е, когда ты приходил на концерт, ты обычно видел три группы. Первая — неизвестная пока что (в данном случае KISS), вторая — уже несколько успешная, помеченная на афише как «специальный гость», а третья — хедлайнер. Цель — добраться до верха этой лесенки.

Такая трехуровневая система давала возможность отточить мастерство. Понимая, что мастерство это самое нам еще оттачивать и оттачивать, мы на любую площадку привозили весь наш арсенал взрывов, дыма и огня — хоть на сольный концерт в маленький клуб, хоть в полупустой танцевальный зал, где кроме нас еще две другие группы. На шоу группы KISS всегда будет как на шоу группы KISS — то есть мы будем плеваться огнем, раскачиваться одновременно с гитарами наперевес и взрывать все к едрене фене. Ну, если при этом подъемник прилепит Питера с его барабанной установкой к потолку или хедлайнер обидится на то, что после нас все в дыму, — ну что поделаешь, значит так тому и быть.

Мы не шли на компромиссы, и, к счастью, кредитная карта American Express Билла Окоина явно была безлимитной — он оплачивал транспорт и накладные расходы шоу в то время, когда наши гонорары эти затраты не могли покрыть даже близко. Между городами мы перемещались на легковушке-универсале, ночевали во вшивых мотелях. Обязанности и тур-менеджера, и водителя исполнял Шон Дилени. Он был такой мамочкой-наседкой, следил, чтобы в нашем путешествии никто не потерялся, и улаживал всякие личные вопросы. В некоторые моменты тура к нам присоединялся и Билл, а когда его не было с нами, то мы с ним созванивались. Умел он каждому дать почувствовать, что именно ты — его любимчик.

Ну и, разумеется, у нас была гастрольная бригада, роуди, которые строили и разбирали нашу сцену со всеми ее эффектами,

поддерживали в порядке наши музыкальные инструменты, а также воевали с роуди хедлайнеров, когда те требовали нас играть потише, поскольку мы всего лишь разогрев. Роуди вели грузовик со всем нашим оборудованием, за исключением четырех кейсов для косметики Samsonite с зеркалами — их мы всегда брали в универсал.

Когда мы играли перед Argent, то их команда всегда старалась урезать нам время, просто отключая электричество, хотя мы еще не допели. Еще они насмерть боролись с нашими спецэффектами — ну на самом деле, трудно выступать после группы, которая оставляет все в дыму, как будто тут Третью мировую войну выиграли четверо загримированных парней на восьмидюймовых каблуках и в черной коже. А в последний вечер нашей с ними совместной части турне каким-то чудесным образом все прошло без происшествий. Мы потом только выяснили, почему именно. А дело в том, что наша команда заперла в одном из наших громадных ящиков для аппаратуры их главного по технической части. Наша команда полагала, что в этом причина.

В другой раз, когда мы открывали концерт Aerosmith — они в то время только начинали, но уже продвинулись дальше нас — наша команда обнаружила, что их рабочие так расставили аппаратуру, что нам осталось всего несколько футов от сцены. Нам бы пришлось протискиваться на сцену. Наша команда сказала команде Aerosmith: «Если через пять минут не сдвинете назад линию ваших усилителей — мы ее сбросим вниз». А один из наших даже вытащил нож — дескать, вот настолько все серьезно. Место нам быстренько освободили.

Из тех первых шоу одно, в Bayou в городе Вашингтон 25 марта, отличается от всех. На тот момент все было как в сказке: мы «чесали» по провинции, нам платили деньги за то, что мы любили больше всего на свете. Мне тогда не надо было платить по счетам, но сама мысль о том, что теоретически я эти самые счета мог бы оплачивать из рок-н-ролльных своих гонораров, приятно грела. Вот моя работа. Вот чем я на жизнь зарабатываю.

В ночь после концерта в Bayou я впервые в жизни увидел групповой секс. Я просто зашел в номер мотеля, в котором проживала наша команда, и увидел на кровати молодую женщину, к которой стояла очередь парней, наших роуди и других людей. Ничего подобного я не видал никогда. Они себя вели так, как будто ждали автобуса. Я понял, что такое не для меня.

Я сам вообще-то был в ту ночь с женщиной. С реально красивой, просто удивительно, — пару недель назад мы с такой в

разных мирах обитали. Почему-то я вдруг почувствовал легкую паранойю. А что, если у нее есть парень или муж, который мне шею намылит? Ситуация стала представляться сложнее, чем та, где просто мы с девушкой наслаждаемся рок-н-ролльным образом жизни. Ведь, возможно, другие люди зависят от ее решений, и ее шалости их не обрадуют. Все еще хуже стало, когда я, подумав, что она рассказала о себе, сделал вывод, что ее папаша — бандит. В какой-то момент, когда мы голые лежали в постели, я повернулся к ней и спросил: «Ты здесь потому, что хочешь быть здесь, или ты здесь потому, что напилась?»

«Я здесь потому, что напилась!» — заржала она.

Иногда я чувствовал себя слоном в посудной лавке; временами я слышал голос, который твердил мне, что секс идет рука об руку со страхом и последствиями. *Если от тебя кто-нибудь забеременеет — то ты будешь сам по себе.* Иными словами, трахнешь не ту бабу — и ты труп.

Но вне зависимости от страха, нервов и внутренних конфликтов, секс стал моим излюбленным наркотиком. Я всегда возвращался за более крупной дозой.

Я выпивал тут и там по стаканчику, но мне не нужен был алкоголь для храбрости, чтоб заговорить с женщиной. Я без проблем подходил, начинал разговор. Да и в любом случае я довольно скоро выяснил, что не нужны долгие умные беседы, чтобы заинтересовать женщину, — я пел в группе, и за одно за это все меня хотели.

Меня никогда не привлекала идея больше пить или употреблять наркотики. Не хотелось терять контроль. У меня же появилось столько свободы и столько возможностей, что я хотел сохранять ясное сознание и все это помнить. Но уже в ранний период существования группы наркотики всегда были рядом. На площадках, в мотелях, радиостанциях и магазинах грампластинок, где мы проводили всякие наши мероприятия по раскрутке группы, неизменно появлялись некие люди, желавшие подружиться. Парни впаривали нам наркотики, женщины — свои тела; я пользовался только вторым.

С другой стороны, роуди наши подбирали разноцветные таблеточки, которые фанаты бросали на сцену, и хавали их, как «скиттлс». Меня это поражало: «Ты ж даже не знаешь, чего ты только что сожрал!»

Однажды я постучал в номер нашего пиротехника. Мне не открыли. Я сам вошел и увидал его, съежившегося в углу, с одеялом на голове, весь зеленый, двигаться не может. Я не понимал, в чем тут прикол.

Тот факт, что почти все в рок-мире находились под кайфом,

определенно не способствовал моей социализации. Употреблять наркотики — часть той культуры, норма, а неупотребляющий я оставался в стороне. То, что я не «дую», не ширяюсь и не жру «колеса», ставило в неудобную ситуацию окружающих, а когда они себя чувствовали некомфортно, то я тоже себя чувствовал некомфортно. С другой стороны, мои контакты с группи и другими женщинами носили исключительно сексуальный характер, так что там вопрос употребления наркотиков почти никогда и не возникал. Я не мог представить более сладостного возбуждения, чем когда женщина идет со мною ко мне в номер.

Эйс был алкоголиком, но поначалу он выпивал только после концерта, и уж тогда-то нажирался до состояния нестояния. Тогда это казалось забавным. Я считал, что проблемы с его пьянством не существует, до тех пор пока он делал свою работу — а он ее делал. А чем уж он там хотел заниматься вне сцены — это его личное дело.

Однажды ночью я встретил его в коридоре отеля на карачках, болтающего с самими собой. «Чувак, ты чо делаешь?» — удивился я.

«Со мною мои маленькие человечки», — ответил он и обвел вокруг рукой.

Я попытался обойти его, он испугался: «Ой, ты одного раздавил!»

С одной стороны, его было, конечно, жаль, но с другой, должен сказать, было это очень смешно. Мы вообще все время ржали над Эйсом, причем не в смысле унижая его. Он действительно был забавен. Странный. Постоянно шутки шутил. Некрасивым все стало не сразу, а позднее. Однажды он принял сразу и валиум, и кокаин, и тут шутки закончились. Но поначалу, повторюсь, он был приятным психом.

К Эйсу в определенный момент приклеилось прозвище Шеф — как шеф-повар. Дело в том, что мы все в гримерках ходили почти голыми (кроме Джина, который никогда ни перед кем не раздевался и не принимал душ), и вот однажды сидим гримируемся, а Питер, проходя мимо Эйса, положил ему член на плечо. Эйс с совершенно равнодушным видом член поцеловал. Так он и стал у нас Шефом — потому что шеф-повар должен сам все попробовать.

Еще мы прозвали его Кусочник — он просто частенько нависал над столом и тырил куски с наших тарелок. «Ты ешь это?» — спрашивал он и хватал кусок.

В турне мы завтракали и обедали все вместе. Завтраки в дешевых мотелях везде в общем одинаковые: яичница, тосты, баночки с виноградным желе, закрытые крышечками из фольги. А

обеды — разные. Когда кто-то ел креветки, Эйс дожевывал хвостики. Иногда, когда в мотеле мы шли по коридору, он рылся в тележках обслуживания в номерах.

Не редкостью было проводить часов десять, а то и больше, в машине. Эйс все время ржал. Однажды Питер, который был старше нас и чье лицо вечно выражало печаль, сказал: «В этой группе у меня бэби-фэйс, лицо ребенка», а Эйс продолжил: «Если только ребенка моржа». В другой раз в машине Эйс сказал: «Я реально могу выпить любой напиток». Для Эйса действительно обычное дело, но я сказал: «Так выпей мой одеколон». «Правда, что ли?» «А что, — говорю, — одеколон же на спирту».

Так он реально взял у меня флакончик Aramis, открутил крышку, и — отпил. И тут же выплюнул. Мы все ржали — включая Эйса.

Я считал нас четырьмя мушкетерами, уверенный, что мы всегда будем вместе. Мы были викинги, гунны, татаро-монголы, захватывающие города и устраивающие там хаос.

Мы были KISS.

Когда мы вместе ели, ехали, одевались на концерт и играли — мы ощущали себя настоящим братством, а когда выходили играть на сцену — становились единой силой. Конечно, это не была реальная жизнь, и дома, куда мы возвращались на короткое время, мы не общались. В турне, однако, мы были KISS. А быть «киссами» дико весело.

Я знал, что эту фазу мы пройдем и продвинемся дальше. Тоска прямо брала, ибо я понимал, что наш этот странно-привлекательный рок-н-ролльный образ жизни — это сейчас путь к звездности. Ну, а что звездность будет — этого я никогда под сомнение не ставил.

Мы добьемся.

При малейшей возможности Билл нам устраивал всякий пиар — интервью в местных газетах, выступления на радио, акции в магазинах грампластинок. И через пару месяцев мы что-то прямо заважничали. Уже жаловались, что надо вот ходить на все эти мероприятия. Однажды мы должны были ехать в магазин грампластинок днем, а до того облачиться как надо… но мы решили, что нечего нам там делать. Пошло оно все куда подальше. В назначенное время Билл ворвался в наш номер в мотеле и заорал: «Вы чо, издеваетесь?»

Ну и мы ему говорим, Билл, так и так, чего нам там делать-то, время тратить на ерунду, да и мероприятие такое соответствует ли нам? Но он нас тут же поставил на место: «Парни, вы ведете себя как спортсмены, которых взяли на Олимпийские игры или еще какие крутые соревнования, а вы на

самом деле еще даже не претенденты в сборную». Мы переглянулись, и такие: «Ой».

Ну, накрасились и поехали. Мы всегда слушались Билла. И он почти всегда оказывался прав.

А Нил смотрел на вещи под совершенно другим углом. Эхо его «буддистского» прошлого — ничего страшного, что на кону стоит будущее артиста, если вот прямо сейчас есть возможность сделать хит-сингл, причем неважно, насколько банальна и дерьмова песня. В начале весны 1974 года она притащил нас в студию, чтобы мы записали песню Бобби Риделла под названием «Kissin' Time». Нам он сказал, что это промомузыка для соревнования по поцелуям, а такие темы — нечто совершенно противоположное тому, что я предвидел для моей группы. Я решил, что это какая-то пошлятина. Группы, на которые я равнялся, никогда в такой туфте участвовать бы не стали. Но Нил клятвенно заверил, что наша запись — это так, фоновая музыка для рекламы на радио, не более. Ну и, разумеется, как только мы записали кавер, не самый великий кавер этой песни, Нил тут же его выпустил синглом. Да, иногда он дела делал совершенно уникальным способом.

После того как сингл вышел, а соревнование начали рекламировать на нескольких радиостанциях, Нил отправил нас на само соревнование, которое проводилось в одном магазине грампластинок. Я туда пришел в костюме и при полном гриме, чуть не лопаясь от гордости, и приблизился к одной паре, впившейся друг в друга. Наклонился — мы ж на платформах все — а парень, не отрываясь от девушки, скосил на меня глаз и говорит:

— Ты, блин, кто такой?

А они просто юная пара на соревновании по поцелуям, и знать не знают, какое мы к этому отношение имеем.

— Да никто, — говорю, — забей.

И пошел к двери настолько быстро, насколько позволяли мне мои каблучищи.

22

В среднем концерты у нас случались чуть чаще, чем раз в два дня. В конце апреля Билл устроил нам очередное появление на национальном телеканале, на сей раз — в «Шоу Майка Дагласа».

Я сразу понял, что тут все будет по-другому. Это же такое развлекательное шоу, не чисто музыкальное. Мы могли с тем же успехом быть не рок-группой, а обезьянами на одноколесных велосипедах или жонглерами, крутящими тарелки с едой на шестах. Да и у Эда Салливана программа такого же плана: «Сегодня у нас в гостях Топо Джиджо и танцующие медвежата, а для детишек мы приготовили… ансамбль The Beatles!» Но, правда, у Майка Дагласа и аудитория — как сам Майк Даглас — мягко говоря, взрослее. Зрители в студии смахивали на мамочек и папаш с картин Нормана Рокуэлла, а мы для них были как инопланетяне. Мы явно попали не в свою стихию, и я чувствовал, что мы тут не только такая вот любопытная новинка, но и повод поржать.

Когда мы разогревали концерты других групп, нам приходилось, естественно, завоевывать их аудиторию, и мы кайфовали, принимая этот вызов. Но в этом шоу веселья не ощущалось. Я не думал, что смогу покорить такую аудиторию, а желания просто выставить себя на посмешище у меня не было ни малейшего.

Билл поинтересовался у нас: «Кто хочет посидеть в студии и поговорить во время обсуждения?»

«Я пас, — говорю. — Я за кулисами посижу».

В студию пошел Джин. Он не нашел, что сказать, поэтому назвал себя «воплощением зла» и показал свой длинный язык. Комедиант Тоти Филдс, который тоже был гостем студии в тот день, «опустил» Джина — тот, дескать, милый еврейский мальчик, несмотря на его демонический имидж. В общем, Джин по-дурацки выглядел. Вообще вот эта его манера назначать себя спикером группы по умолчанию всегда приводила к тому, что он говорил про «я», а не про «мы», тонко — да подчас и совсем не тонко — намекая, что он-то и есть фронтмен, основной вокалист и главный придумщик в одном флаконе. Уточнить свою настоящую роль и таким образом развеять неправильные предположения журналистов — ему это никогда в голову не приходило. Да и зачем? Ведь эти предположения журналистов основывались на его же собственных словах. И снова я чешу затылок, недоумевая, зачем ему вообще это надо — быть нечестным, рассказывать все от себя, а не от лица группы…

Обманывал он.

В начале того месяца мы открывали концерт Рори Галлахера в Agora в Кливленде. Выйдя на сцену, я заметил, что одна девушка в первом ряду захихикала и толкнула локтем своего спутника.

Ничего, долго тебе смеяться не придется.

Мы это заведение просто взорвали. Все помещение было в дыму (у таких плохая вентиляция). В те дни наши пиротехники должны сами были организовывать «горячие точки». Каждый день они строили огороженные пространства и наполняли их взрывчаткой, причем сегодня взрыв мог быть как лопающийся попкорн, а завтра — прожечь дыру в полу сцены. Необязательно было получать какое-то разрешение или чтобы главный пожарный нас проверял, потому что никто не знал, что мы делаем. Просто до нас такого не делал никто. Мы просто взрывали как хотели, безо всякого надзора и экспертизы. Напряженно было.

В такие вечера я мог бы с тем же успехом перевернуть песочные часы и ждать, пока весь песочек не просыплется. Работало как часы. Мы всегда покоряли даже самых отъявленных скептиков. Всегда ставили толпу на уши и ни разу с этим не облажались. Конечно, никакое, даже самое пышное, шоу не может скрыть того, что группа — говно. Но группу KISS мы как раз и начали создавать с музыки. У вас может быть шикарная, вся хромированная машина, покрытая блестящей краской, но без мощного мотора она никуда не уедет. Мы вчетвером как раз заводили этот мощный мотор и покоряли аудиторию музыкой и харизмой.

В следующий вечер мы разогревали среднего уровня группу — британцев под названием Savoy Brown. Каток в Мичигане, народу — битком. Парни из этой группы никогда нас еще не видели, они встали у края сцены, и, смеясь, смотрели наш концерт. Я про себя тоже ржал, понимая, насколько это жестко — следить за KISS. Нет, они, конечно, могли ржать во время нашего сета, но им пришлось поплакать на своем, когда половина публики просто ушла. Настрой у них резко поменялся.

Некоторые музыканты, с которыми я знакомился, мне нравились как люди. Нам довелось поиграть со многими группами, чью музыку я любил и уважал, но как у группы настрой у нас был всегда один и тот же: *мы вас уничтожим*. Когда я всходил на ступеньку лестницы, ведущей к сцене, все эти нежные дружбы заканчивались. Хотя KISS не была зачата в злобе и ненависти, но, выходя на сцену, мы серьезно намеревались *поубивать* другие группы. Не публику, нет, — следующую группу. Мы очень гордились своей работой, фокусировались, заводились,

и да — остальных мы хотели стереть в порошок.

Мы — KISS!

Мы видели себя миссионерами «киссовского» подстиля рок-н-ролла, и пока не обратим всех в свою веру — не остановимся.

Иногда наше миссионерское рвение достигало каких-то совершенно библейских масштабов. Однажды в Фейетвилле, что в Северной Каролине, от наших бомбочек загорелся задник, который, кстати, принадлежал хедлайнерам, группе Black Oak Arkansas. Из этого тура нас выкинули пинком.

На Глубоком Юге люди любили, когда мы находились на сцене. Здесь у нас было право быть чудиками. Нас любили как развлечение, но вот вне концертного зала люди готовы были нас поубивать. Мы в своих женских блузах, с гривами и на платформах чувствовали себя как звери на охоте. «Педики!» — орали нам. Вне рок-клубов толерантность была на нулевом уровне. Я боялся, что мы скоро будем визжать, как поросята на бойне, как в страшном фильме «Избавление», который видел в прошлом году (в этом фильме режиссера Джона Бурмена, снятом в 1972 году, герои попадают в глухие места, где подвергаются изнасилованию и издевательствам местных. — Прим. пер.).

Я понял, что в Нью-Йорке я рос как бы в изоляции, совершенно не зная о том, какую злобу в других местах может вызывать нестандартная внешность. Тем не менее дискриминацию я скорее чувствовал, чем наблюдал воочию. Но про членов нашей команды так не скажешь. Например, был у нас роуд-менеджер по имени Джей Р. Смоллинг, негр. Тот самый, что придумал наше самопредставление на сцене: «Вы хотели лучшее? Вы получили лучшее!». Так вот, раз на юге нам дали на день белого водителя, и тот обращался к Джею не иначе как «Лерой» (шутливо-расистское обращение к чернокожему, вроде советского «Максимка» или «Маугли». — Прим. пер.). Ну и словечко на букву «н» (нигер. — Прим. пер.) я тоже частенько слышал.

Однако те, кто криками портит концерт, на нас не ходили. Мне кажется, нас самих считали некой угрозой. И совершенно точно считалось, что у нас крутой нрав и что мы горячо преданы своему делу. Когда за стенами концертного зала нас обзывали, мне всегда хотелось сказать: «Минуточку! Вы мне только что аплодировали. Теперь, когда я зачехлил гитару, вы будете меня линчевать?»

Там, где мы не чувствовали себя в безопасности, мы не отходили далеко от мотеля. Питались прямо в этих мотелях, садились в машину и гнали дальше. Не слишком останавливались в Billy Bob's Diner или Bubba's Barbeque. Просто перемещали свои задницы из точки А в точку Б.

Однажды мы проезжали Грейсленд. Меня родина Элвиса сильно разочаровала: дом, как у какого-нибудь неизвестного врача в пригороде. Я-то думал, там гигантский особняк. Я предпочел экскурсии по местам Элвиса общению с двумя дамами, владелицами магазина одежды в Мемфисе.

Даже на юге или в консервативных городках вроде Солт-Лейк-Сити мы находили наших поклонников, или они находили нас. Женщины же находились всегда и везде. Девочки ждали нас у гостиничных номеров, ждали, пока мы не выйдем. Мы бы могли такой аппарат завести, с электронной очередью — берешь номерок и ждешь, пока позовут. Имен этих девочек я даже не знал.

Меня не переставало изумлять, что эти женщины лезут ко мне в койку толком даже не представившись, а ведь у них же наверняка есть местные ухажеры, которые встречаются с ними месяцами, чтобы как-то продвинуться в отношениях. Все это вскоре стало нормой. И большим облегчением. Я теперь трахался и чувствовал себя желанным безо всякого страха эмоциональной близости, которой я хотел меньше всего. Я получал то, чего страстно желал, без того, что мне казалось опасностью. Из-за неуверенности, отсутствующего уха, глухоты и эмоциональной стены, которую я всю жизнь возводил вокруг себя, эмоциональная связь меня все еще пугала. Она означала: открыться, отдать частичку себя. А этого я не хотел.

Мы на тот момент еще не могли позволить себе снимать отдельные одноместные номера. Я селился с Питером, каждый из нас надеялся, что не будет лежать один в постели, пока другой у себя с кем-нибудь. Приватности, личного пространства у нас никогда не было. Но, конечно, гораздо приятнее, когда в обеих кроватях по парочке, чем когда одному одинокому приходится закрывать подушкой голову. Я в таких случаях рассчитывал на те несколько минут, что у меня есть с гостьей Питера, пока Питер вышел из комнаты. От такого лучше засыпалось. А потом Шон Дилени решил, что его работа — выгонять девок из наших номеров, потому что якобы нам надо выспаться. Шон этих девочек не очень любил, называл их «кукушки» (в оригинале — breeders, то есть женщины, которые рожают детей, не желая их, но исходя из каких-то внешних задач: сохранить отношения с мужчиной, уступить своим родителям и т. п. — Прим. пер.).

Первые полгода турне 1974 года — как нечеткое пятно: длинные перегоны с остановками в местах с названиями типа «Курочкин гром», «Мамино» и «Вспышка». Мы играли в колледжах, спортзалах, даже на флоридском стадионе для джай-алая. Мы добрались аж до Аляски, где играли на открытом

воздухе в кинотеатре для автомобилей, и от поставленных перед сценой нагревателей наши гитары расстраивались. Но даже в этот первый год, прошедший в тумане, мы нашли некоторые места, которые стали нашими любимыми. Такое, например, как Electric Ballroom в Атланте. Мы каким-то образом там играли в качестве хедлайнеров в нескольких сборных концертах. В июне отыграли там четыре вечера подряд, а после того как мы собрали публику еще и на несколько концертов в июле, нас забукировали на сентябрь. Вечеринки и теплый прием не заканчивались нигде и никогда, на всех уровнях, и мы всегда радовались, когда видели это в расписании. А оставшиеся в Нью-Йорке подружки и жены, понятно, нет.

KISS и Детройт явно сразу полюбили друг друга. Тамошний народ нас понял. А этот город — родина наших любимцев, от Митча Райдера и Боба Сегера до Элиса Купера. Анн-Арбор дал миру MC5 и The Stooges, Флинт — Grand Funk Railroad. Нас принял в объятья Мичиган, а до конца 1974 года Детройт стал первым городом, где на концерте в театре мы выступили в качестве хедлайнеров. Я всегда буду вспоминать его как первый большой город, который встретил нас с распростертыми объятиями и раздвинутыми ногами.

В туре у нас не было нескольких комплектов костюмов, так что гримерки мы находили по запаху. Чем сильнее воняет — тем, значит, ближе гримерка. Иногда мы давали два концерта в день: одно шоу раннее, второе позднее, но даже в день одного концерта одежда совсем не успевала высохнуть. Я прямо скукоживался, надевая влажную вонючую одежду. При возможности я засовывал фен в комбинезон — сыро, но по крайней мере тепло. После случая с брюками в Академии музыки — когда пуговица от ширинки отлетела — я купил пару колготок Danskin. За них меня обсирали поначалу, но потом ребята из группы поняли, насколько это практичная штука, и тоже на них перешли. Кожа и атлас — жесткие и ворсистые после того, как впитают пот.

С сырой обувью другая проблема: в них заводится плесень и мох. Внутри у каждого ботинка — как будто своя экосистема, только лягушек прыгающих не хватает. Но часто нам приходилось отскребать всякую зеленую хрень. И при всем при этом никто из нас не жаловался.

Лично я — потому, что я не испытывал ничего подобного тому, когда занавес поднимается и публика встает на уши. Занавес этот мог бы быть бетонной стеной в пятнадцать футов толщиной, и когда этот барьер убирался, то наступал *полный хаос*. Бывало, я стоял за занавесом и с температурой 102 градуса (39 по Цельсию. — Прим. пер.) и больным горлом отчаянно

пытался выдавить из себя первые ноты «Strutter» или «Firehouse». Но когда занавес взлетал вверх, я тут же запевал как птица — потому что в башку ударял адреналин. Совершенно неважно, насколько я был уставшим или больным, — с первых же секунд на сцене я чувствовал себя суперменом.

Люди хотели нам «сдаться», и это отчасти мой источник энергии на сцене. Я принимал эту «лицензию» и знал, до каких пределов могу ее использовать. Научился, конечно, не сразу, но со временем пришло. Я осознал, что если прошу людей делать то, что они и сами хотят, то в их глазах я всемогущий, и я держал это под контролем. Люди отвечали на это. Людям хотелось, чтобы им приказывали: «Вставайте!», «Руки вверх!».

А вот воздеть руки вверх — это вообще имеет какое-то отношение к песне? Да, такое же, как в церкви, где прихожане воздевают руки к небу, дабы прикоснуться к чему-то святому. Ну и веселье, конечно, — как нестись на американских горках, не держась за поручень.

Смысл был в том, что мы можем сотворить вместе, во взаимообмене. Большинство людей хотели идти, просто им нужен был сталкер. *Им* был нужен *Я*. И я должен был с ними войти в контакт. Я же не просто пел для задних рядов — я пел для людей. Я должен был сделать так, чтобы зритель в последнем ряду почувствовал себя столь же важным, как и человек в первом. Я пел для толпы, но, кроме того, — и для каждого человека в этой толпе лично.

Я к тебе обращаюсь. Да, к тебе!

Такова моя работа — привести всех нас в обетованную землю рок-н-ролла, каждого в отдельности и всех вместе. «Некоторые из вас сидят. Зачем? Хотите сидеть — идите домой к телеку! Но если вы верите в рок-н-ролл — вставайте за веру!»

Каждый вечер мы творили с аудиторией нечто волшебное, и для меня это было таким же чудом, как и для них.

23

Довольно рано я усвоил один урок. Однажды летом 1974 года Билл Окоин сказал, что мы должны начинать делать новый альбом. «Не могу, вдохновения нет», — сказал я. «Я тебе счета сейчас покажу — сразу появится», — срезал он меня.

Звучит холодновато, но так оно и есть. Сидеть-ждать вдохновения может кто угодно, а настоящий талант вдохновение *вызывает*. Он *вдохновляется*. Продажи нашего дебютного альбома под названием *KISS* на тот момент превысили 60 000 экземпляров, и действительно надо было уже делать следующий.

Для работы над нашим вторым альбомом, *Hotter Than Hell*, мы засели в лос-анджелесском отеле Ramada Inn. В этот раз у каждого был отдельный номер. Чувствовали себя прямо настоящими звездами. Однажды утром, прогуливаясь после завтрака, я увидал тату-салон Лайла Таттла на бульваре Сансет. Вошел. Решил сделать тату — поклялся себе, что будет у меня одна татуировка, только одна, на всю жизнь. И конечно, мне не нужно было никаких черепов в цилиндре, броненосцев или надписи «Мама». Набил на плече розу.

Вернувшись в отель с чернилами под кожей, я позвонил домой. Сам очень радовался, поэтому, наверное, захотел родаков против шерсти погладить лишний раз.

— Але, мамочка, знаешь, что я сделал? Татуировку!

— Ох, Стэн, — простонала мама и напомнила про старый еврейский обычай: — Тебя ж теперь нельзя на еврейском кладбище хоронить!

— Ничего, мам, руку мне отрежешь, и все! Мне уже будет без разницы!

И вновь я нашел в Лос-Анджелесе вдохновение. Город этот вращался вокруг музыки и вообще индустрии развлечений. Я очень редко встречал людей, которые здесь росли. Этот город — для достижения цели. Здесь обитало много ньюйоркцев, которые переехали сюда ради бизнеса. Местные были настолько расслабленными, что ньюйоркцы спокойно могли сожрать все. Лос-Анджелес был пунктом назначения для людей с идеями или желанием сделать карьеру. Это было место без корней, куда люди приезжали в погоне за своими мечтами и устремлениями.

Нил снял Village Recorder на побережье Санта-Моники и вызвал Ричи и Кенни. Студия располагалась в крутом старинном здании с росписью на стене — картинка апокалипсиса в городе: рушащиеся здания и пролеты хайвеев.

Мы надеялись вытянуть все шероховатости звучания первого

альбома. Главное — сделать его потяжелее. И мы в конце концов записали его «горячо» — в смысле, с дисторшеном — но и это тоже получилось так себе. Снова мы не получили того, чего хотели, — с искажением инструменты звучали неприятно.

Среди песен, которые мы записали, были в том числе не вошедшие в предыдущий альбом. Например, «Watchin' You» и «Let Me Go, Rock'n'Roll». Некоторые мы создали прямо в студии с нуля — у них не существовало даже демоверсий. Просто, когда началась запись альбома, у нас еще не хватало материала. В турне мы не брали акустические гитары, а маленькие усилители тогда были редкостью, так что в тот первый год в турне мы почти ничего не сочиняли. Я иногда писал какие-то стихи, но моим «творческим ключом» были скорее записи мелодии на какой-нибудь магнитофон.

Заглавную песню, «Hotter Than Hell», я написал в Лос-Анджелесе. Это было что-то вроде оммажа, дани уважения песне «All Right Now» группы Free. Начиналась она с того же — со знакомства с женщиной. Джин принес песню «Goin' Blind», которую написал совместно со Стивом Коронелом. Звучала она круто, и я понял, куда они там клонили. И предложил строчку: «Мне девяносто три / Тебе — шестнадцать». Звучала строчка безумно и всю песню поворачивала не туда. «Вот это чудно́, реально, — заметил Джин. — Сто́ит нам такое вообще, сам как думаешь?» «Еще как сто́ит», — заверил я. И эта единственная строчка сделала из песни историю влюбленного в девчонку старика.

У «Got to Choose» в основе песня, которую я слышал в студии Electric Lady, где было два помещения, открытых для работы 24 часа в сутки. Такая круглосуточная крепость творчества. Однажды они на двухдорожечном аппарате делали копии одного альбома группы Boomerang. Группа эта играла так называемый голубоглазый соул, ее создал Марк Стейн из Vanilla Fudge вместе с парой других ребят. Boomerang записал кавер-версию песни Уилсона Пикетта «Ninety-Nine and a Half (Won't Do)» — вот она-то и стала зерном, из которого выросла «Got to Choose».

Мы хотели, чтобы Эйс спел «Strange Ways» или «Parasite», но он снова отказался петь. В итоге «Parasite» спел Джин, а «Strange Ways» — Питер. «Coming Home» — это дорожная песня, которую мы с Эйсом выстроили вокруг чертовски клевого риффа и каких-то его обрывочных идей. Я в Лос-Анджелесе написал «Mainline» — по-моему, она крутейшая, наглая и отвязная. Когда мы ее писали в студии Village, Питер заявил: «Или я ее пою, или ухожу из группы». Я просто обалдел. Снова-здорово, все как обычно.

С самого начала Билл отстаивал такую идею распределения

гонораров: собираем авторские отчисления и делим на всех. Так, по его мнению, никто не будет пропихивать свой материал на альбом ради финансовой выгоды, и поэтому мы будем отбирать только лучшее и по нашему мнению, и по мнению наших продюсеров. Так мы и сделали. Но при работе над *Hotter Than Hell* появились первые признаки того, что и это не избавит нас от потенциальных разногласий.

Возможно, мы в группе просто были все такие разные, что спайки и единства не получалось. Но вот я, например, хоть не считал Джина единомышленником, но при этом видел его как отличного соавтора. Но при этом я совершенно ясно понимал, что для него группа — эдакое транспортное средство для него одного. Джин в группе был ради Джина. По каким там причинам я не знаю, но моего менталитета командного игрока у него не было. Я обрел в группе уверенность в том, чего не было в моей обычной жизни. Я хотел быть частью чего-то. Я остро нуждался в этом чувстве семьи, братства, товарищества. Нуждался в группе поддержки. Для меня весь смысл группы заключался в том, что она — именно группа, команда, и группу я желал более всего.

А Эйс все разрушал и разрушал себя — так, что талант его стал иссякать. Однажды он в арендованной машине гонял по дороге-серпантину, все быстрее и быстрее — хотел проверить, сможет ли он развернуться внизу. Итог был бы убедителен для кого угодно, только не для нажравшегося Эйса. Понятно, что в определенный момент он не справился с управлением, и машину просто обернуло вокруг столба. Нет, мы еще не дошли тогда до той точки, когда нам в студии приходилось выжимать из него соло, пока он не отрубался, — хотя это начнется уже очень скоро, — но он уже не полностью реализовывался и отдавал нам не все.

Питер негодовал по любому поводу. Что бы ему ни дали. Это была заведомо проигрышная ситуация. Ему отдавали — а он ничего своего не вносил. Он взял в привычку бороться с внутренними проблемами и неуверенностью, заставляя всех чувствовать себя так же погано, как и он. Питер еще возмущался тем, что я-де не «плачу по долгам», как он твердил постоянно. Я так понял, что Питер до нас ничего ни с одной группой не добился, потому что он понятия не имел, чего стоит успех и как его сохранять. Теперь, когда он стал пассажиром в нашей истории, он старался всему помешать и всегда внести раздор.

Я не осуждаю ничью ограниченность, но отношение Питера я осуждал совершенно точно, конкретно — его злость и попустительство.

Я не мог дождаться девяти вечера, когда можно уйти из

студии, потому что оттуда я сразу шел в Rainbow. Я еще с нашего первого приезда в Лос-Анджелес в феврале стал фанатиком этого места. Теперь, когда я жил месяц в городе, я туда ходил «к литургии» еженощно. Мы, KISS, конечно, никакими настоящим знаменитостями еще не были, но вот именно там у нас был статус хард-рок-музыкантов. У нас же уже вышел альбом. И мы записываем второй.

Я очень сдружился с женщиной по имени Карен, которая там работала в качестве хостесс. Она была немного старше меня, но мы сразу друг другу понравились и сдружились. Вообще, она ездила в турне с разными членами групп Deep Purple и Led Zeppelin, с представителями верхушки рок-иерархии то есть. У нее в квартире одна стена могла бы украсить музыкальный магазин на 48-й улице — там просто сотня рядов фотографий рок-звезд восемь на десять с их автографами. Мы долго оставались хорошими друзьями, и мне никогда не казалось странным, что наши дружеские отношения перешли в интимные только позже, когда KISS по-настоящему прославились.

В жизни Rainbow была некая чистота — женщины там были частью ритма рок-н-ролла, причем необходимой и существенной. Никто никем не обладал и никто никого не осуждал.

А каждое утром мне снова приходилось идти в студию Village Recorder. И вот однажды вхожу я в студию, оглядываюсь, и, такой: «Гитара моя где? И усилок?»

— А! — откликнулся один из работников студии, — да они уже все-все забрали.

— Простите, кто? Вы о ком?

— Да ваши эти, пришли, говорят: надо увезти, и забрали все уже, ага.

Вот так вот воры по-простому зашли с улицы, сказали, что они из компании-перевозчика, собрали все наше оборудование и слиняли. Чего тут изобретать: пройти-то проще всего через парадную дверь. Потери нам возместили. Мы купили новое оборудование, но, например, некоторые мои гитары — как та, с V-образной декой — делались на заказ мастером в единственном экземпляре и, соответственно, заменить их ничем было нельзя.

В другой раз было такое. Еду я на арендованной машине в студию, за мной пристраивается полицейская машина, светит и включает сирену. Я останавливаюсь. А я в одежде цивильной, не в рабочей униформе, а в джинсах с низкой посадкой — очень низкой, и молния на ширинке 3 дюйма (примерно 7,5 см. — Прим. пер.), в ботинках на платформе, в гофрированной женской блузке и в украшениях. И волосы кудрявые до плеч. В Нью-Йорке такой видок — обычное дело в то время.

Подходит полицейский. «Права, документы».

«Машину в аренду взял, документов нет», — отвечаю и лезу за бумажником. А бумажника нет в кармане. «Ой, оставил… короче, нет бумажника, — бормочу. — В отеле, наверное, забыл». В Нью-Йорке отсутствие прав в то время проблему бы не создало.

«Понятно, — кивнул коп. — Значит, едем в участок».

Я тут чуть не обоссался. Побледнел как бумага. «Участок??? Да вы взгляните на меня! Мне в таком виде в камеру нельзя!»

Коп повнимательнее на меня поглядел и, наверное, увидал выражение полнейшего ужаса. «Обязательно возите с собой права», — сказал он и сделал мне знак: уезжайте.

Зарубил на носу: всегда брать с собой бумажник.

24

KISS медленно взбирались по лестнице концертной иерархии. В конце 1974 года на некоторых афишах нас уже стали ставить вторыми, «специальными гостями», а не нижними анонимными. Ну, знаете, как оно выглядит: «Сегодня в Cedar Rapids: REO Speedwagon и специальный гость KISS, плюс третий участник — сюрприз!»

Слава — это в том числе и отдельный номер в отеле. Слава — в том числе самолет, а не машина, своя или арендованная. Иногда из родительского дома — я там зависал, когда выдавался свободный день, — меня забирал лимузин, который вез меня до аэропорта. С концерта на концерт мы летали уже коммерческими рейсами, а из отелей и аэропортов нас возили. Аппаратура перегонялась в грузовике и уже ждала нас на площадке. Останавливаться мы стали в отелях Holiday Inn, а не в каких-то придорожных мотельчиках для автомобилистов. Когда каждую ночь я бросал четвертак в вибрирующую кровать, мне легко представлялось, что все это мы выиграли в лотерею.

Потом мы даже стали снимать не только номера, но такую общую комнату, которую называли «Курятничек» — для вечеринок и девок, чтобы не томить их в лобби. После концерта мы обычно расходились по своим отдельным номерам, чтобы привести себя в порядок, а там и телефон звонил: «Курятничек у нас сегодня в 917-м номере», — говорил тур-менеджер. Мы шли в это помещение, полное девок, из которых каждая хотела поскорее пойти с тобой в номер. Некоторые были из посетительниц концерта, другие имели какое-то отношение к местной радиостанции, третьи знали кого-то, кто знал кого-то из нашей команды или нашего лейбла, или хрен знает чего еще.

Еще мы наконец-то обзавелись сменными комплектами концертных костюмов. Наняли парня по имени Ларри Легаспи, который обшивал группу Labelle — у них тогда случился большой хит «Lady Marmalade» — и выглядел как некий диско-инопланетянин. Еще мы нарисовали эскизы башмаков и заказали по ним обувь у нью-йоркского сапожника по имени Фрэнк Ананиа. Он, настоящий мастер старой школы, ни черта в этом нашем дизайне не понял, но стачал нам такие классные сапоги, которые, в отличие от обычных наших покупных, были более устойчивыми и более крепкими. То есть для наших прыжков и пробежек по сцене — самое оно.

Со своей первой девушкой я познакомился в Атланте, когда мы снова оказались в Electric Ballroom. Ну или, скорее, она стала

моей девушкой на финише того забега в Атланте. Аманда была высокой фигуристой блондинкой родом из Мичигана. Она ездила с одним из наших техников. Флиртовала она со всеми подряд, и однажды, когда техник этот приболел, она скормила ему две таблетки валиума и сбежала со мной.

У нас выдался перерыв в туре на несколько дней, так что я повез ее к себе в Нью-Йорк. Там я до сих пор жил с родителями. Мы с Амандой располагались на раскладной софе в гостиной, потому что именно там я спал, приезжая домой. Дело в том, что отдельной моей комнаты у меня больше не было — та, которую мы делили с сестрой, отошла моей племяннице Эрике. А эта самая раскладная софа стояла вплотную к стене, за которой находилась спальня моих родителей. Ну и раз утром, когда мы с Амандой ночевали у меня дома, я маму спросил так просто, светской беседы ради: «Как спалось, мам?». «Неважно, — ответила она. — Софа все время билась в стену».

Так я понял, что мне пора жить отдельно. Честно говоря, я уже давно это понял, но идея жить в одиночестве меня не грела. А тут вот уже появилась женщина, с которой можно съехаться, — очень удобно.

Мы с Амандой взяли выпуск *Long Island Press* и стали искать квартиру. Нашли вариант с мебелью на Вудхейвен-бульваре в Куинсе, близ автострады Лонг-Айленд. Квартира дешевая, въехать можно хоть на следующий день. Мы ее сняли. Понятно, что не «Уолдорф-Астория», но по моему карману съем даже такого жилья ударил очень сильно.

Переехав, мы в первый же вечер сели и стали слушать музыку — конкретно альбом *AWB*, последний на тот момент у группы Average White Band. Затем я снова отправился в турне, в которых безвылазно проводил недели. С Амандой я был предельно честен: сразу посоветовал не задавать вопросов о том, что происходит в туре, если она не хочет знать правду. Но она сама знала этот мир и относилась ко всему этому совершенно равнодушно. Не зря же она же продвинулась от осветителя до члена группы.

В турне ты в определенной изоляции. На нашем уровне мы не контактировали с другими группами. За исключением группы Rush, мы ни с кем особо не общались. Но даже если б захотели общения, то сделать нам это было бы трудновато, поскольку у нас каждый день только на грим уходило по два часа. А поскольку мы постоянно давали концерты, то даже с теми музыкантами, которых знали, общались через вторые руки, новости о них получая от группи, которые спали с ними в этом городе неделю назад. «О, Queen тут будут на следующей неделе?» Именно этот вопрос, помню, задал я одной своей гостье в Кентукки. «А ты

будешь с Роджером? Передай привет ему от меня».

От тур-менеджера и команды требовались такие усилия, что обычно они выдерживали очень недолго. Конкретно тур-менеджеры менялись постоянно. Мы с этими ребятами тусовались, но поскольку сама должность — как проходной двор, то по-настоящему подружились всего с несколькими. Жены и подруги становились каким-то абстрактным понятием — мобильников тогда не было, а звонить из отеля выходило очень дорого. Даже автоответчиков и сервиса ожидания вызова тогда не существовало, так что шансов поймать кого-нибудь было немного. Мы жили как в аквариуме.

И все-таки когда мы снова находились в турне, конфликтов в группе возникало меньше. С одной стороны, в этих условиях мы должны были функционировать как единое целое. С другой — вопреки всем личным проблемам, наличие доступных женщин все сглаживало очень приятным образом. Да и в любом случае — играть на сцене рок-н-ролл было моей мечтой. Мы, ясное дело, зарабатывали всего шестьдесят долларов в неделю — Билл положил нам такую зарплату, но мне платили за рок-музыку. *Она была моей работой.* Каждая неделя в турне — это минус неделя работы таксистом или телефонистом.

Вопреки тому, что наша карьера явно шла в гору, рост продаж *Hotter Than Hell* остановился довольно быстро. Вообще этот альбом продался лишь немногим лучше, чем дебютный. Ситуация сложилась более жесткая, чем мы ожидали.

Однажды днем, снова оказавшись в Нью-Йорке на день-два, я поехал в Манхэттен пообщаться с Биллом в его офисе. Хотел попросить прибавки к жалованью. Я почему-то решил, что нам надо приплачивать еще по десять баксов в неделю к тем шестидесяти, что мы получали уже целый год. Я вошел в кабинет, сел напротив Билла, а Билл сидел в своем кресле, положив ноги на стол. У него в ботинке я заметил дырочку, заклеенную скотчем. И на свитере его зияла дырочка.

Подумал — ну и ладно.

Что я мог знать о том, что долг Билла по его кредитной карточке составил уже четверть миллиона долларов — ими он профинансировал наши туры, а компания Casablanca уже дошла до грани банкротства. «Ну, чего сказать-то хочешь, Пол?» — спросил меня Билл. «Да ничего, ничего, — соврал я. — Просто поболтать зашел». Когда я увидел Билла, то убедился на сто процентов, что мы все в одной лодке. Он ведь тоже приносил жертву тому, во что верил. Так что остался я при своих шестидесяти долларах в неделю.

К счастью, тот факт, что мы взбирались по лестнице

концертной иерархии вверх, побудил компанию Gibson снабжать меня гитарами бесплатно. Для этого мне только и нужно было, что позвонить в компанию и попросить инструмент. А потом, когда я заезжал в Нью-Йорк, я распаковывал грузовую упаковку и вез гитару на метро на 48-ю улицу. Новенькие Marauders, которые они мне присылали, я сдавал в музыкальный магазин, чтобы получить хоть какие-то деньги на оплату квартиры.

Когда 1 февраля 1975 года KISS играли в Городском центре Санта-Моники в качестве спецгостя перед Jo Jo Gunne, на нас пришел посмотреть Нил Богарт, который перенес Casablanca в Лос-Анджелес. За кулисами он нам сказал: «Альбом ваш перестал продаваться. Все, *Hotter Than Hell* — покойник. Заканчивайте тур и возвращайтесь в Нью-Йорк записывать следующий».

У нас уже была одна законченная песня — по моему твердому убеждению, совершенно особенная. Несколько недель назад Нил сформулировал одну важную идею гораздо яснее, чем мы сами: «Вам нужна такая песня, которая будет собирать ваших фэнов, которая будет про ваше кредо. Вроде как «Dance to the Music» у Sly and the Family Stone. Ну, чтоб люди все в едином порыве поднимали кулаки вверх».

В тут ночь я взял гитару с собой в номер Continental Hyatt House и принялся за работу. Довольно быстро у меня придумались аккорды и несколько строчек припева: «Я хочу рок-н-ролл всю ночь и вечеринку каждый день».

И я понял: вот он, идеальный боевой клич.

Я дошел до номера Джина, постучал. «Что думаешь?» — спросил, наиграв ему идею. «У меня, — ответил он, — есть песня под названием “Drive Me Wild”, но там только куплеты, припев не придумал». А там у него такие слова были: «Ты показываешь нам все, что у тебя есть, ты нас заводишь, мы тебя сводим с ума». Эти куплеты мы совокупили с моим боевым кличем.

Когда мы с Джином досочинили песню, я прямо ясно увидел толпу, подпевающую и вскидывающую кулаки.

Вот это будет рок-н-роллльный гимн страны.

25

И мы незамедлительно вылетели в Нью-Йорк, чтобы записать *Dressed to Kill*. Это было в начале февраля 1975 года. И Нил поехал, потому что решил самостоятельно продюсировать альбом, без Ричи и Кенни в третий раз.

Некоторые песни мы с Джином сочиняли утром, а днем приходили Эйс с Питером их записывать. Запаса у нас не было почти никакого, только «She» и «Love Her All I Can», так что выбирать особо было не из чего. В дороге мы сочиняли очень мало. Когда ты стоишь перед выбором чем заняться: бренчать на гитарке, что-то сочиняя, или же жарить чувиху из «Курятничка», то ты колеблешься недолго.

Мои песни типа «Room Service» — это вообще практически дневник, именно такой жизнью я тогда и жил. Засунуть всем — это уже не было фантазией, как на первом альбоме. Жизнь в турне оказалась именно тем, о чем я фантазировал, и даже гораздо большим. Любые женщины текли рекой. Любые… Сами рады, сами с удовольствием, и не спрашивай, как зовут. Радость в голосе в «Room Service» совершенно реальная, настоящая — я праздновал эту нашу прекрасную жизнь. Я ею наслаждался.

«C'mon and Love Me» пришла ко мне дома вполне естественно — это просто поток мыслей.

Она танцовщица, чаровница,
Я Козерог, она под знаком Рака.
Мое фото видела в музыкальном журнале,
Встретив в жизни, сказала: «Ты мой»,
Дотронулась до бедер, сказала, что позволит…

Вот так писать, не думая, не оттачивая, — к этому невозможно возвращаться. Это письмо без правил, без размышлений, без доказательств и ответственности по отношению к кому-либо. Мне кажется, со временем ты становишься более техничным автором песен, но это совершенно не значит, что песни, которые ты теперь пишешь, выходят лучше. Да, это был наш третий альбом, но все три делались в течение примерно года, так что мы еще были вправе не знать правил и не разбирать тексты под микроскопом. Текст «C'mon and Love Me» создавал эффект этакого текущего ритма. Позже, став старше, я

подобное написать уже не мог и не написал бы даже под дулом пистолета.

Один парень в студии, который работал с группой Bachman-Turner Overdrive, рассказал мне, что BTO в микс добавляют акустические гитары, чтобы электрические приобрели более индивидуальное звучание. Мы попробовали так сделать на записи песен «Room Service» и «Anything for My Baby» — тоже сыграв на акустических гитарах, чтобы появилась чистота и ясность. В действительности в тот момент мы просто хватались за любые соломинки — за все что угодно, лишь бы добиться желанного звучания. Казалось, это так просто — создать такой звук, который у нас в головах и на сцене!

Хотим одного: на концерте звучать как на альбоме!

А Нил не очень-то усердствовал. Он в основном сидел в комнате и старался изо всех сил не допустить, чтобы мы записали лишний дубль. Не потому, что он считал, что в первых дублях сохраняется некое особое настроение, а просто чтобы не тратить лишнее студийное время, сэкономить деньги и вообще сделать альбом как можно быстрее. Помню, сыграл я откровенно слабо, и реакция Нила: «Ага, нормально. Пойдет». «Нет уж, — возражаю. — Это точно надо переделать».

Весь альбом мы записали дней за десять — получился он минут на двадцать восемь. Большинство песен сильно короче трех минут. В оригинальном издании на виниле расстояние между дорожками очень широкое — так сделано просто для того, чтобы альбом казался длиннее, чем он есть на самом деле.

Примерно через две недели после окончания студийных сессий Casablanca напечатала тираж и выпустила альбом. Через несколько дней по выходе *Dressed to Kill* — 21 марта 1975 года — мы сыграли концерт-возвращение, наш камбэк на родину, в манхэттенском Beacon Theater. Менее чем за два месяца до того мы разогревали Jo Jo Gunne в Санта-Монике, после чего нам и сказали делать новый альбом, а теперь вот в Beacon Jo Jo Gunne разогревали нас.

Beacon для нас означал шаг наверх. Очень многие залы, в которых мы играли в первый год, были переделанными кинотеатрами или театрами-варьете. Например, Tower Theater в Филадельфии, Paramount в Портленде и Orpheum в Бостоне. Кстати, мой любимый Fillmore East, который к тому времени уже закрылся, тоже начинался как еврейский театр. Все это были отличные театральные помещения с великолепной акустикой, но по размеру — как половина Beacon. А Beacon настолько велик, что делавший наш концерт нью-йоркский промоутер Рон Делсенер согласился провести его, только если не должен будет

выплатить аванс. Он не рассчитывал, что продаст столько билетов, чтобы покрыть гарантию. Но из касс билеты разобрали так быстро, что спрос можно было удовлетворить единственным способом: запланировать два концерта. В один вечер.

И вот с этими двумя концертами, в которых мы были хедлайнерами, мы чувствовали себя вернувшимися на родину героями. Уезжали мы мальчиками, вернулись мужчинами. Да мы и стали теперь другой группой, куда как более опытной, с таким количеством поклонников, о котором многие, в том числе и наш нью-йоркский промоутер, не подозревали. Прямо парад победы у нас получился.

Но не для Куинса. Мои знакомые там знать не знали про нашу группу. Я считал, что если мы собрали дважды Beacon, то мы самая успешная группа Нью-Йорка, но при этом очевидно же, что группа наша не звучала из каждого утюга и не каждая домохозяйка наши песни знала. Да, мы этакая культовая, что называется, группа, но не более. Я очень гордился тем, что на наш концерт пришло много знаменитостей и музыкантов других групп — мы стали крупной командой в городе. И теперь они все пришли нас послушать.

Но мир манил по-прежнему. Я считал, что мы дошли только до первого перевалочного пункта на пути к вершине горы. Я и не думал, что именно это и есть вершина, я запланировал, что мы станем суперзвездами. Но это — шанс оглянуться, оценить пройденный путь.

После первого концерта я очень устал. Пошел в гримерку поправить грим. Подумал, что проще будет подрисовать глаз, высушить волосы и одежду, чем снова одеваться и краситься. После концертов у нас не было времени на размышления, так как на следующий же день мы поехали в Огайо.

Тур продолжался, и ситуация перевернулась: теперь многие группы, которых мы разогревали в прошлом году, сами стали нашими специальными гостями. Это были Slade, Uriah Heep, James Gang, перед нами выступали также новорожденные малютки типа Styx, Journey и Montrose.

Но никакого постоянства в этом не наблюдалось. Однажды в пенсильванском Уилкс-Барре нам на разогрев поставили жонглера-циркача. Он гонял на одноколесном велосипеде, а публика бросала в него монетки — хотела, чтоб он свалился. Я, конечно, в 60-е и в начале 70-х видал всякие странные сочетания на афишах, вроде Led Zeppelin и оркестр Вуди Германа. Это типа считалось типа круто. Но вот выпускать на сцену перед KISS какого-то бедолагу на велосипеде? Худо открывать обычной группе наш концерт.

Летом 1975 года нас все еще в отдельных случаях ставили на разогрев. Например, к Black Sabbath и Rare Earth. Правда, в этих случаях речь шла о гигантских залах. Первый концерт с Sabbath — десять тысяч человек в балтиморском Городском центре. Но опять-таки, как и в прошлом году, вне зависимости от того, на разогреве мы или хедлайнеры, мы делали абсолютно полноценное шоу группы KISS. И с пиротехникой, и с большим логотипом KISS на заднике. Кстати, в тот вечер в Балтиморе наш символ не сняли и не прикрыли, и получилось, что Sabbath играли на фоне надписи KISS.

На следующий вечер мы должны были снова играть с «саббатами», на сей раз в Провиденс, Род-Айленд. И люди «саббатов» нам сказали: «Сегодня чтобы у вас не было никакой пиротехники». «Ну, отлично, — говорим мы, — сейчас, значит, едем в отель, выступать не будем, а вы, если передумаете — знаете, где нас найти».

Или так, или никак — наш принцип. Мы считали, что просто обязаны делать шоу группы KISS, а если нельзя, то на самом деле готовы были вообще не выходить на сцену.

Через некоторое время после того, как мы вернулись в отель, зазвонил телефон. «Ну ладно, ладно, возвращайтесь на площадку, делайте свое шоу как хотите».

В этот период у Билла Окоина появился некий план. *Тот самый* план. Как концертная группа мы имели огромную бешеную фанбазу, мы иногда играли в качестве хедлайнеров, особенно в центре страны, но это все никак не отражалось на очень средних продажах наших альбомов. *Dressed to Kill* продался тиражом в 120 тысяч экземпляров, что лучше, чем 90 000 у *Hotter Than Hell* и 60 000 у дебютного *KISS*. Но это ничто по сравнению с теми толпами, которые мы постоянно видели на наших концертах. Так где разрыв? Что вообще происходит?

Да просто на альбомах у нас звук не тот, что на концертах.

Так вот Билл и презентовал свой план: записать живой концертный альбом, воспоминание о нашем шоу, на которое народ теперь валом валил. За образец мы взяли концертник Uriah Heep, который помог продвинуться этой британской группе. Тот альбом принес желаемый результат в Британии, но в США пока никто не рассматривал идею концертных записей, благодаря которым взлетает рок-группа. Это все было еще до живых альбомов, обеспечивших карьеры, например, Питера Фремптона, Cheap Trick и Боба Сегера, это если вспомнить навскидку.

Поскольку у нас как у группы отсутствовал один элемент, а именно альбом, который представлял нас наиболее адекватным образом, идея Билла попала в самую точку. Продюсировать

живую запись мы наняли Эдди Крамера. Биллу удалось нанять фотографа Фина Костелло, который работал над вышеупомянутым альбомом Uriah Heep, а название *Alive!* мы позаимствовали у концертника Slade. Итак, все лето 1975-го мы записывали наши концерты, начав с аншлагового Cobo Hall в Детройте, где Костелло заснял аудиторию — между прочим, двенадцать тысяч человек, для обратной стороны обложки. Лицевую сторону конверта пластинки мы тоже сняли в Детройте. Мы проехали до Мичиган-Пэлас, места, где прошли наши лучшие ранние концерты и находилась репетиционная база, на несколько дней для подготовки к записи концерта в Cobo.

Люди спорили, насколько *Alive!* чисто концертная запись, или же она потом улучшена. Ответ прост: она, безусловно, улучшена. Но не для того, чтобы что-то спрятать и всех обдурить, а просто — ну кто захочет бесконечно слушать ту или иную ошибку? Или расстроившуюся гитару? Ради чего? Ради истинности? На концерте ты слушаешь и смотришь, и ошибка, прошедшая незамеченной в зале, на пластинке будет жить вечно. Мы, собственно, хотели добиться звучания как на нашем концерте, и что для этого требовалось, то мы и сделали. Взрывчики усилили записью звуков палящих пушек, потому что в зале они так и звучат. Публика завелась, слушатель тонет в толпе. Только так можно было воссоздать наш стероидный концерт. Мы понимали, что люди, которые отрывались вместе с нами на концерте, хотели слышать то, что они запомнили и прочувствовали.

Мы также сделали, чтобы толпу было слышно сквозь музыку — ну, как на концерте. Просто в то время большинство живых альбомов звучали так, как будто они записаны в студии, а аплодисменты появляются только на коде, в паузах между песнями. Но мы хотели запечатлеть именно атмосферу концерта. И вот задняя сторона конверта — дань уважения тем фэнам, которые так шумели, что превратили все те шоу в гигантскую веселую тусовку.

Для альбома *KISS Alive!* мы не смогли бы выбрать лучшего продюсера, чем Эдди Крамер. Его совершенно блистательная работа в студии и инновации в улучшении записи — это не просто нечто потрясающее, это настоящие открытия. У него на кольцах пленки, иногда длиной по двадцать футов, были записи разной реакции публики. Петли эти растягивались на микрофонных стойках; вы не услышите нигде одинаковых криков толпы. И вот всеми этими стойками с петлями он уставил студию, и мы могли включить какую угодно реакцию публики — от шепота до криков. Я бы сам, понятно, никогда до такого не додумался — ну, чтоб нарезать пленки, крутить их постоянно, и

по желанию включать/выключать любую реакцию публики, просто подняв их или опустив. Просто гениально.

Когда мы уже наносили финальные штрихи, одним из поводов для раздора стало барабанное соло — затянутое и скучное. Солирование вообще не было сильной стороной Питера — он чаще звучал как Рики Рикардо на бонгах, чем как рок-барабанщик, выколачивающий достойную сольную партию. Плюс к этому соло, которое в концерте было центральной частью, мощной скрепой (из-за связки с шоу и реакцией публики), в альбоме может прозвучать ну очень тупо. Так что эту часть мы сократили.

— Не вернете соло, — пригрозил Питер, — уйду из группы.

Вздохнули.

Привычная канитель.

Результат — почти всё шоу, такое, как мы делали на том этапе, — передавал звуковую притягательность концерта группы KISS. Наконец мы сделали запись, слушая которую, переносишься на концерт. Гигантский шаг, отделяющий ее от трех первых студийных альбомов.

Дизайн тоже получился отличным. Фото аудитории, фото группы практически со всеми нашими сценическими эффектами, и слово каждого участника группы поклонникам. Мы написали эти текстики, чтобы представить характеры Звездного мальчика, Демона, Человека-кота и Космического путешественника. Мой персонаж, понятно, всегда был очень ярким, и свой текст я выстроил так, чтобы не дать ему гендерную определенность. Она адресовалась широкой аудитории. Когда я писал фразу: «Дорогие любовники, ничто не возбуждает меня более, чем видеть, как я вас завожу», я понимал, что из нее можно вычитать про любовь гетеросексуальную, гомосексуальную и бисексуальную. Меня эти поверхностные суждения не страшили. Я вообще воспринимал как комплимент то, что меня все находили привлекательным, все меня хотели независимо от пола и сексуальной ориентации. Никакой угрозы своей мужской природе и личности я не видел. Если б я был геем, то я совершенно точно этого бы не стыдился и не скрывал, но дело в том, что я не гей. Мне с моей сексуальной ориентацией комфортно настолько, что меня не отвращает ни андрогинность, ни уязвимость. В моем персонаже, по крайней мере. Уязвимость, тонкость — не то, что я показывал вне сцены. Слишком неуверенным в себе был еще.

В турне после выхода *Alive!* лежал однажды ночью в отеле в постели с женщиной. Она вдруг поворачивается ко мне и говорит так удивленно: «А мой парень считает, что ты гей». «Ну, — говорю, — предупреждение его явно не сработало: ты ж не

устояла».

26

С выходом *Alive!* все изменилось. По ощущениям — как смотреть на закипающую воду, которая вот-вот круто забурлит. У нас так же — вот-вот, и все понесется со страшной скоростью. Публика на концертах — прямо наэлектризована. В 1975 году наши концерты — реально проходили в каком-то религиозном экстазе.

До того момента у нас шел постепенный прогресс, так что я никогда не ставил под сомнение, что в конце концов мы добьемся многого. И несмотря на серьезные финансовые проблемы, масштаб которых я в то время, похоже, недооценивал, я вообще не волновался за то, что из-за слабых продаж альбомов группа распадется. Но с другой стороны, становилось уже все меньше знаменитых групп, с которыми нам можно было бы выступить. Мы бесили хедлайнеров нашим диким шоу, так что возможности наши скукоживались.

И тут вышел *Alive!* — и нам словно все двери распахнулись. В одну ночь игра поменялась. Внезапно мы стали работать в статусе хедлайнеров на таких огромных площадках, на которых не выступали даже на разогреве. Я поначалу нервничал, поскольку еще не приобрел опыт общения с двадцатью тысячами человек. Но как только понял, как себя вести, то нервы накручивались у публики, а не у меня. Поначалу пришлось учиться взаимодействовать со зрителем в последнем ряду. Я должен был ухитриться аж дотуда донести всю энергию нашего шоу / цирка / религиозного собрания, которой мы так гордились. Чем больше публики — тем труднее твоя работа: все надо умножать на двадцать тысяч. И я чувствовал себя помазанником на такой подвиг.

Пустите меня к ним,
Хочу быть тем, чего они желают.
Хочу быть Звездным Мальчиком.
Хочу, чтобы мы были KISS.
Хочу показать им, что мы точно те, кем они нас считают.

От меня потребовалось некоторое время проб и ошибок, но вскоре я понял, что могу. Я даже думал, что на самом деле у меня это чертовски хорошо получается.

Разница между человеком, который только что получил

лицензию на управление самолета авиалиний, и пилотом с большим стажем в том, что первый умеет управлять самолетом, а второй знает, что делать в любой ситуации. Я быстренько столько часов налетал, что меня уже ничего не беспокоило.

Говорит капитан вашего самолета, вы в надежных руках.

Когда я там вышел на сцену, то реально завелся, увидев, что в зале все тоже возбуждены. Наши зрители всегда стояли на ушах, и мы ликовали вместе с ними. Наша радость соответствовала радости фанатов, а они избавляли меня от неуверенности и неудовлетворенности. Все мировые проблемы — и наши, и их — никуда не денутся, завтра мы снова с ними столкнемся, но сегодня давайте-ка повеселимся!

А еще мы в наш тур пригласили нескольких моих кумиров. Осенью 1975 года нас разогревали и Slade, и Wizzard — группа Роя Вуда из The Move. Группа Роя Вуда создавала некий очень странный вариант «стены звука», придуманный Филом Спектором. Их басист выходил на сцену в роликовых коньках. Группу Wizzard наши фанаты освистали и согнали со сцены. Я потом сказал Рою, какое он колоссальное влияние на меня оказал, но после освистывания он чувствовал себя в таком шоке и даже ничего мне толком не ответил, что меня огорчило. После первого концерта со Slade мы все остановились в Chattanooga Choo Choo Hilton, отеле, в котором, согласно названию, номера — прямо настоящие старинные железнодорожные вагоны, выставленные на путях за основным зданием. Надо сказать, что я всегда был большим фанатом Slade, до такой степени, что моя оклеенная битым зеркалом гитара — это на самом деле идея певца/гитариста Нодди Холдера, который носил зеркальный цилиндр. В общем, я зашел в вагончик Нодди, а он там лежит в совершеннейшем бреду. Так накачался, что ни встать, ни даже сказать что-либо не может. В горизонтальном положении твои идолы уже не кажутся такими гигантами.

У нас выдалось несколько свободных дней, и мы в самой середине всей движухи улетели в Нью-Йорк. Дома в Куинсе я в шкафчике в спальне обнаружил несколько охотничьих ружей.

Ой, это что за хрень?

Просто пока я был в туре, моя девушка Аманда задружилась с какими-то мерзотными типами. Ну, вот они и хранили ружья у нас дома. *Молодцы, что*. Я-то сам еврейский мальчик из Куинса, я в жизни видел только ружья, из которых по куклам в тире стреляют во время карнавала. Аттракцион такой. У этих ружей еще пуля к стволу веревочкой привязана. А Аманда явно уплывала в какую-то иную жизнь.

Аманда мне проболталась, что как-то ее Джо Намат из клуба

ночью подвез домой. Я сразу не придал значения, но потом меня осенило: Джон Намат не будет везти девушку домой только ради того, чтобы поцеловать на крылечке ее в щечку. Нет, я сам лично никогда не врал о своих похождениях во время тура, поскольку я повторял мантру: «Не спрашивай о том, что происходит в турне, если не хочешь узнать правду». Но мне почему-то никогда в голову не приходило, что у нее может быть такое же отношение: не спрашивай меня, что происходит *дома*, если не хочешь знать правду.

Ну, я ей и сказал, что между нами все кончено, хотя, конечно, получилось половинчатое решение с моей стороны — она все равно присоединилась ко мне, когда я переехал на Манхэттен, сняв квартиру на восточной 52-й улице. Мы с ней никогда не делали вид, что у нас любовь, мы были только приятелями по постели, больше ничего. Но вот пришло время белье сменить.

Новые мои апартаменты располагались в высоком шикарном здании на улице, которая кончалась тупиком у Ист-Ривер. Здание это только что достроили. Когда я выбирал там жилье, мне предложили две квартиры. Одна на двадцать первом этаже за 510 долларов в месяц, вторая — на двадцать шестом этаже, с роскошным видом и за 560 долларов. Несмотря на наш недавний взлет, полтинник баксов ощущался как крупная разница. Я снял на двадцать первом.

Эта новая квартира — материальное доказательство того, что я поднялся. Я поехал в Масу's и купил там мою первую мебель — большой диван в форме буквы L, обитый зеленым бархатом, а также лампу, большую и круглую, которая свисает со стальной подставки. Очень круто это все выглядело.

Еще одно изменение после успеха *Alive!* — отели. Мы теперь селились уже не в Holiday Inn'ах, а могли себе позволить «Шератоны». А в «Шератонах» в номерах дают полотенца с вышитой буквой «S». Каждый раз, когда в турне случался перерыв и можно было поехать в Нью-Йорк, я упаковывал эти полотенца в чемодан. Так в моей новой шикарной квартире скоро образовался целый шкаф, набитый полотенцами с монограммами.

Биллу, как только дела наши продвинулись и он смог начать выплачивать свой личный гигантский долг, нравилось смотреть на то, как роскошно мы живем в турне. Мы тоже наслаждались этой жизнью, правда, до тех пор, пока не увидали счета и не стали поумнее. Вот, например, персонал теперь спрашивал нас, какие напитки принести нам в гримерку. Ну, само собой — шампанское, чего еще просить-то?

Это ж так круто — шампанское! Заказывали несколько бутылок этого вина с пузырьками, будучи не в курсе, что его

включат в наш счет. Но это было весело, и, кроме того, ну кто ж знает, сколько это все продлится?

Мы, конечно, не были прирожденными бизнесменами. Что бы там ни говорили мифы и легенды, но были мы совершенно зелеными и ничего не знали о том, из чего складывается бюджет турне и как получается итоговая сумма. Мы верили, что люди, окружавшие нас, кристально честны и живут нашими интересами. Годы ушли на то, чтобы разобраться, что к чему, и попытаться по-другому вести дела.

Но, какова бы ни была реальность, в это время я чувствовал мощный приток сил.

Однажды, будучи на пару дней в Нью-Йорке, я поехал на 48-ю улицу купить что-то в музыкальном магазине. Почувствовал странность ситуации: мы прославились почти за одну ночь, но почти никто не узнавал нас без грима. Я спокойно ходил по улицам, заказывал чашечку кофе в кафе, даже в газетных киосках листал музыкальные журналы с группой KISS на обложке. На 48-й улице, конечно, обстояло по-другому. Я выглядел не как все со своими иссиня-черными волосами и уличным вариантом ботинок на семидюймовой платформе, которые я всегда носил. Наверное, там, где столько музыкальных знатоков-фанатиков, люди быстро соображали, что к чему, когда видели парня ростом шесть футов восемь дюймов с россыпью иссиня-черных локонов. *Если этот парень не из группы KISS, то, наверное, в город приехал цирк.*

Я взял пару упаковок струн, еще чего-то, пошел на кассу. А владелец магазина сказал, что с меня денег не возьмет. Я не понял, в каком смысле. «За наш счет, не парься», — объяснил он.

Ирония от меня не ускользнула.

«Я могу себе это позволить, — сказал я. — Могу оплатить. А ты лучше бесплатно что-нибудь отдай тому парню, которому это на самом деле нужно».

27

В канун нового 1975 года мы выступали в качестве хедлайнеров на Nassau Coliseum на Лонг-Айленде, Нью-Йорк. Ровно два года назад мы играли в Новый год в качестве разогрева у Игги Попа и Blue Oyster Cult в Академии музыки. А в этот раз Blue Oyster Cult разогревали нас. Дела реально шли в гору.

На том концерте за кулисами нас наградили золотым альбомом — собственно, такого статуса достиг *Alive!*, продавшийся с сентября в количестве более чем 500 000 экземпляров. Все, чего мы достигли за этот год, так или иначе отвечало моим фантазиям: стать хедлайнерами, останавливаться в крутых отелях, снять квартиру на Манхэттене… но вот получить золотой диск — это прямо исполнение святой детской мечты, ведь «золото» получали Элвис, битлы. А теперь и *я*.

А вот жизнь радовала меньше. Перед следующим маршрутом тура у нас образовались примерно две недели отпуска, и я поселился дома на 52-й улице, с Амандой, которая уже тихо сходила с ума. В этот раз я заметил у нее на руке следы от уколов. Она тут задружилась с какой-то супружеской парой, которая возила в страну наркоту — товар высшей лиги, и я понял, что в таких отношениях даже комфортного сожительства уже не получится. Мне не хотелось, чтобы тут снова складировали ружья. Не хотелось слышать телефонные сообщения о том, что груз прибывает. И с наркоманкой рядом быть тоже не хотелось. И тогда я ей сказал: «Все кончено, уезжай».

А она не захотела.

Пришлось мне в последнюю свободную неделю перед новым отрезком тура переехать в пустую квартиру Билла Окоина. Я не очень понимал, зачем он содержит квартиру, в которой не живет, но какое мне, в общем-то, до этого дело. Перед моим переездом мы с Амандой ругались несколько дней, а когда я выходил из здания, то привратник мне сказал: «Мистер Стэнли, она говорит, что сейчас выпрыгнет из окна».

«Скажите, пусть только не на меня приземляется», — сказал я и пошел дальше.

Вскоре мы возобновили тур. Я позвонил матери Аманды и сказал, чтобы она слетала в Нью-Йорк и забрала Аманду, пока я отсутствую.

31 января 1976 года KISS выступали хедлайнерами на Hara Arena в Дейтоне, Огайо. Перед концертом я слышал низкий бубнеж — это значит, что собирается большая толпа. Радость.

Я каждый вечер спрашивал тур-менеджера: «Как у нас дела

сегодня?», и с тех пор как *Alive!* взлетел, менеджер долгое время отвечал, что «хорошо». А в этот вечер он ответил: «Аншлаг».

Мы вчетвером дико обрадовались, поняв, что вышли на новый уровень. Мы стали настоящими хедлайнерами, на которых ходят. KISS стала теперь одной из *тех групп,* тех самых, на кого мы равнялись. Всё, нас признали.

До нашего выхода сцена всегда была закрыта занавесом. Не тем, конечно, с навороченным кабуки, который у нас сейчас, но занавес был всегда. В тот вечер в Дейтоне я его приоткрыл и чуть высунулся. Мест — нет. Битком. Энергия толпы просто-таки пугала. Я почувствовал тревогу где-то на уровне живота — такое же чувство, как когда на американских горках кабинка медленно взбирается на первый горб. Вот чем была для меня Hara Arena.

На следующий вечер на мой вопрос о том, как у нас дела, тур-менеджер снова ответил словом «аншлаг». И послезавтра, и послепослезавтра, и так потом каждый вечер — мы вдруг везде стали давать аншлаговые концерты. Для нас это уже стало обычным делом. KISS стала группой, которая каждый вечер собирает полные стадионы. Как только шлюзы открылись, все понеслось очень стремительно. Все это время напряжение нарастало, теперь оно взорвалось. И нет пути назад.

Афиши с двумя моими любимцами: Бобом Сегером и группой Rush, 1975–1976 годы

А я тем не менее все еще оставался ребенком. Мне было двадцать четыре года, и мое понимание и осознание того, что происходит, нельзя было назвать зрелым и глубоким. Да, все это было очень круто и совершенно невероятно. Да, все происходило так, как я планировал и предвидел. Но когда это начало происходить в реальности, успех группы оказался совершенно ошеломительным. И я испугался.

«Американские горки», что я испытал в Hara Arena, стали ощущаться более или менее всегда и везде: меня словно везли вверх по огромному холму; я понимал, что рано или поздно мы доберемся до самой вершины, и потом начнется стремительный спуск вниз — с криками и без контроля. Я прямо-таки чувствовал вот это напряжение в пути к вершине холма, и я понимал, что мы уже прошли точку невозврата. Мне оставалось только сильнее ухватиться.

Проблема заключалась только в одном: за что именно я мог бы ухватиться?

А ни за что. Не было у меня ничего такого. Никаких эмоционально значимых вещей в моей жизни.

От парней из группы тут помощи не жди. Мы теперь все жили в мире жертв славы. Наркотики предлагались просто как знак дружбы. Каждый. Божий. День. Люди разрушали себя. Люди себя обдалбывали до бесчувствия. Люди умирали. Я, существо неуверенное в себе, испугался, что паду жертвой этих соблазнов. Включилось чувство самосохранения.

Мне понадобится нечто, за что я смогу крепко держаться.

Все могло покатиться по наклонной в любой момент вне зависимости от того, готов я к этому или нет.

И тут я вспомнил доктора Джесса Хилсена.

В те времена люди относились к терапии как к «костылям», считали ее признаком слабости. Я сам на это повелся, перестал ходить в Mount Sinai, как только жизнь слегка наладилась — когда собрались Wicked Lester. Мне просто хотелось верить, что со мной все в полном порядке.

Но не все и не в полном. Итак, я позвонил в Mount Sinai. Оказалось, что доктор Хилсен оттуда уволился и начал частную практику. Но я его нашел. «Моя группа вот-вот станет очень популярной и успешной, — объяснил я ему проблему. — И я не знаю, смогу ли я с этим справиться. Мне нужен спасательный круг».

Я принял решение выжить.

Возможно, терапия поможет мне устоять на земле крепко, на моих семидюймовых каблуках.

Часть III. Со мною всякое бывало

28

В начале 1976 года, когда мы только готовились записывать следующий студийный альбом, Билл Окоин сказал нам: «Вот вы можете либо отнестись к *KISS Alive!* как к подкидной доске, с которой запрыгнете на уровень повыше, либо вы вернетесь к тому, что делали до него, и навсегда останетесь героями одного хита».

Звучало справедливо. Вернуться к тому, что мы записывали ранее, действительно казалось глупостью. В конце концов, до *KISS Alive!* ничто не сработало, так почему сейчас-то будет по-другому? Люди не покупали наши первые студийные альбомы, потому что им не нравилось их звучание, в звучании этом был какой-то внутренний изъян, но я не мог показать пальцем и сказать: вот он.

Билл выступил с предложением пригласить продюсером Боба Эзрина. Боб уже прославился благодаря великолепным альбомам Элиса Купера, и он доказал, что его музыкальный словарь очень богат. То есть со стороны Билла пригласить его — блестящий ход. Боб — это дар.

Да, в резюме у нас был очень успешный альбом, но и сейчас мы знали лишь немного больше, чем до того как *Alive!* стал хитом. Тем не менее компашку молодых парней, которые считали себя круче чем яйца, поначалу немного раздражало то, что в студии надо работать с человеком, который обращается с ними как с детьми. Когда мы только начали работать над тем, что потом стало альбомом *Destroyer*, Боб сразу объяснил нам, кто здесь босс. На шее у него висел свисток, нас он называл «туристами». Он заявил нам, что мы ничего не знаем, что было чистой правдой. Он приказал играть до тех пор, пока он нас не остановит, ни в коем случае не меньше. Джин однажды сам закончил играть — в финале песни, но задолго до фэйда. Боб встал, прошел в комнату для записи, приставил палец к носу Джина — тот даже глаза скосил — и проорал: «Никогда, слышишь, никогда не переставай играть, пока я тебе не скажу стоп!» По лбу Джина сбежала капля пота. Больше он не останавливался без команды.

Такое, конечно, унижало — мы же считали себя подарком Господа Бога рок-н-роллу и наконец-то выпустили альбом, который это подтвердил: *Alive!* к тому моменту стал платиновым. Но Боб, ясное дело, знал намного больше, чем мы. Он учился, у него был опыт. Его стоило уважать. И нас он научил очень многому.

Одной из самых важных задач было не писать песен в стиле «трахни меня — отсоси у меня». «Вот чтоб больше никаких “я рок-звезда / отсоси у меня”», — убеждал он нас. А когда мы придумывали тексты песен, он совершенно спокойно мог заявить: «Нет, это мне не нравится».

Если бы Боб так не поднял ставки в игре, я бы никогда не сочинил текст типа «Detroit Rock City». Он помогал нам прыгать гораздо выше нашей планки.

Во время записи альбома Боб проживал в доме, который располагался прямо напротив моего на 52-й улице, — только дорогу перейти. У него там стоял рояль, и, когда мы не работали в студии, я там у него проводил много времени. Иногда мы с Джином приносили туда усилители и работали. Песню «Shout It Out Loud» мы сочинили в квартире Боба.

Рифф в песне «God of Thunder» отражает то, как мое ограниченное мастерство гитариста помогало создавать песни уникальные и легко узнаваемые. Дело в том, что этот конкретный рифф родился как компромисс между тем, что я слышал у себя в голове, и тем, что на самом деле мог сыграть. Другой пример такого рода — «I Want You», которая потом вошла в следующий альбом.

Иногда Боб усаживал нас кружком в репетиционном пространстве и спрашивал: «Так, у кого идея есть? Что для куплета? Партия есть у кого-нибудь?» Кто-то что-то наигрывал, он говорил: не годится. Потом кто-нибудь наигрывал что-то другое, и Боб кричал: «Ага, вот это хорошо! Другая часть у кого есть?» Очень многие песни так вот родились — по кусочкам, сшитыми Бобом, с его вкладом.

Пока мы перебрасывались идеями, Питер сидел за барабанной установкой. Когда доходило до аранжировки готовых песен, Боб часто предлагал конкретные партии. Поработав с ним, я гораздо лучше понял альбомы Элиса Купера, увидел подход Боба. Я вдруг стал слышать его барабанные рисунки и басовые партии. Я их узнавал благодаря нашему материалу, такому как, например, басовая линия в «Detroit Rock City», — ее именно Боб сотворил. А эта партия баса похожа на «Freddie’s Dead» Кертиса Мейфилда. А в «Detroit Rock City» даже гитарное соло придумано Бобом — он его напел Эйсу и заставил Эйса эти ноты снять на слух и повторить на гитаре.

В таких вещах Боб был просто бесподобен.

Когда дело дошло до барабанов, тут мы столкнулись с серьезными трудностями. Боб адскую уйму времени потратил на то, чтобы обучить Питера его партиям. Боб придумал все барабанные партии для всех песен альбома и отпустил нас

погулять на несколько часов, чтобы разобрать их с Питером. Конкретно в «Detroit Rock City» барабанный бит довольно хитрый и сложный, и от Боба потребовались усилия и терпение, пока Питер наконец не сыграл то, чему сам бы не научился никогда, даже если бы от этого зависела его жизнь.

В те времена не существовало «кликов», трека вроде метронома для барабанщика, под который он играет ровно. А Боб, чтобы получить тот вариант песни, который ему нужен, монтировал части из разных дублей. При таком подходе ровный ритм — необходимое условие. В нашем случае его, мягко говоря, добиться было сложновато. Так что Боб сам изобрел «человеческий клик» — взял коробку из-под сигар, вставил в нее микрофон, а сам, сидя в контрольной комнате, барабанил по ней — чтобы ритм слышали мы все, а Питер в особенности.

А еще Боб написал львиную долю песни «Beth», основываясь лишь на нескольких строчках и мелодии, предложенных Питером. У Питера в каждой его песне был соавтор, потому что по-настоящему писать песни он не умел, для него не существовало таких понятий, как форма и рифма. В случае «Beth» — там большая часть от Боба, хотя то, что Питер принес, уже сочинялось им с соавтором. Для партии вокала Боб заставил Питера спеть песню больше десятка раз, потом из сносных фрагментов склеил вокальный трек. Чтобы Питер сразу, с лету спел что-то и попал в ноты — на такое у него было меньше шансов, чем у меня пульнуть монетку в небо и попасть в Луну. Даже если мы ему пропевали ноты, он все равно не мог их найти. Но поскольку мы представляли миру эдакую «битловскую фантазию», что-де все мы равны и все сочиняем песни, то Питер и сам поверил в то, что о нас пишут. Восприятие нас людьми стало для него реальностью, хотя это восприятие мы же сами и создали. Мы выставляли себя такой группой, которая живет в стиле битловского фильма *Help!*, и ее музыканты всё придумывают вместе и на равных. На самом деле такого у нас вообще *никогда* не было, и кому это знать лучше, как не людям, которые там присутствовали и ничего не вкладывали?

Вклад Питера и Эйса никогда не был столь значительным, сколь мы его пытались представить в прессе. Суть же заключалась в том, что два конкретных парня — я и Джин — были и инженерами, и мотиваторами, и делали 80 процентов работы. К сожалению, мы, решив создать эту иллюзию в стиле *Help!* даже не задумались о том, что Питер с Эйсом сами в нее поверят и что эта их вера нас больно укусит в жопу. А из-за этих их бредовых фантазий и начались трения в группе. Трещинки эти стали расширяться уже во время работы над альбомом *Destroyer*, когда

Питер начал биться за то, чтобы исполнить якобы свою песню, а мы начали обрабатывать Эйса, который почти все время записи тратил на какие-то свои увлечения, к делу совершенно не относящиеся. Иногда он играл, не снимая колец и браслетов-цепочек, которые царапали по деке и звукоснимателям, и тут же говорил, что ему нужен выходной и что он сейчас убегает. А когда я просил его снять все эти побрякушки и записать еще один дубль, поскольку тот из-за шума не годится никуда, Эйс отвечал: «Ты чо, это ж ракенрол!» «Нет, Эйс, это говно собачье».

Алкогольные излишества Эйса хорошо задокументированы, менее известно, что он мог просто встать и уйти из студии, чтобы поиграть в карты с друзьями. Вот этого я понять ну совсем не мог — уйти с работы ради того, чтобы нагрузиться и резаться в карты, даже если из-за этого другой гитарист будет играть твои партии? Я лично всегда мечтал о том, чтобы создавать музыку, и что кто-то может на это дело плюнуть — для меня это было просто непостижимо.

Боб в плане звука не хотел делать новый альбом таким же убойным, как *Alive!*, с его мощными раздолбанными гитарами и орущим вокалом. Силу и энергию он находил в другом. Он создавал атмосферу величия. Он привносил мелочи, которые мне дико нравились, — как, например, оркестровые колокола в «Do You Love Me». Гитарные аккорды он усиливал роялем, дублировавшим партии. Чем-то это мне напоминало то, за что я любил Роя Вуда и его Wizard — за вот эту вот гигантскую хаотичную версию «стены звука» Фила Спектора. Боб добавлял то, что трогало мою душу.

Наш первый билборд — 1975 год, Сансет-Стрип. Не могу вам сказать, сколько раз я бегал поглядеть на него

А еще он — наконец-то! — оказался нашим первым продюсером, который понимал те тонкости записи гитар, которые мы не понимали: использовать разные модели гитар для разных партий, накладывать одну на другую, слегка замедлять пленку, чтобы поверх сыграть то же самое, но с небольшим расхождением, и так из-за неуловимых расхождений в настройке получался более крупный и жирный звук. Боб знал основу отличного продакшена и великолепной аранжировки, и на альбоме *Destroyer* он это воплотил, я бы сказал, совершенно новаторски для того стиля музыки, в котором мы играли.

С тех пор я считаю продюсера просто звукоинженером, пока он мне не скажет, что мы делаем неправильно и как это поправить, причем не важно, в чем проблема — в самой песне или в ее звуковом решении.

По завершении работы над альбомом тур *Alive!* продолжился. В Лос-Анджелесе у нас выдалось несколько свободных дней, и я стусовался с Карен, той самой хостесс из Rainbow. Я с группой достиг уже такого уровня популярности, что наши с Карен отношения трансформировались из приятельских в плотские. Для меня это стало истинным подтверждением того, что я теперь рок-звезда уже совсем другого калибра. Чувство приятное, и все казалось нормальной и логичной эволюцией. Я теперь мог позволить себе заказать шикарный лимузин для личного пользования, так что в Лос-Анджелесе арендовал двухместный мерседес-купе, забрал Карен из дому и повез на побережье. Проехали мы уже минут сорок пять, и тут полил дождь. Тут я столкнулся — наряду с дождем — с неприятной реальностью: я же совершенно не умею поднимать верх купе! В общем, я повернул и поехал к обратно к ней ломой, и мы не говорили об очевидном. Приехали уже мокрые до нитки, и тут я наконец признал правду. Мы немного поржали, и я задал насущнейший вопрос: «Фена у тебя не найдется? Мне бы волосы посушить…»

Ближе к «хвосту» тура, финальной точке, мы попали на Гавайи, где никто из нас еще не бывал. Дали концерт в Гонолулу, после которого у нас там образовалось несколько свободных дней. На следующий после концерта день наш пиротехник и еще несколько ребят — включая охранника Рика Стюарта, приставленного ко мне — взяли в аренду катамаран. Вот просто запомните: не делайте никогда ничего рискованного с пиротехником. При всем уважении, у пиротехников встает на любое разрушение, будь оно связано с зарабатыванием денег или

с тюрьмой. В то время граница между пиротехниками и пироманами-поджигателями была ну очень тоненькой.

Я тогда решил не вести себя как слабак и присоединился к ним. Ну, ходить на судне лучше все-таки с теми, кто умеет это делать, но я как-то оказался с пиротехником и Риком, которого, кстати, все называли Доб, сокращенно от добермана, потому что он на шее носил шипованный собачий ошейник. Нет, я-то думал, что мы пройдем вдоль берега — что меня само по себе уже пугало, но мы сразу отправились в море. Навстречу нам шла другая лодка, откуда нам крикнули: «Осторожнее! Сложный прилив, мы еле-еле возвращаемся!»

Отлично.

Когда сидишь на дощечке меж двух понтонов катамарана, это совсем не то, что ты хочешь услышать.

Все, что находилось на берегу, уменьшалось и уменьшалось.

Я, блин, чего делаю-то?

Я в журнале *Rider's Digest* не раз читал истории про людей, которых на плотах унесло в море, где они ели чаек и пытались поймать черепах.

И меня это ждет.

Всё, я плыву к берегу.

Катамаран отдаляется от меня, я ору Рику: «Сделай что-нибудь!»

Доб прыгнул в воду и поплыл ко мне. Теперь мы вдвоем крутились в разрывном течении, не приближаясь к берегу ни на миллиметр. Мы как-то боком доплыли до двух серферов.

«Мы доплыть не можем, — крикнул я им. — Помогите!»

«Иди нахер», — сказал один из них, и, поймав волну, унесся, оставив нас одних.

Еще через несколько минут я уже боролся за то, чтобы держать голову над водой, и каждый раз, когда я окунался, в подошвы мне дико больно впивались морские ежи. Я посмотрел на берег — там нежились сотни людей. Они были недалеко, но они совершенно не знали о том, что мы сейчас погибнем.

На меня всем плевать.

Люди перекидывались мячиками, загорали на полотенцах: самый важный человек в мире в шаге от смерти, а мир вращается как ни в чем не бывало.

Всем на всех плевать.

Как бы мы ни боролись, но природа-мать все окунала наши головы под воду. И как только я уже решил, что все кончено, что я утону в паре сотен футов от пляжа, полного людьми, которые бы не заметили моей погибели, вот тут-то подплыла маленькая моторная лодка, люди на которой вытащили нас с Добом из воды.

В лодке этой сидел владелец нашего катамарана. Он, оказывается, забеспокоился, что мы толком не умеем управлять катамараном, и поэтому следил за нами в бинокль. Увидев, что мы прыгнули в воду, и зная, что прилив помешает — это мягко сказано — нам доплыть до берега, отправился за нами на своей моторной лодке.

Я лежал на днище. Голова разрывалась, ноги тоже — там, где торчали ежовые шипы.

Как же я был близок.

В отеле я попытался вытащить ежовые иголки, которые выглядели как крупные занозы. Ничего не получалось — они просто ломались. Я позвонил на ресепшен: «Наступил на морского ежа, как вытащить из ноги иголки?»

«Пописайте в ванну и поставьте туда ногу», — было мне ответом.

«Смешно, ага. Но я серьезно — что делать-то?»

«Да вот это самое и делайте».

И, как будто и без того день не был слишком интересен, я пописал в ванну и встал туда ногами.

Mahalo. («спасибо» по-гавайски. — Прим. пер.)

29

К апрелю 1976 года, когда Destroyer заработал золотой статус, мы уже получали стабильную прибыль, и мы все — особенно Билл — выползли из этого страшного долга в сотни тысяч долларов, в который влезли из-за двух лет турне. Сами мы зарабатывали не много. Даже теперь, когда мы собирали стадионы, члены группы не набивали сундуки деньгами. Менеджер забирал 20 процентов сборов сразу же, не отходя от кассы, расходы на зарплаты и организацию могли легко «съедать» до 50 процентов, а мы делили на четверых то, что оставалось. Но мы по-прежнему не осознавали, что происходит в реальности. А стандартная бизнес-практика была такой: мы делали всю работу, а большую часть денег получали другие. Я все еще жил в съемной квартире, и у меня даже машины не было.

Однажды интервьюер задал мне вопрос: «Каково это — быть богатым и знаменитым?»

«Ну, говорю, про знаменитого я тебе сейчас расскажу…»

В этом деле назрели перемены.

Билл Окоин всегда видел общую картину, широкую панораму. Он мог увидеть, что в нашем случае связь группы с фанатами значительно глубже, чем обычно. Он оценил, какой отклик мы вызываем у людей не только музыкой. Проще говоря, он осознал перспективу продажи мерчендайзинга.

Когда мне показали программку тура, которую Билл выпустил для последних отрезков тура *Alive!*, я понял, что ничего подобного в своей жизни не видал. А он нам и не говорил, что ее готовит. Просто однажды пришел и сказал: «Поглядите, вот программка тура». Я пролистал эти двадцать четыре страницы и подумал: *великолепно*. А Биллу еще пришла мысль, что наши фанаты захотят иметь футболки и пряжки для ремней. И это только вершина айсберга. Они с парнем по имени Рон Баутуэлл организовали внутрифирменную мерчендайзинговую компанию. Сначала компания выполняла заказы нашего фан-клуба. И Билл об этом нам сказал будничным тоном: «Мы будем продвигать мерчендайзинг».

Без Билла ничего подобного бы не организовалось.

Существует такой миф, что мы, музыканты, с самого начала участвовали в этом грандиозном плане. Это не так. Про мерчендайзинг мы ничего не знали, никаких идей не было. Никто из группы к мерч-плану не привлекался. В конце концов и мы тоже стали прикладывать руку к мерчендайзингу, но произошло это совсем не сразу, позже, со временем. Мы создали лекало:

музыка — наша, грим — тоже наш, но почти все остальное — это Билл. Конечно, мы были центром, ядром для всего происходящего, но к тому, чтобы продвинуть имидж KISS через товары, — к этому мы имели не более отношения, чем к огненному дыханию и поднимающейся барабанной установке. Я сам свято верю в продвижение команды, потому что ты хорош настолько, насколько хороша твоя команда. Игру выигрывает именно команда. Мы не были блистательными бизнесменами, и за нами не стояла какая-нибудь великая фирма с Мэдисон-авеню. Был один лишь Билл, которого, как и нас, не сдерживали какие-то придуманные ограничения. Он просто пер вперед, чутьем понимая, что он может свершить.

Билл намеревался максимизировать наш потенциал на всех фронтах. Конечно, он не собирался делать нам маркетинг как, скажем, у Led Zeppelin. Мы же могли предложить нечто большее, чем просто музыка, — мы прямо сами просились на мерчендайзинг, хоть поначалу и сами того не понимали. В те годы над широтой брендированных киссовских товаров некоторые смеялись. Но я вспоминал The Beatles. Когда битлы прославились, вы могли купить битловские куклы и футболки, и что здесь не так? Нет, понятно, что никто не захотел бы купить кукол в виде музыкантов Deep Purple — а, собственно, с какой стати, кому они нужны? При всем уважении к их музыке, в то время у большинства групп не было какого-то ясного имиджа: запомнить, как музыканты выглядят, было сложно. KISS обладали визуальной привлекательностью. Это было врожденным свойством KISS. Прелестью KISS. Так что я вполне понимал желание продвигать нас таким путем. И я ни секунды не думал, что это уменьшит внимание к музыке группы.

Я просто хотел быть уверенным в том, что любой товар несет смысл. В этом вопросе мы с Джином разнились. Вот, например, как бывало. К нам приходят и говорят: давайте наладим выпуск тортов под маркой «KISS». Джин тут же: давайте, только чтоб тортик десять футов в высоту, и вокруг гирлянды мерцали. А я говорил: «Отлично, но из чего эти торты, какой у них вкус? Нет, все это оформление — крутое, но торт сам по себе, внутри, должен быть отменным. Иначе мы не участвуем». Шипение — это здорово, но нужен стейк. И я за это беспокоился когда мерчендайзинг, что называется, пошел в народ. Я иногда думал: а как далеко можно с ним зайти, ну когда будет уже слишком далеко? На тот момент ответ был прост: никогда. Все товары казались уместными. Нет, это прямо феномен настоящий: радиоприемники «KISS», мотоциклы «KISS», ланчбоксы «KISS».

Когда биллова концепция мерчендайзинга стала приносить

деньги и альбом *Alive!* в то же время продолжал уверенно продаваться, я, надо сказать, был впечатлен. Было дико приятно узнавать, сколько там тебе на личный счет упало денег. При этом все еще получали довольно скромные зарплаты, и деньги на счетах трогать пока что не могли, но нам говорили, сколько их. Но, опять-таки, о делах мы мало что знали. Мы не понимали эти разные потоки выручки, откуда они и куда текут. Вообще ничего подобного.

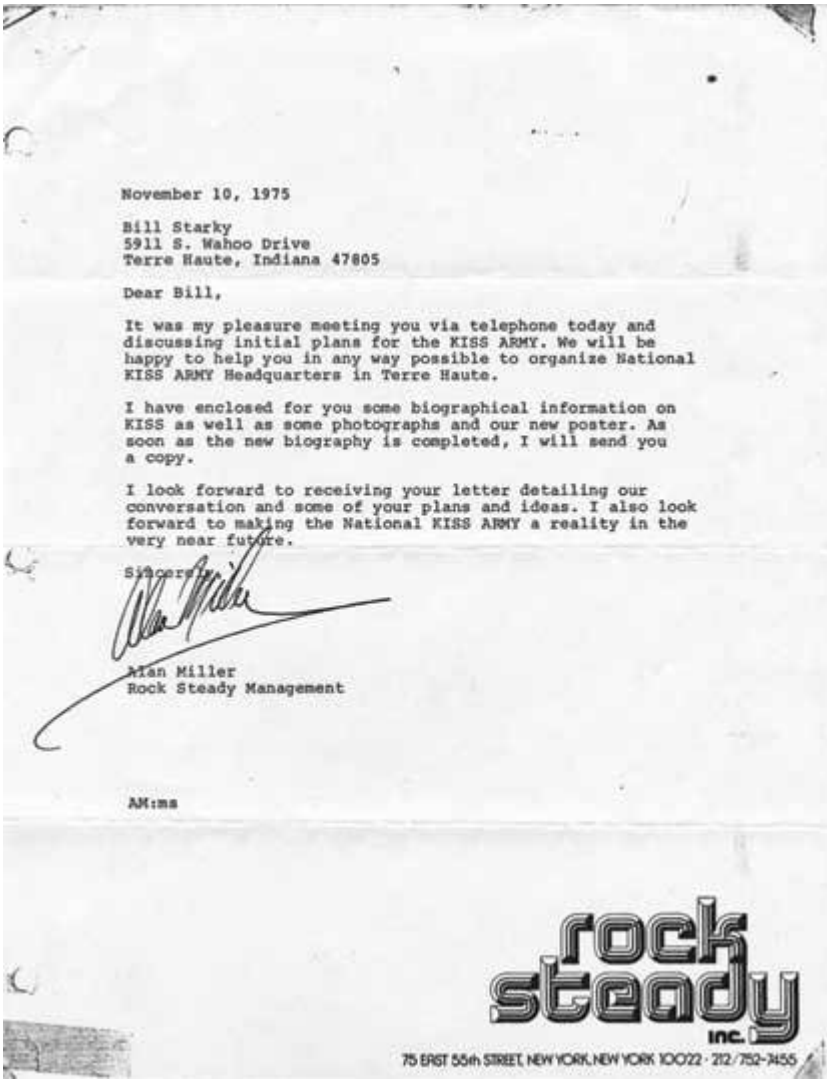
В середине всей этой движухи к нам пришел Хауард Маркс, бывший босс Билла, и предложил нам финансовый менеджмент. Хауард владел рекламным агентством, которое, кстати, разработало обложку *Alive!* а потом еще и великолепнейшие обложки для наших следующих трех альбомов. Хауард нам сказал: «В этом бизнесе полно акул, так что вам по-любому придется нанимать кого-то, кто будет следить за вашими деньгами».

Так получилось, что у Хауарда был друг — богатый бизнесмен в Кливленде, по имени Карл Гликман. Хауард решил с этим другом создать компанию по управлению нашими финансами. И то, что он охранял наше богатство, сделало его как бы членом нашей семьи.

Насколько это круто? Как нам везет?

Новая финансовая компания «Гликман — Маркс» регулярно проводила с нами собрания, на которых сообщала новости про наши деньги, а вскоре они стали отправлять с нами в турне специального человека, который выполнял функцию бухгалтера на выезде. Нам в голову не приходило, что в турне тяга этого деятеля к изысканным винам, дорогой еде и небесплатному общению могли ставить под угрозу выручку от концертов. А что мы таки заметили — так это то, что компания создает нам личные финансовые портфели. Я имею в виду — ого, смотрите, у нас промышленный парк в Цинциннати.

На собраниях мы задавали вопросы типа «Сколько мы зарабатываем?», а не «Какая у нас прибыль?». А поскольку ответ на первый вопрос звучал довольно внушительно для таких детишек, как мы, которые никогда не имели дела с настоящими деньгами, то мы никогда не задавали следующий отсюда логичный вопрос: «А *вы* сколько зарабатываете?» Билл вскоре снял под офис целый этаж в здании на Мэдисон-авеню, 645, а потом в том же здании и еще один этаж.



November 10, 1975

Bill Starky
5911 S. Wahoo Drive
Terre Haute, Indiana 47805

Dear Bill,

It was my pleasure meeting you via telephone today and discussing initial plans for the KISS ARMY. We will be happy to help you in any way possible to organize National KISS ARMY Headquarters in Terre Haute.

I have enclosed for you some biographical information on KISS as well as some photographs and our new poster. As soon as the new biography is completed, I will send you a copy.

I look forward to receiving your letter detailing our conversation and some of your plans and ideas. I also look forward to making the National KISS ARMY a reality in the very near future.

Sincerely,

Alan Miller
Rock Steady Management

AM:ms

rock steady inc.
75 EAST 55th STREET, NEW YORK, NEW YORK 10022 · 212/752-3455

Прекрасный осколок истории: с чего начиналась Армия KISS. А начал все это Билл Старки

Маркетинг Билла, основанный на продвижении нашего имиджа, повысил нашу узнаваемость за пределами рок-аудитории. Однажды в Нью-Йорке я отправился днем в джинсовый магазин на 59-й улице. Касса там стояла на стеклянном стеллаже, а к стеллажу этому прилеплена была наклейка, которую Билл распространял в качестве рекламы альбома *Destroyer*, — с фантастическим, в стиле графического романа, изображением нас четверых, нарисованное для обложки Кеном Келли. Пока я тыркался по магазину, разглядывая вещи, к кассе подошел какой-то маленький ребенок. Мальчик — ему было года четыре, не больше — показал на наклейку и сказал: «KISS».

Круто. Мы — больше, чем группа.

Группа создает музыку, феномен — влияет на общество. И вот если такой малыш, который даже не знает еще, что такое музыка, узнал KISS, то… разве мы не *феномен*?

Вскоре после этого, в мае 1976 года, мы полетели в Англию на двухмесячный европейский тур. Для меня Англия в музыкальном плане представляла собою святую землю. Все, что я любил, родилось там. А у нас даже было запланировано два вечера в лондонском Хаммерсмит-Одеоне, том самом, где столько моих любимых групп сыграли столько своих легендарных концертов.

Но как только мы приземлились, я возненавидел ее. В Соединенных Штатах мы уже стали очень популярной группой. А в Англии и остальной Европе надо было снова все всем доказывать. Мы снова оказались на клетке номер ноль — никто и звать никак. Спасибо Господу за фэнов. Английские, как и наши на родине, когда мы только начинали, были сумасшедше преданы нам. С другой стороны, кормили нас в Англии ужасно, а транспорт у них совершенно архаичный. Люди, которые за что-то отвечали, были очень тяжелыми. Предприниматели испытывали извращенную гордость за то, что ты не мог неделю получить вещи из сухой чистки. Кондиционеры отсутствовали, а жалкий кусочек льда в бокал ты мог получить только после мольбы. Это все служило значками почета этим старым хранителям Британской империи.

Но самое больное место — политика отелей. Благодаря ей было почти невозможно пригласить к себе в номер гостью. Их нужно было вписать и выставить до десяти вечера. А персонал отеля эти правила не собирался тебе облегчать, даже наоборот.

Вот эти проблемы с девушками в номерах доставляли головную боль хуже, чем плохая еда. Без еды я обойдусь, но сидеть на строгой диете «ноль диких и хотящих женщин» — это выше моих сил. Это было для меня совершенно необходимым.

В европейском туре Эйс покупал ножи. Когда мы собирались домой, он, чтобы контрабандой провезти их на родину, приклеил их скотчем внутри своих «маршалловских» колонок-«кабинетов». Это меня взбесило: найди таможня ножи, все наше оборудование конфисковали бы. Но для Эйса это было нормально. Однажды на внутреннем авиарейсе обыскали чемоданы нашего тур-менеджера и нашли там украденный из отеля телефонный аппарат. Не тур-менеджер туда его положил. А еще Эйс украдкой засовывал наркотики в сумки и карманы наших работников — не ставя их, понятно, в известность — так что, если б их поймали, ему бы ничего не было. Эйс весь был поглощен только Эйсом, вне

зависимости от той цены, которую кому-то пришлось бы заплатить.

Проездив месяц по Европе, я с чемоданом пришел к своему дому на 52-й улице, где швейцар преградил мне путь:

— Чем я могу вам помочь, сэр?

— Смешно: я тут живу, — ответил я и прошел к лифту.

— Сэр, если вы не остановитесь, я вызову полицию.

В общем, помотало меня.

И вскоре я снова умотал.

Когда тур продолжился в США, то из-за личных разногласий внутри группы у нас то и дело менялись тур-менеджеры. Их за первые пять лет существования группы сменилось порядка двадцати. Один из самых ярких — «Толстый» Френки Скинларо, эдакий менеджер старой школы, работавший еще с Joey Dee and the Starliters (группа образовалась в 1958, была популярна в 60-х. — Прим. пер.). Он просто заражал радостью. Придумывал нам разные прозвища. Питера называл Аятолла Крискуола, Джина — Джин-Назарин, меня — Он-она (потому что я на сцене танцевал и вообще выпендривался). А Эйса мы стали называть Элвис-детка, потому что он начал отращивать брюшко. Френки поглощал огромное количество картофельного салата, причем жевал с открытым ртом — так пища якобы «аэрируется». В этот момент он напоминал бетономешалку. Толстый Френки готов был делать что угодно, лишь бы нас развеселить, и когда у него это получалось, то трения внутри группы ослабевали. Но он и над собой мог пошутить, себя опустить, например, часто приговаривал: «Может, член у меня и маленький, зато вертящийся».

Некоторых тур-менеджеров увольняли потому, что Билл считал, что они не справляются. Других выгоняли из-за ревности внутри группы — каждый же хотел личного внимания роуд-менеджера, ну или по крайней мере хотел чувствовать себя фаворитом. Когда один из нас не получал такого внимания, то начинал полагать, что этот роуд-менеджер никуда не годится. А многие из них сами увольнялись. Даже профессионалы, успешно работавшие с другими группами, не могли вынести наши разногласия. У них очень много сил уходило на то, чтобы работать с четырьмя гиперактивными не вполне нормальными людьми, которые требуют всего твоего внимания, а если они этого не получают, то саботируют тебя так, что ты падаешь об пол задницей.

В этой постоянной чехарде роуд-менеджеров и команды только один человек оставался постоянным: Билл. Он как-то умел снимать напряжение и дать каждому члену группы почувствовать

себя любимчиком. Но и Билла уже на всех и все не хватало. Он решил расширять свой бизнес и, по-видимому, очень много времени стал уделять своим новым артистам — Piper, Starz и Тоби Бо. Нас это слегка злило: мы же зарабатывали все деньги, а он теперь почти все время тратил на эти детсадовские группы, которые почти никуда не продвигались, и шансов у них на это не было. И Шон Дилени тоже слишком уж отвлекался на этих артистов. К тому же меня лично раздражало то, что Билл, по-моему, уверовал в простоту формулы успеха: придумай группе имидж, нарисуй логотип — и они сразу прославятся, как KISS. Вот это я воспринимал как настоящее оскорбление — разумеется, идеи Билла и Шона оказали нам неоценимую неизмеримую помощь, но успех-то к нам пришел не из-за простых ходов. В нас было нечто гораздо большее, чем логотип, ботинки на платформе и грим.

Еще в детстве, прочесывая 48-ю улицу, я восхищался винтажными гитарами, которые стоили целое состояние. И вот теперь-то я имел возможность их коллекционировать. И на том отрезке тура я запустил в народ информацию, что-де покупаю гитары. Первая экзотика, которую я купил, — Gibson SG с двойным грифом, как у Джимми Пейджа. Эту гитару я купил в Индиане у одного парня, который их коллекционировал, — у него ими была забита целая комната. Большинство — вишневые, но эта конкретная — «санберст». Промоутеры тоже запомнили, что я, так сказать, пошел по базару, и теперь у концертных залов, где бы мы ни выступали, меня поджидала очередь людей с гитарными кофрами в руках. И это было очень круто — неизвестно же, какая драгоценность всплывет!

Следующую я купил в Аризоне у парня, который владел гитарным магазином под названием Bob's Bizarre Guitars. Эта гитара — Les Paul расцветки «санберст», то есть та самая, которую я всегда хотел. За нее я отдал $2200. Я поверить не мог, что у меня теперь есть такая! Звукосниматели на ней стояли такие, которые называются белые или кремовые хамбакеры. То есть проволока на катушках белая. Эту обмотку обычно не видно, потому что на старых гитарах она скрыта хромовым или никелевым кожухом. Но если заглянуть под кожух, то увидишь, что обмотка или черная, или белая, или так называемая «зебра» — то есть через одну черная с белой про́волочки. Так вот, у большинства гитар проволока была черная, а это не так интересно, на них спрос хуже, а самые желанные — это как раз белые.

То есть я от счастья на седьмое небо взлетел.

30

«Вы — миллионеры», — радостно сообщил нам наш финансовый консультант в один прекрасный день в конце 1976 года. Дело в том, что тогда «Beth» стала таким хитом, что ее стали играть и на радиостанциях диапазона AM. А *Destroyer* стал нашим вторым платиновым альбомом. В конце августа мы дали самый масштабный наш концерт — для сорока двух тысяч фэнов на стадионе California Angels в калифорнийском Анахайме. Плюс к тому наш внутрифирменный мерчендайзинговый бизнес процветал.

Когда тебе сообщают, что ты — миллионер, ты находишься под сильным впечатлением, но конкретно эта новость не так сильно меня поразила, как когда мы впервые получили золотой альбом. Вот то была реальная веха, и этим я мог гордиться — в прямом смысле. А это?.. Ну, очень здорово, конечно, но не такое конкретное свершение. Да и вообще как-то понять, что значит быть миллионером, было трудновато, поскольку деньги все еще оставались для нас некой абстракцией. Я до сих пор жил в съемных апартаментах с одной спальней.

Но у нас были два свободных месяца в Нью-Йорке — достаточно для того, чтобы новость впиталась и чтобы записать новый альбом.

Я купил родителям «крайслер». Именно тогда впервые в жизни у них появилась новая машина. А вскоре я еще и дом им купил, как раз когда отца уволили и он заодно лишился пенсии. Родителям не пришлось сидеть на пособии и собирать купоны на еду — они теперь жили в новом доме с новой машиной. Эрика, пойдя в школу, жила в очень милом пригородном школьном райончике и вообще жила в достатке. Много лет спустя она поступила в элитарный университет, и я посчитал за счастье оплатить ее пребывание там. Но папаша все равно назвал меня скупым — я, видите ли, документы на дом на свое имя оформил. Я же сделал это абсолютно сознательно, боясь, что, если оформлю дом на них, они его продадут.

Папаша еще говаривал, что-де наш успех — это в основном простое везение. Я вот заметил, что те, кто преуменьшает успех других людей, считая его «простым везением», это люди, которые, как правило, сами ничего не добились. Таким способом они снимают с себя ответственность за свои неудачи и сбрасывают со счетов роль человека в его успехе. А сама идея, что успех — это везение, удача, она еще как бы накладывает на «счастливчика» обязанность бесконечно этой самой удачей делиться. В конце

концов, ну кто угодно ж мог оказаться на твоем месте. Вот этот образ мыслей моей семьи.

Себе я купил «мерседес», 450SL цвета бургунди, с кожаным «седельным» салоном. Когда я впервые поехал на нем к родителям в Куинс, то, не доехав нескольких кварталов, припарковался и посидел в машине, не глуша мотор.

А стоило ли мне покупать такую машину?

Включил радио. На первой попавшейся FM-станции играл «Rock and Roll All Nite». Переключил на AM. Там играла «Beth».

Да, конечно, стоило.

Осенью 1976 года, во время перерыва в концертах, мы снова засели в студии, чтобы записать альбом *Rock and Roll Over,* который вышел уже в ноябре. Получилось, что это наш шестой альбом менее чем за три года. Изначально наша высокая производительность труда явилась результатом того, что мы как группа всегда ставили целью удержаться на плаву. Но я не видел смысла снижать нашу продуктивность только потому, что мы достигли определенного уровня финансовой стабильности. Да и вообще — в студии так здорово и так интересно! Студия — то место, в котором я мог спрятаться, пока мы не на гастролях. У меня все еще не сложилось никакого круга общения, я завел всего лишь нескольких приятелей, и в этом плане студия казалась безопасной гаванью, причем такой, в которой у нас у всех теперь был карт-бланш. Работая там, я мог не поглядывать на стрелки часов. Эти счета будут оплачены безо всяких округлившихся глаз.

Destroyer вышел в начале того года, и некоторые слушатели пришли в замешательство: мы на нем звучали не так, как на концертах. Но все же он ухватил суть того, что мы делаем, создав эдакую кинематографическую атмосферу, которая представляла весь размах нашего шоу без, действительно, точной копии концертного звука. Боб Эзрин усилил и расширил наш саунд. Он увеличил всех четырех персонажей. Но вот когда мы спрашивали знакомых, что они думают об альбоме, порой они отвечали: «Ну, он другой». *Другой* в данном контексте неподходящее совершенно слово, поскольку его используют тогда, когда не могут решить, нравится тебе это или не нравится.

Правда заключается в том, что эта перемена нас пугала. Наверное, на сей раз нам не хотелось, чтобы с нами нянчились, свистели свистком в морду и чтобы мы все делали только по приказу. Мы решили, что уже выросли из подмастерьев. А Питер и Эйс совершенно точно не хотели снова работать с Бобом. Так что мы решили вернуться к корням, сделать все просто, как табуретка.

Первым делом мы связались с Джеком Дагласом, который

спродюсировал три последних на тот момент альбома Aerosmith, а именно *Get Your Wings, Toys in the Attic* и *Rocks*. Проблема заключалась в том, что Джек дружил с Бобом, и рассказал Бобу про наше предложение. Со стороны Билла, конечно, это бестактность — не предложить Бобу первому, и конечно, страсти накалились, и мы чувствовали себя как тот парень, который пристает к девушке друга.

Далее возникла мысль снова пригласить Эдди Крамера, раз уж *Alive!* получился настолько классным. Мы сняли Star Theatre в пригороде Нью-Йорка Нануете, довольно близко от города — удобно возвращаться домой ночевать. Эдди присоединился к команде, и мы поспешили вернуться на знакомую территорию.

Хотя Эдди родом из Южной Африки, он обладал аурой английского джентльмена. Он принадлежал к той традиции, которую все мы обожали. Одна из надежд, которую мы возлагали на Эдди, — что он «починит» нам звук нашей ударной установки, поскольку он же тоже работал над тем крутым огромным звуком цеппелиновских барабанов. Он посадил Питера с установкой в сам театр, а мы играли в студии в другой части здания. С Питером мы связывались по видеокамере. Теоретически, в правильном помещении даже шимпанзе, колотящий по горшкам и банкам, будет звучать громоподобно. А у нас барабаны все равно получались слабенькие. Я, правда, вскоре пришел к заключению, что в случае с цеппелинами этим барабанным звуком был сам Джон Бонэм, а Питер Крисс не станет Джоном Бонэмом никогда.

Эдди не работал как художественный руководитель или новатор в смысле аранжировок, как это делал Боб, и вот этого лидерства нам не хватало. Нам уже никто не помогал писать или оттачивать песни. У меня самого возникли какие-то проблемы с написанием песен, и я попросил Шона Дилени прийти ко мне домой, чтобы вместе посочинять. Эти неформальные посиделки в моей квартире на 52-й улице в результате подарили альбому *Rock and Roll Over* песни «Makin' Love», «Mr. Speed» и «Take Me», а также они родили песню «All American Man», которая в следующем году вышла на альбоме *Alive II*.

С песней «Hard Luck Woman» произошла аномальная история, потому что я писал ее не для KISS. Я никогда не тренировался писать песни: я сам себя хорошо редактировал и если видел, что песня не подойдет альбому группы KISS, то не заморачивался и бросал ее не доделав. Но меня по-прежнему очень увлекала идея: понять, отчего от некоторых песен у людей мурашки по коже. Я тогда слушал «Maggie May» и «You Wear It Well» Рода Стюарта и решил попробовать создать нечто подобное, но искра для написания текста вспыхнула, впрочем, совсем с другой стороны.

Тут помогла «Brandy» в исполнении Looking Glass, песня про дочь моряка, которая работает в баре. И когда я закончил песню, то даже не мог себе представить, что KISS ее будут играть. Я планировал как-то передать ее Роду — вдруг он захочет ее записать? Но поскольку наша «Beth» той осенью пользовалась таким успехом, то Эдди Крамер и Джин в один голос заявили, что «Hard Luck Woman» станет как бы логическим продолжением. И поскольку Питер обладал хрипловатым голосом такого же типа, как у Рода, мы решили, что он ее и споет. Мне пришлось записать вокал, чтобы Питер пел под него, и снова ему пришлось сделать множество дублей, чтобы хватило для монтажа финальной версии.

Ситуация внутри группы ухудшилась даже за те полгода, что прошли со времени записи альбома *Destroyer*. Питер принес кассету с какими-то разрозненными набросками песни под названием «Baby Driver». Он всегда приносил кассеты с записями песен, которые он сочинял со своими соавторами, потому что никак по-другому он нам свой материал показать не мог, просто потому, что ни на одном инструменте играть не умел. Когда мы работали над «его» песнями, он ругался. Проблема, собственно, заключалась не в том, что мы с Джином переписывали его песни, а в том, что то, что приносил Питер, изначально и песнями-то не было. Рифмы там отсутствовали вообще, разделения между припевом и куплетом не существовало. Это были не песни, а обрывки. Да, конечно: группа сильна, когда все принимают участие в написании материала, но кто-то должен установить закон: вот это просто недостаточно хорошо, не годится. На альбоме *Destroyer* роль такого законодателя исполнял Боб — для Питера он фактически написал «Beth», а всем нам задавал творческое направление. А теперь, когда эта его функция перешла к нам, совершенно бесполезно было пытаться привести Питера к желаемым стандартам альбома. Была, конечно, свобода маневра, потому что, блин, мы же *хотели* включить в альбом какую-нибудь песню Питера, это же часть имиджа группы KISS. Ныне же, благодаря успеху «Beth», Питер считал, что должен писать те песни, которые поет, а не петь мои, Джина или Эйса. Но даже со всеми дополнительными оговорками и уступками в плане качества мы не могли допустить, чтобы слабый материал Питера подрывал единство альбома.

Для соавторов Питера, разумеется, появиться в качестве одного из авторов на альбоме KISS — это выгодное дельце, посему Питер постоянно пропихивал идеи своих дружков и поднимал хай, если кто-то говорил, что материал пока что не очень. Всю свою эмоциональную энергию Питер расходовал на то,

чтобы утвердить свое место в иерархии группы, будучи не в состоянии честно оценить качество того материала, который он предлагает.

Эйс уже превратился в собственную тень. Когда-то он был искрой, из которой вот-вот возгорится пламя. Он обладал талантом и мог бы стать тем, кем себя считал. Потенциала его хватило бы, чтобы стать вообще одним из самых великих. Но бухло, валиум, кокс и все, что он там еще принимал, делали его ни для чего не пригодным почти все время. Мы молились, чтобы он успел сыграть соло, пока не отключится.

Он уже не был смешным и забавным — ни в каком смысле. Пытаясь рассказать анекдот, он вдруг затыкался и спрашивал: «Как это там?..»

Подчас эта ситуация меня откровенно выбешивала. Я рвал жопу за группу, а эти двое ставили на карту мое будущее из-за своих закидонов. Но поскольку ухудшение наступало постепенно, стадиями, то оказывалось, что я принимаю и мирюсь с теми вещами, которые сразу никогда бы не принял. Это как с деревом: резко пригни к земле — сломается, дави постепенно — ляжет и будет лежать. Просто вопрос времени. Вот я и был этим деревом.

У нас группового сознания уже почти не существовало. Трое других ребят вращались в своих кругах, а в своих кругах каждому из нас твердили, какие мы великие. Питер с Эйсом, наслушавшись дружков-подхалимов и начитавшись всяких журналистов, уверовали в то, что они — виртуозы мирового класса, хотя море факторов доказывало обратное. Когда мы пытались что-то объяснить Питеру про его материал, он говорил что-то вроде: «Ты не хочешь, чтоб это я делал, потому что я написал самую успешную песню», или: «Ты не хочешь, чтоб эту песню я сделал, потому что я самый лучший певец». Еще он постоянно обвинял меня в том, что я не «расплатился по долгам», — то есть моя вина в том, что в отличие от него до KISS я не провел десяток лет в группах, которые ничего не добились.

И Питер, и Эйс постоянно находились в разобранном состоянии. Я вообще-то видел многих наркоманов, которые вполне себе нормально работали. Тот же Боб Эзрин, когда мы записывали *Destroyer*, вынюхивал дороги кокса и посасывал коньяк Rémy Martin, но высокое качество его работы никогда не снижалось. Билл Окоин, Нил Богарт и практически весь персонал лейбла Casablanca ходили по тонкому краю, употребляя огромное количество наркотиков. Наркотики и алкоголь — как «феррари»: ты все держишь под контролем, но через долю секунды машину с тобой обернуло вокруг телеграфного столба. То, что контроль потерян, ты понимаешь слишком поздно, когда все уже

случилось. Я надеялся, что Билл сумеет спасти Питера и Эйса. Глупая надежда: Билл и себя-то спасти не мог.

Если мы с Джином пытались как-то разрулить неприятные некрасивые ситуации и уговаривали коллег: дескать, мужики, ну это ж наркота в вас болтает, Питер и Эйс обычно настаивали: «Нет, нет, я именно это и имею в виду». Наркотики только усилили неуверенность Питера: теперь уже весь мир был против него. Однажды в студии он по какому-то поводу взорвался так, что разбил об стену мою двенадцатиструнную гитару. Оглушительная тишина в студии.

Однажды в очередном споре Джин не выдержал: «Питер, ну ты ж дурак неграмотный, читать не умеешь, говоришь черт-те как, школу не закончил даже!» На что Питер ответил:

— Ага, точно. Но играю я в той же группе, что и ты.

И вот по сей день эта фраза — самое умное, что я когда-либо слышал от Питера.

31

Однажды в начале 1977 года в Техасе в лобби отеля, где мы остановились, собралась группа участников некой библейской конференции. Стараясь быть добрым, великодушным и христианским, один из них подошел ко мне и сказал: «Я буду за вас молиться».

«А как вы *смеете* вообще такое делать? — ответил я. — С чего вы взяли, что должны молиться за меня?»

И как бы они меня ни осуждали, но приникли к двери моего номера, слушая, как сей посланник Сатаны освобождает пылающую от желания местную деву от одежд и запретов.

Теперь, когда мы переместились на стадионы, мы стали видеть людей с крестами и транспарантами. Меня это изумляло. Эти люди цитировали Библию и называли нашу музыку сатанинской.

Это вы о нас так?

Сперва я смеялся в знак протеста. Насколько я понимал, они сами очень заняты наблюдением за своей паствой. Это полностью подтвердилось, когда начались скандалы с Джимми Суэггартом, Джимом Беккером и другими. Я находил забавным, что если уж телепроповедника и искушает дьявол, то делает он сие непременно в отеле с помощью проститутки.

Тот, за кем надо следить, — это тот, кто тыкает пальцем.

Еще я понял, что все эти протесты — циничный способ самопиара. Они нас использовали как эдакую площадку для того, чтобы получить местную — а позднее и на всю страну — скандальную славу. Что, конечно, только подтверждало тот факт, что мы — самый настоящий феномен.

Мы уже так знамениты и успешны, что любой идиот захочет на наш концерт притащить крест?

Каждому, когда ты успешен, хочется, мне кажется.

Позже я решил давать им отпор. Иногда мне казалось, что Джин слишком уж подливает масла в огонь. Я не всегда считал, что так делать прилично, я не соглашался с тем, что любая реакция прессы на пользу. Искать антагонизм с этими людьми — не решение. Я не хотел обращаться к ним лично или придавать им ту важность, которой они добиваются, но я хотел просто перестать играть в эту игру. Я просто хотел сказать, что все обвинения в наш адрес — ложны: мы не рыцари на службе Сатаны, не дьяволопоклонники, и вообще ни с чем таким никак не связаны.

Да, конечно, басист нашей группы плевался кровью, дышал

огнем и называл себя «воплощением зла», но ведь и в кино вы видите парня, который хочет высосать вашу кровь, и другого, которого сумасшедший ученый оживляет разрядами электричества. Если они видели по телевизору парня, у которого лицо разрисовано белым и черным гримом, края лба выбриты, и они думали, что он реален и что он говорит правду про себя как воплощение зла, то это они сумасшедшие, не мы. Эти люди что, думали, что мы в таком обличии гуляем целый день? Может, для них актер, сыгравший Бэтмена, и есть Бэтмен?

По-моему, KISS вообще не выступали против чего-либо. Ни против религии, ни против политики. Смысл группы KISS вообще не в бунте. Мы не призывали людей все ломать и нарушать правила. Мы говорили: *стань тем, кем хочешь стать*. Весь смысл в том, чтобы расширять свои права и возможности. Смысл в празднике. Как я понимал, дело не в том, чтобы бороться с системой, а в том, чтобы выбрать свою тропинку и верить в себя. Настоящий, крайний бунт не в том, чтобы бороться против системы, а в том, чтобы перехитрить ее и жить на полную катушку. И то, что для меня лично представляла эта группа, она могла представлять — я в этом был уверен — и для других людей, для наших поклонников. Возможно, поэтому наша аудитория была такой улыбчивой. Мы же пели о том, как прекрасна жизнь и сколь многого можно добиться, если веришь в себя. Вопреки тому, что говорили эти религиозные протестующие, KISS — это сплошной позитив.

Черт, ну ведь стоило только послушать текст «Shout It Out Loud» из альбома *Destroyer,* песня — объявление нашей миссии:

Когда вечер начался, и хочется веселья
Найдешь его, как думаешь?
К себе ты должен как к первому относиться,
Надо ли тебе напоминать об этом?
Если не радостен, есть один способ
Не сиди с разбитым сердцем,
Собери друзей с района,
И пусть начнется вечеринка.

В то же самое время, когда религиозные протестующие поносили нас как угрозу американской молодежи, музыкальные критики избивали нас за то, что мы не были достаточно опасными. Причем для самих себя. Конечно, ни Джин, ни я не вели безрассудную жизнь и обладали слишком уж деловым

рассудком для того, чтобы нравиться хи́повым музыкальным журналам. Вообще, сама мысль о том, что некий просиживающий штаны журналист сочтет меня достойным своей печати одобрения, если я буду играть в русскую рулетку, несла иронию, от меня отнюдь не ускользнувшую. Употребление наркотиков было и есть простым идиотизмом, за который рано или поздно приходится платить очень высокую цену. Меня лично вариант стать мертвой легендой не устраивал совсем.

Ближе всех по времени к нам были наши почти ровесники — Aerosmith. Разница в том, как смотрели на нас и как смотрели на них. Они рок-группа, мы — гораздо больше. В определенных кругах больше доверия к просто рок-группе, но влияние такого широкого феномена более сильное и распространяется на разную аудиторию. Наша широта делала нас более интересными для газет и журналов, маленьких детей и проповедников.

Интересно, что для некоторых людей быть феноменом никак не связано с тем, чтобы быть группой. Как будто бы это делало нас несерьезными, как будто бы имидж, логотип и вся пресса затмили то, что у других считалось достоинством и что любили музыкальные критики. Журналисты всегда пытались унизить нас одним аргументом: если-де мы так хороши музыкально, то зачем нам все эти визуальные эффекты? Им, кажется, никогда в голову не приходило, что мы были хороши музыкально *и* мы хотели и любили еще и вот это вот все.

Частично проблема с восприятием нас заключалась в Ниле Богарте и лейбле Casablanca Records. Например, лейбл выпустил диско-гимн Донны Саммер «Love to Love You Baby», который в 1976 году стал оглушительным хитом. Хит-синглы — это, безусловно, конек Нила, но они изменили его подход к рекорд-бизнесу. Он превратил Casablanca Records в лейбл, ориентированный на синглы, и сфокусировал внимание на группах типа Village People. Он, в частности, подписал рок-группу Angel и стал позиционировать их как анти-KISS: музыканты эти выступали исключительно в белом, обутые в балетные тапочки, а не в сапоги на платформах.

Сильной стороной Нила снова оказались новые группы, не так далеко ушедшие от той бабблгам-попсы, которую он в свое время продвигал. KISS от знаковой для Casablaca группы опустился до какого-то случайного приобретения, одного из обитателей зверинца. Мы оказались не в компании рок-групп, а рядом с парнями, одетыми под монтажников и полицейских, и групп в балетных тапочках. Люди, которые хотели рассматривать нас как какую-то насквозь искусственную ерунду, должны были лишь взглянуть на других артистов нашего лейбла, и их

подозрения тут же бы подтвердились. И от этого к нам относились еще хуже.

Отчасти проблема с таким восприятием заключалась в субъективной разнице во взглядах. Скажем, если Брюс Спрингстин падал на колени, то это называлось артистизмом, а если я — мошенничеством. Цирковой трюк. Один парень — артист, другой — шарлатан. Но иногда тут открывалась совсем уж темная сторона — в том, что мы иногда слышали про жадных до денег евреев, или жидов. Как будто наши предпринимательские жилки не были чем-то хорошим, а служили обману и манипуляции — потому что это не было рок-н-роллом, а этаким *жидовским дельцем*.

И вот эти мыслишки заодно заразили и группу. В случае с Питером, мне кажется, дело было в его воспитании и в том, что он был не слишком умен. Эйс собрал большую коллекцию нацистской мемарабилии. Я теперь, конечно, знаю, что некоторые коллекционеры таких вещей сами не наци и не антисемиты, но Эйс совершенно точно не один из них. В группе чуть ниже поверхности закипало недовольство мной и Джином. Мы управляли группой, писали почти все песни и рождали идеи не потому, что KISS — это диктатура, а потому, что вклада двух других ребят просто не хватало. Их ревность, зависть, злость ударили по самому уязвимому: факту, что мы с Джином родились, так уж получилось, евреями. И от причин корневого бытового антисемитизма это не очень отличалось: переселите евреев в другую страну — и их дети там станут врачами, а это факт, который некоторые люди принять не могут совсем. Вот так и в группе у нас происходило. И Эйс, и особенно Питер чувствовали себя беспомощными и бессильными рядом с нашими с Джином энергией, безустанной сфокусированностью, драйвом и амбициями. Как результат — эти двое саботировали группу, которой, по их мнению, нечестно манипулировали жадные жиды.

Но мы, разумеется, подкармливали наш миф: четверо парней бегут по улице, взмывают в воздух, живут под крышей. Просто замените Нью-Йорк на Ливерпуль — и это мы.

Йе, йе, йе!

Йе, оно самое.

32

Я всегда мечтал о «золотом» альбоме, и я всегда мечтал выступить в Мэдисон-сквер-гарден. «Золото» я уже получал. А 18 февраля 1977 года мы выступили в качестве хедлайнеров в Мэдисоне. И там случился аншлаг.

С тех пор как я возил пассажиров в такси на концерт Элвиса в Мэдисоне, прошло четыре с половиной года.

В Мэдисон-сквер-гарден я видел «стоунз» — на самом деле билет на этот концерт я подделал. Я там видел концерта Джорджа Харрисона в пользу Бангладеш. Я спал у Масу's в Куинсе, чтобы купить билеты на этот концерт. В Мэдисоне слушал Элиса Купера. В Мэдисоне видел Ringling Brothers Circus.

Мэдисон-сквер-гарден символизировал полномасштабный серьезный успех. Там сыграть — это дело. Это очень крутое дело.

Перед концертом я так нервничал, что выпил полтаблетки валиума. Боялся ли быть вялым? Да никоим образом. В обычный-то вечер адреналин зашкаливает, здесь вот — возвращение домой с аншлагом в Мэдисон-сквер-гарден. Даже если б я еще несколько таблеток принял, то после концерта еще бы марафон пробежал в рекордное время. Такого плана шоу были все еще в новинку — я еще не привык к тому, что мы *настолько* популярны.

Иногда стоять на трамплине страшнее, чем прыгнуть. Ясное дело, как только я вышел на сцену, сразу развеселился. Вот эта первая волна энергии от кричащей публики и от слепящих прожекторов — она очень мощна. Множество людей, вперивших взор в тебя и посылающих тебе энергию, создает реальную силовую волну. Звучит, наверное, как какое-нибудь рассуждение в стиле нью-эйдж, но чувство это просто ошеломляет.

Все шоу несло невероятный эмоциональный груз. Но ко второй песне я почувствовал себя как дома.

Я знал, что в зале мои родители, и не мог не приколоться: «Ах, вот же мой мальчик, который на восьмидюймовых каблуках, в губной помаде и надрачивает гитару». Но я кое-что им доказывал. Что они ошибались. Что это можно сделать. И я это сделал.

Видите? Я и есть *особенный.*

И тут из темноты прилетела бутылка, и ударила меня в голову. Увидал в последнюю секунду, дернулся — ударила у глаза, хотя могла бы в глаз попасть. Стекла меня порезали, до конца концерта из царапины шла кровь. В каком-то смысле это круто, конечно, но я чувствовал боль — не физическую, но от того, что кто-то решил такое сделать. И в то же время я понимал:

это не со зла. Такой импульс я и раньше наблюдал. Фанаты просто хотят до тебя дотронуться — неважно, каким способом, каким смогут. Ну, вот кто-то смог бутылкой. Наша команда, парни всегда нам преданные, этого зрителя нашли и хорошенько отметелили.

Но это был первый раз, когда я ощутил себя уязвимым даже на сцене. Обычно я — в световом пятне прожектора, там, в зале — темная масса, а теперь оказалось, что меня можно поранить. Впервые до меня дошло, что не только я могу разрушить пресловутую четвертую стену, но и они тоже.

В связи с тем концертом в Мэдисоне мы провели примерно неделю в Нью-Йорке, и вновь я столкнулся с тем фактом, что вне группы у меня никакой реальной жизни не существует. Большинство моих знакомых музыкантов любили поговорить об оборудовании, а я за такие разговоры гроша ломаного не дам, мне на это плевать. Я думал, что в мире гораздо больше всего важного и интересного, даже если я сам до сих пор изучал, что именно. Мне нравились беседы об истории музыки, об эмоциях, которые она вызывает, а не о технике. Я частенько чувствовал себя неудовлетворенным — не было друзей, не с кем поговорить на какие-то интересные вдохновляющие темы, не от кого узнать что-то полезное и новое.

Женщины, которых я трахал, — ну, они вообще не для бесед глубоких. Я вообще их выбирал по тому, что люди подумают, и потому, что я *надеялся* убедить себя: *наверное, я ценный человек, раз такая женщина хочет быть со мной*. Смысл отношений с ними — в поддержании самооценки. Быть с кем-то ради приятных минут означало быть с женщиной, которую все хотят, и все завидуют, что у меня такая. К счастью, иногда я встречался с женщинами не просто красивыми, но также при этом умными, остроумными, начитанными. Но даже с такими не получалось отношений — я почти ничего не мог предложить им. Я был закрытым и ничего от себя отдавать не собирался. Так что в основном все это было взаимное оказание услуг.

Хотя я затруднялся четко сформулировать всю эту ситуацию, но она заставляла меня чувствовать себя еще более изолированным, чем всегда.

Помню, у меня дома одна гостья моя вдруг жутко захотела кокаина. Она явно на нем сидела давно и плотно. Стала одеваться, чтобы пойти на улицу раздобыть дозу. «Сейчас вернусь», — уверила она. «Если сейчас уйдешь, — срезал я, — можешь больше не возвращаться».

Так бывает: ты с кем-то, но при этом чувствуешь себя одиноким.

Для меня на самом деле быть одному физически — это было гораздо хуже. Однажды вечером я поехал на своем «мерседесе» цвета бургунди в один хипстерский, модный бар-ресторан. Одно из тех мест, которые славятся своей тусовкой. Притормозил близ входа у обочины, на пересечении Пятой авеню и 11-й улицы, и сижу в машине, не выхожу. Хотел зайти внутрь, поболтать, может, с кем-нибудь потусоваться. Но сидел как примерзший.

Не могу же я сам в одиночку войти туда!

Я никого не знал. Позволить себе риск оказаться в такой ситуации я не мог. Друзей заводить не умел. Тусоваться не привык. Вот Звездный Мальчик — вот он бы вел себя как надо, ясное дело. Даже та версия Звездного Мальчика, которого я умел изобразить на вечеринках, устраиваемых промоутерами, радиостанциями или нашим менеджментом. Но то были контролируемые ситуации. Люди там ждали Звездного Мальчика, а я зависел от Звездного Мальчика, чтобы контактировать с ними. Все зависело от моего умения притвориться приятной персоной и спрятать мое настоящее «я», этого одноухого мальчика из Куинса, который до сих пор не мог поверить в то, что кто-то может полюбить его, а если б кто и полюбил, то он не знал бы, что делать.

Кто я? Где мое место?

По всему выходило, что я — гигантская рок-звезда, но вот сижу тут в машине у ресторана и пошевелиться не могу, боюсь войти туда. Контраст между тем, как меня воспринимали, и реальной ситуацией, в которой я находился, не мог быть более резким.

Кто в это поверит?

Бросив последний взгляд на вход, я съехал с бордюра, обогнул квартал и погнал обратно в пригород, в свою квартиру. Не обладал я базовыми навыками поведения в такой обстановке. Большинство людей столбенеют от одной мысли, что надо выйти на сцену. Я — нет. Вся моя пустота и неуверенность оставались сбоку от сцены. Ради этих моментов я и жил. Я хотел, чтобы меня любила толпа, потому что сам еще не научился любить себя до такой степени, чтобы преодолеть самые простые социальные фобии, которые копились у меня вне сцены.

Ну когда же снова на гастроли?

Судьба смилостивилась — в очередное турне мы поехали довольно скоро. А уже в марте приземлились в Японии на 747-м компании Pan American, прямо в разгар совершенно битловского фурора вокруг нашей группы. На самом деле именно битловский рекорд посещаемости токийского зала «Будокан» мы и побили. Размер нашей звездности в Японии меня самого поразил.

У нас была идея пройти таможню и паспортный контроль в гриме и костюмах. Грим и костюмы мы взяли на борт, за несколько часов до приземления начали одеваться и краситься, но прилетели с опозданием, и человек, который должен был нас без проблем провести через все процедуры, уже сдал пост и ушел домой. А без него, чтобы пройти паспортный контроль, нам пришлось грим смыть. После того, как пограничники сравнили наши фото с нашими лицами и убедились, что мы это мы, мы с невероятной скоростью снова накрасились — так быстро мы этого никогда больше не делали — и вышли к тысячам ожидающих нас фэнов. Это была пандемия какая-то. Мы в машинах — они, как рой саранчи, вокруг. Я занервничал, ощутил приступ клаустрофобии.

«Улыбайся», — спокойно сказал Джин сквозь зубы.

Следующие две недели мы посещали роскошные вечеринки и японские бани. В банях работали такие банщицы, у которых, после того как ты разделся, явно вырастали еще руки и всякие конечности, потому что они с твоим телом такое делали… вот если б я сам себе такое мог делать — я бы из дому не выходил.

А еще тогда же в Японии я пообщался с руководством Hoshino Gakki, производителем гитар Ibanez. Мы сидели в зале заседаний совета директоров, где я им излагал свою точку зрения на то, что такое хороший звук и внешний вид гитары. Из этого общения родилась моя первая именная модель гитары. То, что гитара с моим именем продается в магазинах музыкальных инструментов по всему миру, — это, конечно, веха. Для меня как для любого музыканта.

Отыграв последний концерт, мы вылетели обратно в Лос-Анджелес. А там узнали, что согласно опросу Гэллапа оказались самой главной группой Америки, оставив позади Aerosmith, Led Zeppelin, Eagles и многих других. Вскоре журналы стали публиковать свои читательские опросы с примерно теми же результатами. В опросе журнала *Circus* мы шли ноздря в ноздрю с Led Zeppelin, но все же опередили их. Теперь я был высокого мнения о нашей деятельности, но поскольку я нормальный человек, а не сумасшедший, в одной лиге с Led Zeppelin *я* сам нас не видел. Те же самые издания публиковали опросы читателей на тему любимого музыканта, и в категориях «Лучший гитарист» и «Лучший барабанщик» лидировали Эйс и Питер соответственно, а это еще больше увеличивало разрыв между тем, кем они себя считали, и их реальными способностями. Если б только читатели *Circus* знали, что эти двое почти все время находились в каком-то нечеловеческом состоянии, на все плевали и были настолько обдолбанны, что в студии либо играли свои партии с

огромным трудом, либо их за них исполняли безвестные лабухи. И я понял, что если мы не доверяем критикам, которые называли нас торгашами и опускали нашу музыку, то и людям, что называют нас виртуозами, верить не стоит. Питер и Эйс с этим не соглашались. Пресса только усиливала их выдумку о том, что они якобы музыканты мирового класса. Собственно, Эйс таковым мог бы быть на самом деле, но свой талант — а также тело и мозг — он нещадно истреблял бухлом и наркотиками. А Питер? Начиная с альбома *Destroyer* и далее, то, что хотела делать группа, выходило за пределы его возможностей.

До того, как вернуться в Нью-Йорк записывать новый альбом, мы провели несколько ничем не занятых недель в Лос-Анджелесе. Однажды вечером я пошел потусоваться с Литой Форд, которая тогда играла в группе The Runaways. Мы с Литой весело проводили время. Ей тогда было всего девятнадцать лет, но ее группа недавно выпустила уже второй альбом и собиралась в тур по Японии. Мы с Литой отправились на некий концерт в клуб под названием Starwood. Концерт начался с группы The Boyz, в которой тогда играл гитарист Джордж Линч, впоследствии прославившийся в Dokken. The Boyz исполнили кавер «Detroit Rock City». Следующими выступали Van Halen, которые произвели на меня сильное впечатление. У них на следующий день был запланирован концерт, и я позвал Джина со мной сходить послушать их.

И вот в тот второй вечер, ближе к финалу выступления Van Halen, Джин вдруг встал и ушел куда-то. Я и не подозревал, что он пошел за кулисы, чтобы предложить группе прийти в студию и сделать демозапись. Он мне об этом ничего не сказал. Вернувшись на свое место в зале, он ни о чем таком даже не упомянул. Я об этом узнал лишь потом. Мне это показалось странным: я-то всегда считал Джина единственным членом группы, на которого я могу положиться, а он, получается, за моей спиной делал свои дела. И вот постоянно у него были такие порывы. Объяснять мне свое поведение, которое я считал нечестным, подлым, он нужным не считал.

В тот период в Калифорнии я также начал общаться с Джеорген Лапьер, сестрой Шер. Джеорген тогда блистала в мыльной опере «Главный госпиталь». Она была очень, очень умной — входила в сообщество людей с высоким IQ Mensa, и я просто обожал беседовать с ней. Мы с ней встречались периодически более года, хотя я через какое-то время сказал прямо, что и с другими я тоже хочу общаться. Был, то есть, в этом смысле предельно честен, ничего не скрывал. Я понимал, что телефонный роман может длиться вечно: болтаешь-болтаешь,

потом желаешь доброй ночи и идешь своими делами заниматься.

Закончилось наше пребывание в Лос-Анджелесе, я улетел в Нью-Йорк. И вот в этом полете мне явилась песня «Love Gun» — вся целиком, готовая: мелодия, текст, партии всех инструментов. Удивительное дело, для меня крайне редкая ситуация. Саму идею «ружья любви» я украл из песни «The Hunter» в версии Альберта Кинга, из которой, кстати, цеппелины позаимствовали свою «How Many More Times», вышедшую на их дебютном альбоме. К моменту приземления самолета я уже готов был писать демо.

В Нью-Йорке я позвонил знакомому барабанщику и почти сразу отправился в студию Electric Lady записывать песню. Мне в то время уже не надо было даже для демозаписей искать менее шикарные студии, я мог себе позволить все записывать в студиях высшего класса, а Electric Lady просто была моей самой любимой. И там я использовал то же оборудование и ту же пленку, на которых другие группы делают мастера́. Оказалось, что это проклятие и благословение одновременно. Конечно, демки эти звучали очень круто, качественно. Но запись демо в хороших студиях — риск «демовщины», так сказать, то есть из-за хорошего качества записи ты как бы привязан к ней, теряешь гибкость мышления, когда пишешь нормальный альбомный трек. Так из финальной записи исчезает спонтанность. И для новых предложений ты закрыт — есть же уже готовая концепция. Именно по этим причинам в конце 80-х я перестал делать демо.

В случае с «Love Gun» странность заключалась в том, что хотя альбомная версия — это точное «факсимиле» демотрека, когда мы ее записывали, Питер не смог сыграть «бочку» так, как в демо. После того как Питер записал свою партию, пришлось приглашать другого барабанщика, который сыграл бит басового барабана, который у Питера не получился.

Альбом мы записывали в Record Plant — это еще одна легендарная нью-йоркская студия. Располагалась она у Таймс-сквер, район в то время, мягко говоря, не особо примечательный. На первом этаже здания за стеклом сидела консьержка, которая впускала тебя по звонку. На окне — жалюзи, и когда ты проходил через открывшуюся дверь, то видел, что комната консьержки отделена от коридора еще одной дверью на замке. Не могу даже примерно подсчитать, сколько раз я, выйдя из студии на перерыв, заходил в эту маленькую комнатку консьержки, она закрывала жалюзи, запирала дверь и стонала: «Ох, Пол!» Я, конечно, не дурачил себя мыслью, что я тут один-*единственный*, но что *один* — это точно. И чувства меня обуревали классные. Трахнем кофейку в перерывчик, ага.

Во время нашего пребывания в Нью-Йорке Джин принес в

офис Билла готовые демозаписи группы под названием Daddy Long Legs. Оказалось, что Джин придумал такое название вместо их родного Van Halen. Мы с Биллом запись внимательно прослушали и потом, без Джина, обсудили. Решили не заниматься этой группой. Не потому, что они были недостаточно хороши. Не потому, что они не обладали огромным потенциалом. Нет. Мы просто хотели защитить KISS, которой, чтобы наступать по всем фронтам, требовалась ежедневная сфокусированная работа. Блуждающий взгляд Джина же представлял очевидную угрозу тому, чего мы добились и чего еще стремились достичь.

Для тура *Love Gun*, который стартовал в Канаде в начале июля 1977 года, после выхода альбома, мы — впервые в жизни — завели себе личный самолет. До того мы всего раз летали на частном, но так получилось случайно: поломалось расписание, и в один далекий заброшенный город пришлось лететь на крошечном Learjet. Но тут совсем другое дело: этот самолет — наш. Самолет этот был — Convair 280, с пропеллерами, набитый старой мебелью — летающий антикварный магазин прям. Вели его первый пилот Дик и второй пилот Чак. Стюардессу звали Джуди.

Дик с Чаком постоянно ругались и орали друг на друга прямо в кабине. «Ты мудак!» — «Иди нах!»

Уверенности это не добавляло.

Однажды мы уже прилетели, приземлились, но, сделав круг по аэродрому… снова взлетели. Оказалось, пилоты наши посадили нас в международном аэропорту, а мы должны были сесть в частном. В другой раз я в середине полета заметил, что из одного мотора вырываются языки пламени. Я велел Джуди позвать Дика. Он пришел, поглядел, пожал плечами: «Да все нормально, не волнуйся». И ушел обратно в кабину. Что-то должно было случиться.

На мой день рождения явились одетые как трансвеститы, подарили мне платье. Слева направо: Питер, Джин, я, Эйс. Город Линкольн, штат Небраска, 1977 год

Сам тур при этом проходил более чем достойно. В очень многих городах пришлось заряжать дополнительные концерты, а еще по ходу дела мы записали наш второй концертник, *Alive II*. Сама идея выглядела симпатично: мы же сначала выпустили три студийных альбома, потом концертный, а сейчас у нас вышло еще три студийных. Так почему б не зарядить очередной концертник? Проблема заключалась в том, что под живой альбом надо было составить особый концерт группы KISS, потому что не хотелось повторять материал первого концертника. Тот, первый, — задокументированный стандартный концерт нашей группы. Второй таким быть не мог, потому что многие старые песни еще не ушли из нашего сет-листа, мы их постоянно играли, на всех концертах. Так что теперь нам предстояло сконструировать такое шоу группы KISS, которого в реальности не существовало, но с динамикой настоящего концерта. Но даже при этом задача не казалась особо сложной, у нас же уже было много новых классных песен — «Detroit Rock City», «Love Gun», «God of Thunder». И снова мы искусственно создавали атмосферу зала так, чтобы запись отражала безумие настоящего концерта. Например, взрывы на сцене вызывали компрессию микрофонов,

так что пришлось снова использовать запись палящих пушек. А для задней стороны обложки, мы решили сняться на саундчеке в Sports Arena в Сан-Диего — причем все наши эффекты «включить» разом, то есть все взорвать, а самим взлететь на гидравлическом подъемнике. И хотя на концертах эффекты никогда не срабатывали одновременно, но фото точно передавало вот этот вот убойный эффект нашего концерта.

Вторая проблема *Alive II* являлась следствием первой. Если включить в него только песни из вторых трех студийных альбомов, то они займут всего лишь три стороны из двух пластинок. Для двойного альбома, понятно, надо четыре стороны. Ну и что нам делать? Мы решили добить четвертую сторону студийными треками. Я лично к этой идее отнесся без восторга. Чтобы студийные треки звучали как концертные, мы сыграли их в Capitol Theatre в городе Пасейк штата Нью-Джерси. Я для этого дела написал в соавторстве с Шоном Дилени песню «All American Man», но в целом этот новый материал был так себе. «Anyway You Want It» группы Dave Clark Five — песня, которую я давно любил, да и Джин ее обожал тоже. Оригинальная версия 1964 года была просто грандиозна, наша версия даже близко не валялась. Но надо же было чем-то забить четвертую сторону…

Эйс ни на одной студийной песне не сыграл, кроме своей «Rocket Ride». Вместо него мы пригласили Боба Калика, который пробовался в нашу группу во время общего прослушивания 1972 года. Мы с ним тогда подружились.

Тур шел, мы летали на нашем самолете, в кабине Дик и Чак хамили друг другу. Пока Uriah Heep разогревали нас, я все время строил глазки очень красивой девушке, которая ездила с их клавишником. Когда эта группа покинула наш тур, я позвонил тур-менеджеру: «Найди эту девчонку». На следующий день она вернулась в тур — только ездила теперь уже со мной. *Вот это вот* было рок-н-роллом.

В Хьюстоне один человек принес мне гитару Flying V 1958 года — я такую как раз очень хотел иметь. У этой гитары даже родной кофр сохранился. Я спросил, сколько он за нее хочет. «Тридцать шесть сотен баксов», — ответил парень. «Да брось ты, три шестьсот — это ж огромные деньги!» Но он — ни в какую. Я выложил всю сумму. Снова меня гитарная блоха за задницу укусила.

В Калифорнии мне сказали, что один парень продает Les Paul цвета «санберст». Я купил ее за 10 000 долларов. В то время — целое состояние, но она попала на обложку библии «санберст»-гитар — *The Beauty of the 'Burst* («Красавицы Берсты», обыгрывается название сказки «Красавица и чудовище», *The*

Beauty and the Beast — Прим. пер.) — и сейчас оценивается в один миллион долларов. Самое приятное тут то, что эту гитару до сих пор называют «Стэнли берст», хотя я уже не владелец. К концу тура *Love Gun* я имел уже девять первоклассных гитар, включая те, которые уже купил.

Спрос на билеты на концерты KISS рос весь год. А находиться на сцене для меня по-прежнему означало все остальное ставить на паузу. Выступления были для меня в чистом виде эскапизмом, радостью и душевным подъемом. В обычной жизни я не мог избавиться от неуверенности, а все возрастающая грызня внутри группы заставляла меня чувствовать себя все более изолированным. Однажды ночью я даже решил попробовать выходку рок-звезды — разнести номер. Начал все крушить, но почти сразу остановился.

Я зачем это делаю? Для чего?

В номере теперь хаос.

А это же моя комната, я теперь тут прибрать должен.

Но, выходя каждый вечер на сцену, я сбрасывал все проблемы у лестницы.

Мне очень нужно было, чтобы толпа меня любила. Ибо никто больше меня не любил. Даже я сам.

Когда с такими мыслями сходишь со сцены — испытываешь одиночество. Кажется, что в твоей жизни очень многого не хватает. В декабре 1977 года, когда мы вернулись обратно в Нью-Йорк, у нас уже было продано с аншлагом еще три концерта в Мэдисон-сквер-гарден. И вот после двух концертов все ребята отправились встречаться с семьей или друзьями, а я оказался в одиночестве в Sarge's Deli на пересечении Третьей авеню и 36-й улицы, поедая суп с шариками мацы. С одной стороны, я — рок-божество, собиравшее несколько раз Мэдисон-сквер-гарден, и, по идее, люди должны мне завидовать и злиться, что не были добры ко мне раньше. А с другой стороны — сижу в одиночестве в этом магазинчике-забегаловке и ем суп.

С такой жестокой реальностью сладить сложно.

После финального концерта в Мэдисоне Билл Окоин закатил вечеринку в шикарном особняке. Я выписал подружку из Детройта. На вечеринке всех развлекал Санта-Клаус. Там было столько лобстеров — я в жизни столько не видел: сотни и сотни громоздились на гигантских блюдах. Этот океан, наверное, чистили неделями. А мы все еще не понимали, что все эти штучки оплачиваются из нашего кармана.

На вечеринку пришли Джордж Плимптон (журналист и писатель, один из ярких представителей т. н. нового журнализма и журналистики участия. — Прим. пер.) и Энди Уорхол. Всегда

интересно было познакомиться с представителями других жанров — художниками, писателями, артистами. *Ого, это ж Джордж Плимптон*. Но я нормально общался с людьми только в контролируемой ситуации. Не хотел рисковать и разоблачаться. Слишком стеснялся.

Я заперся в ванной с одной женщиной с радиостанции. Когда мы закончили, застегнулись и пригладили растрепанные волосы, я вернулся обратно. Ко мне подошел Энди Уорхол и сказал: «Тебе надо как-нибудь прийти ко мне на Фабрику — я напишу твой портрет».

Я не настолько крут, чтобы тусоваться с такими людьми!

Я не пошел. До сих пор сильно жалею.

Отыграв подряд три концерта кряду в Мэдисоне, я понял одно: то, что, как я думал, меня починит, не помогало совсем.

Если все эти люди, глядящие на меня снизу вверх, видят во мне особого, звезду, то должен ли я так же себя чувствовать?

Теоретически — возможно. Наверное, в то время, когда я на сцене. Но успех, слава и перемены в восприятии меня людьми не изменили того неправильного, что скрывалось под гримом. Я добился того, чего хотел, но ответа не получил. Того, чего раньше не хватало, по-прежнему не хватало. Вопрос, собственно, заключался в том, *чего* не хватало? *Что* было не так?

И вот тут-то, когда тур *Love Gun* уже сворачивался, в начале 1978-го, произошло странное. На том этапе, который представлялся пиком нашей популярности и когда сцена давала мне отдохнуть от пустоты и несуществующей домашней жизни, мы вдруг прекратили ездить в турне. Отчасти из-за того, что мы просто не могли это делать физически. Эйс и Питер уже так утонули в наркотиках и алкоголе, что либо вели себя враждебно, либо вообще ничего не соображали. Когда они все-таки могли как-то функционировать, то создавали головную боль для всех вокруг. Мы друг с другом не разговаривали. Мы друг друга терпеть не могли.

И больше года мы не играли ни одного концерта.

И что мне теперь было делать?

33

Одним из роскошных капризов Билла была идея фильма «KISS встречается с фантомом парка». Фильм он рассматривал как следующий шаг для нас. У The Beatles были «Вечер трудного дня» и «На помощь!», и нам нужно было свое кино. Нам он эту идею впарил как «Вечер трудного дня» плюс «Звездные войны», а эта картина как раз вышла за год до этого. То есть предполагалось дикое количество крутейших спецэффектов.

В группе никто ни малейшего понятия не имел об актерской игре. Ни один не прочел сценарий. Да и неважно, мы Биллу доверяли. Когда начались съемки, не нужен был специалист, чтобы понять, что мы глубоко в дерьме и нам из него не выбраться. Например, режиссер после каждого эпизода спрашивал *нас,* как по-нашему, получилось, нравится ли? А мы понятия не имели, что мы вообще делаем. Для нас хороший дубль — это если мы не просрали свои слова. Если нам удавалось произнести слова правильно, то мы переходили к следующей сцене.

Слова нам давал специальный человек. Когда мы готовы были сниматься, я кричал: «Слова!», и этот человек говорил: «Слышь, Эйс, пора б нам уже того!». И я повторял: «Слышь, Эйс, пора б нам уже того!».

«Это хранитель».

Ужас, конечно. Все это даже отдаленно не напоминало актерскую игру.

В одной сцене у нас на проводáх левитировала коробка — мы считали, что провода сотрут специалисты по спецэффектам. Не совсем так.

Причем все это время мы четверо друг с другом не разговаривали, только обменивались репликами в кадре. Питер с Эйсом во время съемок частенько уходили с площадки. В одной сцене пришлось Эйса заменить каскадером-негром — Эйс просто исчез, никому ничего не сказав. В фильме ясно как божий день, что в кадре не Эйс.

В другой сцене мы должны были изобразить выступление в парке развлечений «Волшебная гора». Уже на сцене я обернулся и увидел за барабанами какого-то старика с размалеванным под Кота лицом, который типа барабанил и жевал жвачку. Просто Питер свалил куда-то, пришлось этого чувака посадить за барабаны.

Единственным светлым пятном во всей этой истории с фильмом стало то, что грим нам наносили гримеры из династии

Уэстморов. Уэстморы тогда были первой семьей голливудского грима. Пращур Джордж организовал первый отдел гримеров для одной голливудской студии еще в 1917 году, а все последующие поколения его потомков становились легендами грима и эффектов. Я годами постепенно осваивал все хитрости наложения грима на лицо, и раз перед съемкой один из сынов династии Уэстмора увидал, как я это делаю. И спросил:

— Ты где этому научился?

— Нигде, сам, путем проб и ошибок.

— Мы б такой грим точно так же накладывали бы, — сказал он.

Клево.

Готовый фильм мы увидали на просмотре в Театре гильдии киноактеров на бульваре Сансет. Вот если вы полагаете, что фильм этот плохо смотрится на телеэкране, то вы просто широкоэкранную копию не видели! Люди на просмотре ржали не стесняясь. Я тихо сползал по креслу. Чистое унижение. Фильм — кошмарное барахло. А по окончании включается свет, надо встать и выслушать от всех причастных к съемкам ложь о том, как все здорово, и это еще унизительнее.

Во время того «концерта» в «Волшебной горе» Эйс впервые заметил, что хочет уйти из группы. Мы прямо на съемочной площадке провели собрание группы. Билл и Нил тут же решили нас не распускать ни в коем случае. «Тебе не надо уходить из группы, — увещевал Билл. — Мы выпустим по сольному альбому!»

Это оказалось вторым нашим дорогостоящим капризом.

Нил сказал, что выпустить надо все в один день. Продажи он прогнозировал на уровне одного миллиона экземпляров каждого сольного альбома. Билл подкинул идею: все обложки рисует один художник, чтобы подчеркнуть связь. И он же предложил каждому члену группы посвятить свой сольник остальным трем парням — ну, чтобы поддерживать миф.

Мы, конечно, так и написали, но менее всего мы желали друг другу удачи.

Так что, по завершении проекта «KISS встречается с фантомом парка» каждый из нас отправился делать свой сольный альбом, абсолютно не ведая, чем занимаются все остальные.

Для меня-то, на самом деле, это стало хорошим развлечением. От стиля KISS я не хотел далеко уходить, но было просто очень здорово работать без всякого напряжения и нервов, без войны эго, будучи окруженным талантливыми людьми. Писать демки я начал в нью-йоркской Electric Lady, потом полетел в Лос-Анджелес перезаписывать их. После того как мы

перезаписали несколько песен, я обнаружил, что звучат они совершенно не так, как надо. Демо, возможно, получились несовершенными или очень качественными, но они ухватили то, что я искал, поэтому я решил от них не отказываться, а доделать. Мне нравилась их сырость и спонтанность. Потом в Лос-Анджелесе я записал еще четыре-пять песен — в Нью-Йорке со мной работала одна группа, а в Лос-Анджелесе другая. Единственным членом обеих был Боб Калик.

Насчет песен. «Hold Me, Touch Me» — о Джеорген. Во время нашего простоя я частенько летал повидаться с нею, собственно, о том и песня — ты далеко от меня, но, я надеюсь, думаешь обо мне. Но большинство песен — о Кэрол Кей, изумительной красавице из отдела прессы Билла Окоина. Я в то время с ней встречался и просто с ума по ней сходил. Веселая, умная, музыку любила — нам так жарко было, что краска на стенах лопалась. У Кэрол параллельно были романтические отношения еще с одним, и я изо всех, сука, сил старался, чтобы она перестала с ним встречаться. Я, конечно, наслаждался в этом классическом любовном треугольнике, но отчаянно пытался ее из тех отношений вырвать. «Tonight You Belong to Me» и «Wouldn't You Like to Know Me» — о ней. «Tonight» стала одной из любимых моих песен вообще, потому что всю эту сердцеразрывающую страсть и боль я познал очень хорошо.

Я и Кэрол Кей. Мой первый соло альбом отчасти рассказывает нашу историю

Странное дело, кстати: однажды ночью Кэрол сказала: «Ну ладно, я с ним расстанусь», и — нашу кровать как будто из шланга водой окатили. Меня прошиб пот. Паническая атака. Я подыскивал правильные слова, бормотал что-то, пытаясь дать задний ход и придумать правдоподобное объяснение тому, что у меня вид такой — как только что из-под душа. Правда же заключалась в том, что огромная часть моей жизни посвящалась тому, чтобы гоняться за признанием, одобрением и любовью, и вот когда мне выпал шанс получить признание, одобрение и любовь, я обалдел. Моя реакция меня самого изумила. Я-то думал, что быть с нею — это решение всех проблем. Но оказалось, что гораздо безопаснее было за этими штуками гоняться, а получить их в реальности я не был готов.

Не стоит и говорить, что парня того она решила не бросать.

Я решил микшировать свой сольный альбом в Лондоне, в легендарной олдскульной студии Trident. Захотел туда полететь на «конкорде» — никогда на нем не летал. Где-то над Атлантическим океаном до меня вдруг дошло, что самолет летит не ровно, а накренившись. Но что я знал? Тут пилот сообщил спокойным голосом: «Говорит капитан. Уважаемые пассажиры, вы, наверное, заметили, что мы летим под небольшим углом. Дело в том, что у нас отказал один двигатель».

И мы, блин, с одним мотором в середине Атлантики!

«Мы возвращаемся в аэропорт имени Джона Кеннеди».

Так если мы летим на одном моторе, то почему б нам не лететь в пяти футах над водой, а не в пятидесяти пяти тысячах над ней?

Через десять минут капитан снова вышел на связь: «Мы расходуем топлива больше, потому что летим на скорости ниже скорости звука, так что до Нью-Йорка не дотянем».

Это никуда не годится.

«Курс на Новую Шотландию».

Вот это мне вообще не нравится. Какого хрена мы на такой дикой высоте?

Через продолжительное время тот же спокойный голос: «До Новой Шотландии не долетим».

Так куда ж, блин, летим-то?

«Мы приземлимся в аэропорту Гандер в Ньюфаундленде, нам нужна длинная посадочная полоса».

До Гандера мы дотянули и приземлились. Пассажиров отвезли в местный мотель, разделили по двое и поселили. Я сказал, что ни с кем вместе, сука, ночевать не буду.

На следующий день какой-то DC-10, совершивший

незапланированную посадку, подобрал нас. Мы там летели в отдельном отсеке. Короче, вместо запланированных трех с половиной часов поездка в Лондон заняла у меня семнадцать часов. А в Лондоне в тот раз мне очень понравилось. Несколько месяцев спустя, когда группа под названием New England, которая только что получила контракт с новообразованным рекорд-лейблом, попросила меня спродюсировать их альбом, я обговорил условие: микшировать буду только в Лондоне.

Все четыре наших сольных альбома вышли в конце 1978 года. Успешны они или нет — трудно сказать, это зависит от взгляда, тут стакан наполовину пуст или наполовину полон. С одной стороны, каждая пластинка продалась тиражом 500 000 экземпляров — не баран чихнул. То есть если рассматривать это как проект группы KISS — то два миллиона пластинок. Но Нил-то заказал напечатать по миллиону каждого альбома, так что два миллиона непроданных экземпляров девать ему было некуда. Слишком много хайпа, но из-за такого остатка на складе — финансовая катастрофа для лейбла Casablanca.

Сольные альбомы действительно подавили желание Эйса и Питера уйти из группы. Но это все работало как лейкопластырь на разрывающейся ране. Проект просто отложил на время то, чего было не избежать.

34

В записи моего сольного альбома принимали участие, помимо прочих музыкантов, три девушки и парень, выступавшие под названием Desmond Child & Rouge — они спели бэк-вокал в «Move On». В то время в Нью-Йорке было очень модно раздавать флаеры, и мне попался один с этими горячими девчонками и юношей — они давали несколько концертов в городе. Я на один сходил — в клуб в подвале на несколько сотен человек. Пошел, честно говоря, потому что девочки круто выглядели на картинке — развратные все такие!

Звучали они сногсшибательно. Группа с ними играла первоклассная, а девочки сами жопы рвали, чтобы круто спеть, и голоса строили действительно отлично. Живой, сексуальный концерт. В их стиле было нечто от Бродвея, от Brill Building, от Drifters, плюс еще легкое этническое эхо песен вроде «Spanish Harlem». Некоторые песни Десмонда, такие как его более поздние, типа «Livin' on a Prayer» Bon Jovi, рассказывали истории о людях из среднего класса и реальных чувствах. Мы с ним оба любили певицу и автора песен Лору Ниро. Мне нравился их вайб. Я подумал, что в Нью-Йорке сейчас артистов лучше нет. И подружился с ними.

В 1978 году, когда я только познакомился с Десмондом, он жил с Марией, одной из подпевки. Тогда она была его девушкой. А у него волосы были длинные и кудрявые, как у Питера Фремптона. То есть все они какие-то были сексуально двусмысленные, не определишь сразу. Помню, однажды вечером они были у меня в гостях, и я думал: *как-то мутно все, кто тут кто?* Десмонд и две девушки из трех уехали, одна осталась. Так я получил ответ — частично. Я немножко запал на еще одну из девушек Rouge, и спустя несколько месяцев самым приятным способом выяснил, что у нас это взаимно. А картинка совсем прояснилась, когда Десмонд совершил каминаут — объявил, что он гомосексуалист. Примерно в то время, в 1979-м, вышел их второй альбом. Альбом этот недвусмысленно рассказывал о душевных терзаниях, которые Десмонд испытывал по поводу своей ориентации. В то же примерно время я снова попал на их концерт в Bottom Line и сразу понял, что группе конец. Все они боролись за место на сцене. А менеджер их днем подрабатывал турагентом. Помню, я им сказал: «Когда вы болеете, вы кого вызываете — врача или сантехника?»

Но было уже слишком поздно. С ними неправильно работали, группу разрывали трения, и магия исчезла.

Мы с Десмондом уже вскоре после нашего знакомства принялись вместе писать песни. Я приходил к нему домой с гитарой, и он подпевал или сам играл на клавишах. Первая песня, которую мы написали вместе, — это «The Flight», она вошла в их дебютный альбом 1978 года. А в начале 1979-го мы работали над еще одной песней. Стимулом послужила ночь, которую я провел в знаменитом клубе Studio 54 — тогда наимоднейшее место в Нью-Йорке. И там я, слушая все эти песни с темпом 126 ударов в минуту, со всеми их текстами, подумал: *э, такое и я могу*. Дома я включил драм-машину на 126 ударов в минуту, сел и начал сочинять «I Was Made for Lovin' You». Странно, что некоторые фэны группы KISS считают песню эдаким продезинфицированным диско, поскольку фактически написана она в музыкальном блядюжнике.

А Studio 54 тогда была днищем беспредельного разврата. Даже для меня слишком крутого — мне там не по себе было. Там просто разврат происходил у всех со всеми и всегда, плюс наркотики на каждом шагу. Нет, это не мое, это слишком. Но вот танцевать мне там нравилось. Туда никто не приходил в белом костюме и не двигался, как Джон Траволта. Я лично спокойно проходил в джинсах и футболке и танцевал. Иногда заруливал туда в субботу вечером и не выходил до утра. Покупал воскресный выпуск New York Times и читал его в постели после последнего танца с женщиной, которую притащил с собой из клуба.

А музыка в Studio 54 вся была про «жить в моменте», отрываться то есть, веселиться. Так что и новую песню свою я начал строчкой: «*Сегодня вечером я* отдам тебе все…» Десмонд помог со словами куплета, а уже в студии, где KISS работали над очередным альбомом, *Dynasty*, появился припев — с помощью продюсера альбома Вини Понсиа.

Билл привел Вини Понсиа для того, чтобы задобрить Питера — Вини спродюсировал его сольный альбом. В это время Питер и Эйс были такими игрушки йо-йо — туда-сюда. *Они ушли или остались? Мы можем как-то продолжать?* И в то же время развалились отношения Билла с Шоном Дилени. Шона поставили работать с одной из новых групп Билла, после чего он просто исчез. После их разрыва с Биллом мы его вообще никогда больше не видели. Так что Билл нуждался в Вини как в миротворце.

Позже мы узнали, что все нанятые работать с нами проходили краткий инструктаж Билла: что кому говорить, чего кому ни в коем случае не говорить. Он следил, чтобы мы жили в этом искусственном мире, где никто не рискнул бы гладить нас против шерстки. Приглашенным на работу разъясняли, что

каждый из нас любит, что его обижает, что каждый жаждет услышать. Людям платили за то, чтобы они говорили нам то, что мы хотели слышать, и трудно было разобрать, какое их мнение идет от души, а какое — по долгу службы. Мы жили в прозрачном пузыре, как Элвис. Люди в прямом смысле держали для нас двери открытыми. Кто-нибудь открывал дверь в студию — а там всегда готовая еда. Билл знал нас всех вдоль и поперек, как свои пять пальцев. Знал, кого и чем успокоить и порадовать. Это менеджерская работа, особенно когда у тебя четверо таких, как мы тогда, — взрывных, горячих, непостоянных. Но эти же люди и поддерживали — никто не хотел, чтобы эта легкая нажива закончилась.

К чести Вини надо сказать, что он не хотел, чтобы Питер играл на *Dynasty*, вопреки их дружбе. Для Питера Вини был другáном. Но для Вини это было работой, а Питер уже не мог играть то, что нужно и о чем его просили. Поэтому играть барабанные партии Вини пригласил Энтона Фига. Энтон был участником группы Spider, которой занимался Билл, а также он играл на сольной пластинке Эйса. Впоследствии он играл в группе телешоу Дэвида Леттермана. Мы заключили сделку: Энтон получает хороший гонорар, но не за секретность. И поползли-таки слухи, что на альбоме играет не Питер, но мы не считали нужным их комментировать. Мы на самом деле никогда и не думали о том, чтобы выгнать Питера, — пока не думали во всяком случае, и в тот момент мы были все той же четверкой.

С Вини у руля альбом получился не роковым по сути. Но опять-таки, мы уже и не были рок-группой. Мы стали компашкой богатых мужиков, у которых исчез первичный порыв. И конечно, мы никогда не считали себя обязанными играть по чьим-то чужим правилам — диапазон музыкально приемлемого для нас со временем расширялся. Некоторые люди совершенно не возражали, что мы делаем все по-своему, но лишь до той поры, пока это «по-своему» не перечило «по-*ихнему*». А это уже считалось предательством.

Когда я в студии прослушал финальный вариант «I Was Made for Lovin' You», то просто обалдел. Ну да, не «Detroit Rock City» и не «Love Gun», но явный хит. Пока песня играла, в студию пришла другая группа — и им тоже понравилось. Это универсальная песня — сразу же захватывает твое внимание.

Был ли это просчитанный ход? Ага. Был ли это просчитанный успех? Ну, в конечном итоге безусловно. Но плохо ли это? Песня-то начала сочиняться в качестве вызова самому себе, слабó ли мне сочинить не брутальный рочок, а что-нибудь в таком вот стиле? Никакого отличия от вызова самому себе, как с песней

«Hard Luck Woman». Единственное отличие — в стиле. Не собираюсь приносить извинения за хит, который люди во всех уголках планеты до сих пор хотят, слушают и подпевают.

И шоу, которое мы поставили к *Dynasty*, уже было не рок-шоу, а скорее детская кукольная телепередача «Пафнстаф на льду». Наверное, в определенном смысле мы двигались к этому осознанно. Со временем демография наших поклонников расширилась, но перемена в нашем визуальном решении оказалась одной из многих ошибок, совершенных в то время. Для тура *Dynasty* мы вырядились в нелепые костюмы, напоминавшие персонажей Вегаса или Диснея, попрыгунчиков в разноцветном. То, что мы обычно надевали, я лично не считал костюмами, но вот одежда для того конкретного тура — это, безусловно, были костюмы. Я, например, носил слоистый лавандовый топик — наверное, потому что свой обычный серебристо-черный «лук» мы сочли слишком уж строгим и теперь решили каждому музыканту подобрать костюм под цвет того светящегося нимба, который на был на сольном альбоме каждого. Вышла жуть.

Сцену разработал я — этот шестиугольник с лифтами, поднимавшими нас на уровень сцены. За лазерную «занавесь», опоясывающую сцену, мы заплатили целое состояние. Лазеры тогда были еще в новинку, так что были они опасными, большими и охлаждались водой. Мы годами судились за то, чтобы получить обратно деньги за эту лазерную занавеску. К тому же мы сделали две сцены, ожидая, что придется быстро перемещаться из города в город. То есть чтобы мы могли, удовлетворяя спрос на билеты, добавить концерт в следующем городе и чтобы там вторая команда уже начинала ставить сцену, пока мы играем в этом. То есть чтобы не приходилось тратить день на то, чтобы одну сцену демонтировать и собирать заново в другом месте.

Билл, лишившись Шона, позвал работать с нами хореографа по имени Кенни Ортега, чтобы он что-то подкорректировал в шоу. Кенни потом работал над концертами Майкла Джексона и Шер, в фильмах типа «Грязные танцы», «Феррис Бьюллер берет выходной» и «Классный мюзикл», и даже над видеоклипом, который, как некоторые считают, уничтожил карьеру Билли Сквайера — «Rock Me Tonite». Еще Билл привел парня по имени Джо Гэннон, чтобы тот поставил нам шоу в стиле бродвейского мюзикла и стал стейдж-менеджером.

Наверное, не было ничего удивительного в том, что проблемы у тура начались сразу. Нехорошим знаком стало то, что первый же концерт отменили. Мы рассчитывали на множество концертов в каждой точке, но почти нигде так и не сложилось. В предыдущем туре 1977 года у нас уже было несколько раз по два-

три шоу на одной точке, и что дальше? По логике — больше концертов. А фигушки — меньше. У нас из-под ног выбили почву. Шок и страх: мы не росли, мы мельчали, а публика, похоже, передумала на нас ходить.

Почему они не ходят?

Мы себя продезинфицировали и явно теряли тот огонь, благодаря которому так далеко продвинулись. В Лос-Анджелесе мы остановились в отеле непосредственно напротив зала Forum, в котором играли. Я выглянул в окно, увидел очередь на концерт и покрылся холодным потом: там были почти сплошь семьи с маленькими детьми. Для нас — нехорошо: такая очередь обычно в цирк стоит. Но, правда, плюс в этом тоже был: я заметил много одиноких симпатичных мамочек. Можно приказать кому-нибудь из наших: «Мамочка-блондинка из третьего ряда», и ее с дитятей приглашали за кулисы, где малыша на время уводили на индивидуальную экскурсию… Но это все совсем не правильно, конечно.

Питер стал совсем неуправлялемым. Что бы мы ни делали — ему все всегда было не так. Если мы не будили его в свободный день, то он злился, что хотел в свободный день попутешествовать. Если в свободный день мы путешествовали, то он говорил, что хочет выспаться. Если он говорил, что за сценой слишком жарко, и мы включали кондиционер, он после его включения ныл, что мерзнет. Однажды он разбил кулаком зеркало, да так, что получил серьезный глубокий порез — пришлось оперировать и зашивать.

Для Питера стало обычным делом бросать барабанные палочки в меня, Джина или Эйса, если мы вставали перед его барабанами, при том что барабаны-то его стояли на подиуме, то есть публика Питера по-любому видела.

Если он хочет стоять на авансцене, то пусть, сука, на гитаре играть научится.

Но вот однажды в декабре 1979 года Питер принял перед концертом наркотики и играл совсем отвратительно. Когда я повернулся и сделал ему знак, что темп у него совсем съехал, то он начал замедлять темп, а потом разгонять его снова — со зла, ясно дело. Вот здесь он перешел черту. Одно дело — саботировать вне сцены, чем он занимался долго и много, видит бог. Но здесь другое, здесь — публика, поклонники, которые заплатили деньги за то, чтобы послушать нас.

Сразу после концерта мы с Джином и Эйсом обсудили инцидент. Такое предательство нас поразило. Неписаное правило гласило: все дерьмо оставь в гримерке; что бы там ни было, когда мы на сцене, мы — группа. Сцена — это святое. Намеренный

саботаж на сцене во время концерта — это со стороны Питера было совершенно откровенным предательством.

И мы решили, что Питеру надо уйти.

Эйс сейчас волен говорить все, что ему угодно, но он безо всякого давления проголосовал за увольнение Питера. И то, что он так проголосовал, делает ему честь. Что касается моего голоса, то решение не было ни холодным, ни просчитанным — тут просто встал вопрос выживания. Я что, должен был позволить его наркоте утопить всю группу и самому с ней сгинуть? Да ни в жизни. И Джин тоже так считал.

Мы позвали Билла и сообщили ему, что нужно избавиться от Питера. И еще: надо отменить все оставшиеся концерты и возвращаться домой. Ну а как еще, что делать? Биллу снова удалось все сгладить — он убедил нас взять паузу, не принимать поспешного решения прямо сейчас и продолжить тур с Питером, поскольку все равно осталось отыграть пару концертов. Питер, понятное дело, и не чуял приближения поезда, который его вот-вот собьет.

Сразу по окончании тура, в середине декабря 1979 года, Питер женился во второй раз — на Дебре Дженсен, модели *Playboy*. Странная сложилась ситуация. Я все думал: она бы вышла за него, если б знала, что он *бывший* барабанщик группы KISS?

В начале 1980 года Билл обязан был донести до Питера новость о том, что он больше с нами не играет. Вместо этого Билл снова ухитрился убедить нас троих дать Питеру второй шанс. Так что принятое решение мы опять не привели в исполнение, и через несколько месяцев — мы все равно в этот промежуток времени не выступали, а записывали *Unmasked*, вновь с барабанщиком Энтоном Фигом и Вини-продюсером, — мы согласились, что Питер вернется и попробует с нами поиграть. А на этот период Билл отправил Питера брать уроки у преподавателя ударных — именитого джазмена Джима Чапина. В день этой нашей совместной репетиции или прослушивания, или как там еще это назвать, но, в общем, пришел на базу Питер с пюпитром и пачкой нот. И говорит первым делом: «Мне все ваши песни теперь нужны в нотах, потому что я теперь играю по нотам».

Я шепчу Джину на ухо: «Мы что, в передаче “Вас снимает скрытая камера”?»

Питер сел за барабаны, поставил ноты на пюпитр и… поглядел в них какое-то время. А я бы хотел вам сейчас напомнить, что на той репетиции игрался *старый материал,* а не те новые песни, что мы сочинили и записали для альбома *Unmasked*. А мы, собственно, хотели проверить, способен

ли он сыграть те песни, которые уже давно знал. Ну, репетиция прошла неважно. Это был конец.

У меня такое кредо: если кто-то тонет — спасай, но если он и тебя тянет на дно — бросай. А тогда именно это и происходило. Все разговоры, советы, помощь ему — все было впустую, тупик для нас для всех.

После окончательного решения о том, что Питер ушел из группы, мы сняли видеоклип на песню «Shandi». Он там тоже снялся — пришел на площадку, зная, что это его последнее появление в составе группы KISS. В конце смены он собрал свой чемоданчик для косметики и ушел. Не то чтобы мы разрыдались в три ручья, но момент был силен. Питер же нас покидает. Мы его уволили, и сегодня — последний раз, когда мы видим его в группе.

Питер, Дебби и я. В Нью-Йорке дресс-код — смокинг

Вот странно, но самого Питера это как будто вообще не волновало. Очень вероятно, что он пребывал в наркотическом тумане, в связи с чем свой уход из группы рассматривал как

колоссальную новую возможность. По его мнению, он написал все наши главные хиты, так что теперь без нас сам станет большой звездой.

Ой, Питер ушел.

Пришел конец… чему-то. А собственно, чему?

Трудно было представить KISS, где не хватает кого-то из нас четверых. Дисфункционалы мы или нет, но все же были четырьмя мушкетерами. А того, что случилось, мы даже теоретически не допускали никогда. Ну вот что, если кто-то больше не захочет играть? А если кто-то будет не в состоянии делать свою работу? Но что бы ни раздирало группу изнутри, мы всегда оставались группой. А тут вдруг один выбыл. Нас это потрясло до основания. Что нужно было делать? Распадаться?

Правила изменились. Конечно, KISS теперь уже будет жить совсем по-другому.

35

Пока в первой половине 1980 года разворачивалась драма с Питером, мы оказались еще и в центре другой драмы — с нашей звукозаписывающей компанией. Дело том, что гигант PolyGram приобрел лейбл Casablanca, но в процессе поглощения полиграмовские юристы по какой-то причине недостаточно прошерстили существующие контракты. PolyGram считал, что вместе с нашим независимым лейблом покупает группу KISS и Донну Саммер, но именно в нашем контракте было т. н. положение о ключевом сотруднике. Иными словами, работать с нами можно было, только пока Нил Богарт у руля. По дошедшим до нас слухам, такой же контракт был и у Донны.

Теперь, если смотреть на нас с точки зрения гастролирующей группы, мы находились в упадке после тура *Dynasty,* на котором нам пришлось отменять концерты и наблюдать изменившуюся демографию слушателей. PolyGram же смотрел на нас с точки зрения издателя пластинок, а альбом *Dynasty* как раз оказался большим хитом: мало того, что попал в хит-парады дома, так еще и песня «I Was Made for Lovin' You» стала на тот момент нашим самым успешным синглом за пределами Соединенных Штатов — вошла в верхнюю десятку всех европейских хит-парадов и возглавила чарты в Австралии и Новой Зеландии. В этой ситуации наш новый лейбл, если бы дал нам уйти, выглядел бы полным идиотом, а мы как раз и должны были уйти, как только они «сольют» Нила. Мы оказались в выгодной для себя ситуации — лучше не придумать. Потому что PolyGram, дабы сохранить лицо, решил заключить с нами очень выгодную сделку. Обсуждать условия контракта в столь катастрофической для них ситуации оказалось ужасно выгодным для нас делом.

Правда заключалась в том, что на тот момент мы не зарабатывали огромных денег, особенно если сравнить доходы группы с тем, что выплачивалось нам. Мы, например, позже узнали, что с продаж мерчендайзинга группы KISS с 1977 по 1979 годы было выручено 100 миллионов долларов. Из этих денег все вместе члены группы в сумме отнесли домой меньше трех миллионов. Нашу порцию сжирали накладные расходы Билла. Но опять-таки, на тот момент мы настолько мало знали о бизнесе, что ничего этого не осознавали.

Мы обладали кредитными карточками, но живых денег даже не видели. Тем не менее сама мысль, что у тебя есть золотая кредитка, была очень приятна. Вот у моих родителей вообще никогда никаких кредитных карт не было. А поскольку счета по

нашим тратам приходили в фирму «Гликман — Маркс», которая их аккуратно оплачивала, то карточки делали покупку чем-то нереальным. У меня есть маленький пластиковый прямоугольник, с помощью которого я уношу из магазинов разные товары.

И теперь, когда мы вдруг получили на запись альбомов по новому контракту целый вагон денег, я решил купить квартиру. Хватит снимать — когда снимаешь, не создаешь капитал, что в моем случае просто неумно.

Сначала я хотел посмотреть квартиры на Пятой авеню, с окнами на Центральный парк. Изъявил свое желание риелтору, а она мне ответила: «Я могу вас отвести в квартиры, которые вы хотели бы посмотреть, или же я могу показать вам квартиры в домах, куда вас пустят».

«Простите, что вы имеете в виду?» — не понял я.

Тут она стала рассуждать про нуворишей и артистов. И вдруг умолкла. Потом добавила, что здания вокруг парка принадлежат «голубой крови и старым деньгам». С тем же успехом она могла сказать: «…а не жидам всяким». Я понял, что по этой неназываемой причине мне откажут в покупке квартиры во многих первоклассных зданиях, где я хотел бы жить. Мой агент проходила это все неоднократно и все эти расклады знала очень хорошо.

«То есть вы хотите сказать, что я не могу жить там, где я хочу?»

И тогда она объяснила, как работает система товариществ собственников жилья. Оказалось, что в городе Нью-Йорке большинство высотных зданий находится в совместной собственности всех жителей дома, и покупку квартиры новым жильцом должен одобрить совет, избранный собственниками. Это не как в кондоминиумах, где просто у прежнего собственника купил квартиру и живешь. Советы эти могут — и вовсю этим правом пользуются — блокировать заявки покупателей, которых не хотят видеть в качестве соседей. А видеть в качестве соседей обычно не хотят чернокожих и евреев.

Поселился я в итоге в здании на перекрестке 80-й улицы и Мэдисон-авеню, в квартале от Центрального парка и Метрополитен-музея. Наконец-то у меня было свое пристанище, убежище, укрытие, мой дом. Совсем другое чувство, когда жилье — твое, не съемное.

Апартаменты представляли из себя двухуровневую квартиру с тремя террасами. У меня там была музыкальная комната, на одной стене которой я поставил высокие встроенные шкафы со стеклянными дверьми — туда я повесил все свои коллекционные гитары и подсветил их. Получилось нечто среднее между Бэт-

пещерой и музеем.

В ванной комнате располагалась ванна размером и глубиной с небольшой пруд. Как-то я листал «Penthouse» и обратил внимание на женщину на обложке. Понравилась. Я позвонил секретарю Билла Окоина и попросил: «Найди мне ее». Пару дней спустя модель с обложки купалась со мною в этой безразмерной ванне. Клише не клише, но попивали мы в этот момент из бутылки «Дом Периньон». Вскоре мама меня спросила, встречаюсь ли я с кем-то особенным. Улыбнувшись, я посоветовал ей купить свежий номер «Пентхауса». Стоит ли говорить, что от некоторых откровенных снимков она потеряла дар речи. Должен сказать, что мне нравилось, как ее злит мой путь разврата. Со временем, правда, мамочка к этим моим безобразиям привыкла, они ее не шокировали больше, и она уже смотрела на все это со смиренным юморком.

И спальня там у меня была изумительная. Входишь и видишь огромный комод, покрытый черным лаком, а до потолка — зеркальное стекло с выгравированными ветками и птичками, подсвеченное снизу. Оно разделяло комнату. Моя спальня — как раз по ту сторону стекла. А над моей кроватью — огромное зеркало, которое вроде как выходило из этого гравированного стекла. Много времени я провел лежа, глядя в это зеркало, думая, как прекрасна жизнь. А когда я лежал с красивой женщиной, то думал: *о, а ведь это ж я, блин! Я в постели с такой шикарной женщиной!*

Однажды я лежал с той самой, из «Пентхауса», и смотрел по телевизору документальный фильм о расстреле в Кентском университете в 1970 году, во время демонстрации против войны во Вьетнаме. Она вдруг пришла в игривое настроение, а я ее отодвинул:

— Погоди, — говорю.

— Ты чего?

— Это важно.

— То есть это реальный случай?

Поскольку женщин я выбирал исключительно по внешности, то ожидал от них поведения исключительно в рамках того, кто они есть. А мимолетное чувство удовлетворения, которое я испытывал, глядя в потолок, все-таки облегчало жизнь дома, а не в турне. По крайней мере на какое-то время.

Я стал видеться с разными женщинами в городе. В определенный момент встречался с двумя девушками из кордебалета «Сладких девочек», мюзикла, в котором тогда блистал Микки Руни. Однажды я на этот спектакль взял с собой отца, и после мы пошли за кулисы, чтобы поболтать с одной из

девушек. Росту в ней было примерно шесть футов (т. е. метр восемьдесят два. — Прим. пер.), сама — роскошная, экзотичная. Когда мы вышли, я спросил отца:

— Ну чо, пап, горячая штучка?

— Кажется, она очень милая, — ответил отец.

— Нет, пап, она не милая, она горячая.

Для отца сексуальная привлекательность и вообще сексуальность были тем, что стоит укрощать, очищать, нейтрализовывать. Я придерживался другой точки зрения и хотел, чтоб он знал, что мне нравится эта грубая честность. Я смирился с тем, что иногда в этом ничего больше не было вообще. Вот та конкретная женщина не была милой, она была просто очень горячей. И этого было более чем достаточно.

Однажды утром мне позвонила одна, поговорили несколько минут, и я ляпнул:

— Да, прошлой ночью все было здорово.

А она:

— Прости… ты думаешь, с кем ты сейчас разговариваешь?

Ой.

В другой раз я поехал забрать бывшую модель *Playboy* из ее новой квартиры. Звоню в дверь — открывает другая женщина, но с ней я тоже в то время встречался! Оказывается, они вместе съехались, о чем мне решили не говорить — ради прикола. Вот поверьте, если б вы видели этих двоих, то поняли бы, что я не возражал оказаться мишенью для этой шутки.

Я вообще встречался одновременно с кучей женщин, и даже прошел тот период, когда посылаешь цветы одной, в то время как трахаешь другую. Если проводил ночь с одной — то посылал цветы другой. Ничего нечестного — я же не делал вид, что она у меня одна-единственная, но просто я их всех хотел.

Жил я, получается, тройной жизнью. Одна — это Звездный Мальчик. Другая — я без грима, я осознанный и воспринимаемый. Третья — настоящий я, который, несмотря на всю славу и обожание, все еще не чувствовал себя уверенным. Собственно, вот почему я почти все время проводил у себя в квартире, иногда с женщинами, чаще — в одиночестве. Некоторые люди считали меня надменным, холодным, чванливым, но по правде я просто был застенчивым и не уверенным в себе. И дело не в том, что я не *хотел* общаться с людьми и заводить друзей. Дело в том, что я не *мог*.

Все равно же у меня было только одно ухо и глухота на одну сторону. На людях я уходил в себя. И я не знал, что будет с группой, которая мне была единственной поддержкой.

Так что теперь?

В моем новом районе располагалось довольно много магазинов и галерей, продающих старинные вещи в стиле ар-нуво. Мне с детства очень нравились разноцветные стеклянные лампы от Тиффани. Когда я был маленьким, родители покупали старую мебель в комиссионках и ремонтировали ее. Некоторые предметы продавали, некоторые оставляли себе. Над обеденным столом у нас висела стеклянная лампа. Лампа эта была очень простая, такие висят в кафе-мороженых, но в то время любые лампы из разноцветного стекла люди называли «Тиффани». Когда я переехал к Метрополитен-музею, то с удовольствием ходил в магазин любоваться настоящим стеклом от Тиффани.

Однажды, когда я шел мимо Macklowe Gallery в своем районе, я заметил в витрине лампу от Тиффани и встал как вкопанный. В квартире моей еще не было никакой мебели, кроме кровати и гитар в стеклянных шкафах, но я зашел в магазин, чтобы поближе разглядеть лампу. Ценник на ней сообщал: *$70 000*. Я сразу купил ее, и потом сам нес ее до дома два квартала. Дома поставил в середине гостиной, на ковер, покрывавший пол от стены до стены, и включил в розетку. И вот я лежу на полу, смотрю на лампу часами, замечаю, как с заходом солнца, в сгущающейся темноте ее витражное стекло светит все ярче… Я в своем доме с красивой лампой.

Жизнь шикарна.

Мысль, что я мог купить все, чего ни пожелаю, заразила меня.

Может быть, скупка шикарных вещичек сделает меня счастливым.

Я гулял по Мэдисон-авеню и, увидав пару ботинок в витрине, заходил и спрашивал: «В каких цветах они есть? Давайте все». Испуганного мальчика внутри себя я драпировал, чтобы получился очередной большой человек в броне из шикарных шмоток.

Однажды мне захотелось заглянуть в ювелирный магазин с часами «Ролекс» на витрине. Поначалу они мне дверь не открывали. Когда открыли — вели себя надменно и хамили. Я оглядел товар, спросил про какие-то часы, сколько они стоили.

— Двадцать тысяч долларов, — буркнул продавец.

Я достал бумажник — в то время у нас уже на личных счетах водились такие деньги — и именно эту сумму отсчитал перед его лицом. И сказал:

— Знаете что? Не буду я ничего покупать. Потому что не стоит так обращаться с людьми.

36

В Штатах *Unmasked* оглушительно провалился, так что почти весь 1980 год мы бездельничали. В любом случае барабанщика-то у нас не было. Однако за границей сингл «Shandi» стал хитом, и на осень мы запланировали тур по Европе и Австралии. Но для этого все равно нужен был барабанщик. Прослушивание было делом странным.

Мы не хотели приглашать известного барабанщика. Хотели неизвестного, незасвеченного: глупо было бы упаковать в серебряно-черный костюм жирафа или кого-нибудь типа того Энтона Фига, или другой известный товар.

Билл дал в некоторые музыкальные журналы загадочные объявления, да и мы пустили слух по тусовке. К Биллу стали приходить кассеты, фотографии, биографии, а телефон у него звонил не переставая. Билл изучал материалы, и периодически мы устраивали прослушивания кандидатам, которых он для нас отфильтровал. Мы решили, что не хотим, чтобы новый барабанщик играл как Питер. Те, кто нас больше всего впечатлил, играли, можно сказать, «по-английски». Они играли бэкбит и неважно, на двух бочках или одной, но поклонялись тем же группам, что и мы. У Питера было достаточно проблем с тем, чтобы играть ровно на малом барабане и в бочку, так что для него сдвоенные басовые барабаны были вне обсуждения. Да и в любом случае для нашего стиля это не имело смысла. Две бочки, то есть два басовых барабана, пришли в рок-музыку как способ имитировать Джона Бонэма из Led Zeppelin — барабанщики мечтали делать то, что он делал с одной бочкой. Ногой Бонэм играл настолько быстро, что другим барабанщикам пришлось ставить две бочки и играть в них двумя ногами. Мы лично не собирались обязательно искать барабанщика с двумя бочками, но и не собирались ограничивать нового товарища по группе ни в чем. Поскольку мы искали нового музыканта, значит, мы собирались двигаться дальше.

Одним из тех, кто попал к нам на прослушивание, стал маленький бруклинский мастер по ремонту печей по имени Пол Каравелло. Такой крошечный человечек с большой копной волос и безо всякой особой ауры и отношения. Придя, он первым делом попросил у нас автографы. Когда он заиграл, я не сказать чтобы восхитился, но вот все остальные, кто находился в помещении, включая Вини Понсиа и Билла Окоина, сочли, что он играет просто отлично. Так что парнишку этого мы пригласили еще раз, и тут-то выяснилось, что у него еще и хороший певческий голос,

причем с хрипотцой, как у Питера. К тому же он быстро учился, все схватывал на лету.

Так мы нашли нашего человека.

Новый Пол захотел взять псевдоним, и мы тоже этого хотели, поскольку три Пола в группе — это перебор. Эйс ведь тоже по-настоящему Пол. Новичок сперва предложил назваться Расти Блэйдс (псевдоним переводится как Ржавые Клинки. — Прим. пер.), но на это предложение мы тут же наложили вето. К счастью, игра «Выбери псевдоним» продлилась недолго: вторым же вариантом он предложил Эрик Карр — имя, ничем не похожее на пародийную кликуху рок-звезды.

Эрик показался нам человеком хорошим. Некоторые из тех, кто приходил на прослушивание, вели себя как рок-звезды, полагая, что им это прибавит очков. А Эрик вел себя мило и прилично. В конце концов выяснилось, что и у него свои мучения, но для нас он после увольнения Питера совершенно точно стал глотком свежего воздуха, в котором мы так остро нуждались.

Он нам рассказывал всякие байки про починку печей. Например, когда заходишь в квартиру, открываешь печь, а там кишмя кишит всякими жуками и прочими тварями. А мы хотели ему доказать, что в группе KISS он ни в коем случае не будет гражданином второго сорта. Поэтому когда мы ему объявили, что он принят в группу, мы в качестве приветствия сделали две вещи. Первое: купили в подарок серебряный Porsche 924. Как-то так получилось, что я стал ему опекуном — обтесать его, подучить. Вот, например, получил он машину, и тут же спрашивает меня: «А можно ее в камуфляж перекрасить?»

«Не вздумай», — говорю. Мне кажется, не стоило стильную импортную машину превращать в цирковой фургон.

Потом я повел его в магазин под названием French Jeans Store («Магазин французских джинсов»). Продавали там, не поверите, французские джинсы! Я помог ему выбрать новый гардероб, который ему нужен был, поскольку мы уже скоро отправлялись в европейский тур.

Персонаж для Эрика придумался не сразу. Упаси боже втиснуть его в знакомый людям образ. Нам это казалось совершенно очевидным, да и просто — кощунством. Изначально должен был стать Ястребом. Пошили костюм с выдающейся грудиной, весь в перьях. Эрик нанес черный грим на кончик носа. Но так он выглядел как талисман школьной команды американского футбола — не хватало только цыплячьих лапок. Ужас, короче. К счастью, он сам придумал себе Лиса. Размер обуви у него оказался тот же, что у Питера, так что мы просто взяли уже имеющиеся ботинки и платформы еще слегка

нарастили. Ботинки стали просто как ходули, но и в них Эрик рядом с нами выглядел крошкой.

Эрика бросили в глубокий край бассейна. Мы-то уже привыкли к миру, в котором живем, постепенно узнавали основы общения с женщинами, поведения в ресторане и так далее, а Эрику пришлось учиться на лету.

Во второй вечер тура, 31 августа 1980 года, в итальянской Генуе мы, сидя в раздевалке стадиона (она нам служила гримеркой), услышали какую-то заваруху снаружи. Расслышали, что люди кричат: «KISS Fascista! KISS Fascista!» Охрана закричала нам: «Заприте двери!» А снаружи уже бейсбольные биты крушили все и стучали в двери. Они пришли убить нас. То, что нас собирались убить за музыку, уже само по себе было нехорошо, но еще хуже то, что я мог умереть в гриме и на платформах.

Мы совершенно сознательно никогда не выражали никаких политических воззрений, но все равно для них мы были олицетворением американского капиталистического зла. Вообще, в этом туре нас впервые стали спрашивать о политике — нам показалось, что европейцы больше американцев интересуются политикой и тем, что происходит в мире. Джин тут использовал любую возможность, чтобы быть услышанным или увиденным, жажда внимания — его ахиллесова пята, его радовало внимание от кого угодно в любых обстоятельствах. Я лично не имел намерения делать какие-либо политические заявления. Вот песня «Love Gun», если все взвесить, не об оружии — я там просто-напросто пою про свой член.

В этом туре мы над Эриком подшучивали славно. Ну, как над младшим братишкой. Прозвища ему придумывали, например Бад Карр Руни — типа похож он на сына Бадди Хаккета и Микки Руни.

В первый же наш вечер в Париже Эрик на ужин надел белый костюм. Его первый. Не прошло и десяти минут, как он нечаянно пролил на себя огромный бокал красного вина. В такие моменты он закрывал глаза и бормотал: «Полный шмук» (schmuck — на идише глупый, идиот, ничтожество — Прим. пер.). Костюм этот он в безнадежной попытке избавиться от пятна столько раз отдавал в чистку, что когда его наконец вернули белым, рукава пиджака отвалились, как только Эрик надел его на себя.

Его впечатлило, что, немножко зная местный язык, мы могли на этом нашем пиджине о чем-то договориться. В Париже рискнул попробовать поговорить. «А как попросить маслица на французском?» Ну, говорю, «силь ву пле» — это пожалуйста, а тебе нужен «фапуж». По-французски сливочное масло — это beurre, а словечко типа fapouge — это я сам придумал.

Когда официантка подошла к нашему столику, Эрик промолвил:

— Фапуж, силь ву пле.

Она захлопала глазами:

— *Фапуж*?

И тут с ним произошло то, что мы называли «включить Рональд-Рейгана», — он от нервов дергал головой. «Фапуж», — повторил он, дергая головой как бешеный.

В другой вечер ему очень понравилось блюдо, которое мы заказали, а подавали его на раскаленной сковородке. А Эрик в те годы был еще как Оливер Твист: «Сэр, пожалуйста, можно мне еще немножко добавки?» Официант принес еще одну раскаленную сковородку, держа ее щипцами, а Эрик тут же вскочил и схватил ее голыми руками — слышно было, как шипела его обожженная кожа. А он просто прикрыл глаза и пробормотал: «Полный шмук».

Мы с Эйсом в Австралии, 1980 год… Люблю вспоминать прекрасные времена

В другой вечер, тоже во Франции, в ночном клубе Эрика стал домогаться какой-то парень, от чего Эрику стало не по себе. Он сказал Эйсу: «Вот тот парень чо-то ко мне клеится». Эйс тут же включил свою уникальную логику: «А мы сейчас сделаем вид, что мы с тобой парочка, тогда точно отстанет».

И начались поцелуи.

В то время в некоторых частях Европы аэропорты охранялись военными. В одном аэропорте охрана, вооруженная АК-47, остановила Эрика. А он в тот день был одет в камуфляжный комбинезон и ремень-патронташ. Охрана увела его куда-то, через двери мы ничего не видели. Но вернулся он на удивление скоро. Мы хором:

— Что случилось?

— Ну, я просто им сказал, что я музыкант, — объяснил он. — Так они отвели меня в другую комнату и заставили сыграть на пианино.

Он немного поиграл на пианино, и они его отпустили.

Хотя Эрик был на два года меня старше, он был прямо как малое дитя. Жизненного опыта ему сильно недоставало, он был наивен и доверчив. Однажды в Англии он ночью увел из бара отеля, где мы тусовались, журналистку к себе в номер. Утром мы его спросили, мол, ну, как оно, что было-то вообще. Ну, говорит, мы поболтали, потом она захотела сделать мои фото без одежды.

— Что? — вскричал я.

— Ну, она сказала — не для печати.

— Ты с ума сошел?

— Ох, черт, я что-то не то сделал?

— Вообще не то: снять себя разрешил!

— Ну, она ж сказала, что это просто ей на память…

Ясное дело, на следующей неделе в журнале этом появились фото Эрика в совершенно идиотском виде: он в ванне, с гигантскими своими кудрями на голове, в руке бокал с шампанским.

Он прикрыл глаза: «Ну, полный шмук».

37

Лишившись постоянного негатива со стороны Питера, атмосфера в группе стала гораздо лучше. Колоссальная разница, и очень поучительно для нас: мы устранили такую гигантскую проблему, а вместе с ней бóльшую часть неуверенности, раздоров, враждебности. Как будто солнце быстро вышло из-за туч — а дело-то было в одном Питере. Эйс, правда, по-прежнему катился по наклонной, но теперь, по крайней мере, напряженность уменьшилась вдвое.

Эйс потерял не дружка, а союзника. Что бы там их ни связывало с Питером, со стороны Эйса эти отношения основывались на расчете. Парень он был умный и манипулировал Питером так, чтобы принимались выгодные ему решения. Если уж ему и не хватало Питера, то только в этом качестве и ни в каком другом, он не скучал по нему как по товарищу. Теперь расклад в группе стал таким: я, Джин и новый парень, который не имел такой власти, как старые участники. В процессе принятия решений Эйс стал игроком без пары. Его это, я знаю, нервировало, но в туре это не самый насущный вопрос.

Когда в ноябре 1980 года мы впервые прибыли в Австралию, то нам сразу стало ясно, что тут будет сумасшествие полное. Нам говорили, что KISS тут очень популярны, но никогда не знаешь, чего конкретно ожидать. Можно что-то себе вообразить на основе предыдущего опыта, но австралийский опыт нам даже близко не с чем было сравнить. «Очень популярный» здесь означало вот что: из отеля не выйти, выступать на стадионах, летать на стадионы из отеля вертолетами.

В 1980 году в Мельбурне, Австралия, с пятьюдесятью тысячами моих самых близких друзей

Мы увидели феномен под названием «КИССтерия».

В отеле мы занимали целый этаж. Целый отдельный сьют — для нашей австралийской PR-команды. Ничего удивительного — мы каждый день попадали на первые полосы газет с заголовками типа «KISS в полночном круизе в Сиднейской бухте». В номерах мы шторы не открывали. Везде сидели охранники, а с улицы доносился постоянный радостный гул голосов. «Никуда не выхóдите», — сказали нам.

К счастью, в Австралии издавался местный «Penthouse», и модели журнала приходили составить нам компанию в отеле. У входа в отель дежурили папарацци, и куда бы мы ни направлялись, нам приходилось сразу же ложиться на пол вэна. Промоутеры закатывали вечеринки каждый божий вечер, и всегда там косяками ходили модели и актрисы. На некоторые вечеринки вообще никого, кроме женщин, не приглашали. Мы приходили в клуб или танцзал, снятый специально для вечеринки, а там — красавиц битком. То есть Австралия для нас была одним большим «Курятником».

Эрик, правда, с этих вечеринок частенько уходил, чтобы знакомиться на улице с простыми чувихами. Он вообще считал себя скорее равным фанатам, чем нам. Может быть, на тот момент он еще таким себя ощущал. Иногда он к себе в номер приглашал одну из тех девочек, что дежурят денно и нощно у отеля в надежде увидеть кумира хоть одним глазком. Он таких предпочитал моделям и «пентхаусовским» красавицам. С этими,

наверное, комфортнее себя чувствовал. Вопросы формирования личности.

Австралия, 1980 год. Слева направо: я, Билл Окоин и Элтон Джон на ужине

А скоро стали появляться звоночки с проблемами Эрика. Однажды он взял напрокат машину с водителем, чтобы провести на природе денек с некой девушкой, с которой тут познакомился. Говорит, так нервничал, что живот вспучило — пришлось машину каждые десять минут останавливать, чтоб по нужде бегать. Он потом ходил подавленный, чувствуя себя идиотом. Еще он все время говорил, что у него волосы выпадают. А волос у него было столько, что, когда он подавался вперед, они улетали назад, короче всегда его волосы мотались в сторону, противоположную движению остального тела. И все равно он то и дело просил меня осмотреть его голову: «Лысею тут?» И, что самое странное, Эрик боролся с мыслью, что он не оригинальный барабанщик группы. Я этого не мог понять. В смысле, разумеется, оригинальный барабанщик группы это не он. Он — второй. Ну и что? Но ничто не могло вытащить его из тоски по поводу того, что он никогда не будет нашим первым барабанщиком.

В Австралии я начал очень критически оценивать Билла Окоина. Кокаин он употреблял уже совсем за гранью разумного, а

после разрыва с Шоном Дилени вообще стал себя вести безрассудно. Однажды утром я зашел к нему в номер и увидел, что в его постели мальчик-подросток поедает хлопья. На следующее утро я увидал в этой постели другого мальчика.

Билл себя не контролировал.

Когда мы вернулись в Штаты, мы должны были встретиться с победителем одного конкурса в одном журнале. Журнал прислал победителя, мальчика, вместе с фотографом. Билл начал откровенно домогаться мальчика. На следующий день я сказал ему: «Билл, скажи, что ты не сделал того, о чем я думаю». «Сделал, сделал. И фотограф туда же».

Билл пересек границу того, что я считал аморальным и преступным. Мне уже было не смешно.

Дома у группы было больше свободного времени. Хотя мы не давали концертов в США целый год, мы решили сначала сделать новый альбом. И снова пригласить продюсировать Боба Эзрина — того, кто на записи *Destroyer* был нашим капитаном и Свенгали.

Вот в этом дело! Мы будем делать второй *Destroyer*.

Проблема заключалась в том, что новые песни, которые мы писали, получались ничем не лучше, чем материал альбома *Unmasked*. А по правде сказать — просто хуже. Мы лишились всякой интриги. Мои песни — не о чем домой писать. У Джина — не лучше. И тут Боб предложил концептуальный альбом — идея прям совсем мимо кассы. Но Джин тут же на нее повелся и предложил такой понятный избитый ход: есть некий паренек, который — Избранный. Билл поддержал. Так мы собирались пристыдить критиков.

«Давайте сделаем альбом-утверждение, — сказал он нам. — Такой, который докажет всем, какие вы талантливые». Вообще говоря, намерение показать людям, какой ты талантливый, есть лучший способ выставить себя полным идиотом, что мы и сделали с большим энтузиазмом.

Австралия, 1980 год. «КИССтерия» в самом разгаре. На частной яхте со «Зверюшкой года» журнала «Penthouse»

Оглядываясь назад, понимаешь, что мы просто хотели признания и одобрения критиков, но совершенно забыли о том, что в самом начале для группы все это не имело никакого значения. Те люди, которые столь яростно нас ненавидели, более беспокоились о своих проблемах, чем о нашей музыке. Тот факт, что на протяжении нашей карьеры ненависть по отношению к KISS выражалась столь настойчиво и столь отчетливо, должен был бы дать нам ключик к тому, что на самом деле все это к нам имеет опосредованное отношение. Если человек хочет писать статьи, стирая пальцы в кровь, о том, до какой степени он ненавидит мою группу, то он жалок. Но наше желание потворствовать таким — еще более жалкое. Но мы не разобрались и решили подняться, оторваться от того, с чего начинали. Убедили себя, что всех сразим наповал, и в конце концов

выпустим такой альбом, который получит признание критики, — наш *шедевр*.

В марте 1981 года Джин, Эрик и я отправились в Торонто работать над альбомом. Боб хотел делать его на родной земле. Мы поначалу не знали, но выбор места работы определяла его наркомания.

Эйс даже в Торонто не поехал. Он сейчас может, конечно же, спокойно говорить, что ему тогда разонравилось то, куда двигалась музыка группы, но дело в том, что когда мы в то время соглашались делать точно то, что он хотел, он все равно не мог ничего сыграть — настолько был угашенный все время. Ему уже не требовался повод выпить — он стал нормальным алкашом. Все время угашенным.

По мере того как работа ни шатко ни валко продвигалась, наркомания Боба настолько усилилась, что он даже в студии перестал появляться. Я всегда знал, что Боб употреблял наркотики, но в прошлом он с этой проблемой справлялся. А сейчас его круглосуточный прием кокаина достиг каких-то сказочных объемов. Капитан оставил корабль. Мы ожидали, что он будет нашим гением, а получали только записки, которые он присылал с курьером, прослушав наши кассеты, которые мы отправляли ему на дом.

Наконец в продюсировании мы отстали настолько, что мы с Джином уже работали в отдельных комнатах, каждый сам по себе, каждый отправлял Бобу кассеты, получал записки, и потом мы пытались весь концептуальный альбом собрать из этих кусочков. Каждый из нас не имел почти никакого понятия о том, что делает другой, а дозвониться Бобу мы тоже не могли. Его жена передавала ему сообщения, потому что постоянно обдолбанный Боб даже к телефону подойти не мог.

Бедный Эрик — он-то думал, что стал членом отличной хард-рок-группы, а в итоге играл какую-то херню, повесив в шкаф костюмчик Лиса. Его очень разочаровала эта группа, которая потеряла свой путь и перла теперь черт-те куда. В то время он не возражал открыто, но показывал и смущение, и беспокойство. «Понимаете, это немножко не то, чего я ожидал», — говорил он. Но провести границу он был не в состоянии. Серьезные сомнения его, конечно, одолевали. Он нам частенько включал эту новую группу — Metallica, он раньше нас всех врубился в спид- и трэш-метал.

У тех песен, которые мы записывали, отсутствовали зубы. Музыку свою мы лепили. Мы отбросили все, что любили. Успех и слава отравили нас. Мы перестали быть той группой, которую все любят, — мы и сами ее уже не любили. Ну а как еще объяснить

наш уход в сторону? Для такой группы, как наша, сделать нечто вроде этого альбома под названием *Music from "The Elder"* — это из серии макета Стоунхенджа на сцене в фильме «Это — Spinal Tap». Если б мы только осознали это.

Для обложки мы решили снять мою руку, а не модели. И вот как раз за день до съемки я окном долбанул по пальцу, ноготь посинел, пришлось ретушировать. Дурной знак нам был, наверное.

В конце концов работа над альбомом завершилась в сентябре, и мы улетели обратно в Нью-Йорк. Когда я у себя дома ставил людям кассету, то настаивал на том, чтоб они сидели тихо от начала до конца: я их знакомил с чем-то блистательным. Для рекорд-компании мы тоже устроили прослушивание, с теми же условиями, которые якобы соответствовали художественной ценности произведения. Реакция — как у слушателей песни «Весна для Гитлера» в мюзикле «Продюсеры»: рты были открыты. Я каким-то образом догадался, что не от красоты и мощи альбома дух у них захватило.

Рекорд-лейблу альбом очень сильно не понравился. Изначально песни были подобраны так, чтобы вычитывалась история. Но из-за всего того, что напоминало нормальную рок-песню, приходилось ждать. Поэтому лейбл велел альбом перекомпоновать. Как будто без этого все было недостаточно плохо, придумали этот ход — а это то же самое, что страницы из книги повыдирать, швырнуть в воздух, потом собрать и переплести как получится.

Готовясь к презентации и запуску альбома на рынок, мы изменили наш внесценический имидж. Длинные волосы нам носить уже было не надо. Мне мои постригли лезвием, голову я обматывал банданой (ухо-то отсутствующее все равно надо было прятать), а на шею вешал ожерелье, которое как будто позаимствовал у девушки Чикиты с наклеек на бананы. Джин заплетал волосы в косичку, которая лежала у него на плече. Эйс присутствовал на фото, хотя, по сути, из группы он уже ушел. Такой вот мы стали бредятиной. Выпили отравленный Kool-Aid, так сказать.

В день, когда вышел альбом, в ноябре 1981-го, я пошел в магазин грампластинок на 8-й улице в Виллидже и увидел там рекламный постер к нему. Меня охватила настоящая паника. От одного взгляда на этот постер меня чуть удар не хватил.

Что, черт возьми, мы сделали?

38

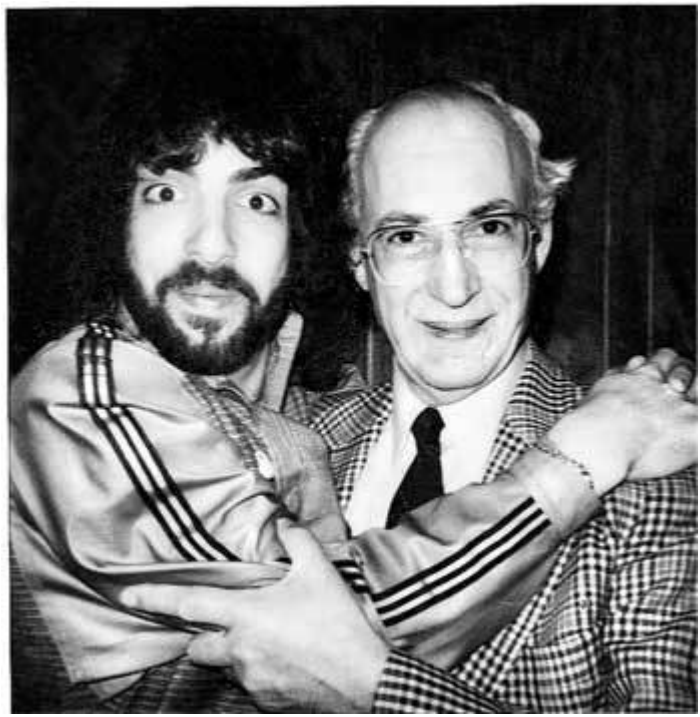
Впервые в истории группы мы не отправились в тур после выпуска альбома. Вообще, прошло два полных года между концом нашего тура по Австралии в 1980 году и следующим концертом, который состоялся в декабре 1982 года.

Я отрастил бороду.

Проводил время один на один с женщинами. Многими. Которые были в Нью-Йорке, и которые летали ко мне бог знает откуда. На мероприятия с большим количеством народу не ходил. Просто с головой ушел в отношения с большим количеством женщин.

Одна из них — модель, рекламировавшая купальники, мне сказала: «Ты никогда не будешь счастлив, потому что относишься к людям слишком жестко и только и делаешь, что их судишь».

Она была права, совершенно права, я в то время даже не подозревал насколько. Так я жил, так я контролировал мир вокруг. Все занимало свое место. Я контролировал свою окружающую среду, но на самом деле не жил в ней. Я сейчас не рыдаю над кружкой пива, все-таки тусоваться с красивейшими женщинами — это как в детстве денно и нощно быть в Диснейленде, вне зависимости от того, почему я это делал. И уж конечно, это лучше других способов, к которым люди обычно прибегают, испытывая похожие чувства и пустоту — вроде наркотиков и окружения, которое твердит тебе, какой ты великий, ну или синяком корчиться на полу санузла.



С моим папой на студии Record Plant в 1980 году. Я давно не выступал и решил пойти инкогнито

Кайф от покупки дорогих шикарных штучек тоже улетучивался. Пока группа бездельничала, до меня дошло, что дело было не в том, что я мог купить за деньги. Дело было в том, чего мне не нужно было делать, проще говоря, с деньгами пришла возможность перестать волноваться о деньгах. Они обеспечивали определенный уровень свободы, но самого тебя никак не меняли. В сухом остатке — ты тот же самый хороший парень или полный мудак, каковым всегда и был. Ну или, как в моем случае, ребенок испуганный.

Однажды я попросил Кенни Ортегу, нашего хореографа на туре Dynasty, заскочить ко мне. Я принес ему чемодан и сказал: «Бери что хочешь».

Я продал свою коллекцию винтажных гитар — всю целиком — дилеру за 50 000 долларов. Она для меня уже ничего не значила. К счастью, дальнейшая жизнь моя сложилась неплохо, и то решение меня не мучает, поскольку сейчас эту коллекцию можно было бы продать примерно за два с половиной миллиона долларов.

Шкафы, набитые шмотками, и другие вещи стали меня угнетать. Что бы они, как мне казалось, ни заполняли — они ничего не заполняли на самом деле. И в общем, вещи не просто

создавали беспорядок, они все сильнее напоминали мне о том, что я не в состоянии исправить свою жизнь.

Мне нужно было попробовать что-то еще, чтобы добраться до моего фундаментального внутреннего беспокойства. И однажды мой терапевт во время моего к нему визита сказал: «Я тебе нашел парня». «Простите, в каком смысле?» — «Нашел того, кто, как мне кажется, восстановит твое ухо». Он прочитал где-то статью про некоего доктора Фредерика Рюкерта и вышел на него. Хирург этот работал в больнице в городе Хановер штата Нью-Гэмпшир, там, где Дартмутский университет.

Я очень обрадовался. Я хотел два уха.

Я полетел в Хановер на прием. Фред Рюкерт оказался душевным, приятным, эдакий дедушка, от которого веяло уверенностью и защитой, что еще усиливалось его большим опытом. Мы сразу же нашли общий язык. Он объяснил, что на первом этапе понадобится извлечь хрящ из моего ребра и вырезать из него основу будущей ушной раковины, затем эта основа, «рама», будет имплантирована, и потом несколько раз на нее будут наращивать кожу. В общем и целом, требовалось примерно пять операций, нужно было брать кожу и дополнительные хрящи из моего здорового левого уха.

Пациентам моего возраста таких операций до того не делали — эту новую технологию применяли тогда только к детям. Но поскольку я обладал столь ощутимым символом и причиной таких душевных страданий, то почему бы не попробовать все изменить? Внезапно у меня появилась надежда. Надежда, что если я получу второе ухо и навсегда уничтожу постоянное напоминание о детстве, то и внутри буду чувствовать себя цельным. Я хотел двигаться вперед.

Первое, что врачам надо было сделать, — забрать у меня несколько секций ребер. Перед операцией доктор Рюкерт предупредил: «Немножко поболит».

Вы, наверное, слышали рассказы людей, которые под общей анестезией наблюдали за всем, что происходит в операционной. Опыт, думаю, кошмарный. Я вот лично во время первой операции находился в курсе абсолютно всего — когда они мне грудь вскрывали, я слышал все, хоть глаз открыть и не мог. Слышал, как доктор извлекает из меня кусочек хряща, обрезает его, произносит: «Вот этот хорошо выглядит». А медсестра с ним соглашается.

На следующий день меня даже при малейшем движении пронзала жгучая боль. «Немножко поболит»? Да меня как будто мечом проткнули!

После пересадки кожи процесс заживления шел не очень

хорошо. В некоторых местах не началась циркуляция крови, поэтому меня оставили в больнице на несколько недель, в течение которых наблюдали за мной и придумывали, что делать, чтобы кожа из-за недостатка кровообращения не отмирала. Ко мне в Нью-Гэмпшир приехали родители и племянница. И Джин тоже. В то время он вдруг стал бояться летать, и я очень ценю его поступок.

Первая операция на ухе. Клиника Hitchcock в Гановере, Нью-Хэмпшир, 1982 год

После первой процедуры я выбрал для всех последующих, хоть это и было нестандартным решением, местную анестезию. Поэтому после каждой операции я мог уходить в свой номер в Hanover Inn — уютный старый отель в зеленом районе в центре города. Там я пил обезболивающее, смотрел телевизор и спал. Все это было делом очень личным, так что в одиночестве я себя отлично чувствовал. Мне нравилось, что я это все прохожу сам по

себе, да и в любом случае другого способа пройти все это я не знал. Никого у меня не было, кого я мог бы просто и спокойно спросить: «Поедешь со мной?»

Когда я вернулся в Нью-Йорк, я все еще носил бандажи и перевязки, которые приходилось менять каждый день. Обычно такое делает доктор, но я и сам научился. Мне даже понравилось — я принимал участие в процессе. Смотреть было страшновато, но так я чувствовал связь со своим изменением и, я надеялся, улучшением. А спал я с защитным пластиковым футляром на ухе, который к голове привязывался кожаным ремнем через подбородок. После каждой операции я носил его по нескольку месяцев.

Я всегда пытался показать доктору Рюкерту, что он изменил мою жизнь. Когда я впервые поднял эту тему, он сильно удивился. Говорит, обычно пациенты звонят, только когда что-то пошло не так. Он, человек скромный, помог огромному количеству детей избежать тех бесконечных проблем и того разрушительного опыта, который был у меня. Он вдохнул в меня новую жизнь. Когда он ушел на пенсию, я подарил ему «Ролекс». Я, наверное, никогда не придумаю способ, как по-настоящему показать ему, как много он для меня значит.

Когда я наконец поправился, я коротко постригся и стал тусоваться в питейном заведении в Верхнем Вест-Сайде — Café Central. Решил просто временно перестать вращаться в музыкальных кругах. Café Central был более актерским местом — бар со столиками, и всю ночь люди пересаживались с одного за другой. Частенько туда захаживали Кристофер Ривз, Питер Уэллер, Рауль Хулия, Аль Пачино, а Брюс Уиллис одно время служил бартендером.

Вот если музыканты утомляли меня разговорами об оборудовании и гитарах, то актеры, как вскоре выяснилось по личному опыту, хотели говорить только о себе. Фразы собеседника они терпели, чтобы скорее вставить что-нибудь про себя. Тем не менее мне нравилась эта временная перемена обстановки. Я стал ходить в театр почти каждую неделю. Завел себе специального билетного дилера, которому звонил с вопросом: «Что у тебя на сегодняшний вечер есть?»

Я заметил одну интересную вещь: очень многие ньюйоркцы, и я в том числе, очень много говорили о культуре нашего города, но при этом сами на самом деле мало на что ходили. И вот мне представилась возможность с этой самой культурой познакомиться. И я ходил на всё практически — от масштабных британских постановок мюзиклов вроде «Мисс Сайгон», «Кошки» и «Отверженные» до более серьезных пьес вроде «Американский

бизон», «В ожидании Годо» и «Смерть коммивояжера».

Я даже несколько уроков актерского мастерства взял. Раз или два присутствовал в классе Ли Страсберга. На одном из уроков одна женщина, еще не начав свой этюд, разрыдалась.

Безумие.

Я думал, что ты играешь от радости, а не от мучения.

Я очень понравился жене Страсберга, Анне, и я ходил к ним домой на вечеринки. У меня сложилось впечатление, что все эти люди не хотели ничему радоваться, полагая, что от этого испортятся их актерские способности. Они должны были казаться задумчивыми, несчастными, жалкими, поэтому в комнате над каждым как бы висела своя отдельная свинцовая туча. Я чувствовал, что стоило захватить с собой зонтик.

Это не для меня.

Однажды вечером, когда я ужинал в одном ресторане, туда пришла актриса Донна Диксон с подругой-моделью. Донна была чрезвычайно привлекательна — ее красота прямо даже пугала. Настолько, что я начал ухаживать за другой женщиной, которая оказалась ее соседкой по съемной квартире. А Донна была просто слишком красива. Но после нескольких встреч с ее подругой я и себе, и ей признался в том, что на самом деле меня интересует Донна. Здорово, когда у тебя такая шикарная девушка. Сколь ни поверхностно, но она была красива такой красотой, что меня осчастливила.

Сейчас я понимаю, что отношения с ней — еще один пример того, как я пытался уничтожить свои несовершенства, будучи вместе с внешне совершенной женщиной. Любой, кто встречается с женщиной такой внешности, *должен* быть человеком особенным. Но в то время я на нее серьезно запал. Когда она входила в помещение, там повисала тишина. А я-то — с нею!

Донна тогда получила первую большую роль — в телесериале «Закадычные друзья» с Томом Хэнксом, ради этой работы она часто летала в Лос-Анджелес, но мы продолжали встречаться.

В тот период Эйс нам объявил, что хочет уйти из группы. Я приехал к нему домой, в Уэстчестер, и провел с ним целый день. Мы сходили в торговый центр, погоняли на машине по округе, поговорили. «Не уходи, — говорил я ему. — Останься в группе». «Мне нужно уйти», — настаивал он.

Годы спустя оказалось, что он вообще не помнит, что я к нему приезжал. Многие страницы прошлого Эйса теперь для него пусты. Вот такой он был разбитый. Он жил в постоянном блэкауте.

Билл придумал схему, по которой Эйс уйдет, но будет с нами принимать участие в продвижении следующего альбома, который

мы планировали делать в Лос-Анджелесе. В определенном смысле я был рад, что Эйс наконец ушел — в том состоянии, в котором он пребывал, мы с ним не могли никуда двигаться. В окружении группы все, похоже, страдали от одной болезни. Но одно дело, когда от тебя проку нет, другое дело — когда ты приносишь ощутимый вред.

Билл прошел путь от совместного офиса с Howard Marks Advertising до целого этажа, а потом и до второго в здании на Мэдисон-авеню, и плюс еще офис в Лос-Анджелесе. Он нанимал людей на кинопроекты, а еще десятки работали у него на зарплате, и что они там делали, я представления не имею. На отделку гигантских шикарных апартаментов близ собора Святого Патрика он потратил целое состояние, но их он снимал, а не имел в собственности.

Он стал принимать настолько слабые решения, что я стал следить, о чем он договаривается от нашего имени. «Что решили?» — спрашивал я после переговоров и, услышав, что именно, вынужден был все эти договоренности аннулировать.

Это все, ясное дело, наркотики. В конце концов он уже в офис не мог ходить. Закидывался дома «фрибэйзом» — разогретым кокаином через трубочку.

Когда что-то меняется пошагово, ты часто просто не можешь увидеть, насколько далеко все зашло. В принципе, именно это и случилось с Биллом. При взгляде на него казалось, что это тот же самый человек, с которым я когда-то познакомился. Необдолбанным он разговаривал так же, как когда-то. Но в том-то и дело, что не был он уже давно тем самым человеком, даже пусть я осознал этот факт далеко не сразу. Из нашего визионера, учителя, менеджера, отца родного и фактического члена группы он постепенно превратился в бредового наркомана-чудика. Ужасно, что мои с ним откровенные разговоры не приводили в итоге ни к чему, только хуже становилось.

«Что ты делаешь? — допрашивал я его. — Ты же все свои деньги на ветер пускаешь».

«А плевать, — отвечал он. — Раз однажды сумел столько денег сделать, то сумею еще не раз».

Полная беспечность. Отношение, как у Эйса и Питера, — те тоже принимали все как само собой разумеющееся.

Глядя, как благодаря наркоте и бухлу эти ребята катятся по наклонной, понимая, что они идут к погибели, я думал: как вообще люди могут распорядиться свободой, которую дарует успех. Временами Джин хотел иметь компаньонов по принципу: «*Мы* не пьем и не употребляем наркотики». Но это не моя позиция. Я ничего не имею против алкоголя, а в юности и

трубочку покуривал. Но когда я видел, вот что превратился офис лейбла Casablanca, во что превратился Билл, во что Эйс с Питером превратились, мне совсем не казалось, что это просто случайность, что им просто не повезло. Свою судьбу они творили сами.

Наконец, после того как Джин, Эрик Карр и я собрались в Лос-Анджелесе для работы над очередным альбомом, *Creatures of the Night*, мы с Джином обсудили, как расстаться с Биллом. Грустно и страшно было отпускать того, кто сыграл столь серьезную роль в нашей карьере. Нелегкое решение. Мы с ним проработали почти десяток лет.

Что бы там плохое потом ни происходило, но все прекрасное в период становления группы случилось только благодаря Биллу. Он сыграл главную роль в нашем развитии, он стал тем клеем, который нас всех надолго соединил. Он знал все «кнопочки» у каждого, знал, на что нажать, чтоб каждый из нас был радостен и счастлив. И каждый думал: я-то и есть его любимчик.

Но мы уже ясно видели, что «капитальный ремонт» группы KISS возможен лишь в том случае, если мы избавимся от всего нам хорошо знакомого. Мы уже избавились от двух членов группы, и мы прошли период такого баловства и растрат, что лишились автономности и независимости, — для чего это все, по сути, и было придумано. Система Билла потакала нам во всем, но отгораживала нас от реальности. Мы проживали жизнь в огромном пузыре, и это нас убивало.

Я даже предложил выступать без грима, чтобы полностью порвать с прошлым. В итоге отказываться от грима Джин не захотел, но мы решили отпустить Билла.

Мы ему позвонили из Лос-Анджелеса: «Билл, мы летим в Нью-Йорк, нам надо с тобой встретиться».

Я всегда считал, что, заканчивая отношения, ты должен смотреть в глаза. Не важно, о каких отношениях речь — о любви или о бизнесе.

Когда мы вошли в офис Билла, он сказал: «Я знаю, зачем вы приехали».

«Пора», — сказали мы.

Он грустно улыбнулся. Мы пожали руки. Огромная глава наших жизней осталась в прошлом.

39

Когда мы готовились к записи следующего альбома, *Creatures of the Night*, не все топовые продюсеры, мягко говоря, выстроились в очередь у наших дверей. Если честно, то на наши звонки даже не отвечали.

Наконец летом 1982 года я запланировал пообщаться за ланчем с парнем по имени Майкл Джеймс Джексон в Лос-Анджелесе, где мы собирались записывать альбом. Встреча в ресторане Melting Pot на углу бульвара Ла Сьенега и Мелроуз. Сразу выяснилось, что у Майкла пока нет серьезного опыта в рок-музыке, хотя он совсем недавно работал с Джесси Колином Янгом, основателем группы The Youngbloods, которая в 60-е выпустила несколько хитов. Еще в начале разговора Майкл сказал: «Ребята, вам вот что надо сделать: написать несколько хитовых песен».

Ух ты, а я-то и не догадался! Охренеть идея!

Но, несмотря на такой инсайт, Майкл мне в общем понравился. Человек глубокий, задумчивый, умный — мы сразу подружились. К тому же, хотя я не очень себе представлял, что мы предложим с музыкальной точки зрения, нам нужен был *кто-то*. Потому что, как мне представлялось, мы с Джином только вдвоем мало бы чего сделали, поскольку никто из нас не хотел идти на компромиссы в плане своих музыкальных идей. В студии нам нужен был посредник, некто с правом решающего голоса.

Мы с Джином уже вместе песни не писали. Майкл предложил пригласить соавторов со стороны. Я предложил кандидатуру Брайана Адамса — он тогда сочинил в соавторстве с Джимом Велленсом средней успешности хит «Let Me Take You Dancing». Хотя на записи этой песни голос Брайана чуть ускорен, из-за чего звучит по-девчоночьи, мне казалось, что тут что-то есть. Мы пригласили Брайана прилететь в Лос-Анджелес, он прилетел, но песню в итоге написал в соавторстве с Джином — «War Machine».

С уходом Эйса мы стали распространять информацию, что ищем нового гитарного стрелка. Прослушивали мы, помимо прочих, Стива Фарриса из группы Mr. Mister, отличного блюзмена Роббена Форда и Стива Хантера. Из Нью-Джерси на прослушивание прилетел Ричи Самбора, гитарист недавно образованной группы под названием Bon Jovi. Ричи тогда еще не был тем совершенным музыкантом, каким его все знают, и место он не получил. Странно — годы спустя я слышал, как он говорил, что на самом деле не хотел получить у нас работу, а мечтал играть что-то более блюзовое. Прежде всего, очень трудно

поверить, что он прилетел на прослушивание в группу KISS в Калифорнию только из-за того, что ему, допустим, нравился обед в самолете. И вообще, Bon Jovi, конечно, сделали много хорошего, но вот в моей коллекции пластинок они стоят не рядом с Хаулином Вулфом.

Другой, с кем я пообщался, — очень милый мальчик по имени Сол Хадсон. Он мне поведал, что его мама — портниха у Дэвида Боуи и что друзья называют его Слэш (slash — порез, разрез. — Прим. пер.). Говорил он хорошо, вообще был обаятельным, но выглядел совсем как-то по-детски. Я не выдержал и спросил: «Сколько ж тебе лет-то?» «Семнадцать в следующем месяце!» — ответил он.

Мне в январе того года стукнуло тридцать, а Джин был вдвое старше этого парня. «Знаешь что, — сказал я Солу, — звучишь ты как просто крутой чувак, но мне кажется, ты просто юный слишком для всего этого». Я пожелал ему всего самого наилучшего и навсегда запомнил его, такого милого и искреннего.

В итоге на *Creatures of the Night* соло играли разные люди. Таким способом мы проверяли, что подойдет, кто попадет в настроение данного трека. Однажды в студию пришел Эдди Ван Хален — он знал, что мы ищем гитариста. Он послушал что-то из нового материала, в том числе соло в заглавной песне в исполнении Стива Фарриса. «Ого, а чего бы вам этого-то парня не взять?» — удивился он. А дело было в том, что с Фаррисом мы репетировали, но как-то вот не чувствовали, что сотрудничество получится.

Эдди в то время был сильно чем-то расстроен. Он звонил мне домой несколько раз. Пребывал в расстроенных чувствах явно и хотел беседовать о сольных альбомах членов KISS. Так и спрашивал: «Почему вы их сделали? Почему записали по сольному альбому?» Ясно было, что это имеет отношение к его группе, которая тогда переживала непростые времена, но что именно там происходит, он не говорил. Казалось, что он искал у меня ответы, но я так и не понял, в чем был вопрос.

Я написал песни «Creatures of the Night» и «Danger» с парнем по имени Адам Митчелл, который играл в канадской группе The Paupers. А у Адама был еще другой соратник — гитарист по имени Винсент Кузано. Об этом Кузано как о человеке Адам отзывался так себе, но искренне считал его очень талантливым певцом и автором песен и говорил, что его стиль игры может оказаться подходящим для группы KISS. Такая история повторялась часто: все считали Винни талантливым и способным музыкантом, но о нем как о человеке никто ничего хорошего

сказать не мог.

Гмммм.

Когда Винни впервые оказался у нас в студии, то, играя соло, упал на колени. Мне показалось, что это самое глупое, что я когда-либо видел в жизни. Такое же на прослушиваниях просто не делают! И вообще казалось, что с ним что-то не так — выглядит странно, глазки бегают, но мы тогда попали меж молотом и наковальней, так что Винни в итоге сыграл на многих треках альбома.

Мы делали *Creatures* в состоянии шока, с полным пониманием того, как сильно мы заблудились. Сам альбом был нашей декларацией о намерениях вернуться на круги своя. Эрик успокоился и расслабился — именно этого он и ожидал всю дорогу. И радовался во время всего процесса записи.

Однажды днем у студии остановилась машина, полная детей, и некий мужчина — чей-то отец, как я подумал — зашел в помещение. Джин провел всех в комнату, где мы записывались. Они встали вокруг микрофона. Пришли, оказывается, спеть бэк-вокал для одной из песен.

Какого хрена?

Оказалось, что просто Джин с одним голливудским кинопродюсером заключил сделку: если этот парень предоставит для записи бэк-вокала на песне KISS своих детишек и их друзей, то Джин по блату получает от этого парня какую-то роль в кино.

Ты чо, блин, прикалываешься?

Я дико разозлился. И не только потому, что Джин не спросил моего согласия. А потому, что наш альбом он продавал, как сутенер проститутку, для своей личной пользы. Меня просто оскорбило, что он пытается получать роли в кино таким вот путем. Я, кстати, сам брал уроки актерского мастерства еще задолго до того, как Джину пришла идея втереться в кино. Мало того, он сам мне говорил, что актерство ему совсем не интересно. Мне казалось, что путь в актеры понятен: учишься играть, потом ходишь на кастинги, чтобы получить роль. Это вот и есть «правильный» путь, настоящий. Но Джин придумал другой способ: втираться, подхалимничать, искать блат.

Если идешь за слоном, то в конце концов все равно будешь убирать его говно.

Donna Dixon and KISS rocker Paul Stanley without makeup. Donna says of Stanley, famous for his weirdly-painted face: "He's the straightest person I've ever met."

Donna Dixon tells how her fear of bizarre rock star finally turned to love

BOSOM BUDDIES star Donna Dixon has overcome her fear of bizarre rock guitarist Paul Stanley of KISS — and now, she admits, she's crazy about him.

"He's a perfect person to be with, a gentleman, very handsome and very bright," the 24-year-old blonde says.

"He's the straightest person I've ever met, he's very, very dear — and yes I'm crazy about him!"

Donna's new love is famous as a weirdly painted face cavorting with equally weird musicians in KISS.

"Because of the makeup he wears on stage," she says, "people have all these wild fantasies about the way he really looks and how old he is.

"But I can tell you he's 30 years old, he doesn't smoke, he doesn't drink and he doesn't take any drugs.

"He's very handsome and, most important of all, he's very bright."

Donna, who won a talent contest over 20,000 women to get a co-starring part in the series, admits she was more than a little perturbed about Stanley at first.

"I've known Paul for almost three years," she says, "ever since I was modeling in New York. But when I first met him I have to admit I was more than a little afraid of him. I said to myself:

"'Oh no, this is a rock star, and he's probably crazy.'"

But Donna — who has been romantically linked with Fall Guy star Lee Majors and Happy Days' Scott Baio — says she soon found out that Stanley was not what he appeared to be.

"Paul is a real sweetheart — probably the sweetest man in the world," she says. "When I first got to see him perform, I couldn't believe it.

"I could see why people have all these wild fantasies about him. But they shouldn't judge him by the way he looks on stage.

"He is the perfect gentleman — he stands up when a lady walks into the room."

But Donna's heavy work schedule means she doesn't get to see Stanley so often.

"I only see him when he comes out to Los Angeles or I'm in New York," she says.

As well as spending long days on the set of Bosom Buddies, Donna has to give up her Tuesday and Thursday nights in acting classes, her Monday and Wednesday nights in dancing classes as well as her Saturdays in singing lessons.

She had no acting experience when she was picked for the role of Sonny.

She told the ABC series' producers, "I'll take acting lessons. I'll study night and day." And that's exactly what she has been doing.

"My life is so busy that at night all I can do is crawl into bed and memorize the next day's script," she laments.

Donna has made a TV movie, Margin For Murder and she is anxious to do more. "That's why I'm so serious about my acting studies," she says.

"When my chance in the movies comes, I don't want to blow it. But I want to be accepted because of my talent and not because of the way I look."

1982 год, жизнь в таблоидах. Дарю

Свободное время я проводил в Лос-Анджелес с Донной Диксон. Я отчасти потому столько вкладывал в Донну, что она все еще держала меня на расстоянии вытянутой руки, вне зависимости от той степени близости, что у нас сложилась. Это еще больше усиливало мою вечную склонность видеть отношения как сложную проблему, которую надо решить. И хотя мы были вместе, чего-то не хватало, и я все пытался постичь, чего же именно. Красота Донны меня пленила, я поставил ее на пьедестал, а пьедестал обычно для женщины быстро становится самым скучным и несексуальным местом, на котором она могла оказаться. Хотя папа мой, несомненно, одобрил бы.

Закончив *Creatures*, я потом остаток года курсировал между Лос-Анджелесом и Нью-Йорком, чтобы встречаться с Донной. Она тоже часто приезжала в Нью-Йорк, жила у меня. После того, как ее «Закадычных друзей» закрыли, она попробовалась в фильм под названием «Доктор Детройт». После прослушивания она сказал мне, что звезда этого фильма, Дэн Эйкройд — настоящий гений. Я решил, что это преувеличение.

Донна искала нового финансового консультанта, и я познакомил ее с Хауардом Марксом. Хауард отрастил брюхо, поэтому брюки застегивал под свисающим животом, носил их с подтяжками. В день, когда мы пришли к нему в офис, он, наверное, выпил уже несколько крепких напитков, что не редкость для него. Мы приехали и застали его за ланчем. Донне он прочитал длинную лекцию о том, что надо откладывать деньги на будущее и как важно финансовое планирование, после чего встал и с подносом с остатками еды и грязными салфетками в руках пошел в другой угол кабинета. Вставал из-за стола он

медленно, и я заметил, что подтяжки его болтаются внизу. Наверное, он, пока сидел за столом, сбросил их с плеч. Когда он пошел по комнате, брюки начали сползать вниз и наконец упали на пол.

Хауард поглядел вниз, отшвырнул свой поднос и заорал: «О господи!!!»

«Это нормально?» — спросила меня Донна.

Роль в «Докторе Детройте» она получила. Я летал к ней в Чикаго, где она снималась. Подарил там колечко с бриллиантом. Я не называл его кольцом для помолвки. В отношениях наших начался застой; нам обоим чего-то не хватало. Но терять ее я не хотел, и я не хотел, чтобы она меня оставила.

Иногда Донна пропадала с радаров на пару дней — не звонила, не показывалась. В Нью-Йорке она жила у меня, и перед Рождеством я в стенном шкафу обнаружил новую меховую шубу. Она сказала, что это шуба из реквизита каких-то ее съемок. Вскоре она ошарашила меня заявлением, что она-де никогда не бывает наедине с собой и что ей нужно личное пространство. Я сказал ей, что не хочу быть у нее одним из, и делить ее ни с кем не хочу. Хотя уже накопилось множество вопросов, а дистанция между нами увеличивалась, тему эту мы слили и какое-то время не поднимали.

А потом среди ее вещей я заметил маленькую маечку с принтом «Martha's Vineyard» на груди. (Мартас-Винъярд, остров у штата Массачусетс. — Прим. пер.). Мартас-Винъярд? Когда это она туда ездила? Она могла объяснить свои исчезновения — ну, типа. А я и сам не задавал много вопросов, потому что не был уверен, что хочу знать правду. И в любом случае, если кто-то вел себя неосмотрительно или нечестно, то это только усиливало мои мысли о себе.

Вот что я заслуживаю.

Если б я только мог ей понравиться…

40

KISS сняли видео на «I Love It Loud» с участием Эйса. Для продвижения альбома *Creatures of the Night* в Европе Эйс отправился туда с нами, чтобы там на всяких съемках сыграть под фанеру. Он был очень хрупким, и в Европе мне признался: «Я на грани нервного срыва. Больше не могу этим заниматься».

Когда мы вернулись в Штаты, все с ним закончилось. Эйс ушел навсегда.

Эйс, Питер, Билл Окоин — все ушли. Вокруг нас люди падали, как мухи дохлые. Нил Богарт умер от рака — в то время, когда мы писали *Creatures*; хотя он к нашей рекорд-компании больше не имел отношения, его кончина оборвала еще одну связь с нашим прошлым. Один из первых моих знакомых, умерших, как я знал, от СПИДа, — Ричард Мониер, недавно наш тур-менеджер и один из моих самых близких друзей. А Уолли Мейровиц, один из наших букинг-агентов в Нью-Йорке и тоже большой друг, умер от смеси бухла с барбитуратами.

Куда все ушли?

Джин явно двинулся на Голливуде и на группу тратил все меньше времени. В своем неподражаемом корыстно-пренебрежительном стиле он говаривал: «Ну, Пол-то хочет быть только рок-звездой. Мне же в жизни хочется гораздо большего».

Я не понимал, почему все прыгают с корабля. Мы ведь все еще KISS! А я все еще видел в группе свой спасательный плот.

КУДА ВСЕ УШЛИ?

На 27 декабря 1982 года было запланировано начало тура, а постоянной замены Эйсу у нас все еще не было. Про Винни я с самого начала понял, что он в группе не приживется. Про него еще слухи пошли грязные, что он-де ворует аппаратуру с репбазы. Но никого другого на горизонте не было. Когда решили пригласить Винни, я сказал Джину: «Заявляю для протокола: это негодное решение».

Поскольку тур *Creatures* мы начинали после нескольких финансовых катастроф, то затянули ремни, и Винни остался без «Порше».

Винни, когда получил у нас место, решил взять псевдоним Мик Фери. Да почему ж все любят какие-то мультяшные имена? Я на него просто посмотрел выразительно: *ты это серьезно?* Сошлись на псевдониме Винни Винсент. Поиграв со всякими вариантами грима, я нарисовал ему египетский символ анх.

Что касается знания гитары и мастерства игры на ней, Винни

был совершенно потрясающим. Я уже сочинял в соавторстве с ним, слышал, как он поет и играет, и понимал масштаб его таланта. Проблема заключалась в том, что он чувствовал, что играть и когда, но контролировать себя он не умел. Его игра — как рвота: просто выплескивается. Он все старался показать, как быстро может играть, сколько нот в секунду, но ничего не продумывал. В туре эта проблема усугубилась.

На концерте он был одержим одной идеей: во время каждого соло показать себя. Но из такого подхода ничего хорошего никогда не получается, потому что весь смысл — в контексте. Винни этого, похоже, так и не понял. Он сильно завидовал парням типа Рэнди Роудса и Джейка И. Ли — считал, что он им ровня. Он хотел «справедливости», и его сольный выход в середине концерта растягивался бесконечно. Мы называли эту часть «шоу на подъеме» — потому что во время его соло все выходили, чтоб заправиться кайфом.

И не сказать чтобы очень много народу желало видеть его гитарные подвиги — билеты на почти все концерты тура *Creatures* продавались плохо. Перед выходом на сцену мы слышали: «Хотели лучшее? Получите лучшее! Самая горячая группа на земле…», выходили, а в зале — никого. Иногда только тысяча человек на стадионе, рассчитанном на восемнадцать тысяч.

Еще несколько лет назад мы собирали такие площадки с аншлагом, а теперь, если я бросал медиатор слишком далеко, то он пролетал над головами и падал на пол. Мы подъезжали к аренам, где казалось, что кто-то забыл выключить огни на парковке, хотя мероприятие давно закончилось. Мы заходили внутрь стадиона, и, слыша эхо главного зала, прекрасно понимали, что он пуст.

Мы, как говорят в бизнесе, потеряли кровь. Для нас и организаторов концертов это был похоронный марш.

Поначалу инстинктивно хотелось винить во всем других. *О, ну тут промоутер облажался*. Но если народ не хочет тебя видеть, то промоутер не может с ножом у горла всех заставлять покупать билеты. Мы должны были признать простой факт: люди не ходили на наши концерты, потому что не хотели.

Конечно, это нам в наказание за *Unmasked* и *The Elder*. С альбомом *Creatures* мы вернулись на прежние рельсы, но фэны не собирались нас прощать так просто. Годы уйдут на то, чтобы вернуть старых фанатов и покорить новых. Мы же их предали. Да и себя предали, а такое легко не прощается.

Вспоминаешь и ужасаешься тому, что мы наделали. У нас годы ушли на то, чтобы все наверстать и поправить. Те, кто от нас отвернулся, не собирались возвращаться к нам из-за простого

«просим прощения». Мы должны были доказать, кто мы есть, а это заняло очень много времени. Одного лишь альбома *Creatures* тут было совершенно недостаточно.

Но ничто не способно подготовить тебя к виду бесконечных рядов пустых кресел. Невозможно было постичь, как между двумя турами наша аудитория просто исчезла. Днище отвалилось.

Мне нравилось мое положение — авторитет группы и то, как меня воспринимают. Лишиться этого — ужас. *Ужас*.

С депрессией я боролся сном. Мой способ отключиться. Депрессия моя была столь сильна, что я с трудом держал глаза открытыми. Я засыпал в гримерках перед концертом — до такой степени. Иногда засыпал, еще не наложив грим. Иногда засыпал в гриме. Команда наша всегда испытывала большие трудности с моей побудкой.

Чувства спокойствия и уверенности я все еще искал у Донны. Я мог говорить с ней часами по телефону каждый день. Она готовилась к выходу «Доктора Детройта». Еще раз заявила мне, что ей нужно свое пространство. А я ей сказал, что все еще не готов быть одним из ее кавалеров, а если она хочет разрыва, то ей придется встретиться со мной лично. Я купил ей билет на самолет до следующей точки нашего тура. Она прилетела. И все закончилось.

Моя депрессия усугубилась.

Не знаю, ситуация ли с туром повлияла на Джина или вообще кризис группы, но тогда группе он себя полностью не отдавал. В конце концов, он ведь привел в студию кучу детей, чтоб те спели на альбоме, то есть он явно смотрел куда-то на сторону. Он никогда не был тем человеком, кто говорит о своих чувствах, так что ситуацию мы никогда не обсуждали, хотя оба понимали, что происходит.

А Эрик со своей стороны не понимал финансовые расклады. Он просто не знал, какие последствия для нашего бюджета несет столь катастрофически плохая посещаемость концертов. Ему просто очень нравилось, что он член группы, и играть материал нового альбома он тоже обожал.

Через несколько месяцев после моего ультиматума «все или ничего» Донне я решил, что как-то слишком все жестко. Пустоту мою никто и ничто не заполнило. Что угодно от нее было лучше, чем ничего. Я глубоко вздохнул и стал набирать ее номер. Ее голос выдавал удивление. Я рассказал ей, что чувствую, и мы снова стали часто созваниваться. Нередко говорили о том, как скучаем друг по другу. Даже сошлись, когда KISS играли в Лос-Анджелесе.

Однажды утром, прямо перед нашим вылетом в Южную

Америку на финальный отрезок тура, мне на глаза попалась газета, в которой небольшая заметка привлекла мое внимание. «Согласно официальным данным, актриса Донна Диксон вышла замуж за своего партнера по фильму “Доктор Детройт” Дэна Эйкройда. Свидетельство о браке выдано на Мартас-Винъярде».

Что? Мартас-Винъярд?

Оказалось, что они женаты уже три месяца. Я поразился, осознав, что все то время, что мы снова болтали по телефону, она собиралась выйти замуж и наконец действительно вышла.

Меня охватило чувство, что я глубоко под водой. Пошевелиться не могу.

Звоню: «Ты была замужем, когда мы общались?»

Она ответила, что-де надеется, я тоже найду то, что она нашла. Ни объяснений, ни извинений.

Я повесил трубку.

С того момента любое мое действие превращалось в тяжкую борьбу. Депрессия сжала меня тисками. Мне приходилось каждый день выгонять себя из постели пинком под зад: *вылезай, нахрен, быстрее.*

Вокруг меня все рушилось.

Просто двигайся. Или потонешь.

А пресса как будто наслаждалась лопнувшей группой KISS. Однажды, с трудом выбравшись из кровати ради интервью, я получил от интервьюера такой вопрос: «Каково это — плыть на “Титанике”?» Журналисты рассматривали нас как товар, забыв, что вообще-то мы — живые люди. Другой интервьюер спросил: «А что чувствуешь, когда умираешь?» Ненависть из них так и сочилась. А я не мог не заметить и холодность их, и радость извращенную. Но кое-что я понял, отвечая день за днем на эти злые вопросики.

Никто не скажет мне, когда всему этому конец.

Разумеется, в моей жизни все шло не так. Ну а я, что я-то? Как насчет того, чтобы мне спастись и уцелеть? Это же мое личное дело.

Что чувствуешь, когда умираешь?

Эти козлы на другом конце телефонного провода не покажут большой палец вверх или вниз мне, стоящему на арене.

KISS для меня были *всем*.

И я тут же поклялся, что я сделаю все, чтобы мой плот плыл дальше.

KISS не умрет никогда.

Часть IV. Под дулом пистолета

41

В июне 1983-го мы прилетели в Бразилию и сыграли перед толпой из 180 000 орущих фанатов на стадионе «Маракана» в Рио. Это была самая большая аудитория, перед которой нам доводилось выступать. После хоккейных стадионов Южной Америки те площадки, которые мы считали большими в Соединенных Штатах, теперь казались нам просто микроскопическими. Когда ты выходишь на стадион масштаба «Маракана», то чувствуешь себя маленьким песочным замком, который вот-вот смоет цунами. Другое важное отличие — безопасность. Днем, когда мы проверяли наше оборудование, вооруженные солдаты с собаками прочесывали окрестности.

Невозможно описать всю ту энергию, которую выплескивает на тебя толпа какого размера. В тот день воздух словно плавился от напряжения, в нем витало чувство томительного предвкушения — называйте это, как хотите. Когда вся энергия направлена на вас, то это похоже на волну размером с небоскреб, которая может проглотить вас с потрохами. Невозможно описать тот прилив головокружительных эмоций, которые ведут нас во время концерта.

Как бы волнительно ни было играть на таких огромных площадках, но от этого не отвертеться. Жребий был брошен, и осталось лишь узнать результаты. Мы могли собирать самые большие стадионы в Южной Америке, но в Северной Америке наше положение было еще весьма шатким. KISS снова и снова приходилось зарабатывать очки репутации с нуля.

По возвращении в Штаты я еще раз попробовал убедить Джина пойти на крутые меры: снять макияж. Для некоторых людей этот шаг звучал, как отчаянный порыв — но я считал это нашим единственным выходом. Неспроста наша американская аудитория начала сокращаться. Это случилось, потому что мы утратили искренность. Люди устали от того, во что превращается KISS. Пришло время отойти от образа мультяшных супергероев а-ля черепашки-ниндзя. Взять хотя бы Винни с его анхом. Что это, черт возьми, такое? Вместо того чтобы придерживаться оригинальных образов, мы превратились в посмешище. А дальше что? Будем размахивать нунчаками на сцене?

Когда мы начали записывать *Lick It Up*, то подумали о том, чтобы найти менеджера на замену Биллу. До этого момента деловые аспекты работы Билла лежали на Ховарде Марксе, и мы, в сущности, управляли сами собой. Потому мы отправились к известному в Лос-Анджелесе менеджеру, и сказали, что решили

избавиться от грима. «Почему бы вам для начала не смыть макияж с одной половины лица?» — спросил он.

С одной половины лица?

Именно тогда мы осознали, что большинство людей не понимали проблемы KISS. В конце концов, *Creatures* был хорошим альбомом. Загвоздка заключалась в том в том, что люди слушали его своими глазами, а не ушами. Если людям не нравится то, что они видят, то, скорее всего, им не понравится то, что они услышат.

Разумеется, сложнее всего решение снять макияж далось Джину. Мне было легче это сделать, чем парню с хвостиком на макушке, который плевался кровью на сцене. Но, когда *Creatures* потерпел неудачу, здравый смысл подтолкнул нас к мысли, что у нас нет иного выбора. Избавиться от грима — значит получить надежду на дальнейшую карьеру.

Но даже так Джин не решался до самого последнего момента, когда мы уже стояли на краю пропасти. Это был прыжок веры, который был необходим для нашего собственного выживания. Нам нужно было раз и навсегда выяснить, чего мы стоим без грима. Если мы, и правда, были клоунами в глазах людей, то тогда можно было спокойно завязывать, потому что мы не заслуживали продолжать.

Нервничал ли я? На самом деле нет. Я знал, что действую от сердца, неважно, было ли мое лицо в краске, или нет. Это стало неотъемлемой частью меня — я оставался бы тем же самым человеком. Когда люди начали хвалить нас за нашу смелость пойти на такой отчаянный шаг, я сразу же заявил, что мы решились на это только в целях собственного выживания — альтернативы просто не было. Я не прочь взять на себя ответственность за сумасшедшие решения, но это к таковым не относилось. Этот ход не был ни храбрым, ни благородным, потому что мы действовали с позиции слабого. Нас загнали в угол.

Я все еще не мог прийти в себя после известия о браке Донны. Я был опустошен и раздавлен. В то время я посещал психотерапевта, и однажды во время сеанса он сказал: «Лучшее средство, которое может помочь тебе забыть женщину, — это другая женщина». Это была одна из самых откровенных вещей, которую я когда-либо слышал во время сеанса психотерапии. Я воскликнул: «Что? Вот так просто?!». Я ожидал какой-нибудь буддистской мудрости, но никак не этого. Думаю, такой совет по мне.

После того сеанса я подумал, что, возможно, один из способов почувствовать себя лучше это написать песню о том, как

чувствуешь себя лучше. Лучший способ преодолеть проблему — это спеть песню о том, как ты преодолеваешь проблему. Я где-то читал, что, работая над своей Второй симфонией — произведением, которое я считал невероятно веселым, — Бетховен страдал от суицидальных мыслей. Возможно, творчество поможет и мне вылезти из болота тоски.

Мы с Винни написали песню «Lick It Up» у меня дома на 80-й улице в комнате для репетиций, заваленной пустыми гитарными кейсами. Прежде чем приступить, мы хотели выяснить, что именно собираемся написать, как вдруг слова терапевта прозвенели у меня в ушах. Мы тут же придумали великолепное название «Lick It Up».

Жизнь — это удовольствие, и хорошо относиться к себе — не преступление.

Радость — это универсальная идея, в которую я верил, независимо от того, испытывал ли я его каждую минуту или нет. Это было лучше, чем петь грустные песни. Кроме того, сам процесс написания отличной песни, независимо от ее настроения, вернул меня к жизни. Я будто увидел свет в конце тоннеля и выбрался наружу из тьмы. Творчество было способом снова встать на ноги.

Другая песня с *Lick It Up* — «A Million to One», намного сильнее отражала то, как я себя чувствовал. Думаю, всем нам хочется верить, что мы в отношениях незаменимы, и что никто другой не даст человеку, которого мы любим, то, что дарим мы. «A Million to One» родилась из этой неправдоподобной и слегка эгоистичной мысли. Мы волновались из-за нашего решения снять макияж, но это не означало, что наша музыка должна была измениться. Мы были довольны тем, каким получился *Creatures*, и, снова заручившись помощью Майкла Джеймса Джексона, начали уверенно пробивать себе дорогу обратно в рок-н-ролл. Взглянув на обложку готового альбома, я почувствовал волнение. Пути отступления отрезаны. В некотором роде это была наша исповедь, и мы имели на нее полное право, учитывая, сколько всего мы прошли.

Мы решили сами протестировать себя на пригодность — снятие макияжа говорило о том, насколько сильно мы ценим группу. Мы могли просто сдаться и разойтись по домам, но вместо этого решили сбросить доспехи. Я также понял, что с выходом пластинки у меня больше не будет маски, за которой можно было бы спрятаться от последствий успеха — положительных и отрицательных. До этого любой прохожий мог оказаться звездой KISS. Но это тоже может быть весело.

Мне предстояло стать намного более узнаваемым и

заметным, что было не так уж плохо, особенно когда речь шла о знакомстве с женщинами. В любом случае, все это время, что я носил макияж, постепенно подготовило меня к славе — так что для меня это не будет похоже на погружение в бассейн с ледяной водой.

До этого момента MTV всегда игнорировал нас. Мы сняли рекламный ролик «Я хочу свое MTV», но они никогда не транслировали его. Клип «I Love It Loud» для продвижения нашего альбома Creatures тоже не попал в эфир. На телевидении нам уделяли ноль внимания, в котором мы так отчаянно нуждались после одиозного *The Elder*, чтобы показать, что у KISS еще полно пороха в пороховницах. Нас не считали крутыми на тех каналах, где целевой аудиторией были кучка желторотых студентов-стажеров.

Как только мы сорвали маски, все изменилось.

Наконец-то нас начали принимать на MTV, и мы решили устроить саморазоблачение специально для этого канала. По сути, это было разоблачением меня и Джина: два других парня были в значительной степени никому не известными. Я говорю это не для того, чтобы принизить роль Эрика или Винни, но, сыграв на проходном альбоме, они не представляли интереса в плане срывания покровов. Для большинства KISS это Кот, Инопланетянин, Звездный Мальчик и Демон. Но Кот, фигурально выражаясь, улизнул из мешка, прихватив с собой Инопланетянина. Можно сказать, что весь этот шум был на пустом месте. Тем не менее, «разоблачение» KISS стало отличной наживкой, на которую охотно клюнула публика. Нам удалось превратить это в целое событие и привлечь внимание прессы.

И это сработало. Я был убежден, что *Lick It Up* был не так хорош, как *Creatures of the Night*, но цифры говорили сами за себя: за первые недели после релиза в сентябре 1983 года пластинка продавалась в четыре-пять раз лучше. Оказывается, людям нравилась наша музыка, но их отпугивал наш вид.

Смыв с лица грим и сняв ботинки на высокой платформе, мы выбрали более общий стиль: обтягивающая сексуальная и цветастая одежда. Попытались приспособиться к модным на тот момент тенденциям. Черт возьми, даже Роберт Плант подстригся и щеголял в брюках-парашютах. Даже Who и Stones не смогли сопротивляться современной моде. Мы превратились в очередную патлатую группу, коих на сцене было сотни.

Теперь нас было не отличить от других групп. Этот мир был против тех, кто выделяется. Избавившись от нашей визитной карточки, теперь мы смахивали на очередную группу, играющую заурядный рок-н-ролл. Благодаря MTV группа из Айдахо могла

выглядеть как группа из Лос-Анджелеса, но на самом деле напоминать группу из Лондона.

Сформировался определенный популярный имидж. Внезапно музыканты осознали, что могут купить спрей для волос, поднять свою прическу до потолка, накрасить себя маминой косметикой, а затем прыгать по сцене с гитарами, как они увидели в каком-нибудь клипе по ящику. Так обстояли дела с группами на тот момент: пышные прически, спандекс, побрякушки, яркая косметика.

Многие команды с таким имиджем производили на свет тонны ужасной музыки. Порой настолько плохой, что в голове не укладывалось. У этой музыки не было корней и души. Я знаю, что многие из них подражали британским блюзовым группам, но мне было известно, что ты не можешь как следует играть такую музыку, если не в курсе, кто такие Хьюберт Самли, Хаулин Вулф и Роберт Джонсон. Джими Хендрикс не сразу начал играть «Purple Haze». Если хочешь научиться играть на гитаре, тебе нужно вернуться к корням.

В большинстве этих патлатых групп был ужасно бестолковые гитаристы, которые могли играть только тэппингом. Но мы должны были идти в ногу со временем. Кто бы что ни говорил, но это помогло нам продержаться еще пару десятилетий. Так как MTV освещал наше саморазоблачение, мы решили, что в этот раз он, возможно, пустит в эфир наш клип. Мы не надеялись на ротацию в прайм-тайм, нам бы хватило того, что мы появимся на экранах. Производство клипа «Lick It Up» обошлось нам дороже чем «I Love It Loud», но нам удалось уложиться в приемлемую сумму. Некоторые группы тратили сотни тысяч долларов на свои клипы, но нам это казалось сумасшествием, особенно учитывая, что в прошлом нас старательно игнорировали на MTV. С «Lick It Up» мы не хотели раздувать бюджет.

Клип начинается с изображения черепов. Если вы обратите внимание, то увидите, что один из них немного покачивается, так как сделан из латекса. Мы сняли видео в районе Бронкса, где бушевали пожары. Не считая некоторого реквизита, такого как череп, все было по-настоящему, и мы ничего не делали, чтобы приукрасить картинку. Это было похоже на Дрезден в 1945 году — такой же постапокалиптический вид. Но то были не декорации. Я никогда не видел ничего подобного раньше — мне не особо часто доводилось бывать в Южном Бронксе. Безумие заключалась в том, что речь шла не только о маленьком участке, где мы снимали, — весь район был таким, напоминая город после бомбардировки или какую-то декорацию к фильму. Повсюду были видны груды кирпичей, камней и мусора, обрушившиеся и ветхие

здания. Это было самое странное и сюрреалистическое зрелище в моей жизни.

Увидев финальную версию клипа, я подумал, что вышло круто. Это было видео в стиле MTV: там были девушки, огонь, странные прически. В общем, все, что было на MTV. Эрик возненавидел этот клип, потому что у него были тонкие, как спички, ноги, которые засветились на видео. Увидев Винни, люди задались вопросом: «Это что, девушка?». Когда мы снимали обложку для альбома, он был в парике, который смотрелся круто. После этого он поклялся, что никогда в жизни не будет носить парик. Он доставил нам проблем, потому что с его нежными локонами он больше походил на Золушку. В клипе Винни выглядит очень странно, особенно когда пытается вести себя сексуально перед камерой.

Lick It Up дважды стал платиновым альбомом. *Creatures of The Night* канули в лету, подтвердив мои догадки: людям до сих пор нравились KISS, но они хотели от нас искренности. Смыв макияж, мы заставили людей сосредоточиться на группе, и они с радостью приняли нашу музыку. У *Lick It Up* была и обратная сторона медали: избавиться от макияжа в некотором смысле означало положить конец целой эпохе, убить персонажей и начать новую жизнь. Так это виделось мне. Человек за кулисами был тем же человеком, что и в клипе. Я чувствовал, что мы сделали гигантский шаг вперед, а значит, мы и дальше могли работать над детищем всей моей жизни — группой KISS. Были ли мы просто кучкой болванов с разукрашенными лицами в спандексе, которые только и могли, что облажаться на хер? Или мы были *группой,* способной встретиться лицом к лицу с кем угодно?

Нам предстояло это выяснить.

42

Шоу в Португалии в октябре 1983 года началось с нашего традиционного приветствия: «Самая горячая группа в мире…» А затем внезапно мы появляемся на стене без грима. Вместо туфель на платформе, крыльев летучих мышей и сияющих доспехов мы предстали перед зрителями в обычном прикиде рокеров. Впервые за все время существования группы. Я взглянул на Джина. Он выглядел так, словно мы репетировали, но перед нами была живая публика!

Люди не могли понять, что происходит. Шоу рекламировалось как костюмированное, на постерах были изображены наши старые персонажи. Зрителям потребовалась пара минут, чтобы понять, в чем тут дело. Удалось ли нам произвести старое визуальное впечатление? Нет — я мог почувствовать разницу, находясь на сцене. Но нам пришлось оставить все позади, чтобы понять, кто мы есть на самом деле. Мне не надоел грим — меня достало то, во что он нас превратил. Нам пришлось отступить, чтобы сохранить то, что мы любили больше всего, — нашу группу. Нас охватило чувство волнения и освобождения. Я наслаждался возможностью снова доказать всем, чего мы стоим: не только критикам и зрителям, но и себе самим.

На том турне я понял, что выступать на сцене без грима было не таким уж трудным делом. Так как мы изначально планировали не фотографироваться без макияжа, чтобы добавить популярности нашим сценическим образам, у меня выработалась шестое чувство, которое позволяло мне чувствовать нахождение фотокамер где угодно, даже за пределами моего зрения. Когда мы сняли маски, я все еще рефлекторно закрывал лицо при виде камеры.

Винни продолжил капать мне на мозги. Он отказался подписывать свой контракт. Он все обещал, но у него все руки не доходили, а я никак не мог его заставить. Нам не оставалось ничего другого, кроме как продолжать. Во время европейского турне Винни пришлось обратиться к врачу. Оказалось, что у него молочница. Я спросил: «Молочница? Где?» «Где, где. У него в пизде», — ответил Эрик. Я даже не знал, что так бывает. После этого Эрик начал называть Винни «самой уродливой женщиной на свете».

Мы выступали в Оулу, на севере Финляндии, в конце ноября 1983 года. Это было самое близкое расстояние, на которое мне удалось подобраться к Советскому Союзу — примерно в 100 милях от границы. Мы весь день добирались туда, и когда

прибыли на сцену, было очень холодно. В закулисной зоне мне пришлось надеть перчатки и несколько слоев одежды. Проведя целый день в дороге, мы умирали от голода и очень обрадовались, когда нам подали огромную миску сытного говяжьего супа. Мы сидели вокруг котла и разливали суп по тарелкам. Это было так вкусно: овощи и говядина в ароматном согревающем бульоне. Винни съел часть своей похлебки, а затем, сказав, что он наелся, вылил остатки обратно в общий котел. Мы ошарашенно посмотрели на него: «Как тебя воспитывали? Что ты делаешь? Ты только что испортил нашу еду!»

Дела с Винни шли все хуже и хуже. Его «соляки» становились все длиннее и абсурднее, затормаживая наше шоу. Последней каплей стал концерт в Америке, в Лонг-Бич, штат Калифорния, в январе 1984 года. Той ночью он устроил такой длинный запил, что мы с Джином успели сходить за кулисы и вернуться, а он все еще играл. Я подошел к микрофону и объявил: «Винсент! Соло-гитара!» Только после этого он остановился. Когда после следующей песни потушили свет, Винни подошел ко мне в темноте и сказал: «Ублюдок, ты меня унизил!»

Я готов был поклясться, если бы он только вздумал на меня замахнуться, то я бы растоптал его прямо на месте.

Это был напряженный момент. Я уже готов был к тому, что когда снова зажгутся огни, этот засранец валялся бы у меня ничком на сцене.

С ним было покончено. К моменту, когда мы были готовы записать следующий альбом, *Animalize*, мы приступили к поискам другого гитариста. Говоря «мы», я немного преувеличиваю. К тому моменту Джин практически исчез с радаров. Если *Creatures* был коллективным детищем группы, и Джин еще участвовал при создании *Lick It Up*, то, когда пришла пора записывать *Animalize*, я почувствовал себя покинутым.

Поставив меня перед фактом, что он не будет принимать участие в создании альбома, Джин наспех состряпал несколько демозаписей. После этого он отправился снимать фильм, оставив меня с кучей бесполезного мусора. Просто замечательно! Гитарный мастер по имени Гровер Джексон связал меня с неуклюжим великаном по имени Марк Нортон. Марк не был лучшим гитаристом в мире, но он играл в стиле, который тогда считался популярным. К этому моменту Эдди Ван Хален полностью поменял правила игры, и все захотели быть искрометными и быстрыми, играя на гитаре всеми частями тела. С Марком, который называл себя Марком Сент-Джоном (в 80-е годы все были святыми-кем-то), тоже оказалось довольно трудно работать, хотя и по другим причинам, нежели с Винни.

Однажды я сказал ему: «Приходи завтра с готовым соло для этой песни». На следующий день он пришел, сыграл соло, и это было довольно хорошо. «Круто! — сказал я. — Теперь сыграй это еще раз». Но он сыграл совершенно другую вещь. «Я не могу играть одно и то же дважды», — сказал он. Я возразил ему: «Но тут нельзя по-другому». В следующий раз я сказал ему: «Знаешь, порой дело не в том, что ты играешь, а в том, чего ты *не* играешь. Послушай Джимми Пейджа, Пола Фрэнсиса Коссоффа, послушай Эрика Клэптона». «Я могу играть быстрее, парни», — усмехнулся Марк.

Хьюстон, у нас проблема.

В конце концов, мне практически в одиночку пришлось работать над *Animalize*. Я исправил песни Джина, исправил ситуацию в группе, добился соло от Марка и довел альбом до логического завершения. Помимо этого, я придумал название для альбома, разработал дизайн обложки и организовал фотосессию. Вдобавок ко всему я провел много часов в нашем офисе, продвигая альбом, договариваясь с радиостанциями, и упрашивая MTV пустить в эфир наши клипы, по сути, занимаясь всем тем, что обычно делал менеджер. Несмотря на то, что Джин практически не участвовал в создании альбома, он хотел, чтобы его указали как сопродюсера. И естественно, он ожидал гонорар, равный моему. Я не считал это справедливым. Я не получал и половину от того, что он выручал за свои делишки вне группы.

Джин все еще имел права на половину песен с этого и с последующих альбомов, но ему было чуждо такое понятие, как контроль качества. Не случайно большинство из этих песен сегодня канули в лету. Он просто не вкладывал достаточно времени и усилий в группу. Мне было все равно, кто из нас писал хиты, но если он даже не старался, то это никак нельзя назвать партнерством. Меня начало бесить, что он тратит время на другие вещи: будь то фильмы, работа с другими группами или перерезание лент в торговых центрах.

Я глубоко верил — чтобы группа выжила, нам нужно было целиком посвятить себя ей. Это было решающее время. Нравилось ему это или нет, но он все еще был Джином Симмонсом из KISS, и я не хотел, чтобы он пилил сук, на котором сидит, купившись на соблазны. Он воспринимал группу как должное и, что еще хуже, разрушал то, что мы построили вместе. И ради чего? Многое из того, чем он занимался, оказалось пустой тратой времени. Везде, даже в сомнительных ситуациях, он стремился стать центром внимания — я не понимал этого. Я посмотрел один из его фильмов и подумал, что это стыдоба.

Одновременно с этим Джин целыми днями купался в лучах

славы, попутно искажая имидж группы, превознося свою значимость для KISS. И это несмотря на то, что он отстранился от активного участия в группе. Во мне начинала закипать злость.

После того, как сделали фото для обложки альбома, представили Марка аудитории, у того внезапно обнаружился синдром Рейтера, или реактивный артрит. Зачастую он поражает колени, но в случае Марка досталось его руке. Пусть бы опухло все что угодно, но только не рука. Марк не мог пошевелить пальцами. «Мой доктор говорит, что это пройдет через две недели», — говорил он нам. Я звонил ему каждый день:

— Ну как, тебе лучше?

— Не-а.

Наконец-то мы выбрались на гастроли. *Animalize* вышел в сентябре 1984 года и продолжал набирать обороты, продаваясь даже лучше, чем *Lick It Up*. Я позвонил Брюсу Кулику, гитаристу, сыгравшему соло на одной из песен *Animalize,* с которым я познакомился через его брата Боба. Я спросил его, может ли он поехать с нами в тур на несколько недель, чтобы заменить Марка, и он согласился. За время наших довольно продолжительных гастролей Брюс каждый вечер выступал на сцене, в то время как Марк болтался за кулисами. Мы все надеялись, что он проснется на следующий день здоровым и сможет снова играть. Завтра. Завтра. Завтра. В этом турне Марк так и не сыграл ни одного шоу. Наконец мы его отпустили, а Брюс стал нашим постоянным гитаристом.

Брюс был славным и очень забавным малым. На вопрос «Как у тебя дела?», он прочитает вам целую лекцию о том, как барахлит его гитарный процессор, или в деталях, которые лучше было бы оставить при себе, расскажет о расстройстве желудка, или пожалуется на мучившие его газы. Но он был потрясающим гитаристом и отлично работал в команде.

Брюс стал нашим четвертым гитаристом, и в какой-то момент я задался вопросом: «Что за чертовщина?» Я не хотел, чтобы KISS играли на подпевках у меня и Джина. Мы не Оззи или Боуи, которые меняли музыкантов как перчатки. Мы должны были быть группой. Я с недоверием относился к группам, в которых участники постоянно менялись. Но даже в этом случае наше поведение вне сцены и за пределами студии не имело ничего общего с той химией, к которой мы стремились. Как говорится, «прошла любовь». Мы стремились к функциональности. На протяжении очень долгого времени мы не общались как группа, хотя нельзя сказать, что нам было противно находиться друг с другом. Каждый участник группы просто выполнял свою роль. Мы уже не разъезжали в тачке, травя друг другу анекдоты.

Октябрь и ноябрь 1984 года мы провели в гастролях по Европе, на этот раз взяв Bon Jovi в качестве разогревающей группы. У нас был внушительный список претендентов: Боб Сигер, Джон Мелленкамп, Том Петти, AC/DC, Judas Priest, Rush и Iron Maiden — все они были среди претендентов, которых мы рассматривали для этого турне. В то время у Bon Jovi на радио пробился небольшой хит под названием «Runaway». Джон был смышленым парнем и всегда подсаживался к нам в баре отеля и задавал вопросы о бизнесе. Ему хотелось узнать как можно больше. Теперь, когда мы сами занимались менеджментом, у нас были ответы. Ближе к концу турне ко мне подошел менеджер Bon Jovi Док МакГи: «Не хотели бы вы вместе с Джоном поработать над его следующим альбомом?» «Если вы хотите написать что-то действительно классное, — сказал я, — тебе нужен Дезмонд Чайлд». Я дал ему номер Дезмонда.

Где-то через год Дезмонд приехал ко мне домой и дал послушать *Slippery When Wet*, альбом, который он написал вместе с Джоном и Ричи.

Услышанное произвело на меня впечатление. После этого я позвонил Джону: «Я думаю, это будет прорывной альбом».

«Прорывной» было еще мягко сказано.

43

Мы выпускали один платиновый альбом за другим. Люди снова начали доверять нам. Наши концерты снова проходили с аншлагом, привлекая десятки тысяч людей. Это, конечно, не сравнится с нашими старыми добрыми деньками, но все равно не могло не радовать. Мы двигались в нужном направлении. Самое главное, что я зарабатывал деньги, занимаясь любимым делом: играл на гитаре, прыгал на сцене, орал и кривлялся.

И все же, несмотря на то что наши последние альбомы продались тиражом по два миллиона копий каждый, мы уже выбыли из главной лиги. Такие группы, как Van Halen, Def Leppard и, вскоре, Bon Jovi, продавали 10 миллионов копий своих альбомов. 10 миллионов копий своих альбомов. Несмотря на то, что мы зарабатывали деньги, нашему лейблу было плевать на KISS. Мне казалось, что наша звукозаписывающая компания ориентировалась на ребят, которые только что окончили колледж и увлекались группами Dan Reed Network. Неудивительно, что спустя 30 лет эти ребята все еще на слуху.

Когда мы давали концерты в Нью-Йорке, никто из нашей звукозаписывающей компании не удосужился прийти. Они все были в каком-то клубе в центре города на концерте группы, участники которой только что вылезли из гаража своих родителей. Ничего не имею против Dan Reed Network, меня просто бесило и даже обижало, что нас воспринимали как должное. Альбомы без макияжа стали успешными, потому что фанаты дали нам второй шанс. Но звукозаписывающая компания чихать на нас хотела.

Работая над Asylum в студии Electric Lady. Слева направо: Брюс, Эрик, я и Джин, 1985 год

Главной проблемой при работе над следующим альбомом, *Asylum*, заключалась в том, что мой якобы партнер вел себя точь-в-точь, как наша звукозаписывающая компания. Джину было все равно. Он появлялся в студии, до этого провозившись всю ночь с какой-нибудь третьесортной группой, которую он продюсировал. Измученный, он выдавливал из себя какую-нибудь сырую песню, которую планировал включить в наш альбом. Разумеется, он хотел получить процент с песен на пластинке, но в очередной раз он не мог предоставить ничего путного. Он попросту не уделял этому время. Когда я намекал, что от него мало толку, он тут же начинал уверять меня: «Нет, я выкладываюсь на все сто процентов».

Чувство, что в наши ряды закрался предатель, росло каждый раз, когда Джин отрицал, что лажает и не уделяет должного внимания группе. Кто-то явно вел двойную игру и думал только о себе. В его повестке дня KISS занимали далеко не первое место.

Ты единственный человек, на которого я мог положиться.

Когда я озвучил Джину свои подозрения, он сказал: «Ну, ты тоже можешь пойти и заняться чем-нибудь еще». Его ответ попахивал дерьмом. Если бы я так поступил, не было бы ни группы, ни музыки, ни альбомов. Я не собирался сидеть сложа руки и смотреть, как распадается группа. Он это прекрасно знал.

Мало того, его предложение заняться «чем-нибудь еще», продиктовано его собственным решением заниматься посторонними вещами. В отличие от него я не искал оправдания для других дел. Не похоже, чтобы он советовался со мной о своих планах. Он просто действовал в своих эгоистических интересах, не думая обо мне.

Он также выработал новую привычку использовать логотип KISS и свой образ из группы для личных проектов без моего ведома, прекрасно понимая, что со мной необходимо советоваться по таким вопросам. Когда я выступал против этого, он выдавливал из себя слабое неискреннее «извини», лишь затем, чтобы все повторилось в следующий раз, словно мы никогда не говорили об этом. Он явно собирался действовать, как ему заблагорассудится, невзирая на какие-либо протесты с моей стороны или даже на свои юридические обязательства по нашему партнерству. Для Джина извинение было лишь инструментом, чтобы успокоить меня, пока он не совершит следующий эгоистический поступок. На самом деле он никогда не имел в виду «извини меня за то, что я так поступил». Скорее, это звучало как «извини, что это тебя беспокоит». Вдобавок к оскорбительному поведению его абсолютный пофигизм ранил мои чувства. Видимо, мне просто нужно было играть по его правилам. У меня был выбор: либо уйти, либо вкалывать за двоих. Проблема заключалась в том, что мне бы пришлось делиться гонораром, даже если бы я работал с удвоенной силой. Вражда продолжала назревать.

Также мне все чаще начали попадаться интервью, в которых Джин причислял к своим заслугам то, в чем лишь частично участвовал, а порой и вовсе не имел никакого отношения. Когда журналисты ошибались, высказывая свои выдуманные догадки о его огромной роли в группе, он и не думал их исправлять. Когда я показывал Джину его цитаты из бесчисленных интервью, он решительно заявлял мне: «Я этого не говорил!»

Для меня не было в новинку давать интервью, которые записывали, чтобы затем перевести в текст и пустить в печать. Случаи, когда мне приписывали то, чего я не говорил, можно пересчитать по пальцам одной руки. Если Джеймс Браун был «самым трудолюбивым человеком в шоу-бизнесе», то Джин Симмонс — по крайней мере, по его словам — был самым превратно понятым человеком в шоу-бизнесе. Я не купился на это.

То, что он меня обманывал, а мою роль и роль других музыкантов преуменьшал и даже отрицал, было не только эгоистично с его стороны, но и попросту жестоко. Мне было

больно это слышать. Мы с Джином всегда относились друг к другу как братья. Но, похоже, у нас были разные представления о братской любви. В результате того, что Джин удалялся от группы, я все чаще начал принимать решения по группе. В конце концов я стал ее центром. Не случайно мои песни стали популярными — просто никто другой не удосужился написать достойные песни. Если Джин хотел быть кем-то большим, чем просто басистом, он должен был сделать что-то большее. Любой за пять минут может настрочить песню. Поскольку у нас был контракт на запись песен Джина для альбома, независимо от того, хорошими они были или нет.

Чувство долга заставляло писать меня такие песни, как «Heaven's On Fire» или «Tears Are Falling». На мне одном лежала работа, и мне нравилось получать заслуженную награду.

В зените своей славы на канале MTV я превратился во что-то наподобие сладкого мальчика из восьмидесятых. То было странное время: с перьями в сережках, губной помадой и розовыми перчатками (все это заслуга стилиста Van Halen) я был максимально похож на трансвестита. Скажем так, в эру «патлатых групп» существовали другие понятия о красоте.

В те годы у меня было несколько подружек, но по большей части отношения сводились к общению и сексу. Я не искал любви до гроба и не ждал этого от женщин. Я просто хотел хорошо провести время. Я все продумал так, чтобы, даже не разъезжая по гастролям, я никогда не оставался один. Я начал жить поочередно то в Нью-Йорке, то в Лос-Анджелесе, снимая там квартиру или живя в таких отелях, как «Sunset Marquis». Лос-Анджелес был местом, куда я отправлялся, чтобы побаловать себя обществом женщин. Когда отношения с ними неизбежно становились слишком сложными, я возвращался в Нью-Йорк.

Несмотря на внимание, которое привлекли к себе музыкальные клипы KISS, роль публичной фигуры давалась мне с трудом. Помня о своей карьере в кино, Джин стремился окружить себя самыми известными людьми. Я в этом деле был далеко позади. Было забавно читать о своих похождениях в глянцевых журналах — но читать о расставаниях было уже не так весело. Однажды я увидел, как одна женщина читала журнал «Star», и там была статья, в которой актриса Лиза Хартман рассказывала, почему она никогда не выйдет замуж за певца Пола Стэнли. Только этого мне не хватало!

Люди, живущие по законам таблоидов, определяли степень своей важности по количеству упоминаний в прессе. Так что рядом с ними мне не только приходилось справляться со своим дерьмом, но еще и выслушивать дерьмо от них. Например, как

они страдали из-за того, что статья в журнале «Access Hollywood» оказалась короче, чем они думали. Одна женщина из Лос-Анджелеса, с которой я встречался, беспокоилась о том, что ее дом находился слишком далеко на восточной окраине Беверли-Хиллз, а не в центре. Другая сокрушалась из-за того, что живет в долине, а не со стороны голливудских холмов. Я проводил время среди этих поверхностных людей, но понимал, что не хочу становиться одним из них.

Ни одни из этих отношений ни к чему не привели, зато они спасали меня от одиночества. Однажды, под конец года, мы дали концерт в Нью-Джерси, перед тем как отправиться домой в Нью-Йорк. Одна из «кошечек» журнала «Penthouse» подошла ко мне после шоу со словами: «У меня для тебя припасен рождественский подарок». Я сказал ей: «Я подброшу тебя до города на своем лимузине». Как только мы выехали на шоссе, она расстегнула мои джинсы и презентовала свой подарок. Затем она подняла голову и сказала: «Счастливого Рождества».

Эй, а что насчет Хануки?

Что касается моих сексуальных подвигов, то в 70-х я, так сказать, только пробовал воду, тогда как в 80-х с головой ушел в омут. Однажды вечером я посетил вечеринку в особняке «Playboy». Только войдя в дверь, я оказался перед моделью года «Playboy», которую видел в журнале и считал очень привлекательной. Мы немного поболтали, а затем она сказала: «Не хочешь уйти?» «Конечно», — ответил я, думая про себя, что произойдет, если она скажет: «Тогда почему бы тебе не убраться отсюда к чертовой матери?»

Но вместо этого она сказала: «Тогда пошли», и мы продолжили вечеринку у нее дома.

Мой класс школы искусств устраивал пятнадцатую ежегодную встречу для выпускников 1970 года. Я пропустил свою десятую встречу из-за турне по Австралии, после того как Эрик Карр присоединился к группе. Но пятнадцатую встречу я точно собирался посетить. Мне было не столько интересно узнать, как сложилась судьба у моих одноклассников, сколько ткнуть их лицом в мой успех. Женщина, с которой я тогда встречался в Нью-Йорке, была — сюрприз! — моделью «Плейбоя». Я подумал о том, чтобы взять ее с собой на встречу, но потом вспомнил о Виктории, самой классной девчонке из школы, с которой я однажды ходил на свидание. Правда, закончилось все тем, что меня отчитывал ее папаша. После этого самая горячая девчонка в классе насмехались надо мной до конца средней школы. Я сказал своей зайке, что позвоню ей после того, как улажу свои дела на

встрече выпускников. Я не признался ей, что хотел закончить начатое с той девчонкой, перед которой я когда-то ударил в грязь лицом. Облачив свое загорелое тело в модный синий шелковый костюм, я с нетерпением ждал момента, когда увижу людей, которые считали меня неудачником в школьные годы.

Мероприятие проходило в здании школы. Очутившись внутри, я сразу подумал, что мебель была слишком маленькой для присутствующих. Атмосфера была на удивление мрачной — большинство ребят очень постарели. Я представлял себе молодых людей, полных жизненных сил, мечтаний и стремлений, но это больше походило на вечеринку в честь Хэллоуина, на которой гости решили вырядиться в пожилых людей. Они выглядели старыми и сломленными. Спустя пятнадцать лет у Виктории были короткие мышиные волосы, она носила неуклюжие ортопедические туфли и пышную юбку. От ее привлекательности не осталось и следа. Ненадолго я испытал злобную радость, увидев ее в таком виде и вспоминая, как она вечно дразнила меня после нашего дурацкого свидания. Но потом мне захотелось, чтобы она снова стала такой же красивой, как и пятнадцать лет назад. Это было удручающее зрелище. Еще один парень из школы был настоящим Аполлоном: красивый, с длинными вьющимися волосами и отличным голосом. Он мог петь, как Роберт Плант, и вел себя соответствующе. Теперь он был бледным и лысым, как бильярдный шар. Первый красавчик в школе растерял всю свою красоту, в то время как я, парень, который, по мнению окружающих, должен был проиграть в гонке жизни, оказался марафонцем. Все это было неловко и грустно. Я быстро ушел, забрал свою подружку, и мы хорошо поужинали. Я не находил радости в том, чтобы хвастаться своим успехом перед другими людьми. После этого я больше никогда не ходил на встречи выпускников.

44

Asylum продавался почти так же хорошо, как *Animalize,* но после выхода альбома группа опять начала выдыхаться, и к началу 1986 года мы снова съехали на обочину примерно на год.

Однажды я получил звонок от нашего бизнес-менеджера Говарда Маркса, который сказал, что с ним связался Том Зутаут, знаменитый искатель талантов студии A&R, известный тем, что подписал контракт с Motley Crue. «Том только что заключил сделку с одной группой, — сказал Говард, — и он хотел узнать, не хочешь ли ты сходить посмотреть на них. Им нужен продюсер». Учитывая, что Джин был занят своим очередным фильмом, и до следующего года мы не собирались работать над новым альбомом, то почему бы и нет?

Говард пошел со мной на встречу с этими ребятами, которые назвали себя Guns N' Roses. Мы договорились встретиться с ними в квартире, которую арендовал для них менеджер. Прибыв на место, я представил лысого пузатого Говарда как своего телохранителя. Это было сказано в шутку, но прождав пару минут, я наконец понял, почему никто из них не смеялся.

Иззи валялся без сознания со струйкой слюны, стекающей по щеке. Было непонятно, спит ли он, или просто умер — так жутко он выглядел. Дейв и Стивен были славными парнями. Стивен оказался большим фанатом KISS и просто светился от радости. До меня не сразу дошло, что полукоматозный кудрявый гитарист, который назвал себя Слэш, был тем, в кого превратился милый паренек, с которым я разговаривал во время интервью перед записью *Creatures* пару годами ранее. Затем Эксл поболтал со мной и поставил пару песен на дерьмовом магнитофоне, который валялся у них в комнате. Одна из них называлась «Night Train». Песня была классной, но я посоветовал ему немного изменить припев. Это был последний раз, когда он со мной разговаривал. Последний.

Ко мне подошел Слэш, и мы начали болтать о Rolling Stones. Я показал ему строй гитары, который Кит Ричардс использовал, когда сочинял все свои песни — пятиструнный открытый G. Сняв одну струну, я ловко поменял строй гитары, чем произвел впечатление на Слэша. Помимо этого, я предложил ему помощь, чтобы свести его с нужными людьми, которые обеспечили бы его бесплатными гитарами: нас всех спонсировали всевозможные компании, занимающиеся инструментами, и я подумал, что такой парень не отказался бы получить халявное оборудование для

записи.

Вечером я сходил на их концерт в маленьком голливудском притоне под названием «Raji's». Те песни, которые они сыграли для меня, были хорошими, но их живое выступление стало для меня полной неожиданностью. Они были великолепны! Я был *потрясен*, особенно, учитывая всех тех торчков, которых мне пришлось наблюдать ранее тем днем. Я сразу понял, что стал свидетелем истинного величия. Мне довелось увидеть их выступление в другом клубе, который назывался «Gazzarri's» (позже это место переименуют в «Key Club»). Ребят не устраивал их звукарь, и тут ни с того ни с сего Слэш попросил меня помочь с этим. Спустя десятилетия Слэш поделился своими воспоминаниями о том вечере и, мягко говоря, все напутал. Он выставил ситуацию в таком свете, будто это была *моя* инициатива шаманить с их звуком. Пусть только этот парень из KISS попробует дотронуться до оборудования Guns N' Roses — ведь что может быть хуже, чем парень из KISS? По его словам, со мной была моя «трофейная жена»-блондинка. Но я не был женат, и в тот раз меня сопровождала брюнетка по имени Холли Найт, автор песен, которая прославилась благодаря «Love Is a Battlefield». Именно поэтому адвокаты не принимают свидетельские показания от алкоголиков или наркоманов.

Это интервью он дал лишь годы спустя. После нашей встречи с группой до меня начали доходить разные истории, которые Слэш говорил за моей спиной: он называл меня геем, высмеял мою одежду, пытался заработать себе репутацию среди рокеров за мой счет. Это случилось за годы до того, как его цилиндр, очки и свисающая сигарета стали мультяшным костюмом, который позволил ему продержаться на плаву.

Неудивительно, что меня не пригласили принять участие в создании альбома Guns N' Roses. Что меня удивило, так это когда Слэш позвонил мне спустя пару месяцев по поводу моего предложения помочь ему получить бесплатные гитары.

«Ты хочешь, чтобы я помог тебе с гитарами после того, как ты говорил все это дерьмо за моей спиной?»

Слэш притих.

«Ты должен хорошо усвоить один урок — не стирай свое грязное белье на публике. Приятно было познакомиться. Катись к черту».

45

Пятиструнная настройка гитары — это не единственное, что я узнал от Кита Ричардса. Когда я встретился с ним лично, он сказал мне, что ему предложили купить все, что было в нашем нью-йоркском хранилище — складе, где мы хранили старые сценические декорации, оборудование, все наши костюмы из эпохи загримированных KISS, инструменты и все в этом роде. «Да, приятель, — засмеялся он, — я много чего бы мог купить». Поначалу я не понял его и подумал, что это был пример знаменитого английского чувства юмора, или он просто неправильно пересказал какой-то анекдот. Но чем больше я об этом размышлял, тем больше волновался. Теперь, когда он упомянул об этом, я начал замечать, что со склада пропадают вещи. Несколько раз я ходил туда, чтобы взять гитары, но их там не оказалось. Однажды речь шла о гитаре, которую я припрятал там всего неделю назад. Я *знал*, что она должна быть там.

Правда оказалась весьма неприятной: Билл Аукоин, у которого каким-то образом все еще были ключи от склада, тайно продавал наше барахло. К тому времени дела у него шли так худо, что ему приходилось ночевать на диване у своих друзей. От него отвернулся его последний клиент, Билли Айдол. Если в 1980-х Билли Айдол кидает вас из-за вашего пристрастия к наркотикам, то у меня для вас плохие новости. Итак, нам пришлось переехать. У нас было несколько вещей, которые годились лишь на металлолом (например, сцена для турне *Animalize)*, но большую часть мы сначала перевезли в Нью-Джерси, а затем в Лос-Анджелес.

Вскоре стало понятно, что вредительство Билла оказалось наименьшим из зол. Я все еще жил в однокомнатной квартире, и у меня была только одна машина, но Говард Маркс начал намекать, что мне не помешало бы потуже затянуть пояс. Он сказал, что я должен урезать количество денег, которые перечислял своим родителям. От возмущения я потерял дар речи. Разумеется, я не ждал денег от турне, когда мы не гастролировали. Но что насчет тех денег, которые были инвестированы от нашего имени? Где они теперь?

Я не живу напоказ. Не веду экстравагантный образ жизни. Что-то подсказывало мне, что это ОН зарабатывал слишком много денег.

Я так сказал: «Если кому-то и нужно поумерить аппетит, то это тебе». Добром это не кончилось. Музыкальная индустрия никогда не была благосклонной к артистам. Хотелось верить, что

наши менеджеры действовали добросовестно, но при ближайшем рассмотрении некоторые их решения дурно пахли.

Я нашел подтверждение своими опасениям там, где меньше всего этого ожидал, — во время сеанса с моим терапевтом доктором Джесси Хилсеном. Я начал говорить о накипевшем, о том, что творилось с моими финансами, и он начал задавать вопросы о моих доходах, о пенсионных начислениях, на которые я, к своему стыду, не мог ответить. Нам строго-настрого запрещалось показывать наши финансовые отчеты третьим лицам, но я решил нарушить это правило, и доктор Хилсен согласился взглянуть на некоторые документы. То, что он сообщил мне после изучения бумаг, повергло меня в шок:

— Вы в курсе, что должны налоговой службе США миллионы долларов?

— Что?!

— К тому же вы просрочили выплату, и они уже уведомили, что собираются встретиться с вами лично.

— Как такое возможно?

Говард был как член семьи. Я всегда доверял ему. Наши долгие отношения были редким примером стабильности в группе. Теперь же мне предоставили много красноречивых примеров весьма сомнительных махинаций. Я не хотел придираться к законности вопроса — дело было в том, что многие решения явно противоречили интересам группы, подобные менеджер наверняка не стал бы принимать, если речь шла об его деньгах. Были сделки, которые, по совпадению, заключались с людьми из близкого круга наших менеджеров и адвокатов. Были неудачные «налоговые убежища», о которых мы никогда не слышали. Уйма безрассудных решений. Во многом это напоминало то же кумовство, которое я наблюдал в музыкальном бизнесе. Я думал, что Говард выше этого. Теперь же мне хотелось плюнуть ему в харю. Это было непростительное предательство.

Я позвонил Джину. «Слушай, — сказал я, — у нас финансовые проблемы». «Чепуха», — ответил Джин. «Я говорю тебе, все сложнее, чем на первый взгляд». Я встретился с ним и попытался все объяснить, а он в ответ лишь ухмылялся да отшучивался, не придавая этому значения. Поэтому я организовал ему встречу с доктором Хилсеном, который показал Джину документы. Он уперся и приготовился занять оборонительную позицию, но все доказательства были налицо.

Через день я сообщил Джину, что мы уходим от Говарда. Но он хотел остаться с ним. «Ты можешь остаться, если хочешь, — сказал я, — но я сваливаю». Его ошеломило, что я собирался уйти

с ним или без него. Когда он понял, что я не шутил, то начал колебаться. В конце концов он сказал: «Я с тобой».

Я не стал отвечать на звонки Говарда и больше никогда с ним не разговаривал.

Было грустно расставаться с еще одним членом нашей команды, который подставил нас. Говард был последним членом первозданной группы, которого отшвырнуло на обочину. Он не смог бы найти оправдание своим поступками, ведь все было написано черным по белому в бесконечных документах и файлах. Пытаясь разобраться со всем этим беспорядком, мы обратились к юридическим консультантам, и они подтвердили наши опасения.

С того дня мы самолично ставили подписывать все документы. Я извел немало чернил, вырисовывая свою подпись, неважно, шла ли речь о ежемесячном счете за телефон или о контракте на строительство огромной сцены. Теперь мы с Джином держали наши дела в строжайшем секрете, даже если речь шла о какой-нибудь мелочи.

Возможно, хлебнув горя, мы наконец усвоили наш урок. Разумеется, мы в этой ситуации повели себя не самым умным образом, но мы быстро сообразили, что к чему, и использовали возможность исправить ситуацию к лучшему. Несмотря на то, что именно я обезвредил эту бомбу замедленного действия, которая могла нас уничтожить, все лавры опытного бизнесмена достались Джину. Мне кажется, людям удобнее вешать ярлыки: например, Джин это «деловой парень», а Пол — «творческий парень». Но не Джин понял, что наш корабль идет ко дну, и не Джин изменил курс. Насколько мне известно, самое успешное, что Джин сделал в бизнесе, это убедил всех, что он опытный бизнесмен. В этом случае, конечно, он был невероятно успешен.

По-другому и быть не могло, ведь он занимался этим 24 часа в сутки. Я не осуждал его, если для него это было своеобразным достижением в жизни. Попробуй я соревноваться с ним на этом поприще, это отняло бы у меня много сил, которые могли мне понадобиться на реализацию других целей в жизни. Джин был зациклен на саморекламе, меня же беспокоило самопознание. Я хотел выяснить, как быть счастливым, и для меня это было гораздо важнее, чем строить миф, который не изменил бы то, кем я являлся в реальности. В конце концов, то, что ты можешь заставить других людей поверить во что-то, совсем не значит, что и *ты сам* в это веришь. Мне ли это не знать.

Джина интересовала только изнанка вопроса — ему не было дела до мелочей. Даже больше, Джин решительно сопротивлялся «заглянуть под капот». Для него первое впечатление и было единственно верным. В этом заключалось главное отличие между

нами. Возможно, именно поэтому чувство сплоченности, вызванное нашим решением порвать с Говардом, не продлилось долго. Этот эпизод сплотил нас вместе против того, что мы оба воспринимали как несправедливость. Но, как только мы приступили к работе над своим следующим альбомом, *Crazy Nights*, все вернулось на круги своя.

Джин вваливался в студию после бессонной ночи, слишком занятый съемками в фильмах или работой над своей собственной группой Black 'N Blue, которая играла у нас на разогреве в последнем туре. В итоге Джин либо писал песни вместе с гитаристом этой группы, Томми Тайером, или все время висел на телефоне, занимаясь своими проектами. Несколько песен, которые принес Джин, казалось, были написаны совершенно посторонними людьми, и он просто приписал к ним свое имя. Не стоит даже говорить, что они меня совсем не впечатлили. Его наплевательское отношение стало дежурной шуткой в нашей студии, но мне уже было не до смеха. Конфронтация с Говардом только усилило мое ощущение, что Джин дурит меня. В некотором смысле он предал меня так же, как Питер и Эйс. В тот момент Джин наживался на моем успехе. Если он хотел получить равную долю, то ему нужно было заниматься нашей группой.

Я разозлился не на шутку.

Я больше не могу так жить.

Однажды, находясь вне студии, я пригласил Джина сесть в мою машину. Сделав глубокий вдох, я приготовился к серьезному разговору. Какими бы ни были последствия того, что я собирался сказать, я знал: это необходимо сделать. Так не могло продолжаться, я чувствовал себя как уж на сковородке, разбираясь с проблемами группы. Вдобавок по всему я должен был относиться к своему товарищу, который ушел в «самоволку», как к равному партнеру.

«Это уже ни в какие рамки не лезет», — сказал я ему.

Все прошло не так плохо, как я ожидал. Отчасти потому, что мне было приятно наконец выпустить пар: «С меня хватит. Ты не можешь быть моим партнером, если не будешь выполнять свои обязательства». Это было начало душевного разговора, который начался в машине, а затем несколько дней продолжался по телефону. Давая волю своим эмоциям, я никогда не повышал голос. Я всегда считал, что человек, который переходит на крик, находится в проигрышной позиции. Я никогда не рассматривал возможность уйти из группы. Перспектива взять группу в свои руки тоже меня не прельщала. Но если Джин и дальше собирался отлынивать от дел, я хотел, чтобы мне платили и отдавали должное в соответствии с моими постоянно растущими

обязанностями. Я не знал, чего ожидать, но, судя по всему, разговор произвел впечатление на Джина, потому как через несколько дней он подошел и вручил каталог с автомобилями «Ягуар». Он сказал, что хотел купить мне «Ягуар» в знак своей признательности за все, что я сделал ради группы. Это был хороший шаг с его стороны, но я положил глаз на Porsche. Мы снимали видео для «Reason to Live», второго сингла с альбома *Crazy Nights*. По сюжету клипа красивая женщина взрывала автомобиль — черный Porsche 928.

Под конец съемок я отвез эту тачку домой в качестве благодарности от Джина.

46

Песня «Crazy Crazy Nights» стала хитом в Великобритании, и осенью 1988 года мы отыграли тур по Европе. В конце гастролей я остался в Лондоне, чтобы отдохнуть с английской певицей и пинап-моделью Самантой Фокс, с которой я начал встречаться. Мы с ней сходили на популярнейший мюзикл «Призрак оперы», о котором я был наслышан. Мне нравились эти масштабные шоу, что я видел в Соединенных Штатах, и «Призрак» обещал быть ничем не хуже. Опера произвела на меня неизгладимое впечатление. В одной из кульминационных сцен Кристина, прекрасная певица в оперном театре, осталась наедине с призраком, таинственным музыкальным гением, который носит смокинг и белую маску на лице. В тот драматический момент, когда героиня внезапно сорвала маску с призрака, показав его ужасно изуродованное лицо, я ахнул. Это сцена задела меня за живое. Бросились в глаза параллели с моей собственной жизнью — парень, который скрывается под маской. В тот момент я еще не мог в полной мере понять этого, однако мне пришла в голову мысль, которая показала, что я осознал эти параллели хотя бы на подсознательном уровне: *я знал, что я мог сыграть эту роль*. Ничего в моей жизни не намекало на то, что я мог заняться музыкальным театром, но с тех пор я больше не мог выкинуть эту мысль из головы.

Я мог бы сыграть эту роль.

После представления мы с Самантой вернулись в гостиницу. Мы еще не спали вместе, но в тот вечер она сказала: «Хочешь принять со мной пенную ванну?»

«Да, с удовольствием».

На родине дела внутри группы шли не очень хорошо. Во время турне со мной перестал разговаривать Эрик. Бывало такое, что он замыкался в себе и закрывался ото всех. Похоже, он был зол на меня. Наконец, спустя месяцы — месяцы! — мне пришлось усадить его перед собой и прочитать ему лекцию: «Хватит тянуть кота за хвост!» Возможно, я звучал как диктатор, но он играл на барабанах и был членом группы. Тишина и напряжение стали невыносимыми. «Это игра в молчанку прекратится сегодня же», — сказал я ему. И она действительно прекратилась. Казалось, ему нужна была помощь, чтобы вырваться из добровольного заточения. Поведение Эрика определенно становилось все более странным. Хотя он всегда был со странностями. Поведение Эрика становилось все более чудаковатым. Когда мы бывали в Лос-Анджелесе, и я приглашал его прийти потусоваться со мной, он

спрашивал: «Кто-нибудь еще там будет?» Если я приглашал других гостей, то говорил ему: «Эрик, они хорошие люди. Приходи, будет весело». Но, в случае если были посторонние, он отказывался приходить. Во время *Crazy Nights* он начал серьезно беспокоиться из-за того, что не был оригинальным барабанщиком группы. Это было как гром среди ясного неба. Что я мог ему сказать? Это правда, он не был оригинальным барабанщиком и *никогда* им не будет.

Джин тоже не отставал. Несмотря на Porsche, который он купил мне в качестве извинения, Джин до сих пор не привнес ничего стоящего в *Crazy Nights*. Больше всего меня беспокоило то, что он, судя по всему, абсолютно не был *заинтересован* в работе над альбомом. Когда пришло время записать несколько новых песен для сборника лучших хитов, *Smashes Thrashes & Hits*, я снова остался один.

Я вместе с Майком Тайсоном, Самантой Фокс и рокером Билли Сквайером в 1988 году. Из-за руки Майка на моем плече я не мог пошевелиться

Я решил: «Хер с ним» и нехотя встал у руля. Все свелось к тому, что KISS стали моей собственной группой. Я никогда не хотел этого, но факты говорили сами за себя. Пластинки KISS, по сути, стали моими сольными альбомами — опять же, не этого я хотел, но у меня не оставалось выбора. На обложке *Smashes, Thrashes* я стоял в центре на переднем плане.

Да ну на хер.

А в клипах к новым песням «Let's Put The X in Sex» и «(You Make Me) Rock Hard» я даже не держал в руках гитару. Прозрачнее намека и не придумаешь. Я стал фронтменом, а KISS превратились в моих музыкантов. Нравилось мне это или нет. Ох уж эти видео, что можно о них сказать? Начнем с того, что песни были ужасными. «Rock Hard» была написана мной, Дезмондом Чайлдом и Дайан Уоррен — тот случай, когда троица великих умов жестоко ошиблась. «X in Sex» вышла ненамного лучше. Для съемок клипа мы привлекли чрезвычайно талантливую женщину по имени Ребекка Блейк. Она участвовала в съемках пары клипов Принса, а также выпустила любопытную книгу с модными фотографиями в стиле фэнтези. Мы чувствовали, что нам нужен новый стиль, а у Ребекки было видение.

Она отобрала женщин для клипа и нарядила их в костюмы. Оказавшись на съемочной площадке, я сказал: «Эти девчонки выглядят так, будто им не мешает хорошенько поесть. Они похожи на изголодавшихся пеликанов». У них не было ни груди, ни задницы. Они вышагивали, словно были в видео Роберта Палмера: руки на бедрах, ледяные взгляды. Вылитые модели с подиума, а не девчонки из клипа метал-группы 80-х. Потом настал черед моих нарядов: я носил майку в сетку и белые колготки, раскачиваясь в таком виде на трапеции. Я танцевал в корсете и облизывал свои пальцы, в то время как кучка исхудалых женщин шагали гуськом на заднем плане. Под конец этих съемок я мог бы написать целый учебник о том, как не стоит делать музыкальный клип. Например, лучше не расхаживать по улице в колготках, к которым приделаны велосипедные отражатели или майке с вырезами под соски! Это был совершенно новый уровень дурного вкуса. Определенно, это был не мой час славы.

Оставив позади турне «Crazy Nights» и выпустив *Smashes, Thrashes*, чтобы заполнить пробел до конца года, я начал подумывать о сольном турне. Я был сыт по горло ситуацией в KISS, хотел немного развеяться и перерезать пуповину между собой и Джином. KISS охватило чувство ленного самодовольства, особенно после того, как у нас в течение нескольких лет снова сформировался стабильный состав. Мы играли со сверхзвуковой скоростью, и для Джина это был драйв, тогда как на самом деле мы сбивались из-за этого с ритма. Во время турне мы даже разместили на краю сцены людей, играющих на клавишных, для усиления ритм-гитары, чтобы я мог расслабиться и больше прыгать, а также для усиления бэк-вокала, чтобы мы звучали как большая группа из 80-х. Оглядываясь назад, я не удивляюсь, почему наша аудитория начала сокращаться.

Я хотел собрать группу людей, с которыми никогда не играл.

Просто ради разнообразия, хотя и планировал играть те же самые песни. В конце концов, песни KISS в равной степени были моими, и это чувство лишь усилилось в альбомах без макияжа. Несмотря на то, что на этих пластинках красовалась надпись «KISS», те песни, которые запомнили люди, были моей заслугой. С какой стати я не должен играть то, что сам написал? Вдобавок я посчитал, что благодаря сольным выступлениями мне удастся вернуть в группу что-то хорошее. Это был шанс забыть обо всех своих разочарованиях, поработать с другими людьми и посмотреть на вещи под иным углом.

Я выступал с кем-то вне состава KISS лишь однажды, когда принял участие в небольшой забавной кавер-группе, которая отыграла буквально пару концертов в «China Club», нью-йоркском баре популярном среди музыкантов. Группа собралась стихийно незадолго до начала концертов, и ее состав постоянно менялся. Единственными постоянными членами были я и мой друг, бас-гитарист по имени Боб Хелд. Наш репертуар в основном состоял из Zeppelin и AC/DC. Во время своего сольного турне я не строил иллюзий собирать стадионы — мне просто хотелось немного пространства для творчества и возможности выступать с разными музыкантами. Поэтому я забронировал ряд клубных концертов и сколотил группу. Боб Кулик был моим любимым гитаристом — много лет работая с ним на студии, мы стали хорошими друзьями, так что у меня была полная уверенность, что он потянет. Боб пригласил басиста Денниса Сент-Джеймса, а я обратился к клавишнику по имени Гарри Корбетт. Что немаловажно, он пел, потому что мне нужен был еще один голос для гармонии. Что касается барабанщиков, у меня было два человека на примете. Одним из них был Грегг Биссонетт, который играл с Дэвидом Ли Ротом, а другим — Эрик Сингер. Деннис предложил кандидатуру Эрика. Я также слышал о нем много хорошего, поэтому решил позвонить ему. В то время Эрик записывался в Нью-Йорке в группе под названием Badlands с Джейком И. Ли, который только что кто покинул группу Оззи. Студия, в которой они работали, находилась в паре шагов от офиса, который мы оборудовали для самостоятельного управления группой. Эрик пришел в офис и вручил мне несколько компакт-дисков с примерами работ, который он сделал в Black Sabbath. Он также звучал на всех демозаписях альбома *Sonic Temple* группы Cult и на протяжении года гастролировал с Гэри Муром, легендарным ирландским блюзовым гитаристом. Эрик подавал надежды, поэтому я попросил его прийти в студию для репетиций и «поджемовать» с остальными участниками группы. Мне было трудно его оценить, потому что барабанщик — это не

просто человек, который держит ритм: он должен играть за тактом, в такт или перед тактом, чтобы это было понятно всем музыкантам. Однако даже на первых пробах он звучал потрясающе. Группа была в сборе, и мы отправились выступать на обоих побережьях.

Не думаю, что Джина вообще заботило мое сольное турне. Скорее наоборот: мое решение о сольном турне освобождало его от груза ответственности. Эрик, наоборот, расстроился, что я занимаюсь чем-либо вне KISS. Его также задело, что он не может участвовать в моей группе, даже после того как я втолковал ему, что весь смысл затеи бы в том, чтобы сделать что-нибудь самостоятельно. «Ты барабанщик в KISS, — сказал я ему, — ты не можешь участвовать».

Выйти на сцену в качестве самого себя было так волнительно и воодушевляюще. Однажды вечером мы сыграли в битком набитом бруклинском клубе под названием «L'Amour». Во время концерта на сцену выскочил парень и попытался меня обнять. Внезапно этот нарушитель спокойствия выдернул клок моих накладных волос. К тому моменту все мы носили накладные волосы, и часть моей шевелюры, которую вырвал парень, лежала на сцене, словно здоровая крыса.

Когда мы остановились в Манхэттене, чтобы отыграть два концерта в «Ritz», на одно из шоу заявился Эрик Карр. Он сел на балкон и так и просидел там во время всего концерта, положив голову на перила. После этого он зашел за кулисы и ни с того ни с сего сказал, повернувшись к Эрику Сингеру: «Ты собираешься заменить меня».

— О чем ты говоришь? — спросил я.

— Он заменит меня в KISS, — сказал Карр, кивая на Эрика Сингера.

— Послушай, Эрик, ты барабанщик KISS, а он барабанщик моей сольной группы.

К концу восьмидесятых Карра нельзя было назвать веселым парнем. Он начал больше пить и, возможно, принимал наркотики, хотя я не был в этом уверен. Люди, как правило, скрывали от меня такие вещи, потому как знали, что я был категорически против этого. Не знаю, связано ли пагубное увлечение выпивкой с тем, что творилось в его жизни, или выпивка и была причиной его несчастья. Как бы то ни было, он стал совершенно непредсказуемым. К тому времени как KISS снова собрались вместе, чтобы устроить турне в поддержку следующего альбома, *Hot in the Shade*, в конце 1989-го, Эрик окончательно перестал со мной разговаривать.

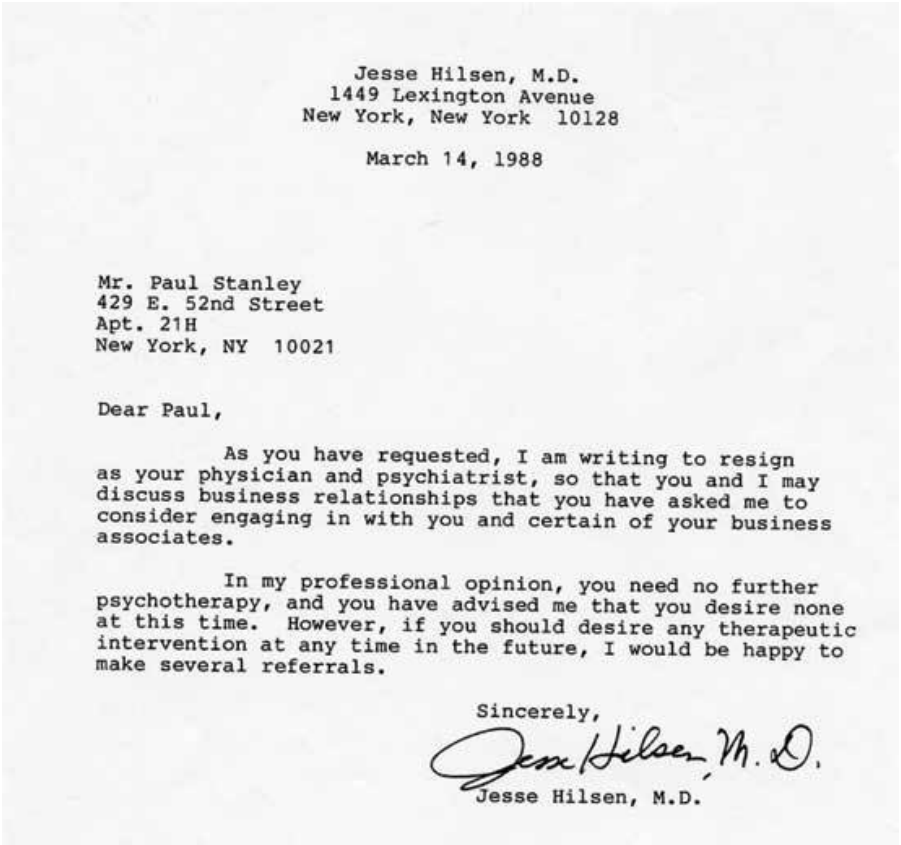
Hot in the Shade подарил миру хит «Forever», благодаря которому мы снова могли отправиться в крупный тур. Клип на эту песню получил широкую ротацию на MTV, и мы организовали комплексное турне, в котором также приняли участие такие раскрученные на MTV группы, как Faster Pussycat, Danger Danger и Winger. Одна из групп, Slaughter, начинала как группа Винни Винсента, после того как мы выгнали его из KISS. Но они тоже устали от Винни и выперли его, отказавшись от прежнего названия, «Vinnie Vincent Invasion», и — о чудо! — стали по-настоящему успешными, как только полностью порвали с ним. Их лейбл продолжил сотрудничество с группой после того, как Винни ушел.

Забавный факт о «Forever», песне, которая была малость не характерной для KISS. Люди называли ее «песней Майкла Болтона», так как он упоминался как соавтор песни. Конечно, сам бы я такое не написал. На самом деле после невероятно короткой совместной творческой сессии в «Sunset Marquis» оказалось, что вклад Майкла был настолько незначительным, что, когда песня стала хитом, он попросил меня выслать ему по факсу копию слов. Только после этого он начал исполнять ее на концертах, представляя как песню, которую он написал для KISS.

Представив «Forever» на суд нашей звукозаписывающей компании, я впервые за десять лет столкнулся с тем, что один из людей из рекорд-лейбла A&R бесцеремонно влез со своим мнением по поводу песни.

Он пригласил меня в свой кабинет и сказал, что мне нужно переделать песню в соответствии с популярной аранжировкой «101», чтобы она затухала в припеве. Такой ход мог быть эффективным в некоторых случаях, но совсем не подходил для этой песни. В конце концов, не окончание делало «Forever» уникальной. Этот диванный эксперт неуклонно продвигал свое мнение таким тоном, что это скорее смахивало на приказ, чем на предложение. С меня было достаточно. «Я занимался этим, когда ты еще пешком под стол ходил, — сказал я ему, — я был на этом лейбле до того, как ты здесь появился, и останусь тут после того, как ты исчезнешь. Спасибо, но нет». На этом встреча и закончилось. «Forever» занял восьмое место в хит-параде Billboard, а того специалиста уволили и заменили новым.

К моменту выхода *Hot in the Shade* мы наняли моего терапевта, доктора Джесси Хилсена, чтобы тот руководил офисом KISS и наблюдал за организацией. Я подписал заявление о том, что он больше не является моим терапевтом и отныне не будет действовать в этом качестве. С тех пор мы с ним не говорили ни о чем ином, кроме бизнеса.



Jesse Hilsen, M.D.
1449 Lexington Avenue
New York, New York 10128

March 14, 1988

Mr. Paul Stanley
429 E. 52nd Street
Apt. 21H
New York, NY 10021

Dear Paul,

As you have requested, I am writing to resign as your physician and psychiatrist, so that you and I may discuss business relationships that you have asked me to consider engaging in with you and certain of your business associates.

In my professional opinion, you need no further psychotherapy, and you have advised me that you desire none at this time. However, if you should desire any therapeutic intervention at any time in the future, I would be happy to make several referrals.

Sincerely,

Jesse Hilsen, M.D.

Jesse Hilsen, M.D.

Это ошарашило людей со стороны, и они задавались целесообразностью и этичностью моего поступка — нанять своего бывшего психотерапевта, принимая во внимание наши ранние отношения. Я понимаю их удивление, но когда это KISS играли по правилам? Мы плевали на правила, придумывали свои собственные и отказывались от них. Это была наша формула успеха. Хилсен искал нестандартных людей, которые не совершали бы сделок за нашей спиной и не пытались бы обогатиться за наш счет. Он пригласил Билла Рэндольфа, корпоративного адвоката с Уолл-стрит, у которого не было опыта в сфере Закона об индустрии развлечений. Занимаясь подбором специалистов для бухгалтерского учета, Хилсен избегал крупных специализированных фирм Нью-Йорка и вместо этого нашел Арона Ван Дайна, опытного сертифицированного государственного бухгалтера с офисом в Нью-Джерси. Ван Дайн обладал знаниями и программным обеспечением для расчета гонораров авторов песен и исполнителей, но его единственными музыкальными клиентами были Эдди Бригати и Феликс Кавальер

из Rascals. Билл и Аарон остаются незаменимыми членами нашей команды и по сей день, а их индивидуальный подход и самоотверженность сделали каждому большую базу клиентов.

К сожалению, того же самого нельзя было сказать о Хилсене. Он бросил свою жену и детей примерно в то же время, как присоединился к KISS. До меня начали доходить слухи, что он уклоняется от выплаты алиментов, что он категорически отрицал. Со временем претензии к нему стали более публичными, и было возбуждено уголовное дело. На моих глазах человек, который раньше был источником стабильности, стал скрытным, уклончивым и параноидальным. Тяжело было видеть, как этот человек, с которым мы столько всего прошли, начал исчезать сначала в переносном, а затем в буквальном смысле. Хилсен стал беглецом в 1994 году, с тех пор я больше его никогда не видел.

3 июля 1990 года мы отыграли концерт в Спрингфилде, штат Массачусетс, после чего у нас был выходной. Поскольку Спрингфилд находится достаточно близко от Нью-Йорка, после шоу я решил нанять машину и вернуться домой, чтобы провести выходные в своей квартире. На шоссе недалеко от Нью-Йорка водитель попытался поменять полосу, как вдруг в лимузин что-то врезалось со стороны пассажира. Толчок отправил машину в штопор. Я обхватил руками сиденье перед собой и вжался в него головой — машина полностью вышла из-под контроля, опрокидывая фонарные столбы вдоль обочины. Затем она с грохотом врезалась в насыпь, отправив меня через передние сиденья прямо под приборную панель. Машина сложилась гармошкой. Лишь чудом нам с водителем удалось выскользнуть через разбитое лобовое стекло. Увидел расплющенную машину, полицейский, который прибыл на место аварии, повернулся ко мне и спросил: «Вы были в *этой* машине?» Это случилось посреди ночи, и я отправился домой спать.

На следующее утро я едва мог пошевелить пальцами. Пришлось идти в больницу, где мне сделали рентген с головы до ног. Мне нехило досталось, но я отказался остаться для наблюдений и отправился домой. Нам пришлось отменить следующие несколько шоу. И за все это время никто из группы не позвонил мне. Вернувшись к гастролям, я каждый день просыпался, будучи не в силах повернуть голову или просто наклониться. Спазмы в спине были настолько сильными, что мне пришлось вызывать физиотерапевта, чтобы он приводил меня в порядок перед каждым шоу. Тем не менее никто из группы не поинтересовался, что произошло и как я себя чувствую. Никто даже и словом об этом не обмолвился.

Черт возьми, я попал в автомобильную аварию! Тоже мне

товарищи по группе!

У меня это в голове не укладывалось.

В конце тура я отправился прямо в студию в Нью-Йорке, чтобы подурачиться с некоторыми демозаписями. Студии похожи на крепости или казино, там нет окон и часов. Ты отрезан от внешнего мира. Любая студия становится для меня убежищем от остального мира. Эта мысль поразила меня как гром среди ясного неба, когда я работал ночью в одной из студий.

Я не обязан здесь находиться, но мне просто некуда идти.

У меня не было значимых отношений и никаких реальных связей с миром. Это касалось даже моей группы, которая долгое время была для меня фактически семьей. У меня была привилегия пойти в студию, когда бы я ни захотел. Я пользовался ей, потому что мне больше нечего было делать.

Когда мне позвонили с предложением стать продюсером одной группы на западном побережье, я, недолго думая, забронировал рейс. Поднявшись на борт самолета и опустившись в свое кресло, я чувствовал себя прекрасно, как и всякий раз, когда летал. Но вдруг мои руки начали бесконтрольно трястись, а губы онемели. Я начал судорожно хватать губами воздух. Я не мог дышать. *Сердечный приступ?*

Я был в ужасе и понятия не имел, что со мной происходит. Я вскочил, схватил свои вещи и выбежал из самолета.

Что сейчас произошло?

Придя в себя с помощью валиума, я побежал прямиком к врачу. Доктор сказал мне не беспокоиться: это всего лишь был приступ паники.

47

Меня всегда изумляло, когда люди думают, будто гости на ток-шоу говорят правду. Они верят, что приглашенные гости и ведущий передачи беседуют по-настоящему — словно у себя дома или в кафе.

Они играют!

У гостей ток-шоу всегда есть повестка дня, они знают, какие темы лучше обходить стороной и какой товар впарить зрителям. Такой сценарий разворачивается всегда, когда вы оказываетесь перед камерой или микрофоном. То же самое произошло, когда я был в постели с дюжиной женщин во время интервью к документальному фильму *The Decline of Western Civilization Part II: The Metal Years*.

Как только KISS избавились от грима, мне выпала возможность быть тем же парнем, что и на сцене, но без макияжа. Мне нравилось, что эта граница стерлась, но у меня все еще не получалось быть собой. Да, пожалуй, это звучит странно. Некоторые женщины были разочарованы, что я в реальности был не тем безумным парнем со сцены, когда мы оставались наедине. Я мог притворяться, мог строить из себя этого персонажа, мог быть таким в постели, но это было не по-настоящему. Женщины часто бесились из-за того, что я не оправдывал их ожиданий. В некотором смысле я был намного зауряднее и скучнее, чем они надеялись.

Сценарий *The Decline of Western Civilization* не был уж настолько нереальным. Но иметь столько женщин за один раз было *нереально*. Хотя вполне осуществимо, с поправкой на то, что мне понадобилась бы одна неделя. Но мне хотелось поднять градус абсурда до предела. Этот забавный персонаж на экране — плод моей фантазии. Наверняка, посмотрев эту сцену, некоторые люди подумали: «Вот засранец!». Но мне казалось это смешным, и я потешался вместе со зрителями.

Вы только посмотрите на него!

Я изображал супермена. Мне вот-вот должен был стукнуть четвертый десяток, а я все еще не оставлял мыслей о том, что мне нужно найти кого-то, осесть и завести семью.

Изображать супермена было весело, но казалось, что моя карьера, или то, как я ее воспринимал, стала бы для меня помехой в поисках того самого человека. Бывали ситуации, когда мне хотелось как-то оправдать себя. Некоторым своим подругам я пытался сказать: *«Слушай, на самом деле я не такой»*, или: *«Я на самом деле хороший парень»*, или: *«По правде, я простой человек»* —

неважно, окажутся эти слова правдой или нет, но я хотел объясниться. Не самое хорошее оправдание для отношений. Тут либо тебя поймут, либо отвергнут.

Я вспомнил, как в начале 80-х ходил в нью-йоркский клуб под названием «Trax». Там постоянно ошивался один пожилой парень с редеющей шевелюрой. Тогда я подумал про себя, что никогда и ни за что не стану этим парнем. А сейчас, спустя 10 лет, я с ужасом осознал, что могу превратиться в него. Мне не хотелось быть типом, который маскирует свою лысину и все еще пытается приударить за молоденькими цыпочками. Это было некрасиво, неловко и стыдно. Но хуже всего было остаться одному. Как исправить эту ситуацию?

Я знаю! Надо жениться!

Не стесняясь, я начал рассказывать людям о своей новой цели. Окончательно перебравшись в Лос-Анджелес, я подумал, что лучший способ встретить кого-то это рассказать всем, чего я ищу. Я выложил все как на духу. Вскоре парень, которого я знал, рассказал мне об одной знакомой женщине, фактически его бывшей подруге. Он сказал, что, если она не будет возражать, он даст мне ее номер. Она отказалась, потому что только недавно разорвала отношения. Это пробудило во мне интерес, ведь запретный плод сладок. Я продолжал настаивать, пока она наконец не дала свое согласие. Она была актрисой по имени Пэм Боуэн, которая засветилась в таких сериалах, как «Макгайвер», «Детективное агентство “Лунный свет”», и «Веселая компания», а также была представителем крупной компьютерной компании.

Пэм опоздала на наше первое свидание. Когда нам наконец-то удалось провести немного времени вместе, она сказала мне, что избегала встречи со мной, потому что ей было трудно пережить расставание со своим бывшим парнем-итальянцем Клаудио, который вернулся в Европу, чтобы жениться на другой девушке. Та была беременна от него, и он чувствовал, что вернуться к ней — его долг. Позже я воочию убедился, что даже долг имеет свои ограничения.

На наше второе свидание я пригласил ее на премьеру в Los Angeles Opera вместе с Бобом Эзрином и его женой Фрэн. Моя помощница по секрету передала мне, что у Пэм нет подходящего наряда для вечера. «Нет проблем», — сказал я и взял платье в аренду, как это часто делают знаменитости на награждениях. По какой-то причине она не хотела, чтобы мы ее забрали, а предпочла встретиться со мной у меня дома. За двадцать минут до того, как занавес должен был подняться, Боб, Фрэн и я переглядывались, стоя у моего дома, и размышляли о том, останется ли у нас время, чтобы попасть на шоу. Пэм все еще не

было. Фрэн повернулась ко мне и спросила: «Она всегда такая?» Я лишь пожал плечами. Наконец она объявилась на своей машине. «Я свернула не туда», — сказала она сквозь слезы.

Хм… Мы все забрались в лимузин, и водитель сделал невозможное, доставив нас центр города за рекордно короткий срок, как раз к тому моменту, когда в зале погасли огни.

По ходу того, как мы с Пэм начали больше общаться, я все больше времени проводил в окружении ее друзей, потому как своих у меня было мало. Однако ее друзья меня не особо заботили. Одной из них была Марла Мейплз, которая якобы прославилась из-за того, что разрушила брак Дональда Трампа. Сомнительное достижение. Но Пэм всегда хорошо отзывалась о многих людях, которых я считал сомнительными. «У них хорошее сердце», — говорила она.

«Хорошее для чего? Для трансплантации?» — отвечал я.

Дело ведь не в том, насколько у вас хорошее сердце, а в том, что вы делаете в своей жизни. Эти люди были плохими, исходя из их действий и жизненного опыта. Мне кажется, что это нельзя перечеркнуть заявлением, что у кого-то хорошее сердце. Тем не менее я убедил себя, что у меня реальные нормальные отношения, которые могут привести к браку.

В наших отношениях нашлось достаточно места драме. С самого начала мы постоянно отправляли друг другу записки, письма и открытки, в которых выражали разочарование, пытались извиниться или в чем-то объясниться. Определенно, проблемы шли с обеих сторон. Ну, я всегда думал, что у меня получится исправить все, что было не так со мной и с ней.

Я хочу отношений. Я хочу жениться. Я хочу семью.

Я хочу, чтобы моя жизнь напоминала картины Нормана Роквелла.

Однажды днем, в начале 1991 года мне позвонил Эрик Карр. Он только что вернулся домой от врача.

— Что случилось? — спросил я.

— Я выплюнул немного крови, поэтому решил, что мне нужно провериться, — сказал Эрик.

— Все нормально?

— Я не знаю, но очень волнуюсь. Они дали мне какой-то снимок, врачи обнаружили какое-то новообразование размером с палец в области сердца.

— Они что-нибудь сказали?

— Сказали, что это может быть рак.

— Не беспокойся об этом, — успокоил я, — все всегда кажется хуже, чем есть на самом деле. Нет причин думать, что все обязательно произойдет по худшему сценарию. Шансы, что это

серьезно, ничтожно малы. И даже если это рак, о тебе хорошо позаботятся.

К сожалению, через несколько дней он снова позвонил мне. «Это действительно рак», — сказал мне Эрик. Хуже того, это была чрезвычайно редкая форма рака. Случаи заболевания раком сердца за каждый год можно пересчитать по пальцам одной руки. Но я все еще надеялся, что все будет хорошо.

Из Лос-Анджелеса он отправился прямиком в больницу в Нью-Йорке. Мы с Джином вылетели к нему, чтобы быть рядом во время операции на открытом сердце. Насколько я понял, врачи вырезали часть его сердца, а затем восстановили то, что осталось. Вскоре после этого нас попросили записать «God Gave Rock 'n' Roll to You» для фильма «Новые приключения Билла и Теда». Песню продюсировал Боб Эзрин, пытаясь воссоздать магию с нашего альбома *Destroyer* и стереть память об одиозном *The Elder*. Эрик отчаянно хотел поработать над песней, но он все еще был слишком слаб. «Сейчас ты должен сосредоточиться на своем здоровье, — сказал я ему, — неважно, значит ли это улететь на тропический остров или просто отдых с медитацией».

Если бы я только знал… Я бы никогда не подумал, что это мог быть его последний шанс сыграть, но на тот момент я верил, что он выкарабкается несмотря ни на что. В итоге музыку сыграл Эрик Сингер, хотя Эрик Карр и приехал в Лос-Анджелес для участия в съемках и изображал барабанщика. Проходя курс лечения от рака, он потерял все свои волосы и должен был носить массивный парик, который имитировал его естественную шевелюру одуванчика. Во время съемки он играл как одержимый, дубль за дублем пытаясь воссоздать партии Эрика Стингера.

«God Gave Rock 'n' Roll to You» получилась настолько классной, что мы решили попробовать сделать еще один альбом с Бобом Эзрином. Когда Боб находился в отличной форме, его тяжело было превзойти. Мне показалось, что он хотел что-то доказать (ему тоже было стыдно за *The Elder*), поэтому ему не терпелось засучить рукава и записать качественный альбом. Из *Hot in the Shade* получилась сборная солянка — было очевидно, что в группе царит разлад. Если бы Джин вернулся к делам, мы могли бы заново взяться за то, что у нас получалось лучше всего. Я был обеими руками за.

Мы сказали Эрику Карру, что собираемся записать альбом без него. Мы заверили его, что оплатим все счета и обеспечим его страховку. Я снова повторил, что сейчас он должен думать не о группе, а о своем здоровье, и это даже не обсуждается.

Боб пригласил группу барабанщиков, чтобы они репетировали с нами, когда мы начали работать над *Revenge*.

Некоторое время мы играли с Эйнсли Данбаром, который успел поработать с Journey, Whitesnake и Jeff Beck Group. Он был потрясающим английским классическим барабанщиком, но нам просто не подходил. В какой-то момент мы вернули Эрика Сингера. Трудитесь ли вы в музыкальной группе, на фабрике или на любой другой работе, вам приходится взаимодействовать с другими людьми, и эта связь влияет на атмосферу работы и на конечный продукт. По воле судьбы, Эрик Сингер идеально подходил на эту роль. Он действительно заменил Эрика Карра в KISS — по крайней мере на несколько месяцев в студии звукозаписи.

Все это время я никогда всерьез не задумывался о том, что мы можем потерять Эрика Карра. Я был готов к тому, что длительный период он будет ослаблен болезнью, и такой статус-кво сохранится на неопределенный срок. Это была попытка оградить себя от дурных мыслей. Я ошибался.

Осенью 1991 года, когда мы работали в Лос-Анджелесе, мне позвонил Боб Хелд, мой друг из Нью-Йорка. Сначала я не мог взять в толк, что он пытался мне сказать. Эрик Карр перенес инсульт. Рак распространился на его мозг. Эрик был найден в своей квартире после того, как он позвонил 911. Когда на место прибыли сотрудники службы спасения, Эрик был уже без сознания, поэтому они просмотрели его адресную книгу и наугад набрали номер одного из его знакомых, которым оказался Боб. Но с этого момента мы не могли получить никакой информации. Несмотря на мои ежедневные звонки, его родители не хотели разговаривать со мной. Я не понимаю, почему никто не желал говорить со мной или с Джином, если уж на то пошло.

Несколько недель спустя, 24 ноября 1991 года, мой ассистент позвонил мне и сказал: «Эрик мертв». Я позвонил Джину и рассказал ему новости.

Это был шок, отчасти потому, что мы не могли получить ровным счетом никакой информации о его состоянии.

Эрик умер в один день с Фредди Меркьюри. «Rolling Stone» опубликовал статью о Фредди, но в журнале даже вскользь не упомянули о смерти Эрика. Я не мог простить им этого, и был уверен, что это не было оплошностью, как позже утверждали в руководстве журнала. Это не вопрос музыкальных предпочтений — это вопрос человеческой доброты и признания той радости, которую этот парень, сраженный раком, принес миллионам людей. Наши фанаты любили Эрика так же, как он любил их, а журнал обошел вниманием его смерть. Другие СМИ по всему миру трубили о смерти Эрика. Наплевательское отношение «Rolling Stone» не было случайностью или ошибкой.

Потребовалось гораздо больше усилий, чтобы проигнорировать смерть Эрика, чем признать ее.

Я был так зол, что написал в журнал письмо. В нем я писал, что Эрик отстаивал и верил в те же идеалы, в которые когда-то верил «Rolling Stone» и его издатель Янн Веннер, но о которых они позабыли с вершины своей социальной лестницы. Если бы Веннер когда-нибудь встретил Эрика, то увидел бы в этом человеке родственную душу рок-н-рольщика, но шансов на их встречу было мало, потому как Эрик не стремился проводить время в Хэмптонс. (Респектабельный пригород Нью-Йорка, излюбленное место отдыха богачей. — Прим. пер.)

Мы с Джином полетели в Нью-Йорк на похороны Эрика. Прощание проходило у открытого гроба и было ужасным. Тело в гробу, державшее барабанные палочки, не было похоже на Эрика. Да и на человека это не было похоже. Больше всего походило на манекен. Подруга Эрика, модель «Плейбоя», с которой он встречался несколько лет, почему-то ненадолго вытащила барабанные палочки из гроба, и в этот миг пальцы Эрика пошевелились.

От запаха цветов едва можно было дышать, и кружилась голова. Но куда сильнее я ощущал враждебность, исходившую от других людей. На похоронах присутствовали Питер и Эйс. Питер, который, как известно, был обижен на Эрика и не любил его, заявил мне, что Эрик постоянно ему звонил. Это было похоже на театр абсурда. Подруга Эрика была переполнена гневом на меня и Джина. Оказалось, что Эрик называл нас плохими парнями, он сказал, что мы выгнали его из группы и не поддержали его, что в действительности было совсем не так. У всех сложилось впечатление, что Эрика вышвырнули, но его никто не выгонял. Как только мы сказали ему, что собираемся записать *Revenge*, он сам сжег между нами мосты. Я не считал себя плохим парнем, и было странно, что со мной так обращались.

Во время службы я почувствовал, как во мне что-то переломилось, и я начал безудержно рыдать. После смерти Эрика Карра я много размышлял о правильности своего поступка. Я был уверен в своей правоте, но постепенно понял, что ошибался. Мы избавились от Эрика самым худшим образом, лишив его того, что имело для него наибольшее значение, — его места в KISS. В водовороте дел, которые казались нам важными, это прошло мимо моего сознания. Было неправильно ограждать Эрика от того, что он любил больше всего, потому что KISS были для него спасительной тростинкой. Я *должен* был заметить это, ведь для меня группа имела такое же значение, а ведь я даже не был болен.

Я *должен был* догадаться.

48

Несколько месяцев спустя, в январе 1992 года, Пэм устроила для меня вечеринку-сюрприз по случаю моего сорокового дня рождения в павильоне Голливудского спортивного клуба. Я был застигнут врасплох и взволнован, увидев большую толпу гостей, среди которых были и мои родители, которых Пэм тайно привезла из Лос-Анджелеса. Она также наняла трибьют-группу KISS под названием Cold Gin. Эти ребята начали собирать полный зал в клубе Troubadour, исполняя классические песни KISS в гриме в то время, когда трибьют-группы еще не стали массовым явлением.

Парнем, играющим роль Эйса в группе, был гитарист Томми Тейер. Я немного был знаком с Томми и даже пытался что-то с ним написать. Он отлично вжился в роль и отточил каждое движение, каждый рифф. Я был очень впечатлен. Очевидно, что он как следует постарался над этим образом и гордился собой. Было очень забавно видеть, как эта группа делает то, чем я больше уже не занимался. Томми сказал мне, что он изменил свой круг профессиональных интересов. Помимо трибьют-группы, он в основном занимался продюсированием и менеджментом других групп. Он не хотел быть самым старым парнем в группе, который до сих пор пытается добиться славы, проживая со стриптизершей на Франклин-авеню. На удивление, я прекрасно понимал его желание «не быть самым старым парнем в клубе».

Музыка Cold Gin также стала любопытным напоминанием о том, что KISS начинали как классическая рок-группа. Наш ранний материал больше напоминал такие коллективы, как Humble Pie или The Who, чем творчество косматых рокеров из 80-х. Было приятно иметь в послужном списке *Revenge*, поскольку это был альбом, заслуживающий доверия, на котором мы вернулись к тому, что у нас получалось лучше всего. Музыка никогда не стоит на месте. Нам казалось, что мы устарели, но это было заблуждение. Нам не нужно было гнаться за модой — надо было просто делать свою работу и делать ее хорошо.

Вскоре нам пришлось готовиться к турне *Revenge*. Несмотря на то, что Эрик Сингер принимал участие в записи альбома, мы не давали ему никаких гарантий насчет совместных гастролей или насчет его постоянного участия в группе после смерти Эрика Карра. Теперь нам предстояло решить, что делать. Джин и Брюс совершенно не знали Эрика Сингера как человека и пересекались с лишь ним пару раз в студии звукозаписи. Но я мог поручиться за трудовую этику Эрика и его чувство ответственности,

поскольку работал с ним в сольном турне. Эрик Сингер был командным игроком, когда это имело значение — во время долгих часов, проведенных вместе в дороге.

Следующая проблема, с которой мы столкнулись, сегодня может показаться глупой. У Эрика Сингера были светлые окрашенные волосы, и по этому поводу у нас с Брюсом и Джином состоялась встреча, на которой мы обсудили, сможем ли мы смириться с этим. У всех в истории группы были темные волосы. Может ли парень со светлыми волосами участвовать в KISS? Черт возьми, на данном этапе нашей жизни мы не собирались принимать решение, основываясь на цвете чьих-то волос.

Таким образом, Эрик Сингер, как и предсказывал Эрик Карр, стал новым барабанщиком KISS. В апреле мы репетировали и отыграли несколько клубных концертов, чтобы посмотреть, на что он способен. Мы быстро выяснили, что у Эрика был потрясающий голос. Для меня это стало сюрпризом, несмотря на то что он гастролировал в составе моей сольной группы. Как только мы приступили к репетициям классического материала, Эрик сказал: «Хорошо, какие вокальные партии я должен спеть?»

Я думал, он шутит. Джин напел ему партию: «Ты можешь спеть это?» Она пелась в слишком низкой тональности, поэтому Джин взял эту часть на себя, а Эрик попробовал исполнять более высокие партии. Эрик был неподражаем в высоких гармониях, и вскоре мы поменялись местами. Теперь он исполнял все высокие партии, которые в музыке KISS, как правило, содержали основную мелодию. Я переключился на одну из других частей. Я обрадовался такой помощи, потому что было тяжело заниматься всем этим в одиночку — разговаривать с залом между песнями, исполнять главную партию и припевы всю ночь напролет. Такой замечательный вокалист, как Эрик, стал настоящей находкой для группы.

Перед тем, как отправиться в Европу, чтобы провести первую часть тура в поддержку *Revenge*, я планировал просить руки Пэм. Когда она забеременела, я знал, что время настало. Я купил красивое обручальное кольцо в винтажном стиле, который ей так нравился, и сам выбрал камень. Я почувствовал волнение, когда получил его, это чувство усилилось, когда я сделал ей предложение, а вернувшись домой в июне и начав приготовления к нашей июльской свадьбе, я был вне себя от радости.

Когда Пэм забеременела, и день нашей свадьбы неуклонно приближался, мы наконец-то устроили встречу с юристом, чтобы обсудить наш брачный договор. Я настоял на этом из-за того, что в брак мы вступали, имея огромную разницу в денежном и

имущественном плане. На тот момент я с радостью оплачивал практически все счета Пэм. Однако мне хотелось попытаться прийти к какому-то соглашению, когда в наших отношениях все еще преобладает доброжелательность. Не прошло и пяти минут встречи, как она в истерике выбежала из кабинета. Когда я догнал ее, она сказала, что мы можем родить ребенка, не заключая брак. Она сказала, что ничего не хочет от меня, если в будущем у нас что-то не получится. «Там, откуда я родом, — сказала она, — слово это закон».

Преодолев страх полностью потерять Пэм, я сообщил ей, что все еще хочу жениться, даже без каких-либо брачных контрактов. За несколько дней до свадьбы у Пэм случился выкидыш. Мы были опустошены, но провели церемонию, как и планировалось. Все на свадьбе знали о нашем горе, и от мрачной атмосферы невозможно было спрятаться. Я хорошо знал, что такое замалчивать трагедию.

Когда KISS отправились покорять арены в октябре, Пэм, казалось, совершенно не знала, где я был, был ли у меня в тот или иной день концерт или выходной. Я звонил ей, и она понятия не имела о том, где я и что я делаю. Меня начали одолевать сомнения: порой задавался вопросом, во что я ввязался, а иногда думал, что мне нужно сделать все возможное, чтобы сохранить наш брак. *Я могу все сделать, как надо*.

Итальянский парень, с которым Пэм рассталась незадолго до нашего знакомства, никогда не переставал ей звонить, и все это время она поддерживала с ним общение. Клаудио звонил ей несколько раз в неделю из Европы. Я мог понять, почему он не проявляет никакого уважения ко мне или к нашему браку, но почему Пэм поступала так же, было для меня загадкой. Особенно после того, как я сказал ей, что звонки очень меня беспокоили, и попросил ее прекратить. Они и слышать об этом не хотела. Идти на уступки не входило в ее видение идеального брака. Она воспринимала подобное как ущемление своей свободы или ограничение ее права быть тем, кем она хочет. Хоть это и не решило бы основную проблему, но я придумал, как мне казалось, отрезвляющий аргумент: «Почему бы мне не позвонить жене Клаудио, чтобы узнать, в курсе ли она, что вы ребята постоянно созваниваетесь. Интересно, как она к этому отнесется?» Пэм со злостью посмотрела на меня. Как она выразилась, я душил ее свободу.

Позже я узнал, что их общение не прекратилось, — просто это случалось, когда меня не было рядом. Казалось, что я оказался в до боли знакомой ловушке — искал одобрения или принятия, но не получал его. Мы, образно говоря, «дергали друг друга за рычажки» таким образом, что ни один из нас не был

счастлив. «Ты не разрешаешь мне быть собой, — говорила она. — Ты никогда не увидишь, какая я на самом деле».

Мы до посинения обсуждали эти вопросы, но я твердо решил сохранить наши отношения. До меня с самого начала доходили эти тревожные звоночки, и я решил не обращать на них внимания. Такое поведение не было для меня сюрпризом. Однажды она поехала в Мексику на съемки телесериала под названием «Land's End», и я решил слетать к ней во время перерыва в турне. Когда я добрался туда, то обнаружил сообщения от Клаудио на ее телефоне в отеле.

Вы шутите?!

Звонки продолжались, а мои постоянные просьбы о том, чтобы Пэм перестала с ним разговаривать, были встречены ей в штыки. Я чувствовал, что ни я, ни наш брак не имели для нее большого значения. Действия говорят громче слов, и в этом случае действия говорили ох как громко. Тем не менее я не бросил ее. Казалось, мы расходимся практически во всем, и в глубине души я понимал, что наш брак обречен. Но я не хотел признавать неудачу.

Должен был быть способ все уладить.

49

После того как турне в поддержку *Revenge* закончилось в конце 1990 года, KISS надолго залегли на дно. Пейзаж музыкальной индустрии резко поменялся как из-за появления гранжа, так и из-за общего спада в экономике. Следующие два года мы потратили на несколько домашних проектов. Джину пришла в голову идея о создании иллюстрированной подарочной книги о группе под названием «KISStory», которую, по гениальному совету Джесси Херсона, мы сами должны были написать, напечатать и продавать. У Джина также была идея, о том, чтобы организовать пару фестивалей в честь KISS для наших фанатов. Для помощи с обоими проектами мы обратились к Томми Тейеру.

Томми был из Портленда, штат Орегон. Его семья владела магазинами канцелярских товаров, а его отец был генерал-майором в отставке. Томми был смышленым и трудолюбивым малым, и, несмотря на скромный успех в своей первой группе Black 'N Blue, он не сидел сложа руки — подстриг свою рок-шевелюру и начал реализовывать себя в других аспектах музыкального бизнеса. Помимо этого, Томми обожал KISS. Когда началась работа над «KISStory», Томми потратил месяцы на просмотр коробок с фотографиями и клипами в наших архивах, с жадностью поглощая тонны материала. Он обладал энциклопедическими знаниями о KISS, и в эпоху до Интернета, когда невозможно было докопаться до всей мелочей, его мозг был настоящим сокровищем для проекта, который мы задумали. В конце концов, когда с обработкой фотографий было покончено, Томми переехал в гостевой дом Джина, где был установлен компьютер для работы над книгой. Джесси предложил продвигать книгу по телефону, решив, что прямые продажи будут более эффективными, чем если мы обратимся в издательства. Его догадка подтвердилась. Закончив работу над книгой и напечатав тираж в Корее, мы нашли компанию по телемаркетингу для приема заказов по телефону и отправки товара. Наше предприятие обернулось огромным успехом.

Фестивали стали бы своеобразным путешествующим музеем KISS, где коллекционеры и поклонники собирались бы, чтобы отдать почести группе. Промоутеры не были заинтересованы в работе с «патлатыми группами», но пораскинув мозгами, мы решили, что, как и в случае с книгой, мы могли бы все устроить сами — арендовать залы и отели, чтобы провести мероприятие без промоутера. В этом случае нам нужен был человек, который

взял бы на себя логистику, и мы снова обратились к Томми, зарекомендовавшему себя как трудолюбивый и смышленый парень во время работы над «KISStory».

Фестивали были детищем Джина, поэтому я в этом не особо участвовал. Я помог Томми получить специально изготовленные для нас манекены из магазина в Бербанке, а затем нанес макияж на их лица. Первоначально мы хотели использовать обычные манекены, но они выглядели совсем не так, как нужно. Помню, как меня поразило, насколько по-разному выглядели лица после того, как на них на несешь макияж, хотя изначально все манекены были одинаковыми. Казалось, что макияж преобразил всю текстуру лица. У нас в арсенале также было четыре восковых головы из Голливудского музея восковых фигур. Взглянув на свое лицо, я решил, что это совсем на меня не похоже. Поэтому я раздобыл пару инструментов для лепки и изменил своего воскового двойника. Джин, Томми и я начали просматривать коробки на нашем складе. Мы обшарили ящик за ящиком и каталогизировали их содержимое с помощью фотографа. Было весело откопать эти старые наряды и снова взглянуть на них. День за днем мы разбирались с вещами и постепенно решали, что и как показывать. Мы поехали в одно место в Буэна-Парк, недалеко от Диснейленда, в мастерскую, где на заказ изготавливали витрины из оргстекла. Там мы заказали набор разборных витрин. Все это время мы тщательно следили за бюджетом, поскольку проект целиком и полностью лежал на наших плечах: мы оплачивали все из своего кармана, без каких-либо авансов. Для нас это был стоящий урок.

Пока книга и фестивали еще находились на стадии планирования, мы начали обсуждать новый альбом. Боб Эзрин пока еще не был доступен, но это не имело значения, потому что Джин носился со своей новой навязчивой идеей. Он сообщил нам, что музыка изменилась и нам нужно попасть в струю. Мне кажется, его привлекало звучание гранж-музыки, потому что она была мрачной, а это соответствовало тому впечатлению, которое Джин хотел произвести. Когда я представил пару песен в начале работы, он отнесся к ним очень пренебрежительно. «Ты не знаешь, что происходит, — сказал он. — Ты утратил представление о музыке». Я представить не мог, чтобы KISS писали угрюмые и мрачные песни. «О чем мы будем петь? — спросил я у него. — О том, что домработницы сегодня не вышли на работу или что нам вовремя не подали лимузин?»

Мне было смешно писать мрачные песни, впрочем, как и Джину. Беверли-Хиллз не был достаточно мрачен для такого. Я задавался вопросом: как все эти гранж-группы будут записывать

свои вторые альбомы? Было немало отличных дебютов, но что они будут делать, когда из детей, играющих музыку в гаражах, кишащих тараканами, они превратятся в известных артистов? Я имею в виду, если они правда были такими несчастными, то заработав денег, могли бы записаться к хорошему психотерапевту. Но Джин был решительно настроен на этот проект, поэтому я согласился с его планом. Он не шел ни на какие уступки. Но может быть, это я был не прав — может, как только выйдет наш альбом, все скажут, что это гениальная работа, хотя я сильно сомневался в этом. В конце концов, мы пытались выдать себя за другие группы, что не имело смысла. KISS воспевали жизнь — пели о ее красоте и о реализации своих возможностей. Теперь мы должны были петь о том, как все плохо? Это явно не наш конек.

Я настроил свою гитару на мрачный тон, но буксовал с написанием песен, которые не имели в связи с моей реальностью. Тем временем Джин тешил себя идеей превзойти Metallica на их же поле. Зачем нужна вторая Metallica, если уже были оригинальные Metallica и мы, черт возьми, не могли с ними тягаться? Лучше всего у нас получалось быть KISS. Казалось, мы забыли об этом, когда пытались запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда. Для нас будет удачей найти себе место хотя бы в курилке.

К счастью, мне удалось нащупать тему, с которой я чувствовал связь: я написал «I Will Be There» для своего новорожденного сына Эвана. В конце 1993-го Пэм снова забеременела, а в июне 1994-го мы отправились в родовое отделение больницы Седарс-Синай. У Пэм была недельная задержка, поэтому мы отправились туда, чтобы спровоцировать роды. Она пока что не рожала, поэтому у меня было время, чтобы установить штатив и фотоаппарат. Никогда не забуду последнее УЗИ, сделанное перед рождением Эвана. Эта технология была еще довольно новой, и когда доктор навел крупный план на голову Эвана, тот, будто по сигналу, повернулся лицом к устройству. Боже мой, это было *мое* лицо! Я всегда знал, что когда-нибудь будет потрясающе завести детей. Но пока я не перерезал пуповину, я не осознавал всю глубину и святость рождения. До того дня моя жизнь особо не имела для меня смысла. Ты появляешься на свет, проводишь здесь немного времени, а затем умираешь. Это казалось бессмысленным. Но стоило мне взять в руки сына в родильном зале и встретиться с ним взглядом, как я внезапно осознал: на самом деле мы не умираем. Мы появляемся на Земле, чтобы сделать этот мир лучше через наших детей. И благодаря нашим детям *мы продолжим*

жить. Это было потрясающе — смотреть в глаза этому маленькому человеку, который только что вошел в этот мир, и понять, что я не исчезну. Это был цикл, который шел с начала времен. Я буду жить дальше через *своего сына*.

По пути домой из больницы я с трепетом ощущал присутствие этого маленького человечка в моей машине. Наверняка я спровоцировал пару-тройку несчастных случаев из-за того, как медленно я ехал. Шеи новорожденных не могут поддерживать голову, и если их головки наклоняются слишком сильно в одну или другую сторону, то малыши могут начать страдать от недостатка притока крови к мозгу. Я ехал со скоростью пять миль в час, постоянно поглядывая в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что его голова находится в вертикальном положении на сиденье автомобиля. Я всегда считал себя центром своей вселенной, но с появлением Эвана я неожиданно для себя подвинулся в сторону. Он стал центром моей вселенной. Возможно, он был моим вторым шансом пережить детство таким, каким оно должно быть. Его рождение принесло мне спокойствие и стало ответом на главный вопрос: почему мы здесь? Мы здесь чтобы воспитывать детей и оставить после нас что-то лучшее. Глубокие чувства, которые я испытал при рождении сына, заставили вспомнить меня случай, произошедший много лет назад на Гавайях, когда я едва не утонул. Тогда мне казалось, что не будет смысла в том, что после моей смерти мир продолжит существовать. Посмотрев в глаза моего сына, я перестал быть центром вселенной и с радостью отошел в сторону, чтобы уступить это место ему. Теперь это твой мир, сынок. Я здесь из-за тех, кто пришел раньше. Я продолжу жить благодаря тем, кто придет после меня. Неожиданно для себя я начал спать лучше.

50

Фестивали KISS успешно стартовали в 1995 году в Австралии. Предварительные продажи билетов были впечатляющими, поэтому мы с нетерпением ждали посетителей. Людей привлекала таинственная атмосфера, которая окутывала KISS, поэтому фестивали проходили на ура. Концепция была уникальной, поэтому люди откликнулись. Кто-то решил показать свою преданность группе весьма нетипичным способом. На наших фестивалях даже проходили свадьбы. Это может показаться странным, но я расцениваю это как огромный комплимент. Для меня решение жениться в макияже KISS на наших фестивалях никогда не было легкомысленным поступком. Было потрясающе знать, что группа так много значила для людей. Иметь такое влияние и быть частью чьей-то жизни — это совершенно особенное чувство. Мне также пришлись по душе неформальность и ненавязчивость фестивалей, интервью в формате вопрос — ответ, которые мы устраивали, а также наши акустические выступления. Мы играли перед нашими самыми преданными фанатами, которые не требовали от нас идеального выступления, — акустические шоу стали своего рода спонтанными зарисовками.

Когда мы проводили фестиваль в Бербанке, неподалеку от Лос-Анджелеса, Эрик Сингер предложил пригласить Питера Крисса. Это был жест доброй воли, чтобы показать Питеру, что он все еще является частью семьи. Фестиваль произвел на него полный восторг: Питер улыбался до ушей и триумфально тряс кулаком. Питер был старше нас, и за годы, прошедшие с тех пор, как он покинул группу, разница в возрасте, казалось, еще сильнее увеличилась. Возможно, это из-за неудачи в его сольной карьере или неудовлетворенности жизнью в целом. Я вручил ему мотоциклетную куртку KISS. Единственная куртка, которая осталась под рукой, была на 4 размера больше, но он был горд носить нашу символику. Он присоединился к нам на сцене и спел «Hard Luck Woman». Он не мог припомнить все слова, поскольку мы не репетировали, но это был теплый момент. Он выглядел как ребенок, который получил ключи от кондитерской лавки. Я был рад его увидеть после всех этих лет.

У нас планировалось около двадцати пяти остановок по Соединенным Штатам. Последний фестиваль состоялся в «Роузленде» в Манхэттене. Алекс и Роджер Колетти из MTX, оба большие фанаты KISS, узнали о наших акустических шоу на фестивалях и разыскали нас в Нью-Йорке, чтобы попросить нас об

участии в концерте «MTV Unplugged». В ходе всех этих фестивалей мы отточили акустические варианты наших песен и здорово их исполняли.

Электрогитары многое тебе прощают, в то время как акустические инструменты обладают яркостью и четкостью и дают тебе меньше поблажек. Помимо этого, на акустических гитарах толще струны и играть на них поначалу нелегко. Мы выступали без всяких эффектов, хотя аудитория зачастую создавала естественное эхо. К концу нашего длинного фестивального турне группа звучала великолепно, и мы с уверенностью приняли приглашение участвовать в проекте «Unplugged». MTV хотели подогреть ажиотаж вокруг концерта, устроив воссоединение с оригинальными членами группы. Питера и Эйса представлял наш старый тур-менеджер по имени Джордж. Он предъявил множество нелепых условий, на которые нам пришлось пойти, чтобы доставить Питера и Эйса в нью-йоркскую студию для совместных репетиций. Требования Джорджа постоянно менялись, независимо от того, на что соглашались Питер с Эйсом, но Джин отлично проявил свои лидерские качества и держал все под контролем.

Все были настороже, когда Эйс и Питер вошли в студию. Эрик Сингер и Брюс оба были там, но Питер и Эйс чувствовали себя наиболее неловко. Все нынешние участники группы подходили к этой ситуации с позиции силы. И речи не шло о том, чтобы убрать Эрика или Брюса. Питер и Эйс были гостями в нашем доме, в то время как Эрик и Брюс постоянными резидентами — они по праву заработали свои места.

Я едва видел Питера и Эйса с начала 1980-х. До меня доходили истории о том, насколько сильно испортилось исполнение Питера и как неудачи постигали его различные группы. Как только они зашли, комнату заполнила странная и волнующая атмосфера ностальгии. Томми Тейер однажды поделился со мной своими мыслями об оригинальном составе группы, которые охотно озвучивал всем подряд: «Я всегда думал, что Эйс и Питер были парнями от рок-н-ролла, а вы с Джином были парнями от бизнеса». Я рассмеялся, впервые услышав это. В тот момент, когда Питер с Эйсом вошли в комнату, я тоже смеялся внутри. Это правда, что Эйсу нравилось корчить из себя американскую версию Кита Ричардса, но я знал, что Томми скоро придется расстаться со своими иллюзиями. С момента основания группы мы с Джином никогда не переставали играть на наших инструментах. За почти пятнадцать лет непрерывной практики я стал намного более опытным музыкантом, чего нельзя было сказать об этих двоих. Едва ли Эйс тратил столько же времени на

тренировки, а Питер так и вовсе практически не брал инструмент в руки. Когда они играли, то рядом не было людей, которые могли бы сделать им конструктивное замечание.

Казалось, Питер полностью утратил свои навыки. Он вел себя словно сумасбродный дядюшка, который позорит тебя перед гостями. Заявился с какими-то миниатюрными племенными барабанами, которые держал в одной руке, и чеканил по ним палкой. Он хотел играть, одновременно исполняя «Beth». Мы отвергли эту идею. С ними мы проработали только четыре песни. Остальная часть шоу включала меня, Джина, Эрика и Брюса. Студия, где проходила запись концерта «MTV Unplugged», была прекрасно освещена и обставлена. Аудитория преданных фанатов KISS заполонила зал, привлеченная слухами о воссоединении оригинального состава.

Пол сцены был покрыт огромной тканью, на которой была напечатана обложка альбома *Rock and Roll Over*. Позади нас стояли восковые фигуры в макияже, которые мы захватили с фестивалей KISS. Эйс то и дело порывался к микрофону, отвлекая нас и явно пытаясь привлечь к себе больше внимания. Эти моменты были улажены, когда альбом и шоу были смонтированы.

Запись концерта вышла в августе 1995 года и стала второй по популярности в истории «MTV Unplugged». Почти сразу после того, как шоу вышло в эфир, пошли слухи о полном воссоединении группы. Мне казалось, что атмосфера была довольно благоприятной, чтобы исследовать эту возможность. Наше воссоединение я видел как следующий логический шаг. Кроме того, учитывая автомобильные аварии и другие опасные для жизни инциденты, в которые то и дело вляпывались Эйс и Питер, скоро возможность для воссоединения могла быть безвозвратно упущена. Один из этих парней наверняка сыграл бы в ящик, и сейчас было самое лучшее время, чтобы воссоединиться. Также я считал, что это хорошая возможность покончить с нашими спорами. Когда группа распалась, мы бы молоды и глупы. Может быть теперь, когда мы извлекли уроки из жизни, из нас снова получится команда, и каждый поймет, каким подарком была группа.

Может, мы даже смогли бы довести это дело до конца и ускакать в закат вместе, будучи группой, где один за всех и все за одного, прекратив карьеру на наших собственных условиях. Я начал уговаривать сначала Джина, но он был настроен скептически, если не сказать больше. Ему казалось, что это будет провальное предприятие с финансовой точки зрения, но я был уверен в обратном. Мы только что провели фестивали и продали билетов за сотни долларов скромной толпе фанатов в каждом

городе.

Идея заключалась в том, чтобы привлечь меньшее количество людей по более высокой цене билета. Мы не стремились собирать стадионы. И поскольку нам не нужно было пятнадцать автобусов, чтобы путешествовать и возить наше шоу по городам, накладные расходы были меньше, чем при концертном туре. В теории наши KISS-фестивали могли быть весьма прибыльными, но, несмотря на всю новизну и веселье, они не принесли нам много денег. Правила концертов и турне поменялись — это была эпоха, когда цены на билеты внезапно взлетели, и нельзя было представить, что какие-то фестивали могут потягаться с турне неожиданно воссоединившейся группы в старом макияже. Для меня это было ясно как день. Тем не менее было сложно втолковать это Джину. Даже когда я связался по телефону со специалистом, его скептицизм оставался непробиваемым.

Я был на сто процентов уверен, что мы правильно выбрали время. Когда мы вернулись в Лос-Анджелес, я позвонил Джину, и мы снова прошлись по гипотетическим цифрам, основываясь на ожидаемой посещаемости концертов в десятки тысяч человек, ценах на билеты и продажах сувенирной продукции. В качестве примера я привел группу Eagles. Они воссоединились в 1994 году и продолжали гастролировать в течение всего 1995-го, выступая перед миллионами зрителей и попадая в чарты Billboard со своими концертными альбомами. Я лично был свидетелем длинных очередей фанатов, которые выстроились за футболками и прочей сувенирной продукцией на одном из их шоу. Это был беспрецедентный финансовый успех для группы, которая распалась в то же время, когда произошел раскол в первоначальном составе KISS. Конечно, эти ребята собрались вместе не из-за любви друг к другу, но если у них получилось ужиться…

Есть такой способ определения направления ветра, когда смачивают палец и поднимают его вверх. Я чувствовал, что именно сейчас ветер дул в нужном направлении. Независимо от того, насколько успешными мы были без макияжа в настоящем, я знал, что это нельзя было сравнить с тем, кем мы когда-то были. Легенды из прошлого. Джин наконец-то начал рассматривать несколько возможностей по организации нашего турне в честь воссоединения. Придя на переговоры, мы почувствовали, что нас принимают на совершенно другом уровне. Последние годы мы привыкли, что нас встречали орешкам и газировкой. Внезапно мы очутились в конференц-зале, где восседали большие шишки. Перед нами были разложены шведские столы с яствами:

«Пожалуйста, господа, угощайтесь». А это что, горячая еда? Может быть, мы действительно наткнулись на что-то стоящее. Как только Джин почувствовал запах кофе, он дал свое добро.

Часть V. Автострада боли

51

Исходя из того, что нам сообщили в гастрольном агентстве, было ясно, что своими силами нам с этим турне не справиться. Требовался новый менеджер. Мы сразу подумали о Доке МакГи. Когда в 1984 году Bon Jovi полетели с нами в Европу, Док был их менеджером. Он также вывел Mötley Crüe на вершину успеха. Услышали мы о нем еще раньше, когда он сотрудничал с Пэтом Трэверсом, который выступал у нас на разогреве в те времена, когда мы еще носили грим. Так что Док был главным претендентом на место нашего менеджера.

Мы организовали нашу первую встречу с Доком в ресторане на бульваре Сансет в Голливуде. Он тут же начал оживленно делиться своими наполеоновскими планами — мол, мы устроим тур «Семь чудес света» и начнем с того, что выступим перед сфинксами и пирамидами в Египте. Его фантазии впечатляли своим размахом и доходили до абсурда, что было похоже на наш ход мыслей. Подобным образом фантазировал Билл Окоин. Очевидно, что Док был тем, кто нам нужен. Было приятно найти кого-то, кто не только делал свою работу, но и мог добавить что-то от себя и поднять ставки. Другие кандидатуры решено было не рассматривать.

На стадии планирования стало очевидно, что это затея отнимет у нас не год нашей жизни, а внушительный отрезок длиной в несколько лет. Док говорил о том, чтобы каждый вкладывал свое время и усилия в воссоединение группы. Несмотря на то что Джин выражал энтузиазм, я предупредил Дока: «Я уже смотрел это кино и знаю, чем оно заканчивается». Док заверил меня, что сможет устроить так, чтобы каждый из участников был вовлечен, но я знал неизбежную правду. Мне нравилось ставить перед собой высокие цели, но Доку также было необходимо понять и принять суровую реальность.

Адреналин зашкаливал, между нами проскакивали искры, когда мы озвучивали бесконечные идеи для грядущего турне. Джин продолжал докучать Доку с тем, чтобы KISS появились на обложках журналов «Time» и «Newsweek». Брюсу Спрингстину удалось засветиться в обоих изданиях, благодаря своему хиту «Born in the U.S.A.», а теперь Доку предстояло устроить то же самое для нас. «Джин, — сказал Док, — единственный способ попасть на обложку этих журналов — это если ты застрелишь президента в своем гриме».

Док свой парень.

Поскольку наше воссоединение приобретало четкие

очертания, нам пришлось сообщить об этом Эрику Сингеру и Брюсу Кулику. Мы запланировали встречу у Джина дома. Вряд ли парни думали, что воссоединение возможно, потому что были свидетелями того, как Питер и Эйс играли во время репетиции «MTV Unplugged».

Потом я узнал, что на этой встрече они готовились обсуждать работу над нашей следующей пластинкой *Carnival of Souls.*

Новости их ошарашили. Эрик и Брюс помрачнели, но мы заверили, что будем держать их в штате, пока они обдумывают свои следующие действия. Эрик всегда был немного циничным и относился к себе как к наемнику. Даже тогда он уже был барабанщиком на все руки, который работал со многими группами, — ему это позволяло мастерство. И все же это известие его задело.

Мы не хотели обидеть парней, но я до сих пор чувствую себя паршиво. «Не зря это называется “музыкальный бизнес”, — произнес Эрик, дав понять, что он принял наше решение. — Я ценю, что у вас, ребята, хватило смелости сообщить мне это в лицо». Полагаю, что в его карьере отношения не всегда складывались подобным образом. Такие вещи имеют для меня колоссальное значение. Например, я никогда не расстаюсь с девушками по телефону, и когда мы разорвали связь с Биллом Окоином, я лично прилетел в Нью-Йорк. Это всегда вопрос уважения, и Эрик и Брюс заслуживали его как никто другой, потому что внесли значительный вклад в группу. Брюс, как и всегда, повел себя мужественно. «Я понял, — сказал он, — воссоединение — это счастливый билет».

Ожидаемо потребовалось много споров с представителями Питера и Эйса, чтобы заключить сделку. Эйс настаивал на том, что ему причитается больше денег, чем Питеру, потому что, как выразился Эйс, он стоил больше Питера. «Питер ничего не сделал, — настаивал Эйс, — я популярнее, чем он». Учитывая все эти случаи, когда Эйс бросал Питера на произвол судьбы, у него должны были вырасти мускулы, как у профессионального культуриста. И все же Питер считал его своим товарищем по команде и другом, независимо от того, сколько раз Эйс предлагал Питера на роль жертвенного агнца.

Я часто слышал пословицу: «Коней на переправе не меняют». Поэтому мы заранее прописали все в контракте: основные правила и последствия за их несоблюдение, все, что нам разрешалось и не разрешалось делать. Но самое главное — мы репетировали и наблюдали за нашей реакцией на совместную работу в рамках четко прописанных правил. Ничего не оставляли на волю случая. Сюда же входили занятия с персональными

тренерами — не только для Питера и Эйса, но и для меня с Джином. Нам хотелось, чтобы группа выглядела так, как нас запомнили фанаты. Чего мне точно не хотелось, это чтобы зрители увидели кучку полных парней в колготках. Наши тренеры не были бодибилдерами — речь шла о кардиотренировках и базовой силе. Несмотря на это, парень, занимавшийся с Питером, был ошеломлен — не только тем, насколько слабым и невыносливым был его подопечный, но также и тем, каким ленивым он был. Тренер сказал, что он словно работал со стариком. Питер страшно не любил тренироваться и зачастую выходил из себя по поводу какой-нибудь мелочи.

Ну а Эйс, по своему обыкновению, бил баклуши. Но он хотя бы уделял этому время. Параллельно с физическими тренировками мы начали репетировать, точнее попытались это сделать. Мы собрались в Лос-Анджелесе в марте, планируя репетировать в течение несколько месяцев. Для этих шоу было жизненно необходимо выглядеть и звучать великолепно — мы конкурировали не только с нашим прошлым, но и с воспоминаниями людей о нашем прошлом. Именно так я воспринимал этот вызов. Нам предстояло воссоздать ту атмосферу, которая так сильно впечатляла людей в те времена, когда наши шоу были уникальными в своем роде. К 90-м годам куда ни плюнь — у всех были концерты с пиротехникой и какими-нибудь элементами, позаимствованными у KISS. Для этого требовались лишь деньги. Нам предстояло поднять планку качества.

Затем Эйс спросил: «Зачем нам репетировать? Я знаю эти песни как свои пять пальцев». Скоро выяснилось, что он не очень-то хорошо знал свои пять пальцев. С Питером тоже были свои проблемы. Не имело смысла репетировать вместе. Питер и Эйс не знали материала, не знали своих партий. Я позвонил Томми Тейеру. Он знал наши музыку от и до и стал бы хорошим тренером. Мы хотели быть верными оригинальным версиям наших классических песен с *Kiss Alive!* «Послушай, Томми, — сказал я ему, — нам нужно, чтобы ты встретился с Питером один на один в репетиционной студии. Только ты и он. Ты на гитаре, он за барабанами. Тебе нужно будет пройтись с ним по всем песням и убедиться, что он в курсе, что делает».

После первого дня персональной работы с Питером Томми позвонил мне. Звучал он очень серьезно: «Пол, я не знаю, как бы получше выразиться».

Ой-ой.

«Я, как никто другой, хочу, чтобы у вас все получилось, — продолжил Томми, — но я должен быть честен с тобой: понятия

не имею, как вы, ребята, сможете все это провернуть». Он сделал паузу. Тогда я засмеялся. Я предположил, он шутит. «Нет, я серьезно, — сказал Томми. — Играть с Питером — все равно что играть с кем-то, кто только сегодня взял в руки барабанные палочки. Такое впечатление, словно он никогда не играл до этого. Он ничего не помнит и не может играть».

Почему-то я не удивился. Мало того, что за эти годы Питер не вырос как музыкант и не оттачивал свое ремесло, он полностью забил на него. Я все еще надеялся привести его в чувство. «Дай ему еще несколько дней, — сказал я, — у тебя получится».

Томми продолжил заниматься с ним, записывая их уроки на кассеты, а затем привозил их мне или играл, или включал по телефону. Мне было неловко слушать эти записи. Порой Томми делал мягкие замечания, что-то вроде: «Может быть, этот последний отрывок звучит не совсем правильно…» Тогда Питер агрессивно накидывался на него: «Твою мать, не учи меня, как нужно играть на барабанах!» Это была неблагодарная работа: терпеливо сносить злость Питера. И все ради чего? Чтобы Томми-гитарист мог научить Питера, некогда профессионального барабанщика, играть на своих барабанах.

В конце концов Томми научил Питера исполнять партии так же, как хозяин обучает своего пса трюкам. Это не имело ничего общего с музыкой. Но, о чудо, через несколько недель дела пошли на лад. Питер выучил свои трюки и смог играть «Strutter». Мы снова попробовали репетировать как группа. Но теперь мы поняли, что за нами не поспевал Эйс. Я был потрясен, увидев, во что превратились эти парни и как наплевательски они отнеслись к своим талантам.

Я снова позвонил Томми. Мы провели аналогичную репетицию. Томми и Эйс сидели лицом к лицу в студии несколько часов в день, повторяя песни, — только они, два стула и два усилителя «Маршал». Эйс схватывал намного быстрее, чем Питер. Мы снова собрались как группа. Теперь все стало звучать лучше. Очевидно, мы не собирались переходить на уровень прошлого или позапрошлого состава KISS, но теперь между нами начала зарождаться химия. Между нами было что-то вроде той вроде сумасбродной атмосферы, которая присутствовала в ранние годы группы.

Наконец настал день, когда мы отправились домой к Джину и снова облачились в старые наряды и разукрасили себя, чтобы посмотреть, как мы выглядели. Такое чувство, будто время остановилось. Мы снова были теми парнями. Волшебство. Я даже позволил себе помечтать о том, чтобы не просто сохранить этот момент, а идти в будущее, продолжив с того места, где мы

остановились.

Когда мы приступили к планированию тура Док МакГи огорошил нас заявлением: «Начнем со стадиона “Тайгер”». Я воскликнул: «Вы в своем уме?». Я знал, будет большой тур, но не думал, что настолько. Это было намного больше 10 000 зрителей, о которых я рассказывал, когда звонил Джину, чтобы убедить его подумать о воссоединении. Док хотел, чтобы мы начали турне с площадки, где было в четыре раза больше людей. Никакого разогрева. Никакого тест-драйва, чтобы посмотреть на продажи билетов. Такую дерзость я и представить себе не мог.

Док явно знал что-то, о чем мы не догадывались. Он устраивал мега-туры для Bon Jovi и Mötley Crüe и прекрасно знал, что любая смелая фантазия станет реальностью, если люди покупаются на это. К счастью, мы полагались на него. Вскоре нам поступили предложения от площадок, на которых мы выступали, будучи на пике своей популярности в 1970-х. Одновременно с этим многие из наших современников, группы из семидесятых-восьмидесятых, оказались на грани исчезновения из-за появления гранжа и моря других изменений в музыкальной индустрии. Между тем наш стол ломился от кучи соблазнительных предложений. В это было сложно поверить. Будто мы выиграли в лотерею. Опять.

Когда билеты на наше турне в честь воссоединения поступили в продажу, обычно это случалось утром по североамериканскому восточному времени), я разговаривал по телефону с Доком в предрассветных сумерках Лос-Анджелеса и следил за происходящим в реальном времени через сервис Ticketmaster. Стадион «Тайгер» был распродан менее чем за час. Такая же история повторялась с другими шоу. «Хорошо, открылись продажи билетов в Нью-Йорке… отлично, все продано. Переходим к следующему шоу… второе шоу распродано». У меня еще не успело взойти солнце, а мы продали четыре шоу в Мэдисон-сквер-гарден. «Окей, переходим к Бостону…»

Это было прекрасно. Док оказался прав.

52

Детройт — место, где все начиналось. Билеты на концерт на стадионе «Тайгер» 28 июня 1996 года были полностью распроданы. Джин, Эйс, Питер и я снова вместе. Волшебство. Возбуждение. Вот мы и здесь. Мы прибыли за десять дней до концерта, в очередной раз решив ничего не оставлять на волю случая, и провели семь репетиций, включая одну генеральную при полном параде. Эйс опаздывал.

На тот момент моей жизни я чувствовал, что заработал определенные привилегии и льготы, которые были необходимыми для того, чтобы нормально провести предстоящие концерты. Мы забронировали лучшие отели. Я не собирался останавливаться в отелях с бумажным сиденьем на унитазе и надписью: «ДЕЗИНФИЦИРОВАНО ДЛЯ ВАШЕЙ ЗАЩИТЫ». Питер с Эйсом уже шестнадцать лет как не останавливались в дорогих отелях, с того самого момента, как они в последний раз гастролировали с KISS. Особенно диким в этом плане казался Питер. Однажды я сводил его в «Старбакс», и он был поражен тем, насколько вкусным было печенье бискотти.

В респектабельной обстановке Питер с Эйсом чувствовали себя не в своей тарелке. Например, Питеру постоянно казалось, что его не уважает персонал отеля, но в действительности это скорее говорило о том, что он испытывал перед ними страх (как, впрочем, и перед многими другими вещами). Днем перед шоу мы провели саундчек. Когда я оказался на сцене, до сих пор не мог поверить, что через пару часов этот бейсбольный стадион будет забит до отказа. Мы сделали фотографии и насладились этим моментом. Питер, который недавно расстался с девушкой и не успел обзавестись новой, казался неожиданно открытым и благодарным. Он всегда стремился стать зависимым от кого-либо и отрезать себя от всех остальных, используя свою подругу в качестве посредника, хорошего или плохого — в зависимости от личности женщины. Тогда одинокий Питер позволил себе насладиться моментом.

Тем вечером автомобильчики для гольфа провезли нас через лабиринт стадиона прямиком к сцене. Когда мы появились у прохода за сценой, я почувствовал, как воздух накалился от волнения и предвкушения. Это было ошеломляюще. Внезапно я осознал, что всего за несколько месяцев моя значимость многократно выросла — я не только снова был участником KISS, но и участником *тех самых* KISS. Я мог ощущать, как в зрителях растет напряжение. Люди съехались со всего мира, чтобы стать

свидетелями этого вечера. У меня закладывало уши. Когда свет погас, перед нами предстало настоящее вавилонское столпотворение. Казалось, что на стадионе вспыхнуло 40 000 молний, пока зрители дожидались нашего выхода.

Я понимал: это шоу было ключевым. Оно должно заново представить группу, наши образы и все, что с нами связано. Этот концерт станет для нас трамплином, позволит двигаться вперед. Было такое ощущение, что мы попали в сердце урагана: все вокруг нас кружилось, пока мы спокойно наблюдали за происходящим из-за кулис. Когда мы вышли на сцену, все еще за поднятым занавесом, я почувствовал сбивающую с ног волну. Шум толпы зрителей был буквально осязаем. И даже когда все затихли, шум дыхания 40 000 человек создавал оглушающую тишину. Такого я еще никогда в жизни не испытывал.

Хорошо, Детройт! Вы хотели лучшего, так получайте самую горячую группу в мире… KISS!

Занавес упал. Энергия толпы чуть не подкинула меня вверх. Мне пришлось приложить титанические усилия, чтобы контролировать ситуацию, себя самого и группу. Я беспокоился о том, чтобы не потерять связь с Питером. Мы придумали различные условные сигналы с притопыванием, чтобы он мог ориентироваться по ходу концерта. К счастью, он был совсем не против этой помощи. Честно говоря, на него это не было похоже — быть открытым таким идеям. Однако на тот момент Питер был потрясающим — усердно работал, был веселым и благодарным. Было радостно вновь испытать эти эмоции из молодости, но уже под другим углом. Когда я впервые оказался в гуще событий, у меня было чувство, что это никогда не закончится. Но потом все куда-то делось. Но теперь, когда KISS воссоединились, я почувствовал благодарность. Благодарность не за деньги или славу. У меня уже были эти вещи. Это был шанс прочитать книгу или посмотреть фильм из детства, получить опыт, который раньше мне был недоступен или который я просто не ценил. Меня буквально захлестнуло это чувство благодарности.

По ходу турне ребята, похоже, тоже прониклись этим чувством. По крайней мере поначалу. Питер поклялся, что не повторит ошибок, которые совершил в первый раз. За месяцы турне мы наградили Питера званием «Самого ценного участника команды». Он часто присоединялся к нам на обеде, был оптимистичным и приятным в общении. Его отношение, казалось, отражало мое собственное. Нам невероятно повезло получить эту возможность.

Во время турне меня беспокоило барабанное соло Питера, которое он с самого начала хотел исполнить. В идеальной

ситуации оно было бы частью обычного концерта — во времена *Alive!* ни один концерт не обходился без барабанного соло. Оглядываясь назад, я не очень понимал, зачем оно вообще было нужно, но это уже стало традицией. Тем временем способности Питера значительно ухудшились. Но поскольку он очень хотел сыграть соло, и это было частью традиции, Джин согласился помочь ему с этим. К счастью, в 1990-х технологии развились настолько, что можно было лупить палкой по консервной банке и получить мощный взрывной звук, если использовать достаточное количество спецэффектов. Именно так мы и поступили. Мы установили и подключили датчики на барабанах Питера таким образом, что, когда он ударял по ним, они активировали заранее записанный звук барабана. Несмотря на то, что в 1970-х Питер был феноменальным музыкантом, сейчас он был лишь тенью самого себя. Во время турне он бил по барабанам так, будто боялся, что у него отвалятся руки, если он приложит хоть какое-то значимое усилие. Он жаловался мне на боль в руках. Сила удара по барабанам определяла работу датчиков, но, к счастью, их можно было настроить на любой уровень чувствительности. Мы шутили, что Питер мог сыграть соло с завязанными глазами. Услышав за спиной оглушающий грохот, я оборачивался и видел, как Питер едва двигает барабанными палочками. Но мы хотели добиться успеха, и нам это удалось в течение некоторого времени.

Затем появилась Джиджи — ревностная христианка, которая раньше занималась танцами, и я не про «Лебединое озеро». После встречи с ней Питер резко поменялся. Он напомнил мне маленького зверька: когда он боится, то ведет себя скромно, но почувствовав себя в безопасности, тут же начинает показывать свои зубы. Питер ухватился за Джиджи и начал дистанцироваться от всех остальных.

Несмотря на то, что они с Джиджи исповедовали глубокую любовь к Богу, окружающим они явно не желали ничего, кроме боли и страданий. Как-то раз я позвонил Питеру в номер, но трубку взяла она. «Чего надо?» — «Позовите Питера». — «Зачем он тебе нужен?» *Просто передай ему чертову трубку*. В конце концов, ты ведь гость, а ведешь себя как вахтерша.

В определенный момент турне мы были так богаты, что сами могли печатать деньги. Все концерты распродавалась как горячие пирожки, и мы продолжали добавлять в расписание новые шоу. Мы жили удивительной жизнью, летая на большом частном самолете со стюардессой, и останавливались в красивых отелях — мы были на вершине мира. Питер и Эйс получали миллионы долларов, а ведь они не заработали и гроша за те двадцать лет,

что провели за бортом группы. До воссоединения у них не было ровным счетом ничего. Стоило их бумажникам потолстеть, как они изменились. Питер заставлял Дока печатать многостраничные руководства и рассылать их в каждый отель. Руководство включало свод замысловатых правил: если Питер вывешивал на дверь табличку с одним символом, то сотрудники могли войти и пылесосить, но при этом им нельзя было касаться окон; другой знак говорил о том, что они могли проветривать комнату, но им нельзя было трогать полотенца; его комната должна была располагаться на определенном расстоянии от лифтов и к тому же не слишком высоко; определенные окна он велел занавешивать фольгой. Он что, серьезно? Я это слышу от парня, который в прошлом году впервые побывал в «Старбаксе»! Однажды днем я услышал крики и грохот, доносившиеся из коридора. Я открыл дверь своего гостиничного номера и увидел, как Док бежал к номеру Питера и Джиджи. Тарелки вылетали из комнаты и разбивались о противоположную стену коридора. «Что случилось?!» — воскликнул Док. «Они не убрали мою комнату!» — заорал Питер. «Но Питер, ты сам вывесил этот знак на двери, который запрещает им входить».

Группа потихоньку пошла трещинами. Эйс умудрялся несколько раз вырубиться, пока наносил свой грим, — просто падал на стул с кистью, которая чуть ли не торчала у него из глаза. Его увлечение различными нелегальными веществами снова вышло из-под контроля. Он шел на всевозможные хитрости — ему даже удалось получить неглубокое огнестрельное ранение в Далласе, чтобы затем раздобыть рецепты, по которым можно было получить море наркотиков. В таких случаях Док бил тревогу и предупреждал врачей, чтобы те не давали ему обезболивающие. Как говорил Док: «Эйс обладает силой воли червяка».

Это очень расстраивало. Гастроли задумывались как праздник для четырех парней, но вместо этого они превратились в пытку. Нелегкой задачей было просто проконтролировать, что Питер и Эйс вышли из своих комнат и добрались до места проведения концерта. Пока я путешествовал с одним чемоданом, у Эйса было целых семнадцать сумок, одна из которых весила более ста фунтов. В ней лежали провода и проектор, который он использовал у себя в номере, чтобы проецировать на стену клип, в котором лицо Элвиса и его лицо постоянно перетекали друг в друга.

За Эйсом увязалась пара странных подружек. Одной нравилось ходить между рядами с блокнотом и делать заметки. По всей видимости, она проверяла, как хорошо было слышно Эйса. Другую, судя по всему, где-то подстрелили, потому что свое

сиденье она запачкала кровью. Она была в такой плохой форме, что мы послали доктора в гримерку Эйса, чтобы осмотреть ее. «На вашем месте, — сказал нам доктор, — я бы поостерегся путешествовать с ней, потому что ей недолго осталось». Док уладил эту ситуацию, и я больше никогда не видел ее во время турне.

Не стоит и говорить, что Док все больше и больше злился на Питера и Эйса. «Вам найдут замену, — сообщил он им. — Я не археолог, я здесь не для того, чтобы сохранить прошлое. Я здесь, чтобы наш проект двигался вперед и рос. Если будете мешать, вам придется уйти. Упустить эту возможность будет главной ошибкой в вашей жизни. Вам подарили второй шанс, так почему бы просто не воспользоваться им?» Они ненавидели Дока за его речи, но и ему самому осточертело тащить их на себе и мотивировать заниматься базовыми вещами, которые были необходимы для существования группы.

Однако когда дела ухудшились, большую часть последствий пришлось расхлебывать Томми Тейеру, который в течение шести месяцев был тур-менеджером во время первого года наших гастролей. Томми тратил 90 процентов своего времени и энергии, разбираясь с совершенно лишними вещами: улаживал проблемы, когда Питер или Эйс пропускали свой рейс или не приходили вовремя к машинам; следил, чтобы персонал гостиницы не снимал в фольгу с окон Питера. Эйс был хроническим тормозом и всегда с опозданием выходил из своего гостиничного номера, когда нам нужно было добраться до места проведения шоу или до аэропорта. Какое-то время Томми просто-напросто врал ему о времени отъезда (передвигая его на час раньше), чтобы Эйс появлялся вовремя. Но когда он узнал об этом, то был вне себя от ярости.

В определенный момент до Томми наконец-то дошло. Он признал, как сильно ошибался, когда называл нас с Джином жадными людьми от бизнеса, а Эйса и Питера — рок-н-ролльщиками. Если вы некомпетентны, ненадежны или ленивы, это не сделает из вас рок-н-ролльщика. Вы просто некомпетентные, ненадежные лентяи, только и всего. По словам Томми, Эйс был теперь «гребаным неудачником».

В начале 1997 года мы прилетели в Японию, где нас чествовали как героев. Огромные толпы фанатов поджидали нас везде, где бы мы ни появлялись. Между концертами мы путешествовали на скоростном поезде. Однажды днем мы сели в поезд, и его облепила огромная толпа — подростки собрались на станции, чтобы увидеть нас. Мы шли через станцию в окружении охранников и когда прибыли на платформу, ее тоже заполнили

фанаты. Это было невероятно — меня вновь охватило чувство восторга. *Каждый день мы должны благодарить Бога, в которого верим, за то, что происходит в нашей жизни*. И тут Питер повернулся ко мне и сказал: «Я задолбался вкалывать как проклятый».

Я потерял дар речи.

53

В апреле 1997 года перед концертом в Джорджии Питер начал жаловаться, что у него болят руки. «Я не могу играть», — сказал он Доку, набрав его из гостиничного номера. Док лишь сказал: «Хорошо». Затем он вызвал роуди Питера, Эдди Канона. «Сбрей бороду, — сказал Док. — Ты выступаешь сегодня вечером». Когда Питер узнал об этом, то изошел на дерьмо. «Фанаты этого никогда не простят! — кричал он. — Нельзя выдать кого-то другого за меня!»

«Я так не думаю», — сухо сказал Док.

Ку-ку, Питер, вообще-то у нас концерт на носу.

Эдди побрился и покрасился под Питера.

Один, два, три, четыре, поехали — шоу началось. Я представил Эдди со сцены, и что бы вы думали? Всем было либо наплевать, либо просто возбужденной толпе некогда было думать об этом. Все-таки это было шоу. Вы думали, мы отменим шоу из-за того, что у Питера болят руки? Как бы не так. Как говорится, шоу должно продолжаться.

Эйс превращался в параноика. Он снял квартиру на бульваре Ла Сьенега в Лос-Анджелесе, где проводил выходные. Он был убежден, что это место прослушивается и за ним следят, поэтому выкорчевал все электрические и телефонные провода. Хозяева квартиры были в бешенстве. Помимо этого, он начал тщательно изучать наши гастрольные документы, которые содержали маршруты, спецификации концертных площадок и различную сопутствующую информацию. Он приносил документы в раздевалку и спрашивал: «Сколько человек купили билеты на прошлый концерт?» Допустим, я отвечал ему, что 18 700. «Чушь собачья! — кричал он. — Здесь написано 24 100». — «Эйс, — пытался я объяснить ему, — здесь указана вместимость зала, а не количество проданных билетов». — «Не дури меня».

По условиям контракта Эйс обязывался воздержаться от наркотиков. Он всюду таскал с собой подозрительную сумку и, учитывая, как крепко он за нее держался, можно было предположить, что в ней было спрятано золото. Эйс прятал таблетки в рукавах своего сценического костюма. Но как мы могли обеспечить соблюдение условий контракта? В этом была загвоздка. Остановить турне? Оштрафовать его?

Во время турне Джордж, представитель Питера и Эйса, потребовал встречи со всей группой, чтобы обсудить финансовые вопросы. Он явно намеревался показать нам и своим клиентам, что с ним нужно считаться. На встречу он явился в пиджаке и

галстуке, пытаясь выглядеть по-деловому, а следом за ним семенили Эйс и Питер. Он поставил перед нами доску и начал указывать на цифры. Понимание бизнеса у него было не лучше, чем у тех двоих. После нескольких месяцев бессмысленных запросов и намеков на плохой бюджет, с нас было довольно. Мы последовательно стерли его в пыль. Он оказался совершенно не приспособлен к финансовым вопросам или гастролям, и Эйс с Питером примолкли, увидев это.

В конце турне, в июле 1997 года, Питер и Эйс потребовали, чтобы их снова приняли в группу в качестве полноправных членов. «Мы все делали по-твоему, — сказал Питер, — и провели огромный успешный тур. Теперь мы хотим быть на равных». Парни и до этого удивляли меня каждый день, но от услышанного у меня просто челюсть отвисла. *Разве они не понимали, что мы добились успеха только потому, что они приняли во всем ноль участия?* Мы заработали много денег, сделали многих людей счастливыми. Но Питер и Эйс были расстроены: они снова были богатыми, но не такими богатыми, как я и Джин. Есть люди богаче, чем я, но я не мучаюсь бессонницей из-за этого. К тому же я заслуживаю больше, ведь я остался, когда они ушли. Это была игра в одни ворота. Я заботился о группе и сохранил ее. Поэтому справедливо, что я заслуживал большей компенсации. Ни за какие блага я не сделал бы их полноправными участниками группы. Нет — и точка.

Питер и Эйс также были совершенно неподготовленными к тому, чтобы принимать решения, — они понятия не имели, как работает концертный и музыкальный бизнес. И все же им казалось, что они заслужили право голоса в вопросах, в которых они совершенно не разбирались. Печальное зрелище. С одной стороны, они иногда признавали, что принимали плохие решения. Но с другой стороны, они начали утешать себя тем, что ими воспользовались и что они всегда были жертвами.

Начав сольную карьеру после ухода из KISS, они имели все карты на руках: признание, известность, контакты в отрасли, деньги — но до момента нашего воссоединения они едва сводили концы с концами. В начале турне они были благодарны за то, что мы помогли им вырваться из маргинального образа жизни. Всего спустя год они стали миллионерами. Но их снедала злоба. Они заняли оборонительную позицию и нереалистично воспринимали собственную значимость и способности. Они строили из себя жертв. Это было безумие.

Эйс продолжал ворчать, что если бы имя KISS осталось за ним, то группа была бы успешной без меня и Джина. У него был припасен еще один блестящий аргумент. «Без меня не случилось

бы воссоединения», — заявил Эйс. *Ладненько…* «Если бы я никогда не ушел, то не было бы никакого воссоединения». *Вот это да.* «Вы должны благодарить меня! — продолжил Эйс. — Это турне случилось только потому, что я ушел». Я не знал, как реагировать на подобную «логику». Док предложил нам просто избавиться от Питера и Эйса. Он всегда верил, что мы можем справиться и без них. Он не видел возможности продолжать работать с ними. «Сложно превратить хорошего человека в негодяя, — сказал Док. — Но еще сложнее превратить мудака в хорошего человека». Этим он хотел сказать, что если мы продолжим работать с ними, то обязательно хлебнем горя.

У меня была другая идея: я хотел записать альбом в честь воссоединения. Не хотелось, чтобы потом меня мучили мысли о том, что я упустил этот шанс. Когда мы снова собрали группу в ее первоначальном составе, я, помимо всего прочего, надеялся, что мы сможем добиться впечатляющих результатов. Я думал, что, собрав вместе все наши знания и опыт, мы получим формулу успеха. Во всяком случае, совместная работа поможет сгладить любые нерешенные вопросы и исправить ошибки. Я был почти уверен, что нашел ответы на эти вопросы после нашего турне в честь воссоединения. Люди не меняются, и мы удаляемся друг от друга из-за глубоких разногласий. Но я хотел не совершать ошибку и воспользоваться всеми возможностями.

В качестве продюсера пластинки *Psycho Circus* мы пригласили Брюса Фейрберна, который участвовал в создании некоторых хитовых записей Bon Jovi, Aerosmith и Loverboy. Но оказалось, что он не подходил для этой работы. На своих успешных записях 1980-х он работал с командой, которая включала удивительных Боба Рока и Майка Фрейзера, которые продолжили вытворять удивительные вещи, но уже без него. Иногда, когда команда распадается, а ее участники пытаются что-то сделать самостоятельно, ты лучше понимаешь, кто вносил больший вклад, исходя из того, кто сильнее преуспел в сольной карьере. Из всех демозаписей Брюс выбрал для альбома самые ужасные песни. Песня, которая в конечном итоге произвела больше всего шума, оказалась заглавным треком — «Psycho Circus». Брюс не хотел включать ее в альбом. Казалось, что его злость на Джина затуманила его слух.

Однажды мне все-таки пришлось привести его в чувство: «Это твой первый альбом KISS, а для меня он восемнадцатый по счету. Ты поиграешь с нами, а потом уйдешь. Я же останусь с группой. Я буду отвечать за эту запись, поэтому буду поступать так, как считаю нужным».

В выходные я отправился в студию и записал «Psycho Circus».

Альбом обернулся настоящей катастрофой. Питер и Эйс не явились. В любом случае я не думаю, что Брюс использовал бы Питера, так как тот не мог играть ничего сложнее тех собачьих уловок, которым обучил его Томми перед нашим турне. Вместо того чтобы работать, мы все время разговаривали с их адвокатами. Хотел бы я, чтобы их адвокаты могли сыграть на альбоме.

Это вышло бы дешевле.

54

Однажды, ближе к концу турне, я понял, что не могу брать предметы с полки одной рукой, не придерживая ее при этом второй. По возвращении домой я пошел к врачу, который сказал, что мне нужна операция по восстановлению сильно поврежденного плечевого сустава. Я сообщил Пэм, что мне необходима операция. Когда наступил день операции, она поставила меня перед фактом, что завтра у нее прослушивание. Она уже отправила Эвана погостить к ее родителям в Техас на пару недель. «Я не хочу ставить под угрозу прослушивание, — сказала она, — поэтому я останусь сегодня вечером в гостинице и поработаю над сценарием». Пэм отвезла меня домой из больницы и была такова.

Врач, который проводил операцию, отправил меня домой, прописал мне викодин и сказал пользоваться системой охлаждения, которая опрыскивала мое плечо ледяной водой из ведра. Я принял свои болеутоляющие и в течение ночи наполнял ведро ледяной водой, находясь в темном и пустом доме. *Я не мог поверить, что остался один. Не мог поверить, что она сделала это со мной.* Ей хотелось верить, что она отвернулась от своей карьеры ради меня или Эвана, хотя правда заключалась в том, что это карьера отвернулась от нее. Пэм просто не могла найти себе работу. Конечно, проще было во всем винить меня. Разумеется, я был виноват, но не в этом случае. Я мечтал остепениться, а Пэм, хоть и была хорошим человеком, совершенно не подходила для меня в этом плане. Я упрямо хотел воплотить эту мечту с ней, не обращая внимания на то, что с самого начала все факты говорили об обратном. «До того, как я вышла замуж, я могла поехать в Европу, когда захочу», — сказала она однажды. «Ага, — ответил я, — десять лет назад я трахал женщин, чьи имена даже не знал. Отлично. Но те времена прошли». Очевидно, что никто из нас не был счастлив. Пэм дружила с актрисой, чья карьера внезапно пошла на взлет, когда ей было за сорок. Она стала для нее символом — ее успех олицетворял собой победу женщин среднего возраста над стереотипами, с которыми многие из них сталкивались. Мне она не показалась особенно приятной или выдающейся. Ее муж, оказавшийся избалованным богатым ребенком, не способствовал тому, чтобы я проникся симпатией к этой паре.

Эту актрису пригласили на шоу Опры Уинфри. В тот раз на передаче обсуждали, как различным женщинам удалось сохранить баланс между успехом, независимостью и семейной

жизнью. Перед выходом она обратилась ко мне за помощью: «Я не знаю, что мне сказать!». Я на коленке написал для нее какую-то пафосную речь, будто прямиком из заурядного фильма о кунг-фу.

Если представить, что вы дерево, то семья — это ваши корни, и чем глубже ваши корни, тем больше плодов могут принести ветви.

Она действительно выступила по телевизору с тем, что я написал для нее. Опра и публика разразились аплодисментами. Представьте себе изумление публики, если бы они узнали, что речь для этой прогрессивной интеллектуальной женщины написал шовинистский мужлан из KISS?

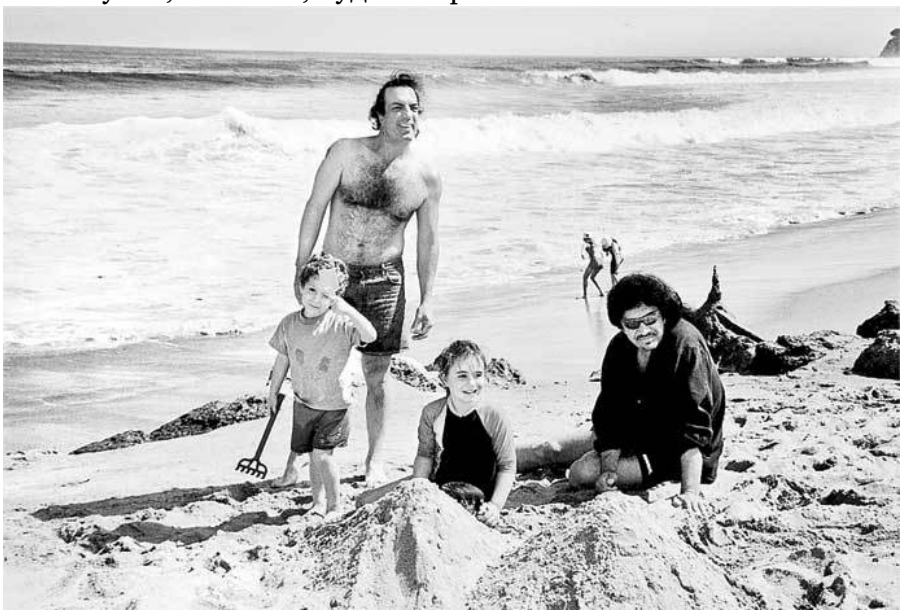
Ванна Уайт, одна из подруг Пэм, порекомендовала нам обратиться к брачному консультанту, к которому она ходила со своим мужем. Он выглядел как кудрявый из шоу «Три балбеса», носил галстук со «Звездными войнами», и весь его кабинет был уставлен сувенирами из вселенной «Звездного пути». Когда мы сидели с нашим кудрявым капитаном, словно в корабле «Энтерпрайз», я подумал, что все это ни в какие ворота не лезет. Кстати, Ванна и ее муж расстались.

Одновременно с тем, как мы впервые попробовали пожить отдельно друг от друга, мы ходили еще к одному психотерапевту. Она заставляла нас делать упражнения: например, мы притворялись, что только что начали встречаться, делали друг другу подарки или рисовали друг другу картинки. Чудесно. Когда мы уже начнем мастерить поделки из бисера?

Консультации продолжались довольно долго, но мне это показалось пустой тратой времени. Возможно, терапевт и желала нам всего самого лучшего, но она должна была действовать прямее. Мы не касались основной проблемы — того, что мы с Пэм были на совершенно разных страницах жизни. Если бы мы это признали, то, возможно, могли бы безболезненно расстаться. Может быть, брачные консультанты иногда должны помогать людям по-доброму разойтись, а не заставлять рисовать каракули друг для друга. В период временного расставания Джин любезно предложил мне поселиться в своем домике для гостей, и я с радостью воспользовался его гостеприимством. Когда я приехал, меня встретили его дети, Ник и Софи. Очень милый жест. Моя комната производила впечатление студенческого общежития — идеальное место для размышлений о жизни.

Несколько месяцев спустя терапевт предложил нам с Пэм снова съехаться вместе, но я не видел в этом смысла и сопротивлялся. Ведь ничего не изменилось, мы не решили никаких проблем. Какой в этом прок? Я неохотно согласился прыгнуть из огня в полымя.

Когда *Psycho Circus* был готов к выпуску, Док организовал для нас хеллоуинское шоу на стадионе «Доджер» 31 октября 1998 года, где начинался тур в поддержку альбома. Мы приготовили настоящее шоу с цирковыми аттракционами на огромной сцене. На разогреве играли Smashing Pumpkins, и по случаю Хеллоуина они вырядились как битлы из 1964 года. Когда я собирался выйти на сцену, Пэм подошла ко мне и сказала, что злилась на меня, поскольку я не уделял ей достаточно внимания и всегда на что-нибудь отвлекался. Она огорошила меня этим признанием, и перед выходом на сцену я принес ей свои самые искренние извинения. Еще один вечер славного светопредставления. Когда занавес упал, казалось, будто взорвалась бомба.



Я с Джином, Софи и Эваном на пляже. Хорошие времена

Мы забронировали номера в Sunset Marquis в Голливуде, чтобы собраться вместе всей группой, а также для того, чтобы у нас было место, где можно было расслабиться после шоу. По завершении концерта мы прыгнули в фургон в гриме и костюмах и направились в отель. Чем ближе мы подъезжали, тем более людно становилось на улицах. Вскоре фургон вообще не мог двигаться — улицы заполонили тысячи людей. Мы совсем забыли о костюмированном параде в честь Хеллоуина. Мы были примерно в семи кварталах от отеля, как вдруг до меня дошло, что мы можем просто дойти пешком. «Давайте пойдем», — сказал я.

Что? Мы же при полном параде!

«Сегодня Хеллоуин. Все в костюмах. Все будет хорошо». У нас

все равно не было выбора. Мы вышли из фургона и пошли по людной улице вместе с разодетой толпой. Однако вскоре несколько человек остановились и уставились на нас: «Ого, чуваки, классные костюмы! Вы действительно похожи на них!» «Большое спасибо!» — сказал я, и мы продолжили путь. Прохожие показывали нам большие пальцы: «Классные костюмы!» Никто не догадывался, что мы были настоящими KISS, которые возвращались с концерта, только что отыграв перед публикой в 40 000 человек.

По ходу *Psycho Circus* Доку, Джину и мне стало ясно, что мы не сможем так продолжать. Эйс хотел заняться своим легендарным сольным альбомом, над которым он работал с 1980-х. Джиджи постоянно отвлекала Питера, нашептывая ему на ухо. Поставить точку во всех вопросах было единственным способом закончить турне. В определенный момент я отвел Питера в сторону и сказал ему: «Что ты творишь? Ты делаешь то, что зарекся делать. Ты больше не тот парень, который радостно воссоединился с группой, обещая, что больше не упустить свой шанс. Ты опять наступаешь на те же грабли».

С музыкальной точки зрения мы регрессировали. Время от времени Эйс играл не в той тональности, даже не осознавая этого. Во время различных турне в честь воссоединения я добивался для себя выходных, чтобы съездить домой и увидеть маленького Эвана. Он оставался моим приоритетом; я считал, что крайне важно установить связь в первые годы. Время от времени ко мне на гастроли приезжала Пэм. Она собиралась прилететь ко мне во Флориду в январе 1999 года, я хотел удивить ее подарком на предстоящий день рождения. Несколько лет назад я подарил ей седан «Ягуар», и пришла пора обновить автопарк. Ей всегда нравился двухместный Mercedes SL, поэтому я решил купить ей его на день рождения. Сделав пару телефонных звонков, я все устроил. Когда Пэм приехала, я сказал ей: «Я приготовил кое-что на твой день рождения, но мне не хотелось, чтобы тебе пришлось ждать. Ты не получишь подарок, пока не вернешься домой, но я хотел, чтобы ты знала: я подарил тебе белый Mercedes 320SL». Затем я вручил ей цветную брошюру, которую носил с собой в ожидании этого момента. «320? — сказала она. — Я не хочу *маленький* Mercedes». О нет. Я просто хотел услышать от нее одобрение. Вместо этого мне пришлось пуститься в объяснение всех подробностей об этом автомобиле: что у 320SL был такой же корпус и интерьер, как и у 500SL, но что при этом в нем был установлен шестицилиндровый двигатель вместо V-8, что не имело никакого значения для ее стиля вождения по городу. Но едва начав объяснять ей все это, я внезапно передумал. Я мог бы

оправдываться, мог бы отменить заказ. Но все это не имело значения. Сюрприз был испорчен. «Не бери в голову», — произнес я.

С днем рождения.

По пути домой с другого этапа турне Пэм сообщила мне, что потеряла обручальное кольцо. Я не мог поверить, что она потеряла кольцо с бриллиантом в пять карат, но она начала рыдать. «Не беспокойся», — сказал я ей.

Я просто купил ей новое.

В день, когда я забрал кольцо у ювелира, я заметил, как Пэм со своими родителями едет по бульвару Беверли. Я помахал им рукой. Не мог дождаться того момента, когда вручу ей кольцо. Я вышел из машины и подошел к ней, показывая украшение. Она посмотрела на него и промолвила: «Ой, дизайн совсем не тот, что я ожидала». У меня словно выбило почву из-под ног.

Неужели я не заслуживаю благодарности? Когда меня погладят по головке, в конце-то концов?

В турне было много сексуальных соблазнов, которые усугублялись еще и тем, как у нас шли дела с Пэм. Когда дело доходило до секса, я был алкоголиком, а гастроли были словно открытый бар. Но если мой брак не ладился, мне хотелось выяснить причину этого. Что было верным для группы (по этой причине я хотел записать альбом с четырьмя парнями из оригинального состава), то же самое было верным и для моего брака: если я собирался бросить что-то, важно знать, что перед этим я сделал все от меня зависящее. Я не хотел, чтобы потом меня мучил вопрос «А если?». Я не хотел мучиться вопросами, распался ли мой брак из-за измены, поэтому я не изменял. Я бы возненавидел себя за это. Так я бы подтвердил самые худшие догадки о самом себе. Это была удручающе знакомая ситуация. Разлад в группе, разлад дома, чувство одиночества, ненависть к каждому дню за беспорядок, который я создал.

55

В конце 1998 года мне позвонил мой представитель из агентства талантов.

— Вы интересуетесь театром?

— Может быть, — ответил я.

— Как смотрите на то, чтобы пройти прослушивание.

— Прослушивание куда?

— «Призрак оперы».

Вот это да! Призрак!

— Я в деле! Где и когда?

Я сразу понял, что это был такой трюк — привлечь кого-то вне театрального мира, чтобы стимулировать продажи билетов. Меня пригласили на прослушивание только из-за моей популярности, но это меня ничуть не оскорбило. Ведь речь шла о «Призраке»! Музыкант в маске, чье изуродованное лицо было раскрыто. Шоу, от которого у меня были мурашки десять лет назад в Лондоне. *Призрак!*

Но я бы никогда не согласился на прослушивание, если бы это перечило планам группы. Однако у нас выдался небольшой перерыв по завершении турне *Psycho Circus*. И пройдет еще много времени, прежде чем я подумаю о создании нового альбома. Очень-очень много времени. В случае, если бы я успешно прошел прослушивание, то получил бы эту роль в мае 1999 года. Гастроли *Psycho Circus* продолжалось до конца апреля, а затем мы были свободны до 2000 года, когда должны были отправиться в прощальный тур, который все еще был на стадии планирования. Кто знал, что будет после этого? Музыкальный театр был сферой, которую я хотел исследовать, — возможно, очень скоро мне потребуется запасная сцена.

Весь январь 1999-го у KISS выдался свободным перед тем, как мы должны были выступить на шоу перед Суперкубком 31 января. Предполагалось, что прослушивание пройдет в Нью-Йорке, поскольку все главные участники шоу должны были пройти прослушивание и подписать бумаги в присутствии Харольда Принса (американский продюсер и режиссер, один из крупнейших мастеров музыкального театра второй половины XX века, прославившийся благодаря своим бродвейским постановкам. — Прим. пер.) и его коллег, которые проводили кастинг по всему миру. Неважно, насколько большая ты рок-звезда, они не собирались рисковать франшизой на миллиард долларов.

Я потратил недели, репетируя три песни, которые

требовались для прослушивания. Роль Призрака очень много значила для меня, поэтому я хотел как можно лучше контролировать ситуацию с прослушиванием, чтобы добиться лучших результатов. Я понял, что вокал будет одним из определяющих факторов для получения роли. Наконец-то придя на прослушивание, я позволил себе немного поболтать с персоналом, а также пофлиртовал с женщиной, которая была там, чтобы спеть со мной роль Кристины. Люди сидели за столами, словно судьи на Олимпийских играх. Казалось, они только и ждали момента, чтобы показать карточку с оценкой после моего выступления. Я поговорил с ними и отчебучил пару шуток. Понимая, что у меня есть лишь один шанс, я дождался момента, когда мне станет комфортно, и приготовился.

Только не профукай эту возможность.

Закончив свой номер, я понял, что блестяще справился. Вскоре после этого мой агент связался со мной и сообщил, что роль моя.

Чтобы все было официально, после возобновления *Psycho Circus* я созвал пресс-конференцию. Пока я разговаривал с журналистами, в моей голове вертелась одна мысль: «Черт, я в полной заднице. Теперь мне ни за что не отвертеться». Это будет испытание огнем, потому что между окончанием гастролей и моим дебютом в качестве Призрака пройдет очень мало времени. Во время прослушивания я как следует напряг свой голос, но мог ли я делать так каждый вечер?

Мне пришлось полностью вызубрить пьесу во время турне. Я запоминал мелодии и слова в часы простоя или на выходных и проверял себя на концертах KISS. Я пел песни, стоя на краю сцены, всякий раз, когда у меня выдавалась свободная минутка: например, когда другие участники группы исполняли свои соло. Я решил, что если посреди всего этого бедлама и хаоса у меня получится сосредоточиться, то я действительно выучил материал.

KISS завершили турне *Psycho Circus* в Мехико. Сразу после шоу я постригся и направился в Торонто. Репетиции начались незамедлительно и проходили в студии, которую использовали театры и местная балетная трупа. В первый день меня встретил один-единственный человек — музыкальный руководитель шоу. Он показался мне слегка нервным типом, и было ясно, что мы из разных музыкальных кругов. Я был почти уверен, что он воспринимал меня как какого-то оборванца, который пришел сюда, чтобы осквернить святая святых театра. Первым, что он спросил, было: «Где твой сценарий?» «Я выучил его наизусть», — сказал я. Он посмотрел на меня как на сумасшедшего. Я сказал ему: «Можете считать меня паршивой овцой, но если скажете, что

от меня требуется, я сделаю это». Он сел за пианино, и мы начали работать вдвоем. Это была самая тяжелая работа в моей жизни.

Шесть часов. Каждую ночь я возвращался домой, вырубившись на заднем сидении такси, истощенный эмоционально — из-за того, что требовалось петь непривычным для меня образом, а также физически — из-за самой постановки. Будь я проклят, если превращу все в пародию на «Шоу ужасов Рокки Хоррора». Это был большой настоящий спектакль с захватывающей историей, и я не собирался делать из него рок-версию. Почти сразу же определенные вокальные пассажи вызвали у меня некоторые проблемы. Я должен был разобраться с контролем дыхания и заставить себя работать с песнями, которые не принадлежали мне. Я думаю, что на подсознательном уровне ты пишешь песни, которые сможешь исполнить. Теперь же я пел строки, которые касались вещей, выходящих за рамки моего опыта, вещей, которые не были индуктивными. Оставалось всего несколько недель до того, как мне предстояло выйти на сцену, и я решил, что мне не помешает помощь. Раньше мне не особо везло с учителями по вокалу, потому что они, как правило, пытались полностью переделать манеру моего исполнения. Они использовали шаблонный подход и учили вокалистов этим неестественным псевдо-оперным голосам, не обращая внимания на вокальную основу, которую люди сформировали естественным образом. Вы часто можете услышать такой вокал в группах, которые поют об убийстве драконов и другой фэнтезийной мути. После встречи с одним из таких типичных учителей я обратился за помощью к музыкальному директору шоу. Он рекомендовал мне Джеффри Хуарда, предыдущего музыкального директора «Призрака».

Джеффри оказал мне неоценимую помощь и поддержку. «Тебя наняли из-за твоей манеры исполнения, — сказал он. — У тебя потрясающий голос. Мы не собираемся менять твой “движок”, а просто слегка настроим его». С того момента в утренние часы перед репетициями я работал с Джеффри над моей техникой и самообладанием. Мы с ним прошлись по упражнениям и гаммам, он помог мне с фонетикой и произношением, которые использовались в музыкальном театре. На ежедневных репетициях я носил футболку, джинсы и плащ и использовал обычные вещи в качестве реквизита. Вот тебе метла — представь, что это весло. Вот картонная коробка — играй на ней, будто это орган. Если бы силы моего воображения хватило на то, чтобы превратить все это в нужные объекты, то в реальности впечатление усилилось бы, когда я окажусь на сцене с настоящим реквизитом.

Театр «Пантаджес», где проходило шоу, представлял собой прекрасную отреставрированную площадку с оркестровой ямой и навесом над входом снаружи, на котором красовалось мое имя. Все вот-вот случится! За несколько дней до премьеры, когда мы начали репетировать ключевые сцены в театре с оркестром, я внезапно оглох на правое ухо. Я не знал, что с моей глухотой будет так сложно справиться. Оркестр находился достаточно далеко, и я пел достаточно громко, так что было тяжело улавливать звук со сценических мониторов и не отставать от оркестра. Но пару раз выставив себя идиотом, я довольно быстро понял, что к чему. Ближе к концу репетиции пара женщин из театральной труппы пришла, чтоб поглазеть на нас. Когда я закончил последний акт, они были в слезах.

Это хороший знак…

Или я был настолько ужасен.

Мне говорили, что Призрак — самая одинокая роль в представлении, потому что большую часть времени он находится на сцене один, а остальные актеры — за кулисами. Когда же Призрак уходит за кулисы, остальные актеры выходят на сцену. Так что Призрак практически ни с кем не взаимодействовал.

А затем наступил вечер премьеры, и я ждал за кулисами своей первой сценки, прячась за зеркалом.

Единственный способ выкарабкаться из этого — выступить. Я буду свободен, как только опустится занавес.

Не было никакого монтажа, никаких повторных дублей, никаких нарезок на разные камеры. Такие дела. Я воспользовался методами визуализации, с которыми мне помог Джеффри, и пускай в тот вечер я показал далеко не все, на что я был способен, тем не менее я не ударил в грязь лицом. Когда я привык, то начал получать удовольствие. Было приятно концентрироваться и полностью вживаться в роль, хоть я и заметил, как кто-то в зале показывал «козу» во время премьерного показа.

Затем настал черед той самой цены, которая заставила меня ахнуть, когда я впервые увидел ее: Кристина срывает маску с Призрака. Я съежился, когда она сняла мою маску, демонстрируя всем вокруг ужасный грим под ней. Я хорошо знал эту сцену. Это была сцена, которой я боялся всю свою жизнь: пристальный взгляд уставился на Стэнли, одноухого монстра. Предан и разоблачен. Но потом… Кристина сообщает Призраку, что его лицо «не вселяет в нее ужас». Настоящий ужас кроется в его *душе*. Когда она наконец отдается ему, это Призрак отскакивает, не в состоянии удержать ее.

Выступая с KISS, я постоянно взаимодействовал с аудиторией, доводил их до определенного уровня возбуждения, руководил

ими, подначивал их. Теперь я полностью игнорировал публику. Люди в театре должны были поверить в то, что я делал, и я не мог их заставить, подмигивая им со сцены. Я игнорировал аудиторию, отгонял от себя чувство, что я играю, и просто жил своим персонажем, пытаясь найти истину здесь и сейчас. Именно поэтому шоу тем вечером, как и почти каждое шоу после этого, закончилось тем, что по мне ручьями струился пот. И слезы.

После премьерного вечера весь актерский состав начал относиться ко мне очень тепло. Я чувствовал, что они оценили мою отдачу. Из постороннего человека я стал капитаном команды. Пускай меня и наняли из-за моей славы рок-звезды, но пока билеты на шоу раскупали, по восемь выступлений за неделю, я помогал обеспечивать работой сотни людей. На одно из первых шоу пришли мои родители. Я почувствовал, что игра в театре поможет мне утвердиться в их глазах. Несмотря на все противоречивые чувства, которые я испытывал к своим родителям, в тот момент я понял, что всегда стремился получить от них одобрение. И когда они стали свидетелями стоячих оваций в мою честь, это было божественно.

Джин также пришел на мюзикл. Такое ему было не по вкусу, но шоу поразило его. В мою гримерную после шоу он зашел со словами: «Где ты научился так петь?» Питер тоже присутствовал. Он показал ту часть себя, которую я редко видел. После выступления мы отправились есть суши, и Питер сиял от радости, повторяя, что гордится мной. Время от времени от него исходили вспышки тепла, будь то в начале нашей карьеры или на первых порах турне в честь воссоединения, но его незащищенность делала его слишком осторожным и замкнутым, вытесняя тепло и открытость. В тот вечер, вдали от группы, когда ему ничего не угрожало, находиться с Питером было действительно приятно. В кои-то веки я чувствовал себя с ним как со старым другом.

Возвращаюсь на сцену театра «Пантаджес» в Торонто, где я играл в «Призраке оперы» с 1998 по 1999 годы

Мой сын Эван тоже пришел на шоу. Ему еще не было пяти лет, а мое лицо по сюжету мюзикла было довольно пугающим. Поэтому я отвел его в свою гримерную в театре «Пантаджес», чтобы он посмотрел, как наносят мой грим во время предварительной постановки шоу. Я хотел, чтобы он знал, что это был я под всем этим гримом. Думаю, это немного расслабило его. В один момент он посмотрел на меня и сказал: «Я люблю тебя, папочка». «Это все еще я, — сказал я. — Это просто макияж. Я тебя тоже люблю». Что-то в этом роде я делал перед гастролями *Psycho Circus*. Я решил, что в четыре года Эван наконец-то стал достаточно взрослым, чтобы посмотреть наш концерт, но я волновался, что он увидит меня в гриме без предупреждения. Поэтому перед турне я взял свою коробку с косметикой домой, и мы играли с ней вместе. Я показала ему, как рисую на лице звезду, а также продемонстрировал ему свои

фотографии в полном образе. Мне хотелось, чтобы он связал все воедино, прежде чем увидеть меня на сцене.

После того, как Эван увидел меня в Призраке, он начал петь песни. Я достал ему детский костюм Призрака с маской, и он бегал в нем и пел. Каждый вечер, когда я перевоплощался в этого персонажа, мне открывались вещи, спрятанные глубоко внутри меня. Маска, скрывающая обезображенное лицо. Она преследовала меня. Призрак ошибся. Кристина в ужасе отшатнулась не от его лица, а от его души. Возможно ли, что Призрак был в некотором роде… Мной? Маска, скрывающая обезображенное лицо. Почему я никогда не противостоял врожденному дефекту, который бросил тень на всю мою жизнь? Почему я сжался в страхе перед ним? Почему я позволил ему помешать мне делиться с радостью с людьми, обнимать их? Что лишило меня полноты жизни? Маска, скрывающая обезображенное лицо. Неужели проблема поселилась и в моей душе? А если так, то как мне изгнать ее оттуда?

56

Планировалось, что я буду предпоследним Призраком перед тем, как этот мюзикл, который десять лет показывали в Торонто, снимут с репертуара. Но все пошло так хорошо, что театр выкупил контракт актера, который должен был меня заменить, и я отыграл свою роль до самого последнего шоу в октябре 1999 года. Злопыхания недоброжелателей лишь заводили меня, но особенное удовольствие мне приносило переворачивать сознание зрителей, считавших, что я просто какой-то придурок, который вознамерился испортить их любимый мюзикл. Конечно, случались и осечки. Однажды, во время сцены, где мой персонаж, облачившись в капюшон, пел «Point of No Return» — умиротворенный момент, при котором присутствовали только Призрак и Кристина, я напрочь забыл слова песни. Я шел навстречу девушке, пел соло, и слова вылетели у меня из головы. Из опыта рок-концертов я знал, что аудитория замечает твою реакцию на ошибку больше, чем саму ошибку, поэтому я просто продолжил петь тарабарщину. В конце концов я пришел в себя. После шоу я увиделся с Мелиссой Дай, великолепной женщиной с невероятным голосом, которая сыграла Кристину. С Мелиссой было приятно работать, а ее поддержка и дружба невероятно облегчили мой опыт в новом амплуа. Плюс между нами было что-то такое, что при других обстоятельствах я определенно бы развил глубже. «Ну не удивительно ли?» — сказал я ей. «Что?» — ответила она. «Я просто пел всякую ерунду во время “Point of No Return”». Мелисса выглядела смущенной. Она даже не заметила. Другие люди из актерского состава признались, что у них был подобный опыт, и они пели о цыплятах и утятах — обо всем, что приходило в голову.

Перед шоу я получал письма, которые отправляли мне на адрес офиса театральной труппы. Я получал удовольствие от их прочтения. Одна женщина писала, что это был ее любимый мюзикл, и она неоднократно ходила на него. На день рождения сестра подарила ей билеты на это шоу. Когда она узнала, что главную роль исполнял я, то была разочарована. Она ожидала худшего, но к концу мюзикла была совершенно очарована. Она хотела, чтобы я знал об этом.

Другое письмо, которое я получил от Анны Пиледжи, сотрудницы AboutFace, изменило мою жизнь. После просмотра «Призрака» в моем исполнении она сказала, что еще никогда не видела, чтобы актер так отождествлял себя с персонажем.

Ничего себе.

Конечно, я отождествлял себя с персонажем — маской, скрывающий обезображенное лицо, но как она это поняла? Я редко упоминал, что одно время вместо хирургически созданного уха у меня на голове торчал обрубок. Мне казалось, что она приоткрыла завесу и увидела настоящего меня. Она знала мой секрет. Далее в своем письме женщина рассказывала об организации AboutFace, которая помогала детям с различными особенностями лица. Она спросила меня, хотел бы я побольше узнать об организации и, возможно, сотрудничать с ними? Я набрал ее номер.

Меня сразу же поразило, как глубоко она понимает молодых людей, которые страдают от особенностей своей внешности. Конечно, она не знала моего секрета, хотя я сразу же решил рассказать ей о своей микротии и об операциях, которые перенес. Теперь, взглянув на меня с профессиональной точки зрения, она, возможно, осознала, что боль, которую я изображал на сцене, берет начало из реальности. Она рассказала о некоторых программах, которые проводила организация. Под конец она спросила, могу ли я рассказать детям и их родителям о своем опыте. Возможно, это был шанс исцелить свою душу. Я сделал глубокий вдох и произнес: «Да».

Пока я находился в эпицентре боли и хаоса, мне было невыносимо говорить о своем врожденном дефекте. Однако моя жизнь поменялась, и теперь обстановка располагала к тому, чтобы быть открытым. Наверное, можно было бы поговорить с детьми и просто поднять им настроение на правах так называемой знаменитости. Но я знал, что не собираюсь этого делать. Я не собирался просто болтать с детьми. Я хотел раскрыть что-то в себе. Для меня это была возможность получить что-то, поделившись с людьми тем, что я пережил. Я согласился пойти в офис AboutFace и встретиться с группой детей и их родителями. Перед этой первой встречей я чувствовал определенное беспокойство, но мое непреодолимое и при этом нереализованное желание сделать это затмило любой страх. Я не знал, чем обернутся первоначальные переговоры, но твердо был уверен, что просто обязан сделать это. Каким бы удручающим мне ни казалось собственное состояние, из разговоров с Анной я понял, что многие из этих детей сталкиваются с гораздо более серьезными лицевыми особенностями. Мне не хотелось, чтобы они думали, будто я поставил себя с ними в один ряд, но я хотел, чтобы они знали, через что я прошел эмоционально и где в итоге оказался. Когда окружающие люди были вынуждены вести себя так, будто мое ухо и моя глухота не представляют из себя ничего особенного, это, как ничто другое, усиливало чувство

отчуждения. Такое отношение не помогало мне справиться с реальностью, с которой я сталкивался каждый день. Я хотел объяснить, что моя жизнь была тяжелой, одинокой и полной боли. Я хотел, чтобы они признали: им будет нелегко. Возможно, что никто до меня не говорил им этого. Возможно, для них было бы глотком свежего воздуха услышать: «Да, для человека с дефектами лица успеха достичь труднее, счастье найти сложнее и преимуществ у него меньше». Я также надеялся достучаться до родителей детей, чтобы те также признали все это. Я хотел убедить их, что дело не в жестокой любви. Речь шла не о том, чтобы зарыть голову в землю.

Как только я начал публично говорить о своем ухе, я почувствовал, будто гора свалилась с плеч. Я понял, что невозможно ценить других людей, покуда ты сам погружен свои страдания. Возможно, именно это имела в виду Кристина, когда говорила про душу Призрака. Внезапно я совсем иначе начал смотреть на мир. Помощь другим помогла мне исцелиться. Я почувствовал себя свободным от чего-то всепроникающего, что причиняло мне боль на протяжении всей жизни. Простое разъяснение правды этим детям и их родителям сделало меня свободным. Чем больше я работал с AboutFace, тем лучше я себя чувствовал.

В конце концов мы разработали целую образовательную программу, чтобы попытаться помочь детям, у которых не было никаких лицевых особенностей, изменить свое отношение к тем, у кого эти особенности присутствовали. В видеопрезентации я попросил детей представить, будто они пришли в школу, надев футболку, которая им очень нравилась, но потом поняли, что окружающие смеются над их футболкой. «Вы можете вернуться домой и надеть что-нибудь другое, — объяснил я. — Но дети с особенностями лица не могут изменить свое лицо». Я еще никогда не был таким спокойным и сосредоточенным, как в те месяцы в Торонто.

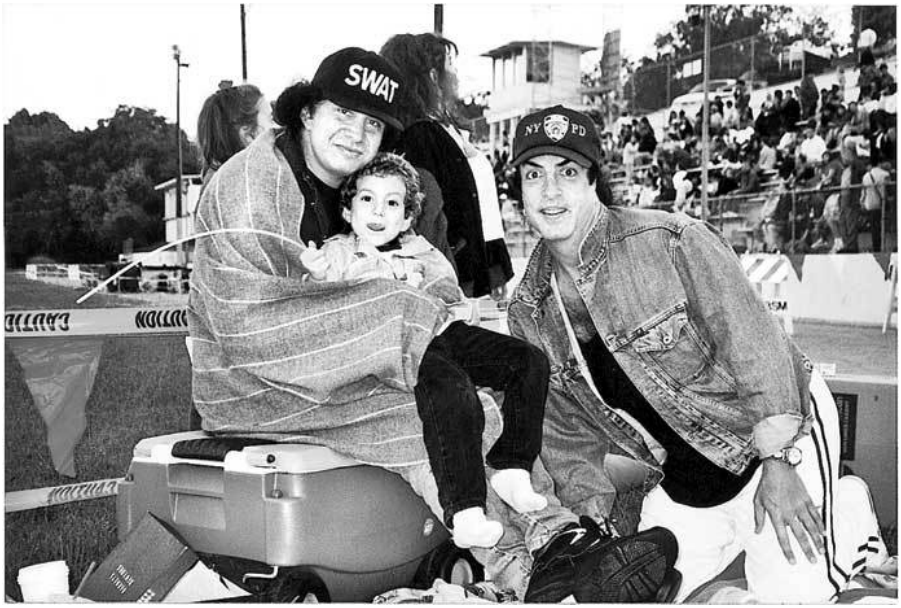
С одной стороны, я наконец-то начал борьбу со своим врожденным дефектом, а с другой — пришлось прикладывать много мыслей, усилий и дисциплину. Какова бы ни была причина, в результате я полностью освободил себя и теперь мог взглянуть на свою жизнь и свои отношения со стороны, с той объективностью, которая невозможна, когда тебя что-то заботит. Это было время для самооценки и, возможно, для обновления. Я всегда думал, что в моем браке вот-вот случится прорыв. Мы с Пэм наконец-то сломаем стену недопонимания и окажемся в прекрасном мире по другую сторону. Затем, однажды вечером, сидя в отеле после очередного шоу «Призрака», я внезапно понял:

вместо того чтобы ломать стену, мы бились об нее головой. *Нет никакой другой стороны.* От осознания этого у меня заныло сердце. Вдобавок я понял, что не мог выйти из сценария, который наблюдал у себя дома, когда рос. В некотором смысле Пэм была очень похожа на мою маму. Отстраненная и холодная, скупая на поддержку и на похвалу. Для меня было шоком понять, что мой собственный брак развивался по тому сюжету, которого я всеми силами пытался избежать.

По возвращении в Лос-Анджелес у меня также созрели вопросы к отцу. Казалось, что некоторые кусочки головоломки отсутствовали, и я так и не смог разобраться с некоторыми чувствами. По мере того как мой отец становился старше, мне стало ясно, что наступит день, когда у меня уже не будет возможности попросить его восполнить пробелы. Однажды, когда он гостил у меня, я сказал ему, что, размышляя о будущем, я часто вспоминаю прошлое и хотел бы задать ему несколько неудобных вопросов. К счастью, он согласился мне помочь. Поэтому я спросил его о том дне, когда моей мамы не было в городе, и он пришел домой поздно, источая запах выпивки, и сказал мне, что мы все совершаем поступки, о которых сожалеем. «Что все это значило?» — спросил я его.

Он сделал паузу. А затем сказал: «Я любил другую женщину». Я был поражен. Я не мог вспомнить ни единого случая, чтобы он говорил, что любит мою маму. Он рассказал мне, что на протяжении десятилетий у него была другая девушка. Ради нее он хотел оставить свою семью, но не пошел на это. Я живо вспомнил тот случай, когда мой отец с пренебрежением ответил, услышав, что я хочу обратиться за помощью к психотерапевту: «Ты думаешь, что у тебя одного проблемы?». Теперь я понял, что ему просто не хотелось присутствовать на сеансе, поскольку он вел двойную жизнь. Лжец.

Мой живот начал сжиматься, но я старательно пытался скрыть свой шок и изумление. Мне хотелось услышать всю правду. «Она научила меня любить», — продолжил он. Это было за гранью разумного. На меня нахлынул скептицизм. Любовь была чем-то, что ты создаешь постепенно, разделяя опыт с другим человеком. Мой папа никогда не проводил долгие ночи вдали от дома, поэтому мне показалось странным, что он защищался этой ценностью — *любовь*! В его жизни она не подвергалась годам испытаний. В этой ситуации он находил романтику и искупление, вместо того чтобы назвать вещи своими именами — это был лишь секс, который зачастую не нуждается в каком-либо оправдании. Конечно, невозможно оправдать супружескую измену, хотя мой отец старался изо всех сил.



Празднование четвертого июля. Дядя Джин держит Эвана на руках. 1999 год, когда мы с Пэм были в разлуке

Ясно было одно: это было доказательство той атмосферы, которая царила в моем детстве. Чем больше отец говорил, тем явственнее я понимал, что та недосказанность, конфликты и напряжение, с которыми я рос, не были плодом моего воображения. Я не рассказывал Пэм об этой беседе с моим отцом. Да, разговор получился невероятно откровенным, но я больше не чувствовал Пэм своей второй половиной. Рассказать ей было все равно, что разболтать секрет. Я хотел говорить об этом, но только не с ней. Во всяком случае, этот разговор с моим отцом побудил меня избегать повторения ошибок, свидетелем которых я был в детстве.

Я не хотел прозябать в браке без любви. Домой из Торонто я прилетел полным воодушевления, но, вернувшись в родные стены, я не чувствовал себя как дома. Всякий раз, когда я пытался поговорить с Пэм, она жаловалась, что между нами нет близости, указывала на какую-нибудь проблему извне, либо сваливала все на меня, припоминая мне все случаи, когда я не оправдал ожиданий. Большинство вопросов, которые она поднимала, были связаны с бытовыми проблемами, основополагающими вещами, которые сопровождали жизнь, но не теми проблемами, которые разрушали наш брак.

Наконец я высказал ей мысль, которая, как мне показалось, очень четко и ясно выражала главную правду жизни: «Ты сама

решаешь: быть тебе счастливой или уйти». Это забавно. Несмотря на то, что мы и раньше расставались, мне показалось, что если я сделаю выбор максимально простым и понятным, то ответ будет очевиден: она выберет счастье. Я был удивлен, когда в конце концов она приняла решение уйти. Оглядываясь назад, я понимаю, что, не считая Эвана, это был величайший подарок, который она для меня сделала. Мне не хотелось, чтобы Эван столкнулся с разводом, пока я был в отъезде. Поэтому, прекращая наши отношения, мы с Пэм договорились подождать год, когда у меня будет свободное время после завершения надвигавшегося турне.

Часики тикали. Вскоре и моему браку, и моей группе придет конец. В моей жизни все резко изменилось, когда KISS отправились в прощальный тур в марте 2000 года.

57

Каждый день Питер вешал табличку, отсчитывая количество дней, оставшихся до конца прощального турне. Он начал рисовать слезу под глазом. Мне казалось, что из-за этого он стал похож на Грустного Вилли, знаменитого персонажа клоуна Эммета Келли, который гастролировал с цирком братьев Ринглинг, Барнума и Бейли. В остальном, глядя на его макияж, создавалось впечатление, будто он забыл, как это делается. Он смахивал на панду с большими прямоугольниками вокруг глаз.

Гастроли были ужасными. Постоянная рутина и страдания. Мы потратили всю нашу энергию, выманивая Питера и Эйса из гостиничных номеров. На одном из концертов Эйс исподтишка ударил Томми. Питер все таскался со своим справочником, в котором описывал, как персонал отеля должен с ним обращаться, какие окна должны быть занавешены фольгой, и все в таком духе. Ни одно из его требований не имело смысла. Мы никогда не знали, сможем ли попасть на концерт вовремя, а выйдя на сцену, мы не знали, получится ли у нас отыграть концерт. Посудите сами: если у парня проблемы с нанесением макияжа, то как он собирается играть? Неудивительно, что некоторые концерты получились довольно ужасными. Я был зол на Питера и Эйса за то, что они неуважительно относились ко всему, чего мы достигли и что фанаты доверили нам.

Ко мне пришло осознание, что это конец. Конец KISS. Некуда было больше идти. Это было невыносимо. В музыкальном плане мы тоже зашли в тупик — в основном мы играли те же семнадцать песен, которые Питер и Эйс выучили перед нашим воссоединением. Это был уже третий тур с одинаковым сет-листом. Питер с Эйсом просто не могли потянуть нечто большее. Терпение было на исходе. Мне приходилось придумывать бессмысленные ответы на вопросы, почему мы играем одни и те же песни. Я ведь не мог просто сказать: «Потому что Питер и Эйс не могут выучить что-то другое».

Однажды во время шоу Док МакГи попытался привлечь мое внимание, стоя у края сцены, тыча в меня пальцем и зажимая нос. Чего это он? «Ты лажаешь!» — заорал он. Я подошел к нему во время перерыва между песнями: «Что ты сказал?» «Ты лажаешь!» — повторил он. «Чертов Питер играет слишком медленно», — сказал я ему. Док пробежал за барабанной стойкой и сделал тот же жест в сторону Питера: «Питер, ты играешь слишком медленно!» «Ну, так и они тоже! — крикнул Питер в ответ. «О чем ты говоришь? — закричал Док. — Ты ведь гребаный барабанщик!»

На другой вечер у Питера была новая проблема. Внезапно он перестал играть в середине песни — просто поднял палочки и уставился на меня как истукан. Я заорал: «Играй!» и начал топать ногой, чтобы он хотя бы снова начал бить в барабаны. Это был не единичный случай. Один известный музыкант, который много раз бывал на наших концертах, подошел ко мне однажды и сказал: «Я больше не могу приходить на ваши шоу. Это слишком больно слушать». Хуже всего было читать разгромные рецензии на концерты и мысленно соглашаться со всем написанным. Было так стыдно, потому что мы могли быть великолепными. Очень горько было осознавать это, учитывая, что у нас были все шансы играть великолепно. Закулисные драмы, враждебность, обиды, удары в спину привели к тяжелым музыкальным последствиям. А потом были наркотики. Когда Эйс допускал много ошибок во время выступления, мы шутили, что он намешал лишнего в свое зелье.

Было бы так здорово уйти в лучах славы, но вместо этого мы кое-как волочили свои задницы. В определенный момент мы договорились выделить несколько дней, чтобы освежить в голове песни и привести себя в порядок. Эйс не появился ни на одной из репетиций. Он сказал, что плохо себя чувствует, потому что у него болезнь Лайма из-за укуса оленьей кровососки. Питер, будучи в своем репертуаре, сказал: «Это чушь собачья! Его никогда не кусали олени!»

В какой дурдом меня занесло?

11 августа 2000 года, после недельного отдыха, у нас было запланирована шоу в Ирвайне, штат Калифорния. Всю неделю Эйс провел в Нью-Йорке. У нас было правило, что если кто-то собирался добираться до места проведения концерта коммерческим рейсом, то он должен прибыть за день до концерта, просто чтобы подстраховаться в случае плохой погоды или другого форс-мажора. Нам очень не хотелось отменять шоу.

За день до концерта в Ирвайне Томми организовал лимузин для Эйса, чтобы забрать его и отвезти в аэропорт. Он всегда заказывал лимузин на пару часов раньше, потому что вытащить Эйса из дома было такой же сложной задачей, как выманить его из отеля. Мы уже собрались и пинали балду, ожидая новостей от Эйса. Встреча с ним была запланирована на 12:00 по североамериканскому восточному времени. В полвторого ночи Томми позвонил водителю лимузина: «Мистер Фрейли уже с вами?». «Эм, сэр, он еще не вышел из дома». Прошло еще полчаса. Томми и Док пытались дозвониться до Эйса, набирая его домашний телефон, но безрезультатно. На пятый раз он наконец снял трубку. «Эйс, ты должен сесть в машину, иначе опоздаешь!» — «Есть проблема… Кхм… Я болею». Миллионы оправданий. Мы

без конца бронировали Эйса на все более поздние рейсы. Лимузин из раза в раз подъезжал к его дому. Сначала в семь, а потом в восемь вчера. «Пассажир не выходит из своего дома, сэр», — каждый раз сообщал водитель лимузина. Томми снова удалось дозвониться до Эйса. «Сегодня вечером еще один рейс, последний». «Хорошо, в этот раз обещаю», — сказал Эйс. Но вот опять в назначенное время ничего не произошло. «Пассажир не выходит из дома, сэр». Рейс пропущен. На следующий день было шоу. А в это время Эйс находился на другом конце страны. Однако каким-то образом утром он добрался до аэропорта, где его встретили и проводили в самолет.

Серьезную проблему представляли пробки на дорогах по пути из международного аэропорта Лос-Анджелеса до места проведения концерта. Поэтому мы организовали вертолет, который должен был забрать Эйса из четвертого терминала и доставить его к месту проведения концерта. Таким образом он бы как раз успел к началу шоу. Затем нам позвонили: «Есть хорошая новость и плохая. Хорошая новость в том, что Эйс сел в самолет. Плохая же новость заключается в том, что у самолета возникли технические проблемы, и он задерживается». В этот момент Док велел Томми бросить все свои дела и ехать к нам. Теперь ему предстояло выступить на концерте. В качестве страховки мы путешествовали с костюмом Инопланетянина, подогнанным специально под Томми. Совершенно новый наряд, ботинки и все остальное, сделанное специально для Томми, всегда хранилось в одном из ящиков гардероба. Мы знали, что Томми сможет выручить нас, но ему еще не представлялось такой возможности. «Вы как супергерои, — сказал Док. — А значит, Томми Тейер сегодня выступает в роли Бэтмена. Со стороны не отличишь, кто в костюме». Томми накрасился и оделся. А меж тем мы получали обновления о местонахождении Эйса по мере того, как шоу близилось к своему началу. Он приземлился… Пассажир в вертолете… В пятидесяти милях отсюда.

Эйс вошел в раздевалку примерно за двадцать минут до начала шоу. Он посмотрел на Томми, который был при полном параде и с гитарой, готовый выйти на сцену, и просто сказал: «Эй, Томми, как дела?»

Мы задержали концерт на час, Эйс принялся за макияж, и мы вышли на сцену. Тот факт, что мы путешествовали с костюмом для Томми, похоже, совсем не беспокоил Эйса. Он думал, что это уловка — нечто среднее между шуткой и пустой угрозой. Но мы на сто процентов были готовы продолжать с Томми. Мы попросили его одеться не для того, чтобы преподать Эйсу урок, мы сделали это потому, что у нас на носу был концерт и нужно

было играть. Такое же безрассудное поведение, которое привело к нашему падению длиною в десять лет, теперь угрожало потопить корабль под названием KISS. У нас имелся спасательный круг. Тем не менее Эйс продолжал думать и вести себя так, будто он незаменим. Он продолжал демонстрировать полное пренебрежение ко всем остальным, словно мы должны были молиться на него. Он поздравил сам себя с тем, что успел к началу концерта.

«Так не пойдет, — сказал Док мне и Джину. — Эти парни просто катастрофа, а я управляю частной компанией, а не Красным Крестом. Я не подписывался восстанавливать города после бомбежки. Я не спасаю людей. Вы должны внести изменения». Тем не менее мы с Джином цеплялись за нашу концепцию об оригинальном квартете. «Вы уже дали этим ребятам на три года больше, чем надо бы», — сказал Док.

Мы решили отправиться на прощальные гастроли в Азию в начале 2001 года. Эйс был в деле. Я лично предложил Питеру миллион долларов, чтобы он отыграл с нами восемь концертов в Японии в марте 2001-го. Он принял гениальное деловое решение — отказался.

«Питер, — сказал я ему, — я хочу, чтобы ты понял: либо ты получаешь миллион долларов, либо остаешься ни с чем, и поезд уходит без тебя». Он не изменил своего решения. В очередной раз перечить мне было для него важнее, чем получить семизначную сумму. Тогда я предупредил его, что позвоню Эрику Сингеру.

«Поклонники вам этого не простят, — сказала Джиджи, которая потом стала женой Питера. — Питер самый талантливый в группе».

Я просто сказал: «Хорошо».

Я был верен своему слову и позвонил Эрику Сингеру. К удивлению Питера, тур продолжился. Эрик носил макияж Кота. Тогда стало ясно, что идея с четырьмя оригинальными персонажами с самого начала была ошибкой, и мы не собираемся наступать на те же грабли. Кот, Демон, Инопланетянин и Звездный Мальчик были гораздо важнее Питера, Джина, Эйса и Пола. Никто в KISS не является незаменимым, это относится и ко мне. Во всем мире люди могут узнать по фотографии группу KISS, не зная при этом никого по имени. Значит, так тому и быть.

Перед нашей поездкой в Японию Джин и Эйс собрались вместе с Эриком в Лос-Анджелесе, чтобы порепетировать. Играть без Питера было настоящим освобождением, словно глоток свежего воздуха. Питер вел себя маргинально с самого начала воссоединения, и с тех пор его игра только ухудшалась. Его барабанные соло были посмешищем. А Эрик ненавидел

барабанные соло. Такие вещи говорят все, что нужно знать об Эрике.

Без Питера наш музыкальный стандарт быстро пошел в гору. Даже Эйс начал наматывать упущенное, когда играл вместе с Эриком. Несмотря на это, я не был уверен, какой будет реакция фанатов. То же самое сомнение я испытывал много лет назад, когда мы сняли грим. Оказалось, что фанатам, похоже, было все равно. Никто не обвинял нас в жульничестве с подменой. На каждом шоу мы представляли Эрика по имени, и он получал в награду аплодисменты, которые по праву заслуживал за свою игру. Никто не заставлял людей под дулом пистолета идти покупать билеты, и все же посещаемость была такой же большой. Оказалось, что мы без причины волновались из-за этой концепции, которую сами себе навязали. На деле в этом не было никакой необходимости.

Мало кто скучал по Питеру, и Эйс в том числе. «Я не хочу, чтобы об этом услышал Питер, но я рад, что его здесь нет, — сказал Эйс однажды вечером. — С ним я постоянно был как на иголках, теперь мне гораздо веселее». Когда Эрик вернулся в группу, Эйс снова начал общаться со всеми нами. Эрик нравился ему со всех сторон, и он обожал играть с ним. Мы снова начали устраивать групповые обеды и проводили время вместе в Японии и Австралии, где в апреле 2001 года провели концерты. Все складывалось как нельзя лучше. Что касается игры Эйса, то так хорошо он не выступал с 1996 года. Атмосфера была великолепной вплоть до последнего шоу в Австралии 13 апреля. Тот вечер выдался особенно тяжелым, и в некотором отношении Эйс уже никогда не был прежним после того концерта. После этого планировалось провести прощальное турне по Европе, но мы никак не могли уговорить Эйса. Он сначала соглашался, а через некоторое время менял свое мнение. В конце концов он полностью исчез с радаров. Никто не мог с ним связаться, даже его адвокат.

После он заявился на встречу, чтобы обсудить еще одно предложение из Европы, и выглядел невероятно исхудавшим. На протяжении многих лет он имел тенденцию то набирать вес, то становиться очень худым — в зависимости от того, какие вещества принимал в тот момент. Но теперь он выглядел так, будто вот-вот умрет. Он явно был не в себе. «Боже мой, Эйс, как ты стал таким худым?» «Йога», — пробормотал он.

Мы так и не провели европейское турне.

58

После отмены прощального турне по Европе у меня освободилось время, которое я считал необходимым потратить на то, чтобы помочь Эвану пережить тяжелые потрясения, ожидавшие его. Настала пора решить проблему, которая маячила передо мной целый год, — пришло время развестись с Пэм. С моей точки зрения, мы несли равную ответственность за произошедшее. Мы выбрали друг друга, и с самого начала редко удовлетворяли наши потребности и ожидания. Похоже, нам следовало выбирать получше. Пэм была красивой женщиной, которая была эмоционально закрыта для меня. Знакомая история. Меня из раза в раз тянуло к вызову в поисках одобрения там, где его не дадут, независимо от того, что я делал или не делал. Что касается Пэм, я знаю, что она чувствовала себя незначительной в тени моего успеха, хотя я уверен, что она надеялась на противоположный эффект. Все это было бесполезно и бессмысленно. Мы усвоили урок. Судьба свела нас вместе, чтобы мы родили на свет необыкновенного ребенка, а затем воспитали его, уберегая от боли нашего развода и жизни порознь.

Мы блестяще добились этой цели, я всегда буду благодарен Пэм за то, что она стремилась сделать это нашим приоритетом. Однако я понятия не имел, насколько больно это будет. Пэм и я сидели за обеденным столом с Эваном, которому было шесть лет, и я объяснял ему, что мама с папой больше не будут вместе: «Мы по-прежнему твои мама и папа, мы любим тебя и всегда будем рядом, но мы не будем жить вместе». Он разрыдался. Я сказал ему, что да, это ужасно и что папа тоже плакал. Я никогда не пытался преуменьшить его чувства. Я пытался признать боль и разделить ее.

Как ни странно, во время наших периодических расставаний с Пэм мы строили дом. Я нашел впечатляющий объект недвижимости в Беверли-Хиллз с открытым видом на океан. К тому времени, когда все бюрократические вопросы были урегулированы, планы разработаны и одобрены городом, стоимость строительства рассчитана, и когда фактически были завершены все приготовления, наш брак вступил в кризис. Но к этому моменту работа была в самом разгаре, и разумнее всего было ее продолжить. Во время нашего развода дом выглядел законченным снаружи, но это была просто оболочка — такая же недостроенная, как и наши отношения.

Когда мы с Пэм начали процесс развода, меня ошеломило, что человек, которого я видел в качестве партнера, теперь

воспринимает меня своим врагом. Я верил в Пэм из-за того, что она сказала мне много лет назад о том, что ей ничего не нужно, если у нас ничего с ней выйдет. Поскольку я не думал, что у нас все могло пойти по типичному голливудскому сценарию, то нанял очень вежливого и разумного адвоката.

Но затем я обнаружил, что сижу в конференц-зале лицом к лицу с ней, ее адвокатом и ее консультантом по судебно-бухгалтерской экспертизе, чувствуя, что мне делают операцию без анестезии. Наконец я произнес: «Должно быть, здесь какое-то недоразумение, потому что Пэм никогда не согласится на то, что вы предлагаете». Пэм посмотрела на меня и сказала: «Они все говорят правильно. Это бизнес». У меня отвисла челюсть. Мои мысли вернулись к неподписанному брачному соглашению и заявлению Пэм, что на ее родине слово — это закон. По всей видимости, теперь она была из Беверли-Хиллз, места, где слова и узы быстро теряют силу. Эван никогда не был проблемой. Он был моим сыном на сто процентов, и я без колебаний оплатил бы все расходы, связанные с ним. Кроме того, я предложил Пэм дом на два миллиона долларов и заверил ее, что буду оплачивать расходы в течение пяти лет и финансировать любые занятия, на которые она, возможно, захочет записать нашего сына, чтобы подготовить его к будущему. Конечно, я не ожидал, что она ничего не захочет. Но я был шокирован, когда на вопрос моего посредника она сказала: «Хочу, чтобы у меня было то же, что есть у него».

Что!?

Я рисковал своим будущим из-за этой мечты, в которую верил всем сердцем, и она хотела получить равную долю от этого? Как она вообще могла подумать о чем-то подобном? Позже проницательный адвокат сказал мне: «Я никогда не встречал женщину, которая считала бы, что ей причитается слишком много». Но закон был на ее стороне. Еще никогда я не сталкивался с такой ситуацией, когда ты сидишь в комнате, где решается твоя судьба, но при этом не в силах ни на что повлиять. Оставалось только терпеливо сидеть, пока с моих костей срезали мясо кусочек за кусочком. На каком-то этапе мой адвокат сказал: «Возможно, вам придется продать дом».

«Об этом и речи быть не может», — сказал я. Касательно этого пункта я был непреклонен. Дом значил для меня больше, чем его денежная стоимость, — это была кульминация десятков лет тяжелой работы и моих травм — в дополнение к поврежденному плечу мои колени и бедро также серьезно пострадали.

В итоге я купил Пэм дом на ее выбор площадью примерно в

два километра в закрытом коттеджном городке. Для меня было важно, чтобы Эван находился рядом и чтобы ему было легко перемещаться между нами. Я почти что чувствовал вину за этот дом, который, по ее словам, был «просто нормальным», пока воочию не увидел его. Там был теннисный корт, бассейн, и в целом было очень красиво.

Однажды вечером, после того как все было улажено, я остался один, без Эвана, и просто рухнул на пол в своем пустом доме. Я был опустошен. Из глубины донесся голос боли — гортанный звук, который возникает лишь в такие моменты. Такое случалось несколько раз. Я согнулся в три погибели и рыдал — и тогда из меня выходил этот звук. Я чувствовал себя неудачником, хотя знал, по крайней мере в перспективе, что наш брак был обречен с самого начала. Мы не смогли понять, что брак должен быть подтверждением отличных отношений, а не способом решения проблем в отношениях, которые с самого начала не были хорошими. Это было ошибкой, хотя я не променял бы эти отношения ни на что на свете, потому что благодаря им на свет появился Эван. Я вспомнил слова, которые говорила в детстве моя мама: «Не случается ничего плохого». Тогда меня бесила эта фраза, но теперь я понял, что она имела в виду: *все ведет к чему-нибудь новому*. Эван был божьим даром, и его появление в моей жизни стоило всей этой боли и лишений.

Больше всего меня ранило чувство, будто я предал своего сына. Я поклялся никогда не причинять ему боль. И все же я не мог защитить его от этого. Ужаснее всего было осознавать, что я не могу видеть его каждый день. Что я не могу быть с ним, когда захочу. Или всякий раз, когда он захотел бы увидеться со мной.

После моего развода люди, столкнувшиеся с такой же ситуацией, советовали мне развеяться и начать встречаться с кем-нибудь. Знаете, все эти разговоры в духе: «Нужно жить полной жизнью». Нет, мне не было нужно.

Я видел, как другие люди шли по этому пути, но для меня в этом была некая эгоистичность: они не думали о том, что было лучше для их детей. Мой ребенок переживал невероятную травму, и единственное, чего я хотел, — чтобы он чувствовал себя в безопасности. Вмешивать других людей просто потому, что мне хотелось с кем-то потусоваться или переспать, было бы безумием. Как можно быть таким эгоистом? Эван был единственным, кто имел для меня значение в тот момент. Мои решения будут иметь огромное влияние на него. Я хотел проводить все свое время с ним, разговаривая о том, что его беспокоило.

Я купил и внимательно прочитал книгу «Когда дети скорбят», в которой объясняется, как дети воспринимают и справляются с

горем и потерей. Однажды днем я сидел возле своего дома, думая обо всем этом, когда один из парней, которые работали в доме, неожиданно пришел, чтобы что-то исправить. Дальше приветствий мы с ним не общались. Но, должно быть, он знал, что случилось, и видел, каким расстроенным я выглядел, поэтому решил подойти ко мне: «Надеюсь, вы не подумаете, что я нарушаю границы, — сказал он, — но я понимаю, что вы чувствуете. Я знаю, вы будете думать, что я сумасшедший или что мои слова к вам не относятся, но однажды я тоже развелся, и тогда мне казалось, что миру пришел конец. Я не знал, куда деваться, но теперь я счастлив в браке с самой удивительной женщиной на свете и веду фантастическую жизнь. Так будет и у вас». Как он и предугадал, первой мыслью, которая пришла мне в голову, была: «Ты из ума выжил. У меня нет группы. Я в разводе. Я предал своего ребенка. Что мне, черт возьми, остается делать?» В этот период адской боли у меня все еще было мало людей, с которым можно было поговорить по душам. Развод для меня обернулся очень одиноким опытом. Джин был в своем собственном путешествии, у него были свои методы, чтобы защитить себя и свои собственные доспехи. Терапия по-прежнему оставалась для меня раем, местом, где я мог говорить честно и озвучивать свои самые глупые и безумные мысли. Одна из вещей, почему я очень ценю психотерапию, состояла в том, что благодаря ей я понимал, что был не таким чокнутым, каким боялся показаться, и что мои реакции были нормальными, или, скорее, что не было такого понятия, как «нормальный», несмотря на то, что внешние факторы говорили об обратном.

Пожалуй, человеком, оказавшим мне наибольшую поддержку, был Майкл Джеймс Джексон, продюсер, которого мы задействовали при работе над *Creatures, Lick It Up* и *Animalize*. Невероятно интеллектуальный и начитанный, он, кажется, видел жизнь глубже и сложнее, чем большинство людей. Он знал, что я был студентом художественного факультета, и заметил, что я все время делал зарисовки в моменты отдыха в студии. Однажды он сказал мне: «Тебе нужно рисовать». Я был озадачен. «Тебе нужно извлечь что-нибудь ценное из этого опыта, исследовать его с помощью живописи», — продолжил он. Эта идея нашла во мне отклик. Вскоре Майкл дал мне несколько книг по искусству, чтобы попытаться вдохновить меня, в том числе красочное издание о Марке Ротко. Наконец я сходил и купил необходимые принадлежности — холсты, кисти, мастихины. Я понятия не имел, что собирался делать, но был полон решимости попробовать. В первый раз, когда я все приготовил и начал рисовать, было похоже, словно я покинул свое тело. Не

задумываясь, я смотрел, как двигается моя рука, и когда я закончил, у меня получился автопортрет. Я почувствовал облегчение и удовлетворение. После этого я нарисовал еще одну картину, потом еще. У меня внезапно возникла необходимость рисовать.

Живопись была словно красочный поток сознания, который очищал меня. Она позволила мне исследовать эмоции без помощи слов. Благодаря этому я в некотором смысле смог отойти назад и взглянуть в зеркало — чтобы увидеть, что происходит в моей жизни и разобраться в своих чувствах. Это было почти как экзорцизм. Закончив холст, я делал глубокий вдох и выдох. Было чувство, что мне удавалось что-то получить от себя самого. В конце концов я осознал, что не слышал тот гортанный звук уже в течение нескольких дней, а затем он пропал на несколько недель. Я зализал свои раны и двинулся вперед. Вдобавок к этому я начал много готовить. Для меня было важно, чтобы Эван увидел, что он и я могли быть самодостаточными. Не говоря уже о том, что я хотел кормить его здоровой едой и дарить ему спокойствие и радость совместного приема пищи. Я научился делать курицу «Пармезан» и блины, различные блюда из рыбы и овощей, я освоил вафельницу и формы для кексов. А фрикадельки у меня получались просто загляденье.

Одним из моих коронных блюд было блюдо из брюссельской капусты, которое я сам изобрел. Даже люди, которые терпеть не могли брюссельскую капусту, как Эван, когда он был маленьким, любили это блюдо. Я резал кочанчики пополам и жарил их с бальзамическим уксусом, сушеной вишней и ветчиной, а затем покрывал пармезаном и цедрой лимона. Я находил огромное удовольствие в приготовлении пищи и сервировке блюд — в этом был акт дарения. Эван любил помогать с готовкой. Большую часть времени мы были дома вдвоем, но благодаря совместной готовке это место было похожим на дом. Семейный дом. Однажды, когда у нас гостил отец, а мы с Эваном готовили и играли, он сказал: «Тебе не кажется, что ты перебарщиваешь с любовью?» «Невозможно давать ребенку слишком много любви, — сказал я. — Ты можешь лишь дать ему слишком мало любви. Любовь не делает ребенка слабее, она делает ребенка сильнее». Моему отцу было странно это слышать. Если при мне кто-нибудь говорил Эвану не плакать, не быть ребенком или что-то в этом роде, я всегда делился с ним правдой, которая мне открылась: люди, которые скрывают свои эмоции, слабы.

Сила и покой — в открытости.

59

После развода я мог бы носить шляпу с надписью «СКАЖИ ДРАМЕ НЕТ». Это стало мантрой. Я не хотел актрис и моделей. Я не хотел видеть рядом с собой человека, чье чувство собственного достоинства или настроение зависело от того, получил ли он роль или преуспел ли на прослушивании. Теперь я знал, что драма, которую я ранее принимал за нечто забавное, возбуждающее и нормальное — основной компонент отношений, была на самом деле разрушительной, контрпродуктивной и ненужной. Эмоции — да, драма — нет. Я не собирался терять время, компрометировать себя или изображать из себя кого-то, кем я не являюсь. Я не собирался угождать людям и подстраиваться под них. Никакой драмы. Теперь я знал: меня должны полюбить таким, какой я есть.

Однажды вечером в конце 2001 года мы с Майклом Джеймсом Джексоном устроили ужин в ресторане Ago на Мелроуз. За соседним столиком сидела компания женщин, среди которых я заметил свою бывшую, Трейси Твид, которая была сестрой девушки Джина, Шеннон. Мы поздоровались, и я вернулся к разговору с Майклом. Затем в ресторан зашла девушка и подсела к столу Трейси. Я был абсолютно очарован ею. Я решил, что должен поговорить с этой особой. Меня тянуло к ней неведомой силой.

Если когда-нибудь и должен был наступить момент, который доказал бы мне существование Бога (а я действительно верю, что Бог есть), то это был именно он. Конечно, некоторые люди могут назвать это удачей. Для меня удача — воспользоваться ситуацией, которую Бог посылает нам. Женщину звали Эрин. Она была такой же высокой, как я, и у нее был потрясающий смех. А еще она была практикующим адвокатом. Я позвонил ей на следующий день и спросил, можем ли мы поужинать — мы могли бы сходить куда-нибудь, или бы я приготовил для нее что-нибудь дома, пока Эван будет с матерью. «Если вы любите морепродукты, я мог бы приготовить рыбу-меч с дижонской горчицей и каперсами и, возможно, подать ее с пастой или, может быть, с брокколи, чесноком, лимоном и оливковым маслом».

Она согласилась. Видимо, ее друзья уже дали нашему свиданию зеленый свет и сказали, что со мной безопасно общаться. Она согласилась на рыбу-меч и пришла ко мне домой, где мы пили вино, ели и проговорили шесть часов кряду. Мое новое увлечение кулинарией окупилось.

С момента нашей встречи мы с Эрин были абсолютно честны

друг с другом. Она знала, через что я прошел, и я очень четко обрисовал, чего я жду от отношений. Я раскрыл перед ней все карты. Но она была понимающей и заботливой, и ее не пугало, кем я был и что я сделал. Она была очень яркой и уверенной в себе. Если ее что-то беспокоило, она рассказывала мне об этом; не было и намека на драму. Мы не спешили переходить к более серьезным отношениям, хотя сильная симпатия, безусловно, присутствовала на всех уровнях.

Тем временем на фронте KISS произошел небольшой всплеск активности. В феврале 2002 года нам предстояло сыграть «Rock and Roll All Nite» на церемонии закрытия зимних Олимпийских игр в Солт-Лейк-Сити. Воскресная трансляция должна была привлечь около миллиарда зрителей, поэтому, несмотря на то, что предстояло петь под фонограмму, мы хотели отрепетировать заранее в пятницу и субботу. Джин, Эрик и я приехали в пятницу, как и планировалось, и отрепетировали в тот же день и еще дважды в субботу. В субботу Эйс все еще не появился, поэтому нам пришлось позвонить Томми, который отдыхал со своей семьей на Гавайях. Бедняга Томми должен был прилететь и быть готовым заменить Эйса, поскольку не было никакого способа узнать, появится ли он вовремя. В конце концов, в последнюю минуту Эйс действительно появился и исполнил песню с нами.

Он жестоко испытывал на прочность мою неприязнь к драме.

Нас также попросили выступить на Ямайке примерно через две недели после провального шоу на Олимпиаде. Российский олигарх предложил нам один миллион долларов, чтобы мы сыграли для трехсот человек на праздновании его тридцатого дня рождения. Эйс ни за что не соглашался. На тот момент он был настолько параноидален, что вообразил, будто все это подлый заговор, чтобы вытащить его из страны в место, где Джин, Док и я могли бы прикончить его. Таким образом, мы могли бы заменить его без лишних проблем.

Заменить его было проще, чем выслушивать весь этот бред. Если Эйс отказывался ехать, то вместо него это сделал бы Томми. Конец истории. Опять же, это не было сюрпризом. У Томми уже был свой костюм, о котором прекрасно был осведомлен Эйс. Томми знал каждую песню из репертуара группы. У меня не было сомнений в отношении Томми. Мы бы не стали наряжать его все это время, если бы не были уверены в нем.

Не унижая своего достоинства, Томми побывал на самых разных позициях в нашей группе. Он уже был частью семьи. И теперь он сделал шаг вперед: вместо того чтобы быть рядом с группой, теперь он был в группе. Он был более подготовлен для этой задачи, чем Эйс. Сам концерт был странным. У всех

присутствующих, не из числа гостей, был при себе пистолет. С Эриком и Томми на борту нам открылась дверь к спонтанности. С ними мы могли сыграть песню, которую не играли десять лет. Они оба обладали знаниями и умением сбацать песню из любой эпохи группы. После тех концертов, которые последовали после прощального турне, я действительно убедил себя, что это конец группы. Это был позор. Ведь даже несмотря на спонтанный характер выступления, с Эриком и Томми группа давала жару. Во многих отношениях именно такой я и представлял группу, когда мы задумали воссоединение, — идеализированной версией группы, с культовыми персонажами и энергетикой им под стать. Черт, я понятия не имел, что я собирался делать дальше. Я думал о том, чтобы писать музыку самостоятельно. Я думал о большом театре. Потерять KISS было все равно что потерять члена семьи. Группа была огромной частью моей жизни. Я чувствовал огромную пустоту.

Однажды днем в 2002 году я отвез свою машину на автомойку, и один из рабочих сказал мне: «Пол, прощальный тур был великолепным. Когда вы замутите турне в честь тридцатилетия группы?»

Что-что? Это вообще нормально? То есть вы все еще хотите нас?

Парень на автомойке действительно открыл мне глаза. Он все еще любил группу. Он хотел знать, что будет дальше.

Именно я опускал занавес… Я выплескивал ребенка с водой. Но почему? Внезапно мне стало интересно, с чем мы на самом деле прощаемся. Может быть, прощальный тур лучше представить как прощание с этими двумя парнями? Прощание с музыкальным компромиссом? Прощай, *драма*? Идея бросить все это из-за пары придурков, которые никогда не ценили группу, внезапно показалась сумасшедшей. Мы и раньше существовали без них. Когда эти двое вернулись под родное крыло, неужели я собирался позволить им гнуть свою линию и прикончить KISS?

Зачем останавливаться сейчас?

Мы воскресили группу, и люди приняли ее. Черт, надо только устроить хорошее шоу, и KISS смогут продержаться еще лет двести. А без слабых звеньев эта группа могла бы устроить отличное шоу. Я не хотел бросать то, на что я потратил тридцать лет, надрывая свою задницу.

Я еще не закончил.

Часть VI. Навеки

Можно ли внести изменения в формулу KISS? Это был вопрос, который подняли ребята из Aerosmith, когда возникла идея совместного тура. У Дока по этому поводу не оставалось сомнений, равно как и у нас с Джином. При других обстоятельствах проход Эйсу и Питеру на турне 2003 года был бы закрыт. Но по какой-то причине Aerosmith требовали участие как минимум троих оригинальных членов группы. К этому моменту Эйс уже дал понять, что с ним покончено, оставив нас с кандидатурой Питера. Уф!

Были составлены контракты, которые должны были подписать Питер, Джин, Томми и я. Конечно, мы вчетвером обсуждали это, и участники группы были прописаны. После концерта на Ямайке было принято решение о включении Томми в группу. Это был настолько закономерный шаг, что мы даже не говорили об этом. После Ямайки мы знали, что нам не нужно проводить прослушивание для нового гитариста. Томми был ответом. Томми был отличным тур-менеджером — не потому, что у него был к этому какой-то особый врожденный талант, а потому, что он полностью отдавался всему, что делал. И когда он официально присоединился к группе в качестве нового гитариста, это не выглядело так, будто мы взяли нашего тур-менеджера и одели его в костюм Инопланетянина. Томми не был двойником или подменой — он был следующим шагом и доказал, что заслуживает того, чтобы быть в группе, обогатив ее в музыкальном плане.

Однако я должен признаться: как только мы начали совместный тур с Aerosmith, я не почувствовал какой-то особой химии с Томми и Питером. Это все еще казалось переходным вариантом. Мне казалось, что рана зажила лишь частично. Конечно, у нас был человек, который хотел быть на сцене, который знал песни и мог исправно исполнять их день за днем. Плюс я не просыпался каждое утро, задаваясь вопросом, как пройдет день и как пройдет шоу. Пятьдесят процентов неопределенности и хаоса были устранены.

Питер, с другой стороны, вернулся к своим старым трюкам. Они с Джиджи каждый день плевались ядом. Он постоянно жаловался на неуважение со стороны персонала отеля, ворчал из-за дыма от пиротехники. Руководства для отелей тоже вернулись, вместе с жалобами на то, что в его комнате было слишком темно или что она находилась слишком далеко по коридору, что шоу были слишком длинными, а руки болели. И так без конца.

Но реакция зрителей была обнадеживающей. Томми всегда приветствовали стоячими овациями. Если это звучало как KISS, выглядело как KISS и ощущалось как KISS, то это и были KISS. Тем временем Питер нанял адвоката, пытаясь договориться о продлении контракта во время тура. Его требования, как обычно, были абсурдными. Наверное, они решили, что из-за отсутствия Эйса мы пойдем на любые уступки. Кто знает, что было у них на уме? К тому времени я знал, что KISS были больше, чем каждый из участников группы по отдельности. И я не имею в виду всех, кроме меня. Я высоко ценю свой вклад, но не обманываюсь, считая, что я единственный, кто может исполнять эту роль. Как ни странно, чем дольше продолжались переговоры, тем больше Питер и его адвокат были уверены, что загнали нас в угол. Мы согласились на их условия.

Когда тур закончился, и контракт Питера истек, я сообщил ему, что мы решили не продлевать его: «Ты несчастен. Ты говоришь, что шоу слишком длинные. Твои руки болят. Ты хочешь играть другую музыку, а мы хотим продолжить. Я думаю, что для всех будет лучше, если мы просто положим этому конец, Питер. Нам всем пора двигаться дальше».

Больше мне было нечего ему сказать. Это не значило, что мы собирались стать другими KISS или новыми KISS — мы просто собирались стать лучшими KISS. Я не мог изменить Питера, так же как не мог изменить и Эйса, Билла Окоина, Донну или Пэм. Но я мог перестать бодаться с людьми с негативной повесткой дня, которые хотели саботировать всех и вся вокруг, а затем обвиняли в этом кого угодно, только не самих себя. К черту! Мысль о том, что мы прекратим использовать любой из четырех легендарных образов, была столь же нелепой, как и идея о том, что мы прекратим играть любую из наших песен. Интересно, что много лет назад, когда мы попытались купить права на изображения Кота и Инопланетянина, Питер и Эйс с легкостью отказались от своих персонажей, словно они не имели никакой ценности. Для них они были всего лишь разменной монетой. Легкость, с которой они отказались от своих персонажей, показала мне, как мало они заботились о них. Я был рад, что эти парни не могли появиться на каком-нибудь хеллоуинском фестивале, раздавая автографы в рваных нарядах и макияже KISS. Я ценил наши образы и хотел защитить их.

Эрик Сингер был неподражаем во время прощального тура, и это снова был тот случай, когда нам не нужно было пускаться на поиски барабанщика. У нас уже был свой человек на будущее. Такое облегчение!

Гастроли были частью моей жизни, о которой Эрин не имела

ни малейшего представления. Вновь пустившись в разъезды, я скучал по ней и хотел, чтобы она была вместе со мной и воочию испытала все это. Было необычно наблюдать, как она входит в это до сих пор неизвестное измерение моей жизни. Она излучала радость. Я помню, как Эрин танцевала в зале, когда пришла на свое первое шоу KISS. Она не показушничала — это было отражением восторга, который я испытывал на сцене. Во время перерыва в туре я попросил Эрин быть моей гостьей на благотворительном ужине. Когда хозяин ужина упомянул меня по имени, Эрин была первой, кто поднялся с места и похлопал. Я никогда не испытывал ничего подобного.

Она была настолько уверенной в себе, что могла дарить любовь и внимание, не чувствуя при этом, что ставит под удар свое эго.

На нашу первую совместную поездку мы отправились в Лас-Вегас. Там мы пошли в мой любимый ресторан в отеле «Белладжио», который называется «Пикассо». К моему удовольствию, ей понравилось ужинать в такой обстановке, а еще было волнительно встретить там шеф-повара Джулиана Серрано, который стал моим другом. Вечером, когда мы лежали в постели и смотрели телевизор, я сказал, что хочу пить. Эрин сказала: «О, я принесу тебе выпить». Я не придал этому значения и сказал: «Нет, не будь глупышкой». Но она встала и открыла мини-бар. Там было пусто. «Я пойду в вестибюль и принесу тебе чего-нибудь», — сказала она, натягивая свитер. «Ты собираешься пойти в вестибюль и принести мне выпить?» Я не хотел быть похожим на загнанного пса, но еще никто никогда не делал для меня ничего подобного. Эрин никогда бы не пошла наперекор своей гордости, она просто не забивала голову чепухой — ее доброта и отдача были совершенно естественными и не отменяли ее самоуважения. Время от времени мы говорили о состоянии наших отношений: что чувствовала она, что чувствовал я, как складывалась дела у меня дома. Мы всегда оставались на одной волне.

Здоровые отношения делают вас здоровее. Пожалуй, только оглядываясь назад, я наконец понял, что плохие отношения — это довольно точный показатель того, что с вами происходит в данный момент. Только тот, у кого беспорядок в жизни, остается в беспокойных отношениях. Эрин была совсем не такой. Я действительно никогда не встречал такого человека, как она.

В первый год, когда мы с ней встречались, я никогда не приводил ее домой, если там был Эван. Он пережил болезненное событие, и ему нужно было знать, что он в безопасности, а не видеть, как я привожу женщин. Эван не был виноват в сложившейся ситуации, и мысль «продолжать свою жизнь», не

обращая внимания на его нужды, казалась мне довольно эгоистичной. Я хотел, чтобы Эван знал, что наш дом был для нас двоих — это был наш мир. Желая продемонстрировать это, я заказал масштабную фреску с нашим изображением на всю стену моей спальни. Это место перестало быть для меня домом, когда мы с Пэм развелись, поэтому я решил поместить эту фреску в центр внимания — и как способ застолбить за собой это пространство, и как иллюстрацию мира, который я хотел создать для Эвана. Она была основана на масляной живописи XIX века — на охоте, работе, греческих богах, обнаженных девах, херувимах. Единственное, я велел художнику разместить меня и Эвана в центре на переднем плане, облачив нас в мантии и с лавровыми венками на головах. В окружающем нас ландшафте были лошади, собаки и дюжины девиц с обнаженной грудью. Экстремальный пример плохого вкуса холостяцкого жилья? Ни за что. Нет, нет и нет. По какой-то причине я думал, что эта массивная фреска была чем-то абсолютно захватывающим, чем-то, что можно показать с гордостью. Эрин, как оказалось, не разделяла этого мнения.

Когда мы с Эрин встречались уже больше года, я подумал, что пришло время познакомить ее с Эваном. Мне не хотелось, чтобы он чувствовал угрозу. Поэтому я решил организовать встречу на нейтральной территории. Я сказал Эвану, что у меня есть подруга, которая, как и он, любит конфеты. Мы собирались посетить кондитерскую в торговом центре, и она должна была присоединиться к нам. Она пришла и познакомилась с Эваном, но я никогда не держал ее за руку и не целовал ее. Постепенно, спустя многие месяцы, когда Эван подружился с ней, мы начали проявлять свою привязанность немного больше.

По ходу того, как они с Эрин становились ближе, я показывал ему, как и мы с ней постепенно сближаемся. Это был параллельный процесс — я хотел, чтобы наши отношения развивались у него на глазах. Мы с Пэм никогда не ругали друг друга в присутствии Эвана, и я ей за это очень благодарен. Никто из нас не хотел, чтобы он стал пешкой в спорах между нами. Для меня тут все предельно просто. Если сильно упростить, то все сводится к одному главному вопросу: ненавидите ли вы своего бывшего больше, чем своего ребенка? Пока вы любите своего ребенка больше, нет никаких оснований для плохих слов, запретов встреч или чего-то подобного. Это также значило, что Эрин никогда не представляла замену или угрозу.

Затем Эрин, Эван и я вместе отправились в путешествие. Я хотел, чтобы он понял, что мы с Эрин спим в одной кровати, и я хотел, чтобы это произошло в нейтральной обстановке. Мы зарегистрировались на курорте в Санта-Барбаре и, когда вошли в

комнату, Эван спросил: «А где будет спать Эрин?». «Со мной», — сказал я. «А», — сказал он без удивления или раздражения. И мы двинулись дальше. К тому моменту свой жизни я твердо верил, что мы исцеляем себя, помогая другим. То, что я сделал Эвана центром моего мира, принесло пользу всем. Было так радостно видеть счастливого ребенка. Когда Эрин и я наконец съехались, она призналась, что была не в восторге от фрески в моей спальне. «Нам не нужно ее убирать, — сказал я. — Я имею в виду, что мы можем добавить и тебя на нее. Ты можешь быть одной из девиц. Сейчас ты живешь здесь, поэтому имеешь право оказаться на фреске». «Я ненавижу ее, — наконец призналась она, — и всегда ненавидела». Я был ошеломлен, а затем вдруг засмеялся. «Почему ты не сказала мне раньше?» — спросил я. После чего пошел в кладовую, взял пару малярных валиков, и мы вместе закрасили стену.

61

Через некоторое время после того, как Эрин переехала, Эван, которому тогда было лет десять, случайно запер себя на балконе своей комнаты. Мы с Эрин были внизу, не догадываясь об этом. В какой-то момент я услышал шум, но не смог определить, откуда он шел. Погодите минуту, кто-то кричит? Внезапно меня осенило, что Эван мог попасть в беду. Эрин и я побежали наверх. Эван был заперт на балконе. Мы открыли дверь, и он прибежал мимо меня прямо в объятия Эрин. Возможно, некоторых родителей оскорбило бы такое поведение, но я очень радовался, что он так относился к ней. Этот случай убедил меня, что их отношения были крепкими и любящими.

В 2003 году мы с Эрин были в отпуске на Гавайях, и владелец одной галереи подошел ко мне с предложением сделать что-нибудь для его галереи — что-то вроде подписанных гитар. «Я рисую», — сказал я ему. Он захотел взглянуть на мои картины. После того как я показал ему фотографии, он захотел устроить шоу. Мое арт-шоу? Это звучало странно. Надо признать, что это, конечно, была не шикарная нью-йоркская галерея. Но все же. Мы организовали шоу, и я вернулся на Гавайи на открытие. Мы продали картин на сумму 35 000 долларов, что, безусловно, превзошло все мои ожидания, поскольку я никогда не ожидал ничего продать. Я быстро уяснил, что для того чтобы стать настоящим художником, совсем не обязательно голодать.

После этого у меня возникла навязчивая идея: я хотел сделать то же самое на материке. Вскоре я заключил сделку с сетью галерей по всей стране. Мы организовали серию выставок, и мне показалось, что благодаря моей персоне нам удалось познакомить с изобразительным искусством даже тех людей, которые при других обстоятельствах не проявили бы к этому интереса. То же самое случилось, когда я играл в «Призраке оперы». Уверен, что тогда многие фанаты KISS впервые посетили музыкальный театр.

Я чувствовал, что помогаю развенчать снобизм, который, как мне кажется, оказывает плохую услугу искусству. Иногда люди приходили ко мне на выставку и говорили: «Я ничего не понимаю в искусстве, но мне нравится эта картина». «А что тебе нужно понимать? — отвечал я в таких случаях. — Тебя либо что-то цепляет, либо нет». Мне было приятно, когда люди говорили, что та или иная картина заставляет их задуматься о собственной жизни или побуждает рассказать мне историю о своих семьях.

При виде того, как мои картины оказывают влияние на

людей, я, как никогда до этого, ощущал, что мое искусство имеет право на жизнь.

На одну из моих выставок пришел Билл Окоин. Он привел себя в порядок, и было здорово вновь увидеть его. Билл располагал к себе, и мы тепло пообщались. Когда наша дружба возобновилась, и KISS снова начали гастролировать — с Эриком и Томми, Билл посетил несколько концертов, а также другие художественные выставки. За это время мы как следует успели обсудили прошлое. Он рассказал мне, как он считал меня загнанным и несчастным в ранние дни — нереализованным, настороженным. Ему нравились изменения, которые он во мне видел, он называл это ростом. Ему полюбилась Эрин, и он особо подчеркнул, как рад был увидеть, что у меня все складывается самым лучшим образом. Я был тронут.

В конце концов я сделал перерыв в демонстрации своего искусства, хотя продажи к тому времени уже превысили отметку в два миллиона долларов. Я начал рисовать, чтобы снять напряжение. Я этим занимался не по графику, без принуждения со стороны. Живопись требовала большой самоотдачи, так как у меня не было практики, понадобилось много времени, усилий и мыслей. Мне не нужно было превращать это в бизнес. Я не хотел, чтобы это стало рутиной, тем более что группа снова начала регулярно гастролировать. Однажды в Лос-Анджелесе мы с Эрин беседовали о наших отношениях. Мы начали говорить о ее матери, которая была учителем начальной школы с многолетним стажем. «Так что твоя мама думает о нас? — спросил я. — Что она думает обо всем этом?» — «О, — сказала Эрин, — моя мама думает, что либо мы будем двигаться вперед, либо все развалится». В тот момент меня поразило: ничего не развалится. Я не мог представить себя без Эрин. В тот самый момент я понял, что хочу быть с ней навсегда. Мы были вместе уже несколько лет. Это не было мимолетным увлечением. Наши отношения — это не любовь с первого взгляда. Мои чувства к ней крепли благодаря нашему совместному опыту. Наша любовь созрела со временем.

Люблю это фото. Оно говорит мне обо всем

Я позвонил одному ювелиру в Нью-Йорк и попросил его прислать мне один из своих буклетов. Я сразу же наткнулся на нужное кольцо, а затем выбрал камень. Когда кольцо было закончено, я начал носить его с собой в ожидании подходящего момента, чтобы попросить руки Эрин. Но подходящий момент все не подворачивался. В 2005 году мы предприняли еще одну поездку в Вегас и вернулись в «Пикассо», чтобы вкусно поесть. Нам нравилось это место, мы веселились и пили вино. Вообще-то, тогда я довольно прилично набрался. Я планировал сделать ей предложение в ресторане, но хотел сделать это с ясной головой. На следующий день я готов был рвать на себе волосы.

Черт, когда же я это сделаю?

Мой друг одолжил мне свой частный самолет, на котором я хотел слетать домой, — вот уж не подумал, что когда-нибудь в жизни буду просить о таком. Я решил, что это было бы идеальным местом — солнечный свет на высоте сорок тысяч футов заставил бы кольцо переливаться и сиять. Но когда мы сели в самолет, удача снова повернулась ко мне пятой точкой: черт возьми, окна были поляризованы, так что на кольце не будет и намека на блеск. Мы приземлились в Лос-Анджелесе и поехали домой. Я должен сделать это! Мы добрались до дома. В нашей спальне был балкон с видом на бассейн и гостевой дом — еще парочка вещей, о которых когда-то даже не смел мечтать. Это был прекрасный солнечный день. «Иди сюда, — позвал я Эрин с балкона. — Мы должны пойти поплавать». Она вышла на балкон.

Мы буквально только что вошли в дом, но я не мог больше ждать. Она наклонилась над перилами, глядя вниз на бассейн, и я встал позади нее, обняв ее и держа кольцо перед ее глазами. Ее реакция было чем-то средним между паникой и слезами, когда она выпалила: «О, боже мой!». Похоже, она не знала, что делать. «Ты выйдешь за меня?» — спросил я. «Да!» — ответила она. Затем мы позвонили ее маме, чтобы сообщить новости — мы не буксовали на месте, а двигались вперед. Мы запланировали свадьбу за один день. Все говорили, что никогда не видели, чтобы что-то происходило так быстро.

Но я решил так: если мы хотим цветы персикового цвета, какое имеет значение, что за цветы это будут? Люди склонны зацикливаться на мелочах, упуская из виду праздник. О, нам нужны эти определенные цветы из Африки… Да пошли они. Однако я потратил время, отбирая каждую песню, которую сыграет группа на свадьбе, у нас была секция духовых, несколько певцов и перкуссионистов. Звучание было невероятным — торжественно громким и бескомпромиссным. Свадьба на открытом воздухе состоялась в отеле «Ритц-Карлтон» в Пасадене в ноябре 2005 года, гостей было немного — лишь некоторые друзья и родственники. Несмотря на стройную красивую фигуру, Эрин была большой сладкоежкой. Поэтому на свадьбе мы организовали целый кондитерский прилавок: у нас были всевозможные виды конфет, сладости, которые я никогда не видел, штуки, которые выглядели для меня как плод фантазии безумного ученого. Она была на седьмом небе от счастья.

И я вместе с ней.

Мы танцевали, танцевали и танцевали.

62

Томми и Эрик пришли на свадьбу, но Джин не получил приглашение. Я заранее предупредил его об этом. Мне не хотелось звать его лишь потому, что он был моим музыкальным партнером. Он явно не вписывался в это событие. Взгляды Джина на брак были хорошо известны: он называл это институтом, в котором ему не хотелось бы жить.

«Ты вправе иметь свои взгляды на брак, — сказал я ему. — Но когда ты оскорбляешь и унижаешь людей, которые вступают в брак, высмеиваешь и всячески отвергаешь принципы брака, то тебе не место на свадьбе». Одно дело, за кого ты голосуешь на президентских выборах, но зачем высмеивать людей или их убеждения? Было бы обидно, если бы на моей свадьбе присутствовал такой ярый противник брака, который бы говорил оскорбительные для меня вещи о целесообразности брака. Джин понял меня. Но его мнение о браке также начало меняться. Через год, когда в 2006-м женился Томми, Джин оказывал большую поддержку. И в конце концов, в 2011 году Джин женился на Шеннон Твид, его девушке, с которой они были знакомы больше двадцати пяти лет.

Спустя два месяца после нашей свадьбы мы узнали, что Эрин беременна. Невозможно было описать наш восторг. Рождение ребенка всегда входило в наши планы, и мы не медлили ни секунды — мне было пятьдесят три, а Эрин было тридцать три. Чтение книг, эхограммы и выбор имени для нашего малыша — все это лишь сильнее сблизило нас. Во время беременности Эрин выглядела потрясающе и наслаждалась каждым мгновением, что сделало те дни еще радостнее для нас с ней. Эван тоже был в восторге от известий — к счастью, мои опасения, что он будет злиться или обижаться, не подтвердились. Единственным его требованием было позволить ему присоединиться к нам в родильном зале, чтобы одним из первых поприветствовать своего новорожденного братика.

Узнав, что у нас будет мальчик, мы начали перебирать сотни имен и их сочетаний, прежде чем остановились на варианте Колин Майкл. Забавно, что после его рождения все другие варианты, который мы рассматривали, показались нам неуместными. Рождение Колина проходило совсем иначе, чем рождение Эвана. В середине ночи у Эрин начались схватки, я был рядом с блокнотом, в котором фиксировал схватки и делал другие записи. В конце концов мы поехали в больницу. Как и в прошлый раз, я установил штатив и видеокамеру. Я заверил

доктора, который собирался принимать роды, что я не из числа неженок и хотел бы принимать максимально возможное участие в родах. Когда Эрин испытывала последние предродовые схватки, доктор повернулся ко мне и сказал: «Надевайте перчатки». После секундной паники я натянул перчатки, и когда это маленькое чудо начало появляться, мне велели вытащить его. Было так необычно перенести эту маленькую жизнь из единственного мира, который он когда-либо знал, в наш мир. Рождение Колина стало еще одним моментом глубокой связи с Богом и со всеми поколениями до меня. Порой, когда Эрин была беременна, я волновался, как я смогу полюбить другого ребенка с той же силой и отдачей, с какой любил Эвана. Этот страх испарился, когда я обнял Колина и понял, что в нас заложена неограниченная способность творить и дарить любовь. Я снова был готов посвятить себя еще одному удивительному маленькому мальчику, и вместе мы бы познали все, чему могли бы научиться друг у друга.

Тем временем за пределами моей растущей семьи у нас с Джином время от времени случались споры. Я часто слышал, как под впечатлением люди называли Джина гением маркетинга. Это выворачивало меня наизнанку. Вопреки всем утверждениям, что Джин якобы возглавлял и расширял нашу империю сувенирной продукции, правда заключалась в том, что на протяжении многих лет подавляющее большинство лицензиатов сами разыскивали нас, и все ходатайства проходили через нашу команду разработчиков продукции. Ни Джин, ни я не принимали активного участия в каких-либо значимых сделках. Он не был маркетинговым гением. Он просто присвоил себе вещи. Это было необдуманно, эгоистично и вредило нашему делу. Этому не было никаких оправданий. Расчетливый стратег? Да, конечно. Гений? Нет.

После прощального тура я увидел наброски для мультсериала, которые Джин собирался продавать. Мультипликационный персонаж был как две капли воды похож на Джина в макияже KISS. Сюжет повествовал о парне из музыкальной группы. «Эй, чувак, это ведь имидж KISS», — сказал я. «О, нет, это не имеет с KISS ничего общего, — сказал он. — Это совершенно другое».

Меня вымораживало от такого. Он сидел за столом напротив меня и открыто врал о предмете, который явно подпадает под наше партнерское соглашение, и прекрасно это понимал. «Думаешь, ты имеешь дело с одним из твоих идиотов-бизнесменов? — спросил я его. — Ты сейчас серьезно?» Вопрос решился очень быстро. Справедливость восторжествовала, но не к

удовольствию Джина.

Помимо гнева, который я чувствовал каждый раз, когда он демонстрировал такое вопиющее пренебрежение к нашему партнерству, меня также задевало, что парень, с которым я все это построил, относился ко мне — когда это служило его целям — с тем же безразличием, которое он часто проявлял в отношении людей, на которых ему было явно наплевать.

Но в то же время, несмотря на небольшие проблемы, за последние десять лет мы с Джином никогда так хорошо не ладили. В тот период между нами было очень мало разногласий. Мы дружим уже более сорока лет и добились для себя прекрасной жизни. Мне кажется, что со временем я осознал фундаментальную разницу в наших характерах. Я хотел стать лучше и исправлять проблемы, которые мешали мне жить, в то время как он решил игнорировать свои основные проблемы, вместо этого возводя вокруг себя баррикады и культивируя образ, благодаря которому он хотел сбить с толку любого, кто покусится на его место под солнцем.

Раньше я никогда не мог понять, почему он не хочет решать свои проблемы. В голове не укладывалось, почему такой умный человек не может предпринять что-нибудь, чтобы облегчить жизнь себе и, возможно, мне и другим людям вокруг. В конце концов, я знаю, какие титанические усилия требуются, чтобы выстраивать вокруг себя оборону и поддерживать образ.

По ходу дела я понял, что его девизом была фраза: «Зачем беспокоиться?». Как только я смирился с тем, насколько разными мы были, наши отношения стали проще. Мы с Джином очень разные, и эта химия и контраст продолжают оставаться ключом к нашему успеху.

Сегодня мы смеемся над причудами друг друга.

Изменения коснулись ожиданий, которые я возлагал на Джина. Теперь я перестал завышать планку, стал более реалистичным. Я ясно даю понять, что для меня приемлемо, а что нет. Теперь, когда я знаю о его слабостях, мне открылся великий секрет плодотворного сотрудничества. Если не просить от отношений того, чего они не могут вам дать, то вы не будете разочарованы. Спустя сорок лет чрезвычайно плодотворного и успешного партнерства я выражаю свои мысли о Джине с пониманием, а не с враждебностью. Свои встречи он продолжает проводить за большим столом в офисе, доверху заставленном ящиками с товарами KISS, никогда не уточняя, что он не являлся творческой силой, стоявшей за всем этим, а всего лишь был одним из четырех лиц на коробке. Это продолжается и по сей день, но меня уже не напрягает.

Я все еще хочу получать должное за свою работу и достижения. Но после всех позитивных изменений в моей личной жизни меня это уже не так сильно заботит. Теперь я считаю свою жизнь настолько богатой, что многие другие заботы, которые когда-то имели важность, теперь кажутся пустой тратой драгоценного времени. То, что я приобрел — внутренне и внешне — от счастливого брака и семьи, намного перевешивает все аспекты работы в KISS. Эти аспекты были (и являются) гораздо более важными и, возможно, полезными для Джина. Жизнь — это то, что вы получаете в обмен на то, от чего отказываетесь, и то, чем я дорожил, было превыше мимолетных рекламных хитов. Если вы ищете себя в сделках и популярности в медиа, то вам всегда придется продумывать все на один шаг вперед. Это жизнь белки в колесе. Если вы не можете остановить бег, вы не свободны. Вы остаетесь рабом, пока не найдете что-то внутри себя, что сделает вас счастливым. То же самое верно и в отношении туров. Нам не нужно постоянно гастролировать. Мы сами себе начальники. KISS — это моя работа, и во многих отношениях это захватывающая и полезная работа, но за пределами группы есть место для жизни. Каждая неделя, проведенная в дороге, — это неделя, не проведенная с людьми, которые для меня важнее всего в мире. Эти семь дней сейчас для меня дороже, чем когда-либо прежде. После того, как я женился на Эрин, я начал устанавливать рамки того, что я хотел делать и с кем я хотел проводить время. Больше не будет никаких компромиссов; жизнь слишком коротка для этого. KISS это не жизнь.

Это ее грань.

Порой, когда Док приходил к нам с разными предложениями, я начинал отнекиваться: «Я лучше останусь дома». Джина это всегда сбивало с толку. «Ты собираешься отказаться от денег?» — спрашивал он с полным недоверием. «Да, — отвечал я. — Вопрос в том, что я получу, заработав больше денег? И чем мне придется пожертвовать для этого?»

Для него все было просто. Как шутит Док, когда Джину будет девяносто пять лет, он будет стоять у себя во дворе с тросточкой, показывая язык проезжающим машинам. Мы все заслуживаем найти счастье, и я надеюсь, что Джин найдет свое, сейчас и в будущем.

Но для меня жизнь не ограничивается лишь деньгами. Деньги, которые я теряю, не устраивая шоу, не изменят мой мир, чего нельзя сказать о времени, проведенном вдали от семьи. Я взвешиваю одно против другого. Сколько мне нужно? Конечно, я не отказался бы зарабатывать больше — а кто нет? Но мне не

нужно больше, если жертва слишком велика — не только для моей жены и детей, но и для меня. Иногда упущенная возможность не стоит никаких денег.

Мои дети оказались ключом к решению проблем, которые мучили меня всю мою жизнь. Вы не можете изменить свое прошлое, но вы можете изменить свою жизнь и жизнь окружающих. Я примирился с некоторыми сторонами себя, с которыми до этого мне приходилось бороться, и в результате я могу дать больше, потому что знаю себя лучше. Дети стали моим вторым шансом на детство, которого у меня никогда не было. Через принятие себя я осознал, что счастье — это воспитывать детей в любви и заботе, которых я сам никогда не знал. Я смог дать своим детям жизнь, которой у меня не было, относясь к ним так, как хотел, чтобы относились ко мне, помогая им чувствовать то, что хотел бы почувствовать сам. Возможно, не все одинаково подвержены влиянию семьи и глубоких отношений. Но до последнего момента именно этих вещей мне недоставало больше всего в моей жизни. Семья для меня — всё. Когда ты искренне делишься с кем-то, обнажаешь свою душу, показываешь кому-то свои уязвимые места, слабости и страхи и получаешь это же в ответ — это дарит такое спокойствие и чувство безопасности, которое не может сравниться ни с одним отелем, каким бы роскошным он ни был.

63

Моя любовь и гордость за KISS только росла после того, как мы начали гастролировать с Томми и Эриком в качестве постоянных участников. Я быстро осознал, что лучше вообще не буду выступать, чем делать это с людьми, которых я не переношу. Я никогда не смогу вернуться к скандалам, сниженным стандартам и неуважению к ремеслу. Если бы это произошло, это означало бы, что я повел себя как продажная шлюха.

Было поразительно, что теперь среди нас были люди с настроем: «Что я могу сделать, чтобы группа стала больше?» вместо: «Что я могу сделать, чтобы сделать себя больше?» В любом случае ты реализуешь последнее с помощью первого, но если ты делаешь последнее своим приоритетом, то это не сработает. С Эйсом и Питером так оно и было. У Томми и Эрика была рабочая этика, и она начиналась с гордости за то, что они делали по отдельности, и за то, что мы делали как команда. Конечно, определенная часть аудитории не желала, чтобы эра воссоединения заканчивалась. Порой фанаты видели Эрика и Томми как подражателей. Но когда я стоял с ними на сцене, у меня создавалось противоположное впечатление: если кто-то был подражателем, то это Питер и Эйс во время турне в честь воссоединения. Независимо от того, какие таланты у этих парней когда-то были, они давно пропали, а точнее, добровольно выброшены. Они стали искажением всего, что когда-то из себя представляли. Заранее извиняюсь перед теми, кому будет неприятно это слышать, но ближе к концу Эйс и Питер просто не могли как следует играть на своих инструментах. И им было все равно, что, на мой взгляд, было хуже всего. Когда люди утверждают, что группа для нас — это способ прокормиться, то вряд ли могут обвинять в этом меня или Джина. Мы и так не голодали. Только Питер и Эйс рассматривали KISS как источник обогащения, и даже тогда они не смогли осознать свою удачу, чтобы в полной мере воспользоваться выпавшим шансом.

Новый состав гораздо больше напоминал мне группу моей мечты и группу, образ которой люди представляли себе в голове. Я всегда хотел, чтобы зрители чувствовали, что мы превзошли их ожидания, и прошло много времени с тех пор, как нам удалось это сделать. Это стало возможным благодаря Томми и Эрику. Участники группы могут так здорово петь, что зрители постоянно спрашивают, используем ли мы фонограмму для бэк-вокала. Нет. Просто-напросто теперь группа состояла из четырех сильных участников.

Пройдя через огонь, воду и медные трубы, KISS не просто выжили — мы процветали.

После того как я возобновил дружбу с Биллом Окоином, он время от времени продолжил посещать наши концерты. Я был рад, что мы оба совладали со своими демонами, и с удовольствием наблюдал, что мы в итоге нашли стабильные отношения и душевный покой. В некотором смысле Билл дал мне то, что я не смог найти в воссоединении группы. Мы совершили полный круг, уладили проблемы и оглянулись назад, наслаждаясь тем, что мы создали вместе. Однажды после обеда во Флориде он сказал мне, что у него рак предстательной железы поздней стадии. Я спросил, что могу сделать для него, и Билл сказал мне, что беспокоится, что случится с его партнером, Романом, если Билл проиграет свою битву. Я поговорил с Джином, и мы решили купить дом, в котором они жили, и подарить его Роману.

В конце европейского турне в 2008 году я снял прекрасную виллу в Тоскане. Место выглядело как трехэтажный музей посреди сельской местности. Я договорился, чтобы Эрин, Эван и Колин приехали туда вместе с моими родителями, мамой Эрин, ее мужем и моим хорошим другом и охранником Дэнни Фрэнсисом. Мы с Эрин не торопились рассказывать важные новости, пока все не расселись за кухонным столом и не приступили к домашнему ужину. Мы начали нашу трапезу с пары бутылок ламбруско, игристого красного вина, без каких-либо претензий на шик или атмосферу высшего общества. После этого мы объявили: у нас с Эрин будет девочка!

Порой люди дают своим детям такие вычурные имена. Мы не настолько крутые, чтобы назвать нашего ребенка Ананас или Астродевочка. Нам нравились имена старой школы, поэтому для нашей первой девочки мы остановились на варианте Сара Брианна.

Роды Колина заняли всего двадцать пять минут, и мы предположили, что столько же времени уйдет на Сару. Нам не повезло. Сара оказалась в неправильном положении в родовом канале, и понадобилось кесарево сечение. Было шоком наблюдать за ходом этой процедуры и, конечно, это не имело ничего общего с естественными родами, но в конце концов на свет появилась Сара — очаровательная малышка. Ее ангельское личико и идеальный вздернутый носик никого не оставили равнодушным. При завершении процедуры врач зашил мочеточник Эрин, что повлекло за собой дни невыносимой боли и многие проблемы, включая реальную угрозу для Эрин потерять почки. Самое возмутительное было то, что хотя все это время доктор подозревал о проблемах, он закрывал на них глаза и проводил

лечение исключительно обезболивающими. Он даже планировал выписывать Эрин. Я всегда придерживался мнения, что, если ты не понимаешь, что тебе говорят, то это сделано специально, чтобы ты ничего не понимал. После нескольких дней выслушивания бреда этого доктора я понял, что с меня достаточно и вызвал «тяжелую артиллерию». Группа специалистов ворвалась в комнату Эрин, словно команда спецназа, и после серии быстрых тестов удалось обнаружить корень проблемы.

Чтобы спасти Эрин, ее пришлось продержать в больнице несколько недель; она перенесла несколько рискованных операций. Но благодаря звездной команде профессионалов, в которую вошли доктор Стивен Сакс и доктор Эд Филипс из больницы Седарс-Синай, медленно, но верно Эрин выздоровела. Когда они с Сарой наконец-то вернулись домой, я почувствовал ту уникальную связь, о которой так много слышал, — связь между отцом и дочерью. Сара растопила мое сердце и навсегда выкроила в нем себе местечко. В 2000 году KISS вернулись в Южную Америку, где с нами обращались как с королями. Мы прибыли в Сан-Паулу, один из самых густонаселенных городов мира, и угодили в час пик, на дорогах появился затор. Внезапно около трех дюжин полицейских мотоциклов выстроились впереди наших фургонов, расчищая перед нами автомагистраль между аэропортом и гостиницей. Эстакады, съезды, перекрестки, входы и выходы — все было заблокировано полицией для того, чтобы мы, четверо идиотов, смогли добраться до нашего отеля. Это было невероятно. Кортеж президента Соединенных Штатов Америки не получил бы лучшего сопровождения. В конце поездки мы сфотографировались с полицейскими. Они были нашими фанатами.

Несмотря на то, что новый состав KISS сразу же достиг успеха и успел зарекомендовать себя, было неясно, стоит ли нам возвращаться в студию. Разумеется, у нас не было нужды в деньгах. К тому же, опыт работы над последним альбомом, *Psycho Circus*, оставил у меня плохие воспоминания и полностью отбил желание записываться. Я не мог четко сформулировать, что должно было произойти, чтобы я изменил свое мнение, но со временем я составил список условий для появления нового альбома KISS. Во-первых, последнее слово должно оставаться за мной. У меня не было желания работать над пластинкой, за которую я не мог поручиться лично. Я искал компромисс с людьми, люди искали компромисс со мной — хватит недомолвок. По крайней мере, если бы мы делали то, что я люблю, независимо от того, что у нас получилось, у альбома всегда оставался бы

один поклонник.

С другой стороны, я не собирался работать над альбомом, если бы каждый не хотел приложить к его созданию столько же усилий. Никаких привилегий или особого отношения. Каждый должен был заработать свое место, и я не стал бы мириться с посредственными песнями только из-за большого опыта того или иного участника. Наконец я созрел для того, чтобы выпустить новую пластинку. Идея о посреднике между нами с Джином и третьими лицами была нелепой. Я был слишком стар для этой чепухи. Если и суждено было появиться еще одному альбому KISS, то он должен был быть сделан надлежащим образом, без хитростей или скрытых мотивов. Это будет отличный материал, отличная музыка, объединенная одним видением. Я действительно верил, что эта команда — Джин, Томми, Эрик и я, могла бы сделать действительно великолепный альбом KISS. Благодаря изменениям в индустрии звукозаписи, мы могли получить полный контроль над альбомом: от написания песен и процесса записи до маркетинга и распространения. Я подумал, что будет позорно, если *Psycho Circus* станет нашим последним альбомом. Я знал, времена изменились, поэтому не ожидал продаж на уровне предыдущих альбомов. В моих глазах успех измерялся качеством и воплощением моих собственных стандартов и ожиданий. В нынешнем состоянии группа получилась как никогда сплоченной и впечатляющей. Нашим долгом перед самими собой было показать, на что мы способны.

Итак, в 2009 году пришло время сделать новый альбом KISS. Все собрались, чтобы начать писать песни. Еще одно условие состояло в том, что это командная работа без привлечения посторонних авторов. Закончив *Sonic Boom*, мы заключили контракт напрямую с Walmart, договорившись не только о продаже нашего нового альбома, но также о размещении внутри их магазина нашего магазина, где продавалась всевозможная сувенирная продукция и наши пластинки, включая последний *Sonic Boom*. Альбом дебютировал на второй строчке чартов.

Билл Окоин прилетел на наше шоу в Мэдисон-сквер-гарден в октябре 2009 года, сразу после выхода *Sonic Boom*. Он сказал, что собирается победить рак, но его состояние явно было очень тяжелым. Он планировал приехать на наше шоу на стадионе «Уэмбли» в Лондоне в мае 2010 года, но не смог. Несколько недель спустя Роман сказал мне, что состояние Билла ухудшилось и что он в больнице. Я позвонил Биллу, когда мы заканчивали наше европейское турне, и планировал полететь в Майами с Джином, чтобы увидеть его, сразу по окончании турне.

Когда мы вскоре после этого связались с Романом, он сказал, что Билл находится без сознания. У него развился сепсис. Роман поднес трубку к уху Билла, и я поблагодарил его за все, что он сделал для KISS. Я сказал ему, что, несмотря на то, что произошло позже, все хорошее в ранние годы группы не случилось бы без его помощи.

«Я люблю тебя, Билл», — сказал я.

Последний концерт тура *Sonic Boom* состоялся в июне в Бельгии, мы с Джином не спали всю ночь после шоу, чтобы успеть на первый утренний рейс в Штаты. Мы позвонили Роману и сообщили, что днем мы будем у постели Билла.

Когда наш самолет приземлился, я включил свой телефон и увидел пропущенный звонок от Романа. Проверил свою голосовую почту. Билл скончался, когда мы с Джином летели, чтобы попрощаться с ним.

Прощай.

64

Эрин и мои детишки делали мою жизнь настолько полной, насколько это вообще было возможно. Нас с Эваном всем сильнее объединяла страсть к музыке, в дополнение к нашей связи как отца и сына. Колин, мой маленький непоседа, был идеально сбалансированным источником озорства и объятий, который со смехом боролся со мной в твердой решимости победить. Сара выросла обезоруживающе красивой маленькой звездочкой, которая танцевала, пела и унаследовала мужество и смелость от своей матери. Чего еще мне было желать? Эрин ясно дала понять, что хочет завести еще одного ребенка. Я не был готов к этому, но, судя по тому, как быстро она снова забеременела, у Бога были другие планы на этот счет. И как только появилась наша дочь Эмили Грейс, я уже не мог представить свою жизнь без нее. Она явно была частью плана, который я сперва не понял. Хоть она и сильно похожа на меня, ей суждено было стать такой же артисткой, как ее сестра. Упрямая, спокойная и всегда смеющаяся Эмми — мой ангел. Мои четверо детей сделали меня богаче, чем я мог себе представить. *Понимать* это и есть подарок.

Когда я стал старше, моя мама много раз говорила, что мне следует звонить ей в любое время, если мне нужно поговорить. Я всегда находил утешение в этом и когда чувствовал необходимость, звонил ей без колебаний. Желание моих родителей быть со мной рядом во взрослой жизни, к сожалению, часто перечеркивалось из-за разобщенности в их собственной жизни, которая продолжалась на протяжении десятилетий, но я никогда не сомневался в их любви ко мне. На что я мог надеяться, если в молодом возрасте они сами не могли помочь себе и друг другу? Мои родители были хорошими людьми, которые всю жизнь старались как можно лучше разыграть карты, данные им судьбой. Несмотря на неудачи, они, как и я, никогда не переставали пытаться, и я никогда об этом не забывал.

Мама и папа. Вместе до конца, несмотря ни на что. Моя мама скончалась в восемьдесят девять лет 29 сентября 2012 года. Мне всегда будет не хватать ее

Когда в 2011 году KISS решили выпустить новый альбом — *Monster*, основные правила были такими же, как и для *Sonic Boom*. В нескольких интервью Джин сказал, что у него не было времени на производство альбома, потому что он занимался массой других дел. С моей точки зрения, это смахивало на саботаж, ведь тогда по умолчанию подразумевалось, что это я занимался продюсированием альбома. По правде, ни один из этих альбомов не увидел бы свет, если бы я не продюсировал их. Я не стремился становиться диктатором, но требовал воспринимать меня как директора.

Мы вошли в студию с чувством гордости, а не с чувством долга. Мы хотели бросить вызов самим себе, но не забывать о том, что было у нас за плечами. Долгая дорога, на протяжении которой были разные музыканты, разные составы, разные гастроли и альбомы, вывела нас к настоящим KISS.

Это и есть *группа*.

У нас четверых были равные права при работе над альбомом.

Мы сотрудничали как группа. Например, песня «World of Sound» берет свое начало из идеи, которую озвучил Джин. Затем Томми придумал рифф, а я добавил слова. Эрик сказал: «Давайте напишем песню в духе MC5» и предложил партию ударных, которая стала основой для «Back to the Stone Age». Вот так легко и просто альбом родился из совместной работы. *Monster* — это не просто классический KISS, это классический рок. Он напоминает мне о том, почему я люблю рок-н-ролл, что делало группы, которые вдохновляли меня, такими великими. Авторитет Эрика, огонь Томми и бескомпромиссная свирепость Джина как в его игре на бас-гитаре, так и в его вокале — все это делает *Monster* удивительно живым альбомом. Эту пластинку словно бы записала совершенно новая группа. Вероятно, альбом имел бы больший коммерческий успех, если бы был выпущен неизвестной группой. Для меня это было ясно как божий день. Невозможно закрыть глаза на правду: что бы KISS ни сделали в будущем, это не окажет такого же влияния, как то, что мы сделали в прошлом. Мы пришли из другой эпохи: мир был другим, музыкальный бизнес был другим, другой была поп-культура. Кроме того, значимость чего-либо увеличивается с течением времени. Как ни крути, но «Hell or Hallelujah» никогда не станет «Love Gun». Классические песни уже на протяжении сорока лет были саундтреками человеческих жизней. С этим невозможно конкурировать. Ни одна из новых песен не имеет на своей стороне преимущества времени. Вместе с тем, песня «Lick It Up», которую всегда тепло принимают на концертах, когда-то считалась одной из наших «новых» песен, но давно приобрела классический статус для людей, которые присоединились к нашей вечеринке чуть позже. Песня «Psycho Circus», которой мы теперь открываем шоу, звучит лучше, чем на момент, когда она только вышла. Время — высший судья.

Моей любимой частью гастролей в поддержку *Monster* стали встречи с фанатами перед каждым шоу, на которых мы играли без подключения и без макияжа для небольшой группы поклонников, которые купили специальные VIP-билеты. Мы ни за что не смогли бы провести встречи такого формата с Эйсом и Питером. Во-первых, они бы попросту не пришли бы вовремя. Вдобавок они не знали достаточно песен, чтобы провернуть игру, которая больше всего забавляет на этих собраниях, — когда фанаты делают заявки на песни, и мы пытаемся исполнить их на месте, без подготовки, порой не играя некоторые из них десятилетиями. Так волнительно видеть реакцию фанатов, и мы получаем огромное удовольствие, играя перед ними так, словно мы все находимся у меня дома в гостиной.

В группе царит атмосфера комфорта и профессионализма.

Известно, что VIP-билеты стоят недешево, но после этих встреч, как ни странно, люди благодарят нас. Для меня это является высшим подтверждением того, что мы делаем: если кто-то платит вам, а затем благодарит, это значит, что вы проделали хорошую работу. Нынешний состав KISS пробудил чувство общности, которое было невозможно со всей той суматохой старого состава.

Ко мне на шоу подходят доктора и говорят: «Благодаря вам я прошел через медицинскую школу». Бывшие осужденные говорят: «Вы помогли мне продержаться в тюрьме». Люди говорят мне, что KISS помогли им справиться со смертью близких людей или в борьбе с раком. На концерте в Сент-Луисе в 2012 году я организовал бесплатные билеты на встречу перед концертом для молодого человека с БАС (боковым амиотрофическим склерозом), или, как это еще называют, болезнью Лу Герига. Он не мог двигаться или говорить, но мне показалось, что в его глазах появился намек на улыбку, когда мы сделали совместное фото. В тот же день в VIP-зоне была семейная пара, которая покупала электрическую гитару, на которой я буду играть в тот вечер на сцене. После нашего концерта для VIP-зрителей я некоторое время беседовал с парой, чтобы узнать, какую надпись они желают увидеть на своей гитаре. После того, как человек в инвалидной коляске с БАС покинул палатку, мужчина повернулся ко мне и сказал: «Мы покупаем вторую гитару для этого молодого человека». Я опешил. Гитары, которые я продаю, предназначены для коллекционеров и стоят тысячи долларов. Парень в инвалидной коляске был чужим для этой пары. Они ничего не знали ни о нем, ни о его болезни. Они просто заметили его в комнате. Я сказал им, что был тронут их жестом. «Мы очень счастливые люди, — объяснил муж. — Нам нравится платить вперед».

Их наградой был акт дарения. Я же, в свою очередь, возместил им стоимость гитары. В том же году я познакомился с женщиной в Сан-Антонио, которая пришла на шоу, чтобы отпраздновать годовщину ремиссии рака. В другой вечер, когда я сходил со сцены в Лас-Вегасе, ко мне подошел полицейский с огромной улыбкой на лице. «*Destroyer* был моим первым альбомом, — сказал он. — Шоу было потрясающим… Ох, Боже, теперь и умереть можно». «Пожалуйста, не надо», — сказал я, и мы обнялись. Знаю — я не Флоренс Найтингейл (Флоренс Найтингейл, сестра милосердия из Великобритании, которая славилась своими добрыми делами — Прим. пер.). Очевидно, что KISS никогда не ставили и не будут ставить своей целью благотворительность или гуманитарную деятельность. Мы просто четверо парней, которые играют на инструментах. Мы рок-группа.

И все же так приятно осознавать, что наша группа может быть источником вдохновения, повышать осведомленность в важных вопросах и оказывать значительную денежную поддержку таким достойным инициативам, как проект «Раненый воин», и различным благотворительным организациям по борьбе с раком.

В начале своей карьеры в KISS я думал, как это здорово — дарить людям радость. Теперь я осознаю свою роль в том, чтобы дарить счастье, и нахожу в этом большое удовлетворение. Для меня так много значат время и внимание, которые я могу уделить людям, например солдатам, вернувшимся с военной службы, или тем, кто побывал в передрягах. В молодости это было просто приятно, но не становилось основой моей жизни, как сейчас. Чем больше у меня возможностей обращаться с людьми так, как я хотел, чтобы обращались со мной, тем лучше я себя чувствую. Удивительно, как мало нужно, чтобы оказать огромное влияние на чью-то жизнь.

Хочется сказать, чтобы было бы грех не воспользоваться такими возможностями, но опять же, в этом есть свой эгоистичный элемент — я чувствую, что получаю столько же, сколько и тот, кому я помогаю.

В своей жизни я сделал несколько шагов вперед, и самые большие шаги случились за последние пятнадцать лет. Понимание ценности доброты было подарком, который я получил слишком поздно, но это перевернуло игру. Отныне работа для других — самая радостная вещь в моей жизни, подарок, о котором я никогда не догадывался. Это приносит чувство удовлетворения, о котором я и не догадывался, когда был молодым. Тогда я думал, что знаю все. Каким же дерзким я был. Осуждение — это защитный механизм и способ не смотреть на себя самого. Это было связано со страхом и неуверенностью в себе. Я не любил себя.

Я иудей, и я верю в Бога, но в моем понимании Бог — это не старик с бородой и в халате, который сидит на небесах и судит нас. В иудаизме мне нравится идея, что хорошие поступки совершаются не в противовес плохим. Смысл в том, чтобы быть хорошим, потому что именно такими мы и должны быть. Добро это и есть награда. Я охотно в это верю. Когда родился Эван, я прочитал книгу о межрелигиозных браках, в которой говорилось, что проблема в таких семьях может заключаться в том, что зачастую дети не чувствуют себя полноценной частью той или иной религии из-за напряженности в отношениях между родителями. Когда дети боятся, что могут разозлить или предать родителей, они оказываются парализованы. В нашей семье наши дети не наполовину католики и наполовину евреи — они на сто

процентов и те и другие. Я вырос среди людей, у которых на руках были татуировки с номерами из концентрационных лагерей. Я чувствую ответственность перед ними и шестью миллионами других, которые были убиты, за то, чтобы сохранить их истории и убедиться, что мои дети узнают историю евреев и иудаизма. Но в конечном счете я позволю своим детям самим решать, во что верить, и я буду знать, что они замечательные люди, независимо от их выбора. Я выступил с речью на выпускном Эвана в июне 2012 года, в которой подчеркнул необходимость проявлять сострадание. Я говорил о своей микротии и глухоте и о том, как из-за этого отгородился от окружающих. Затем я подошел к самой важной части — к пониманию того, как я могу помочь себе, помогая другим, как я могу освободиться от жестких суждений, не осуждая других. Когда кто-то просит милостыню, то легко посмотреть на этого человека свысока и сказать: «Иди работай». Да, Америка — это страна возможностей, но не у всех одинаковые шансы. Вы понятия не имеете, почему этот человек оказался в такой ситуации. Помогая человеку, вы не обязательно меняете его жизнь, но даже если вы дарите минутную передышку от трудностей и боли, это того стоит. Кроме того, и вы будете чувствовать себя хорошо из-за этого. Эта потерянная душа — одно из божьих чад, и через добро и сострадание вы открываете в себя чувства покоя и удовлетворения.

Кто я такой, чтобы смотреть на кого-то свысока?

Осуждение других и критика просто загрязняют вашу жизнь. Умение раскрыть свою ладонь будет, пожалуй, самым главным знанием в вашей жизни.

Плоды этих уроков я принес в свой дом. С самого раннего возраста дни рождения Эвана были вечеринками без подарков. Какому ребенку нужно тридцать подарков? Может быть, вместо этого лучше узнать, что значит давать другим? Каждый год на свой день рождения он выбирал благотворительную организацию, для которой мы собирали и жертвовали деньги на его вечеринке. Я бы убил, чтобы играть на гитаре так же, как сейчас может играть Эван, но гораздо больше я горжусь тем, что он вырос столь трудолюбивым и сострадательным человеком. Воспитывая наших троих детей, мы с Эрин старались, чтобы они осознали свою роль в мире и ответственность, которая приходит с этим. Перефразируя Боба Дилана: вы можете знать, что вы хотите, но не знать, что вам нужно. Мы вечно находимся в поисках определенных вещей, но прозрение наступает, когда вы начинаете отличать то, без чего вы можете обойтись, от того, что вам действительно необходимо.

Возможно, в моем случае сперва было необходимо получить то, что я хотел, чтобы узнать, что мне нужно. Достигая славы, богатства, привлекательности — всего того, что, как я надеялся, сделает меня счастливым, я с каждым разом осознавал, что шел по ложному следу. В каждом случае я все еще не знал, что мне нужно, но мог вычеркивать неверные решения из списка. *Ни* слава, *ни* богатство, *ни* привлекательность. Я должен был пройти через все это, чтобы найти правду. К счастью, если тебя занесло не на ту дорогу, это не означает, что по ней скучно катиться. Я твердо верю, что все события в моей жизни привели меня туда, где я оказался сегодня. У меня практически нет сожалений; в конце концов, если бы я поступал по-другому, то, возможно, никогда не оказался бы там, где я есть. Были времена, когда я с трудом проживал день, но даже тогда я знал, что если я не сдамся, то впереди меня будет ждать что-то лучшее. Столкнувшись с несчастьем, вы можете либо сидеть в дерьме, либо подмыться и двигаться дальше. Я всегда решал идти вперед. Я понятия не имел, как трудно будет найти свой путь, но твердо знал, что не остановлюсь, пока не найду его.

Оставалось лишь как следует поработать.

Мое стремление к самосовершенствованию — называйте это как хотите — в конечном счете привело меня к осознанию недостижимости этой цели. Дело не в том, чтобы быть идеальным, быть нормальным или искать одобрения. Речь идет о том, чтобы прощать несовершенство, быть щедрым к людям и делать добро. Это тоже требует работы.

Я не считаю себя так называемым пассивным оптимистом. Я не верю, что все получится, стоит только сильно захотеть. Я реалист-оптимист и знаю, что, пока я реалистичен в своих возможностях, я могу заставить вещи работать, или, по крайней мере, я могу попытаться направить вещи в правильное русло. С одной стороны, как бы сильно ты ни пытался представить, что умеешь летать, этого не произойдет. Вы можете предпринять десятки тысяч попыток в чем-нибудь, но все равно не добиться результата, если у вас нет к этому способностей. Насколько мне известно, если вы занимаетесь чем-то, что находится за пределами ваших возможностей, то можете считать себя глупцом. Время невосполнимо, и вы единственный человек, на которого ляжет тяжесть ваших заблуждений. С другой стороны, реалистичные цели могут быть достигнуты с помощью тяжелой работы. В ограничениях нет ничего плохого. Во всяком случае, вы продвигаетесь дальше, когда осознаете свои ограничениях. Просто многие ограничения либо навязываются другими людьми, либо мы навязываем их себе сами. Вам нужно определить свои

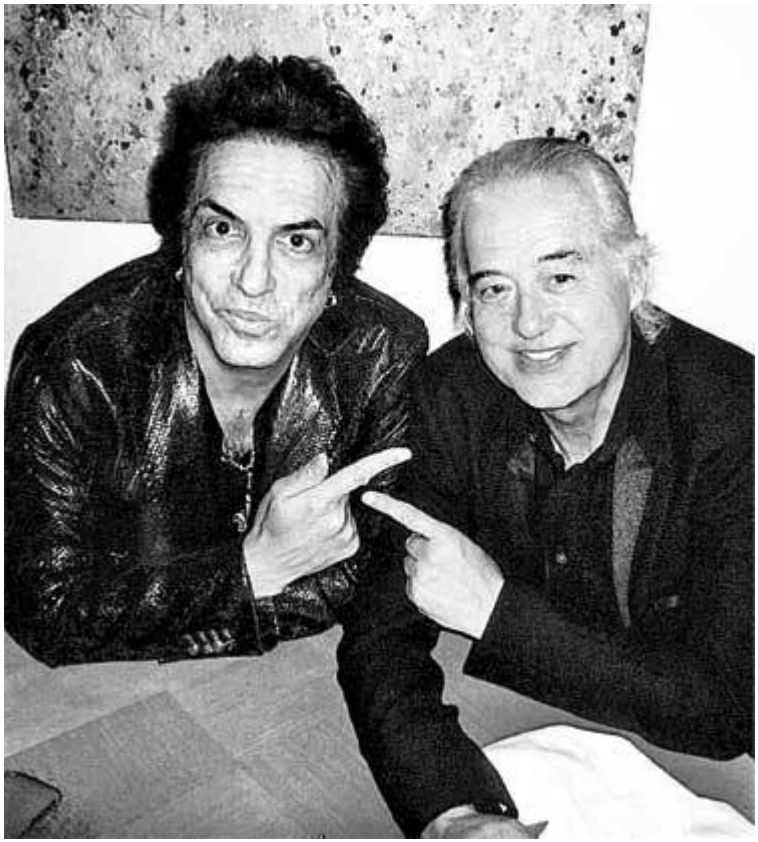
собственные ограничения, а затем постепенно выходить за их пределы.

Эван позвонил мне из своей комнаты в общежитии осенью 2012 года. Он только что позавтракал с Джимми Пейджем. Да-да, с самим Джимми Пейджем. Я вспомнил время, когда мне было столько же лет, сколько Эвану: я был потерянным подростком с мечтой и стремлением воплотить ее в жизнь, и Led Zeppelin оказали на меня наибольшее влияние. Теперь одна из моих картин висела в загородном доме у Джимми, и мой сын общался с ним, когда я в его возрасте мог лишь с трепетом фантазировать о Zeppelin. Забавно, как все может вернуться на круги своя. В конце концов, ваша жизнь и судьба во многом определяются именно вашим участием. Думайте масштабно, работайте усердно…

— Папа?

Я оторвался от своих мыслей. Эван позвонил мне не для того, чтобы рассказать о завтраке с легендой. Настоящая причина, по которой он позвонил, заключалась в том, что он хотел приготовить брюссельскую капусту в своей комнате в общежитии. Брюссельскую капусту, которую готовил папа. Ему нужен рецепт.

Как же это круто.



На ужине в Лондоне с Джимми Пейджем

Я объяснил ему, как жарить капусту на сковороде, рассказал, сколько требуется бальзамического уксуса, сушеной вишни и прошутто. «И не забудь положить на стол немного тертого пармезана и лимонной цедры». Мои младшие дети уже любят помогать мне готовить. В последнее время они заинтересовались садоводством. Мы решили высадить семейный огород. Мы с Эрин купили семена и вместе с детьми посадили помидоры, горох, клубнику, морковь и брокколи. Я с удивлением наблюдал, как эти штуки, похожие на пушистые шарики, начали давать зеленые побеги, по мере того как дети поливали их день за днем. Когда они начали расти, я обнаружил, что у меня тоже появилось желание заняться садоводством, чтобы они росли большими и сильными. Таких чувств я точно от себя не ожидал.

Однажды днем Колин, который учится в начальной школе, сказал мне: «У меня есть важная работа». Затем он поспешно вышел через черный ход. Через несколько минут я вышел посмотреть, чем он занят. Что за важное дело могло у него быть? Он стоял на коленях в нашем огороде и выпалывал сорняки.

Достаточно скоро мы собрали урожай помидоров, из которых мы с детьми сделали огромные чаны домашнего соуса. Часть мы заморозили, но львиную долю израсходовали на лазанью и пиццу, которые научились печь вместе. Я нашел рецепт для теста с тонкой корочкой. Мы сидели вместе, месили и раскатывали тесто, а затем смазали пиццы нашим домашним томатным соусом и запекли их на дровах в каменной печи, которую соорудили на заднем дворе. Есть что-то замечательное и почти терапевтическое в приготовлении блюд из того, что ты вырастил сам. Если пятнадцать лет назад вы сказали бы мне, что у меня на телефоне будут фотографии лазаньи, которую я сделал со своими детьми, я бы назвал вас сумасшедшими. Но у меня есть такие фотографии.

У нас семейная ферма и винодельня. Каждый день я с нетерпением жду наших семейных трапез. Иногда мне вспоминается солнечный день в 1980-х годах, когда из бассейна отеля «Сансет Маркиз» я наблюдал, как участники группы Mike + the Mechanics фотографировались вместе со своими детьми, колясками и нянями. Помню, как качал головой, думая, что это была самая стремная вещь, которую я когда-либо видел. Сейчас я считаю, что нет ничего круче, чем лететь на самолете, когда мои дети носятся туда-сюда по проходу. Или стоять на сцене перед сотнями тысяч людей на фестивале, в то время как мои дети смотрят на меня и машут с края сцены. Или увидеть Эмили, Сару и Колина в их пижамах за кулисами. Это удивительно.

Еще удивительнее то, что я испытываю все это в своем возрасте. Нечасто встретишь, что у мужчины за шестьдесят растет двухлетний сын. Разумеется, я чувствую себя счастливым. Для людей старость это конец и возможность с радостью отойти от жизни. Ну а я? Я влюблен в свою жену и без ума от своих детей. Определенная часть моей жизни закончилась, но то, что пришло ей на смену, приносит гораздо больше удовольствия. Конечно, время от времени я смотрю на горячую цыпочку и на мгновение задумываюсь о том, чего у меня больше никогда не будет. Но когда я думаю о том, что у меня есть, то понимаю, что это вне конкуренции. Вот почему я наконец решил написать эту книгу.

Несмотря ни на что, мне удалось оставить позади несчастье и прийти к миру и гармонии. Если я нашел путь к счастью и удовлетворению, независимо от того, как долго и тяжело мне это далось, я твердо верю, что и другие тоже смогут. Это может быть нелегкая дорога, но если придерживаться этой дороги и продвигаться вперед — это будет самым стоящим в вашей жизни. Мы склонны идти на компромиссы по жизни и опускать планку; мы соглашаемся на отношения или работу, потому что мы не уверены, что можем добиться большего или что мы даже

заслуживаем лучшего. Но мы можем добиться большего и заслуживаем этого.

Главное правило жизни — не сдаваться.

Благодаря макияжу KISS сегодня выглядят примерно так же, как и сорок лет назад. Но чем дольше я занимаюсь этим, тем яснее осознаю, что я не бессмертен. Еще сложнее — быть на сцене, петь, играть на гитаре, танцевать так, чтобы это казалось легким. Никто не хочет видеть, как артист испускает дух на сцене. Я наслаждаюсь каждой минутой выступлений, но это всегда было физически изнурительно, и сейчас это сложно как никогда.

Когда я был моложе, люди спрашивали меня: «Разве тебе не больно, когда ты подпрыгиваешь в воздухе и падаешь на колени?»

«Нет», — отвечал я.

Как бы я хотел, чтобы у меня были номера их телефонов. Потому что все эти годы прыжков не прошли бесследно: теперь у меня болят колени.

Я не знаю, могут ли люди в аудитории понять, насколько это сложно, или осознать их участие в этом. Я никогда не мог так прыгать на репетиции. Я зависим от фанатов, от притока адреналина, который я получаю от них. Каждую вечер я оказываюсь на сцене с огромной улыбкой на лице, смеюсь и прекрасно провожу время.

Это дар, и это чудесно, что я люблю свою работу, получаю удовольствие от нее, и вдвойне чудеснее видеть, как люди в зале тоже наслаждаются этим.

Никогда не мог понять группы, которые говорят, что им надоело играть свои хиты. Каждый раз я с нетерпением жду, когда мы исполним свои главные песни. Я горжусь ими. А люди на наших концертах заслуживают того, чтобы слушать любимую музыку. Бог знает, сколько раз я играл «Firehouse» за последние сорок лет, но мне не надоело. Когда мы с Джином и Томми качаемся назад и вперед под «Deuce», то словно бы показываем средний палец людям, которые не любят нас, и салютуем нашим фанатам. Каждый наш концерт может оказаться единственным в жизни концертом KISS для этих людей. Их не было на прошлом шоу, и их не будет на завтрашнем. Я не подведу их.

Большая часть рок-музыки нравится людям определенного возраста — ваша любимая группа не может быть любимой группой вашего старшего брата, и не дай бог, это будет любимой группой ваших родителей. В этом плане шоу KISS отличается от всех остальных: это собрание большого тайного общества, которое выходит за рамки любых демографических групп. Нет ничего лучше, чем видеть, как во время концерта люди держат на

руках своих детей. Они хотят поделиться этим культом миллионов со своими детьми — это очень много значит для них. Люди в аудитории счастливы. Они взяли передышку от всего, что происходит в их жизнях. Даже будучи гражданами мира с чувством морали и целью, каждый имеет право на выходной. Проблемы мира никуда не денутся.

Творчество KISS — вне времени. Мы поем о самоутверждении, празднуем жизнь, верим в себя и в секс.

Хорошо относиться к себе — не преступление.

Если и есть истина, то она в этих строчках. Мы живем один раз, и почему кто-то, кроме вас, должен решать, кого вам любить и как вам проводить свое время? Мы поем о радости жизни. В туре *Sonic Boom* мы с Джином и Томми садились в запертую платформу за барабанами Эрика до начала концерта. Когда мы играли первую песню, платформа поднималась над барабанами и, в конце концов, мы оказывались на переднем крае сцены. Эффект был впечатляющий. Не могу сосчитать, сколько раз у меня в глазах стояли слезы, а к горлу подступал комок, когда мы появлялись на сцене перед толпой фанатов. От этого зрелища дух захватывало.

О, Господи.

Какое блаженство.

Если бы кто-то сказал мне, что KISS продержатся сорок лет, что я буду носить тот же прикид и меня не будут высмеивать на сцене и что, наоборот, мы будем собирать арены и стадионы, — я бы никогда этому не поверил. Я думаю, что чем дольше мы держимся, тем сильнее мы становимся. Есть что-то вдохновляющее в долголетии, когда идешь наперекор судьбе и процветаешь.

Возможно, лучший способ победить — не играть в игру. Двадцать или тридцать лет назад я не мог себе представить мир без себя и тем более без группы. Но в какой-то момент ты должен принять неизбежность собственной смерти. Физически я не буду способен выступать в KISS вечно. Однако я понял одну вещь: пускай я не бессмертен, но группа является таковой. Сегодня я не преувеличиваю свою роль в мире или в группе. Я понимаю, что KISS могут и должны продолжить без меня. KISS не похожа на другие группы.

Мы никогда не подписывались на ограничения, которые другие группы накладывают на себя. Люди приходят посмотреть на персонажей, которых мы создали, и то, что эти персонажи олицетворяют. Они хотя увидеть не меня, а то, что я воплощаю. Было время, когда люди говорили, что каждый участник группы незаменим. Без нас четверых ничего не будет. Ну, они уже на

пятьдесят процентов ошибаются. И в какой-то момент они поймут, что ошиблись на семьдесят пять процентов, а потом и на все сто. Я достаточно честен с собой, чтобы понять, что независимо от того, насколько я хорош — а я думаю, что я чертовски хорош, есть кто-то еще, кто может сделать что-то столь же значимое. Для меня замена это комплимент, а не оскорбление. Это часть того, что, как я надеюсь, нам удалось построить, — идеал, который продолжить жить за пределами меня.

Жизнь продолжается. Политические партии обходятся без своих основателей. Я думаю, что появится кто-то, способный нести наше знамя точно так же, если не лучше, кто-то, кто сможет продолжить на нашем фундаменте. Я с нетерпением жду того дня, когда меня заменят в KISS. Не потому, что я хочу уйти, а потому, что это докажет, что я был прав: группа KISS больше, чем любой из ее членов. Я всегда говорил, что я не просто участник KISS — я являюсь членом Армии KISS. Я с нетерпением жду, что группа, которую я люблю, продолжит играть рок-н-ролл всю ночь напролет после того, как мое тело станет слишком дряхлым, чтобы отрываться каждый день.

Об авторе

Пол Стэнли — фронтмен и ритм-гитарист KISS, группы, которую он основал в Нью-Йорке в 1973 году. Он является автором многих наиболее успешных песен KISS, а также сольным музыкантом, музыкальным исполнителем на сцене и художником, чьи продажи произведений искусства превысили два миллиона долларов. KISS продали более ста миллионов пластинок по всему миру и заработали больше золотых альбомов, чем любая другая американская группа в истории. Стэнли живет в Лос-Анджелесе со своей женой Эрин и четырьмя детьми.

О соавторе

Тим Мор — отмеченный наградами переводчик романов таких авторов, как Алина Бронски, Шарлотта Рош и Вольфганг Херрндорф. Он также принимал участие в написании мемуаров-бестселлера Джила Скотта-Херона и оригинального басиста Guns N ’Roses Даффа Маккагана. Несколько лет он проработал в качестве штатного редактора журнала «Playboy», где сотрудничал с Хантером С. Томпсоном, Мэттом Тайбби, Джоном Дином, Джорджем Макговерном и другими писателями. Собственные сочинения Мора публиковались в «New York Times», «Daily Beast», журнале «New York» и других изданиях. Прежде чем начать свою писательскую карьеру, он зарабатывал на жизнь в качестве клубного диджея в Берлине.

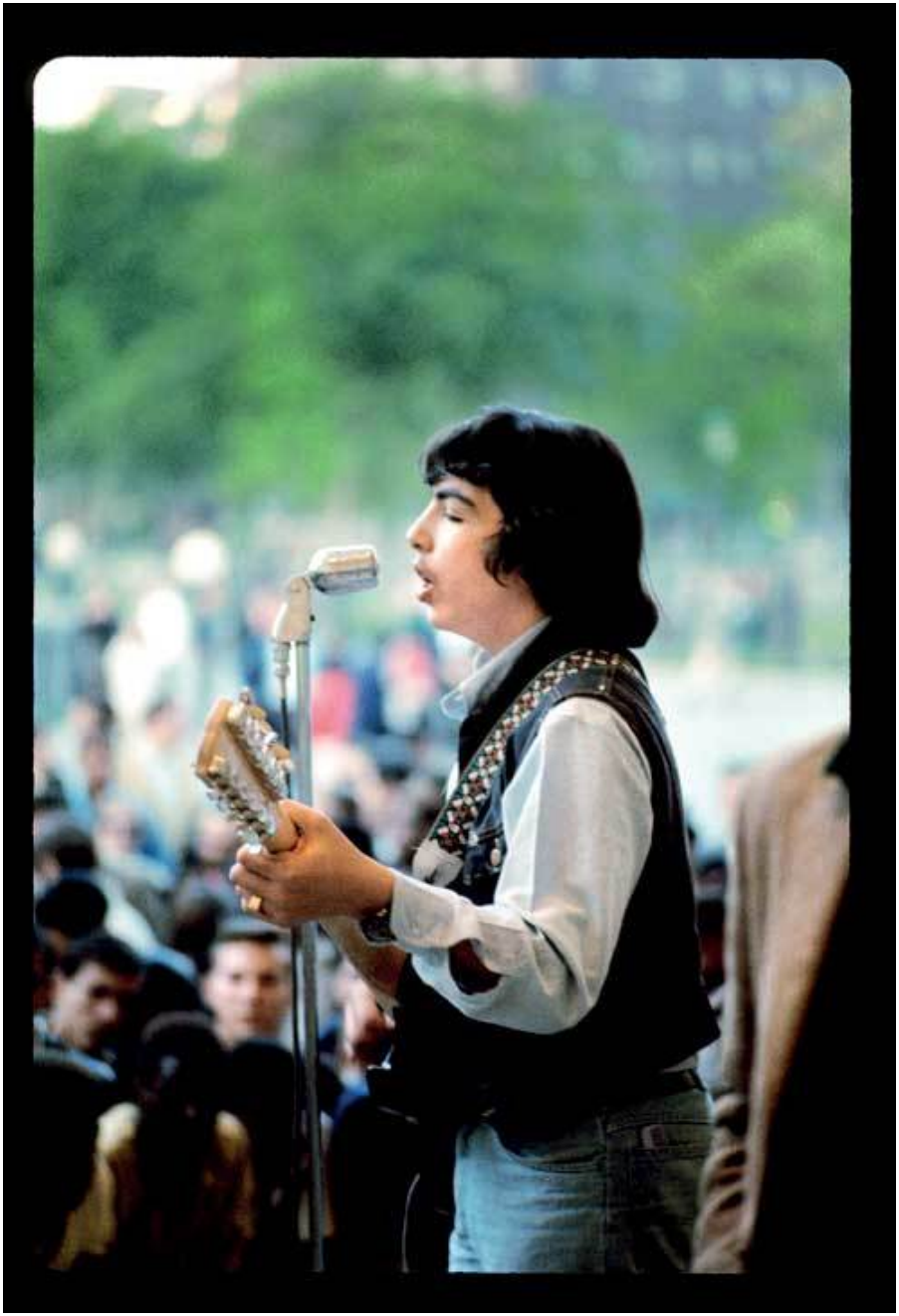
Благодарности

Эта книга стала еще одной вехой в моей жизни. Работа над ней подарила мне ни с чем ни сравнимое удовольствие, поскольку благодаря ей я смог вновь пережить свою жизнь с ее вызовами и покорением вершины, о которой я и не мечтал.

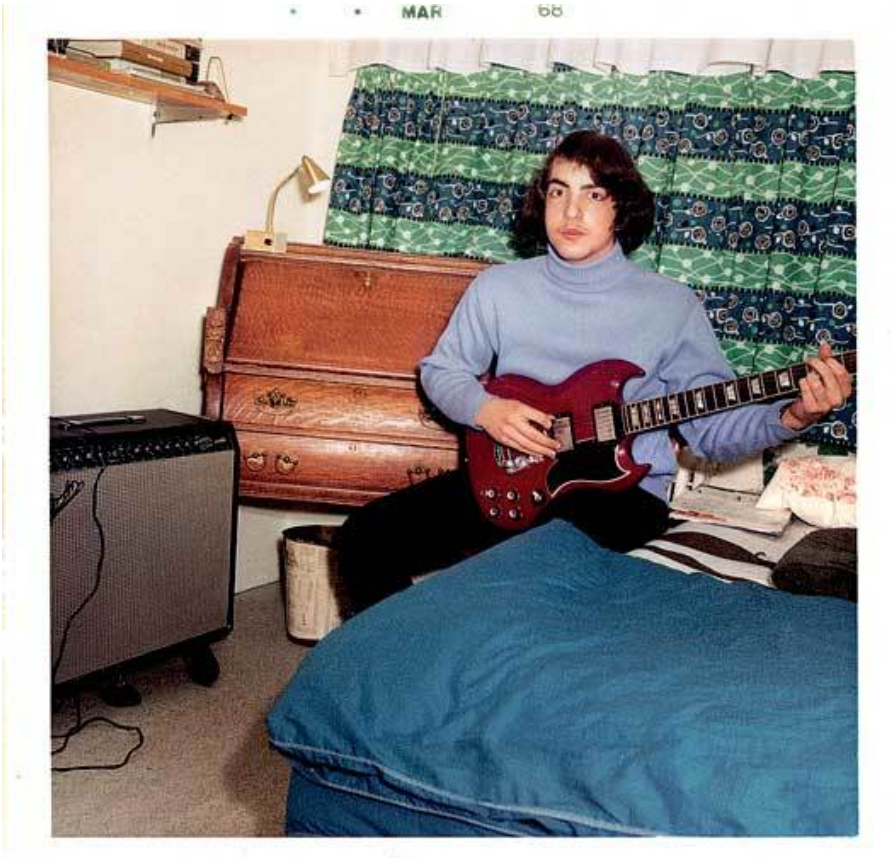
На протяжении многих лет я не был заинтересован в том, чтобы добавить свое имя в постоянно растущий список знаменитостей, чьи автобиографии казались мне не более чем эгоистичным способом, чтобы похвастаться своими якобы достижениями. Со временем я начал представлять, как рассказываю свою историю в книге, которая, может статься, придаст силы и вдохновит других людей на то, чтобы лицом к лицу встретиться со своими трудностями и преодолеть их через тяжелый труд, как поступал я. Я понял, что жизнь — командный вид спорта, и мне понадобилась небольшая, но преданная и талантливая команда, чтобы довести задумку до конца. Я хочу поблагодарить каждого из участников моей команды: интуитивно я связался с Тимом Мором в качестве возможного соавтора. Через час после встречи мы приступили к работе засучив рукава. Он полностью посвятил себя тому, чтобы эта история была выражена моими словами, и помог передать ее в самой эффективной форме. Помощь Тима невозможно переоценить. Как будто одного этого было недостаточно, так он то и дело заставлял меня чувствовать отвращение и страх, когда смело пробовал все виды сомнительной уличной еды во время наших поездок за границу. Спасибо, Тим. Деловые отношения с издательством должны основываться на взаимной симпатии и в конечном счете на доверии. Роджер Фрит, исполнительный редактор Harper One, стал моим близким союзником, который подбадривал и поддерживал меня, реализовывал мои идеи во всех аспектах, которые касались книги «Face the Music». Когда дела не шли, он был тут как тут. Спасибо, Роджер. Выражаю благодарность Биллу Рэндольфу за его руководство и работу от моего имени, благодаря чему удалось довести этот проект от начала и до конца. Спасибо, Майкл Левин, что сразу поверил, что у меня есть история, которую стоит рассказать, и помог мне найти способ рассказать нее. Спасибо всем членам KISS, но особенную благодарность я выражаю тебе, Джин, ты мой брат до самого конца. Спасибо моим родителям, Уильяму и Еве Эйзен. Все, что они делали в моей жизни, всегда было из лучших побуждений. Они дали мне много подарков, и сегодня я здесь благодаря им. И как же обойтись без благодарностей моей жене Эрин и чудесным

детям — Эвану, Колину, Саре и Эмили, которые находятся в самом сердце этой книги, но у меня не найдется слов, чтобы как следует отблагодарить их. Еще раз спасибо за вашу бесконечную поддержку, вдохновение и любовь. И последнее, но чуть ли не самое важное — благодарю моих поклонников. Именно вы сделали это путешествие возможным, и каждая миля, которую я прошел за последние сорок лет, является прямым результатом того, что наши отношения позволили мне это сделать. Вы остаетесь в моих мыслях и в моем сердце. Я всегда с трепетом слушаю истории о том, как я помог некоторым из вас на жизненном пути. Может быть, теперь вы узнали меня лучше, а это значит, что мы можем идти дальше вместе. Я очень на это надеюсь.

Иллюстрации

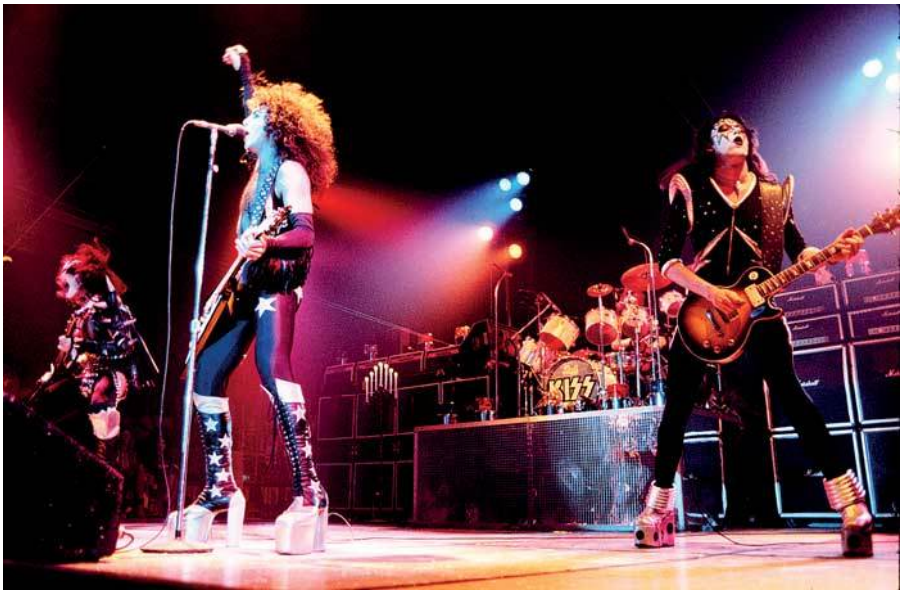


Выступая в парке Томпкинс-сквер-парк в Ист-Виллидж с «Post War Baby Boom»



Я в своей спальне в шестнадцать лет вынашиваю большие планы

Мне восемнадцать, я живу на 75-й улице. Рядом со своим бирюзовым «Фордом Фэрлейном»



Джин, я, Питер и Эйс. В начале мы были непобедимы

Япония, 1977 год. Фанаты делали для меня все эти куклы

Звездный Мальчик во время турне *Destroyer*

Гастроли 1977 года. Внезапно решил одеться как Элвис. Где мои синие замшевые туфли?

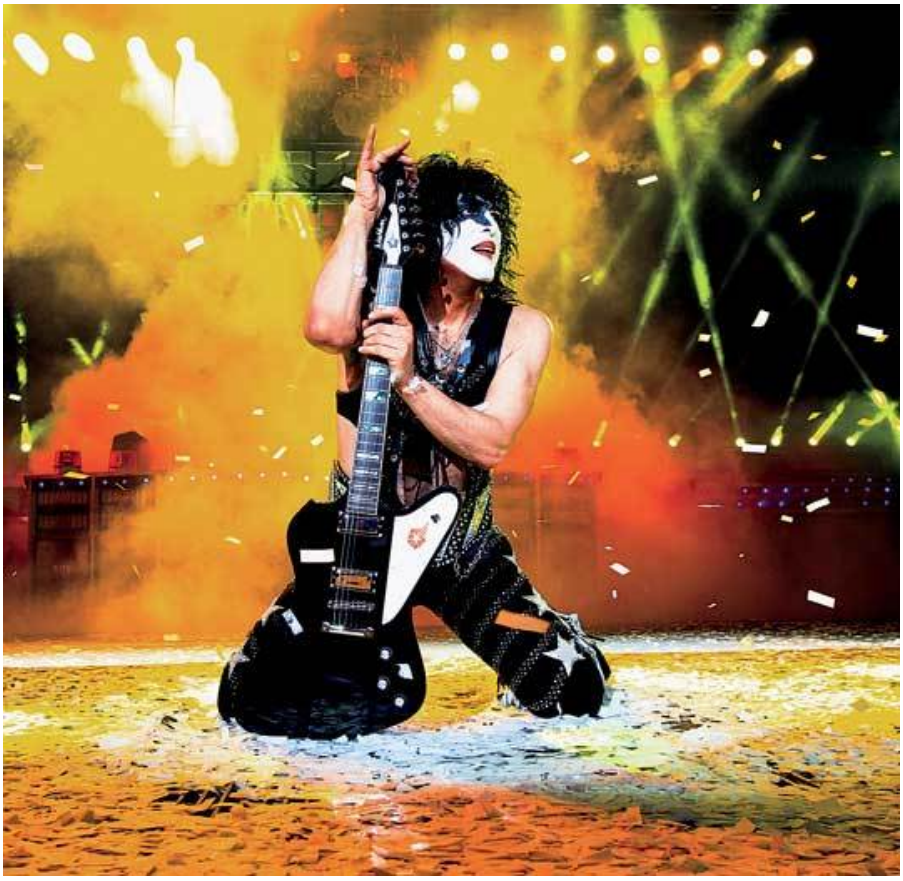
1977 год. Прощай, Урия Хип, привет, Линда

1977 год. Я выдумал это безумие

Без проводов, без трюков

Бросая вызов гравитации в Европе. Sonic Boom Tour 2008 год

Проповедуя с помоста. Я не слышу ваше «Аллилуйя»!



С нашего недавнего турне. Хаос в шторме конфетти под

занавес

В студии Electric Lady в 1985 году, работая над Asylum

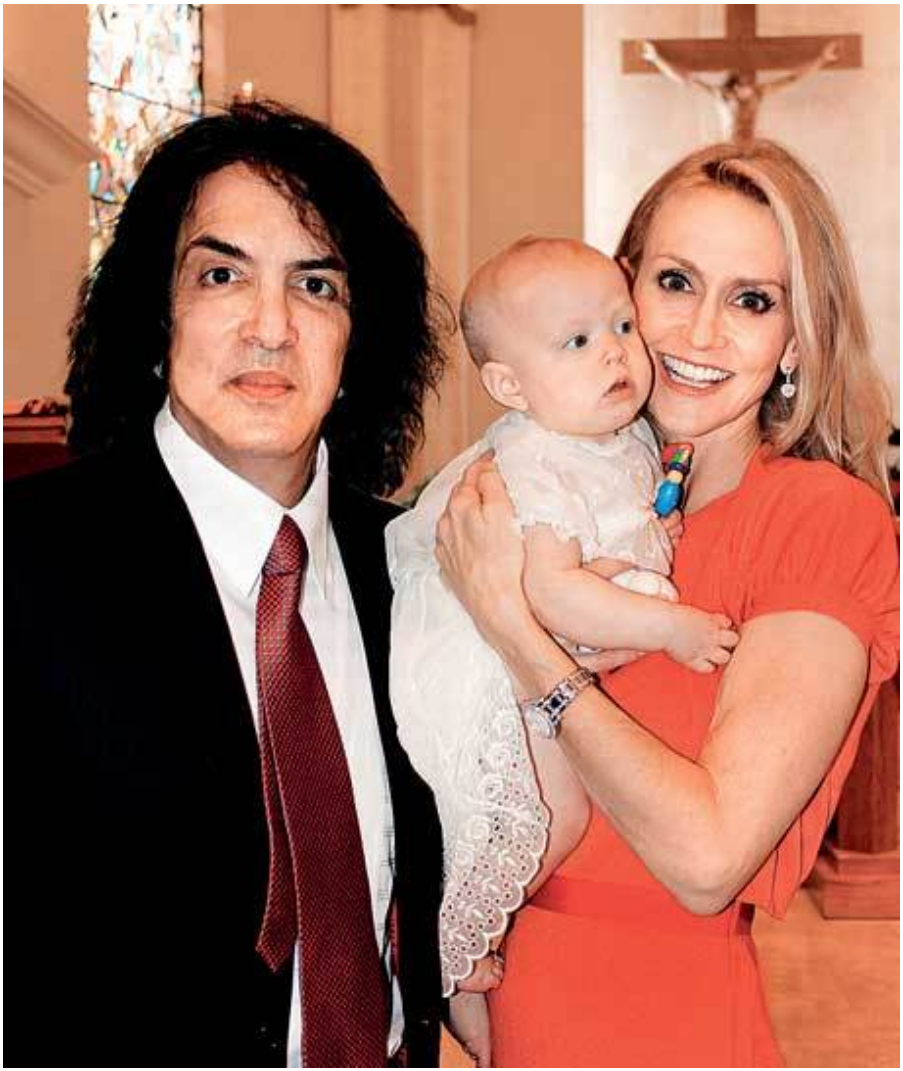
Сорок лет. Вместе через огонь и воду

Джин, Эрик, я и Томми. Лучшая музыка. Лучшее шоу. Лучшие времена

Я вместе Леди Гагой. Она полетела через всю страну, чтобы увидеть нас, и носила мои ботинки на протяжении всего шоу. Она просто нечто. Холмдел, Нью-Джерси, 2010 год

Жизнь-то налаживается. За кулисами «Уэмбли Арена», Лондон, с моим кумиром Джимми Пейджем. Настоящий джентльмен

19 ноября 2005 года



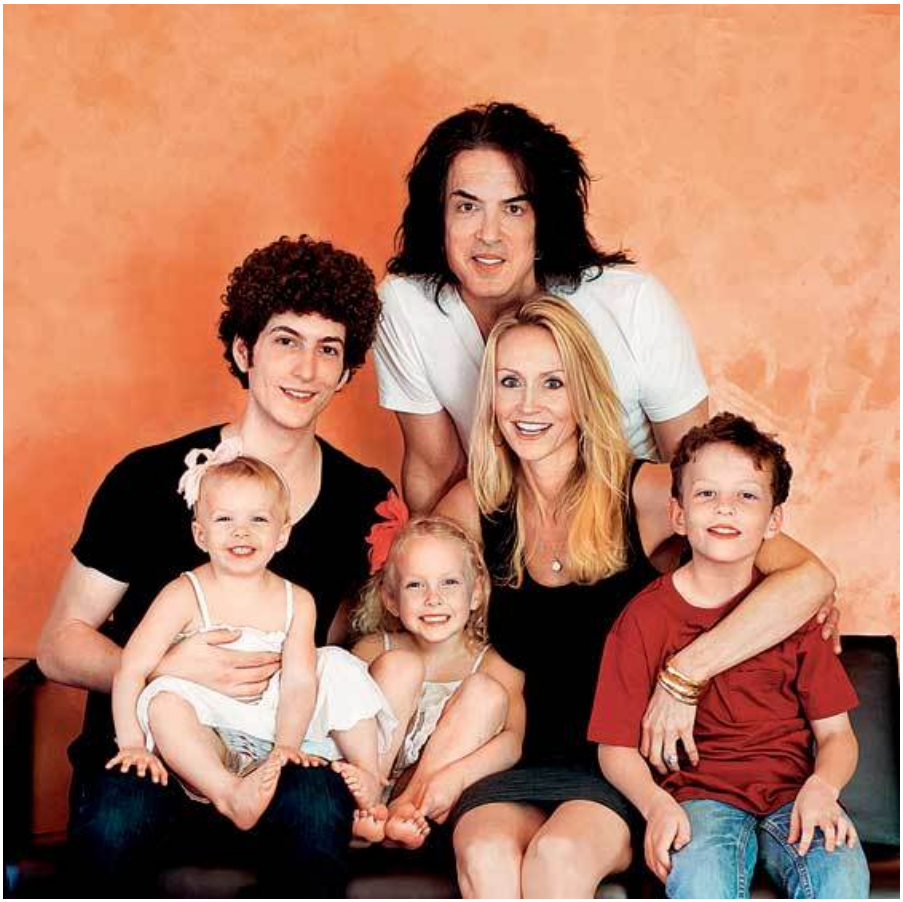
Никогда бы не подумал, что буду крестить Эмили в церкви. Для Эрин было важно крестить Колина, Сару и Эмили, поэтому и для меня это тоже важно. Эван прошел обряд бар-мицвы, и это же ожидает его брата. У нас найдется место для всего

Гордый папа с тринадцатилетним Эваном

Призрак… мечта сбылась, никогда в жизни я еще не работал так усердно — невероятно ценный опыт

Я нарисовал Роберта Джонсона для нашего холла, чтобы благословить дом и напомнить нам, с чего все начиналось

С моими малышами у меня в офисе



Лучше просто не бывает